

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТОЛОГОВ

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Санкт-Петербург, 28–30 января 2016 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С.Г. ЕРЕМЕЕВА, И.И. КУЗНЕЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 327
ББК 66.2(0)
П78

Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. — М.: Издательство Московского университета, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-19-011315-0

Проблема устойчивости политических систем традиционно в фокусе внимания исследователей и становится все более важной в практическом ключе. Процессы дестабилизации, нарастания внутренней конфликтности и распада государств стали заметной тенденцией последних двух десятилетий. В большинстве случаев такие процессы сопровождаются не только этатодеструкцией, но и возникновением очагов насилия, развитием гражданских войн, пересмотром государственных границ, масштабным реформированием всей жизни граждан. Политическая наука при изучении данной проблемы может помочь понять возможности стабилизации политического процесса, выявить наиболее опасные вызовы и угрозы существованию государств, определить перспективы становления современных политических систем.

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Проблема устойчивости политических систем современного мира», которая прошла с 28 по 30 января 2016 г. в г. Санкт-Петербурге. Организаторами конференции выступили Российское общество политологов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет. Представленные в сборнике работы освещают заданную проблематику в рамках следующих тем: «Ценностно-культурные и правовые аспекты устойчивости политических систем»; «Политическое лидерство и устойчивость политических систем в современном мире»; «Устойчивость политических систем: институты и технологии»; «Социально-экономические аспекты устойчивости политических систем».

УДК 327
ББК 66.2(0)

© Факультет политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018
© Российское общество политологов, 2018
© Издательство Московского университета, 2018

ISBN 978-5-19-011315-0

В.И. Якунин

V.I. Yakunin

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ
МИРОВОГО КРИЗИСА

STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS UNDER
CONDITIONS OF DEVELOPING WORLD CRISIS

Сегодня в мире развернулась широкая научная дискуссия об адекватности модели, используемой для описания процессов тектонических изменений в современной глобальной политике, экономике и обществе, экспертным сообществом осуществляется поиск новых моделей, которые обладали бы не только дескриптивным, но и прогностическим потенциалом. Пожалуй, наиболее острой проблемой современности ученые называют фактор несправедливости и неравенства, а также наличие глубочайшего финансово-экономического кризиса, перешедшего, по оценке ведущих мировых специалистов, в фазу системного кризиса.

Современный мировой кризис часто рассматривают, прежде всего, с точки зрения экономики. Именно кризисные явления в экономической сфере наиболее очевидны, ощутимы для государства, бизнеса и рядовых граждан. Собственно о кризисе, поразившем человечество в конце XX в., стали в полный голос говорить лишь в 2008–2009 гг., после того как мировая экономика сорвалась в рецессию. Между тем, научное осмысление этого явления требует более детального анализа. На Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций» участники прогнозировали наступление острой фазы глобального кризиса задолго до событий 2008 г. на Уолл-стрит, и затем — 7 лет назад — первыми квалифицировали его как системный. При этом, *под системой мы подразумеваем всю архитектуру глобального международного устройства, состоящую из множества подсистем, будь то локальные и региональные политические объединения, суверенные государства, развивающиеся или развитые демократии.* Природу этой системы определяют се-

годня по-разному: Ноам Хомский называет ее «американской глобальной империалистической системой» [12], другие — системой американского глобального доминирования [24], третьи продвигают представление о ней как об арене борьбы за мировое экономическое превосходство, опуская политические аспекты [16].

Мы исходим из следующего посыла: сегодня вся политическая система, пирамида перевернута «с ног на голову», экономика здесь больше не лежит в основе всего и не является гарантом политической устойчивости, а именно идеологизированная политика господствует над экономикой. Другой важнейшей чертой кризиса является доминирующее влияние внешнеполитических и глобалистских факторов, которые оказывают радикальное воздействие на устойчивость политических систем. Это то, чего не было еще лет 30 назад. В результате часто меняется сама логика внутривнутриполитического развития. Отказ учитывать такие факторы, как цивилизационная идентичность, междивизиационные различия, чреват ростом общей политической неустойчивости. Этот тезис иллюстрирует реальность, разворачивающуюся на наших глазах. В результате провала политики мультикультурализма сотрясаются фундаментальные основы внутривнутриполитической стабильности в Европе. Рост популярности крайне правых политических движений, формирование вооруженных отрядов защиты в Германии, фактический запрет выносить проблематику межэтнических столкновений в публичную сферу — все это в высшей степени показательные явления.

На наших глазах политический догматизм вступает в противоречие не только с экономическими, но и с естественно-природными законами. А экономическая рецессия влечет за собой возникновение, помимо всего прочего, общей политической неустойчивости: сам факт существования этого порочного круга пока мало кем осмыслен.

Общая характеристика текущего кризиса политических систем

Лишь в начале XXI в. мы осознали ключевой факт: ялтинско-потсдамская система, существовавшая в мире после Второй мировой войны до 1991 г., отличалась большой гибкостью и устойчивостью.

Она обеспечивала приемлемый статус-кво не только в сфере мировой политики. Стабильно функционировали внутриполитические механизмы в большинстве стран мира, основанная на реальном производстве экономика развивалась последовательно, хотя и не одинаково быстрыми темпами. Устойчивость — синоним баланса.

Именно глобальный баланс сил обеспечивал мировую политическую устойчивость. Те, кто поддержал его демонтаж в надежде обрести безусловное превосходство и уничтожить всякое противодействие, серьезно просчитались под влиянием иллюзии обретения собственной непоколебимой стабильности. Нынешняя ситуация в мировой политике ярко контрастирует с теми ожиданиями, которые испытывали победители в холодной войне после 1991 г.

После распада СССР и краха «реального социализма» в 1991 г. мировая политическая стабильность казалась прочно обеспеченной. Ф. Фукуяма, в 1990 г. провозгласивший «конец истории», констатировал «универсализацию либеральной демократии Запада как окончательной формы управления в человеческом обществе» [5, с. 85]. С. Хантингтон выделил феномен «третьей волны демократизации» — массового возникновения демократических режимов западного типа в странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Демонтаж систем советского типа, некоторых автократий, военных диктатур, действительно шел по всему миру. На их месте возникали политические режимы, созданные по западным лекалам.

Победа Запада казалась полностью закономерной, в некотором смысле «технически» predetermined. Лучшая организация экономики, налаженное функционирование политических систем, эффективный контроль над умами, на базе достижений пятого технологического уклада, как считалось, гарантировали ее. Инерция этого мышления оказалась очень сильной.

Восторжествовал новый технократизм — проектный подход к разрешению политических и социальных конфликтов. Перенесенная в своем исходном виде в политику из сферы военной аналитики времен холодной войны теория игр гласила, что человек — это эгоистическая рациональная машина, стремящаяся к достижению лишь собственного блага. Принятый на веру, этот тезис дал пышные всходы в виде всплеска моды на технократичность, формализованность, утилитаризм [3].

Современная техника создавала для всего этого благоприятную почву: научно-техническое развитие и, прежде всего, ИТ (Information Technology), AI (Artificial intelligence) должны были исключить человека-индивидуума и общество как их совокупность из алгоритмов выработки политических решений. Считалось, что это «программирование» служит «общему благу».

Политическая система в самих странах Запада на волне победного торжества, казалось, консолидировалась. В США и Великобритании закрепился неолиберальный консенсус, основные положения которого приняли обе доминирующие партии двух государств: демократы и республиканцы в США, лейбористы и консерваторы в Великобритании.

В 1990-е гг. не было понимания того, что именно это фактическое выхолащивание политического поля, распространение неолиберального консенсуса чревато серьезными угрозами для стабильности государств Запада. Глобализация по-американски, превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесли с собой не бóльшую безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур.

Базовой опорой западной демократии исторически являлось формирование двухпартийной политической системы, основанной на конкуренции двух основных партий — либеральной (условно правой) и социал-демократической (условно левой). Их программы выражали интересы двух примерно равновеликих общественных групп — собственников и наемных работников, что позволяло сбалансировать социально-экономические и политические интересы в рамках страны. При этом само существование советской системы и коммунистических партий, как и ее представителей на Западе, играло роль дополнительного консолидирующего фактора: основные буржуазные партии при всех своих разногласиях действовали солидарно перед лицом того, что считали общей угрозой. Возникновение глобальной экономики, распространение на Западе так называемой постиндустриальной модели развития, деиндустриализация подточили социальный фундамент политической стабильности. Западный средний класс (мелкий бизнес, служащие госсектора, высококвалифицированные промышленные рабочие), который на протяжении всего послевоенного периода являлся стеновым хребтом

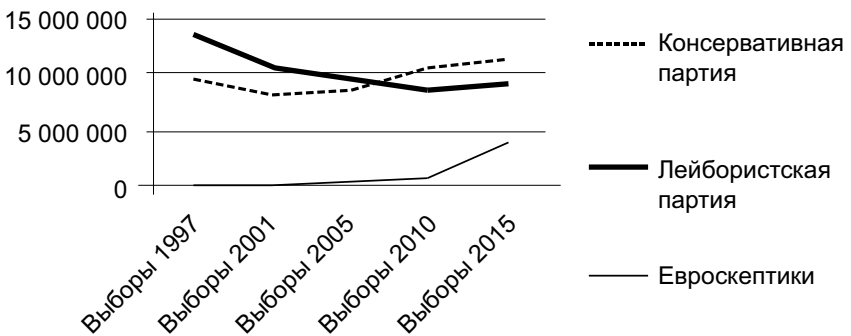
либерально-демократической системы, стал быстрыми темпами распадаться. [19].

Практически беспрецедентный уровень личной экономической незащищенности работающих людей в постиндустриальной экономике является серьезным политическим фактором [7].

Ту же роль играет и общая нестабильность экономики, в которой лидирующие позиции захватил финансово-спекулятивный капитал. В отличие от хозяйства, базирующегося на отраслях «реального сектора», т.е. материального производства, она чрезвычайно подвержена резким спадам, которые происходят неожиданно и практически моментально, что создает для широких масс населения целый комплекс проблем. Последствия этой ситуации начали проявляться уже в начале 2000-х гг. Тревожным симптомом стало падение популярности и стагнация старых системных партий и параллельный рост новых «нетрадиционных» (назовем их так) политических сил. Цифры говорят сами за себя. В Великобритании консенсус между консерваторами и лейбористами начали подтачивать евроскептики (см. график 1).

График 1

Динамика электоральной поддержки основных политических партий Великобритании (количество полученных голосов на национальных выборах)

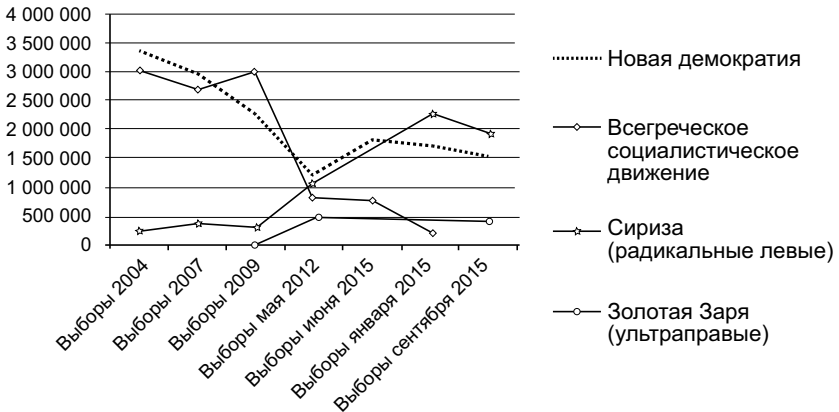

Источник: The Home Office.

В тех странах Европы, где политическая система была менее устойчивой, этот процесс шел еще быстрее (см. график 2).

График 2

Динамика электоральной поддержки основных политических партий Греции (количество полученных голосов на национальных выборах)

Источник: Ministry of Interior of Greece.

Речь идет лишь о нескольких примерах тех кризисных явлений, которые поразили политические системы европейских государств. К сегодняшнему дню они лишь усилились. Результаты последних выборов и опросов общественного мнения показывают беспрецедентный рост популярности непарламентских, крайне левых и крайне правых, а то и ультраправых, смыкающихся с фашистской идеологией партий. В Испании — 20,7% голосов за партию «Подemos» на парламентских выборах 2015 г., в Италии — 28% респондентов, готовых проголосовать за антиглобалистов и евроскептиков из «Движения пяти звезд», и 15,5% поддержки у правых евроскептиков из «Лиги Севера», в Германии — 11,5% сторонников партии евроскептиков «Альтернатива для Германии». [18]

Правящим элитам не остается ничего другого, кроме как прибегнуть к бюрократическим уловкам. Почти везде на Западе избирательная система давно отлажена таким образом, чтобы купировать любые непрогнозируемые колебания электоральной стихии.

Особая нарезка избирательных округов, наличие второго тура, практика создания блоков, не говоря уже о факторе

СМИ, позволяют поставить искусственные, но на данный момент достаточно прочные барьеры на пути несистемных сил к власти. Последним наиболее ярким примером использования этих технологий являются региональные выборы, прошедшие во Франции в декабре 2015 г. Национальный фронт, выигравший в первом туре выборов в большинстве регионов и набравший 6 млн голосов, во втором туре не достиг победы ни в одном округе Франции. Хотя и эта система иногда дает осечки. Вспомним выборы в Греции или Италии, например.

Фактически эта модель уже имеет мало общего с самой либеральной демократией. Тенденцию на американском материале хорошо описал Н. Хомский. Комментируя результаты президентских выборов 2004 г., он отметил важное обстоятельство: лишь меньшинство из тех, кто пришел на избирательные участки, признавали, что голосуют за конкретную программу конкретного кандидата. Более того, ряд ключевых внутренних проблем, волнующих американцев, вообще не нашел отражения в платформах кандидатов на высший пост, например, проблема системы медицинского страхования. Вывод Хомского звучит предельно конкретно: «Американцев могут поощрять к участию в выборах, но не к настоящему вовлечению в политику. В сущности, выборы являются методом маргинализации населения» [13]. Наиболее дальновидные представители западных политических элит уже ведут речь о том, что либерально-демократическая модель дает сбой. По словам Жака Аттали, перемены становятся жизненно необходимыми, *«пока кризис не углубился настолько, что никто не сможет доверять рынку, а демократия будет не в силах справиться с “големом”, которого сама и создала»* [1, с. 87].

Исчезновение Советского Союза в качестве одного из столпов мирового порядка в долгосрочной перспективе привело к резкому ослаблению европейских государств. Особые отношения с Советским Союзом на европейском континенте создавали условия для превращения европейских стран из послевоенных объектов международной политики в ее субъекты. Распад СССР лишил европейцев важной опоры. Он дал Соединенным Штатам возможность объявить себя мировым арбитром, главным носителем единственно верного набора ценностей, который, как в декабре 1991 г. прямо сказал президент США, стал залогом решающей победы Запада над коммунизмом [25]. Эта ситуация

нанесла мощный удар по легитимности европейских политических систем. Если в 1990-е гг. старый ресурс еще сохранялся и его хватало даже на такие самостоятельные акции, как коллективное выступление европейцев (Ж. Ширака, С. Берлускони, Г. Шредера) против американской операции в Ираке в 2003 г., то впоследствии он практически полностью иссяк.

Характерно, что утрата легитимности европейскими государствами сопровождается наиболее масштабным за последние десятилетия ростом антиамериканизма. В 2012 г. 69% французов отмечали пренебрежение Соединенных Штатов национальными интересами Франции [11]. Два года спустя проведенный в Германии опрос показал, что 57% немцев хотят большей независимости от США в сфере дипломатии и безопасности [26]. Подобное явление характерно для таких стран, как Франция, где идея «величия нации» являлась одним из фундаментов государственности.

Знаменитая триада де Голля «величие Франции, сильная президентская власть, консенсус между трудом и капиталом» легла в основу современной политической системы Франции [10]. Отход от нее, в явном виде состоявшийся в начале 2007 г. и оформленный возвращением страны в военную организацию НАТО в 2009 г., совпал с углублением политической нестабильности и эрозией массовой поддержки существующей власти.

Формирование однополярной системы, безудержная эксцивилизационная глобализация, распространение финансово-олигархической модели капитализма, политика сначала сдерживания, а затем подавления России стали основными причинами глубокого политического кризиса в Европе, беспрецедентного по своим масштабам. Однако едва ли не в большей степени от попыток навязать миру унифицированный жизненный уклад и систему управления пострадал большой не-Запад. Попытка реализовать идею о том, что любой цивилизации можно «предписать» наилучший для нее вектор развития, просчитать все его перспективы и издержки, а возможные нештатные моменты вовремя купировать, в полной мере проявилась на Ближнем Востоке. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва» (использую технический термин). Западные стратеги-технократы посчитали, что реально нако-

пившееся в этих странах социально-политическое напряжение можно использовать для инициации политических взрывов с использованием проамериканских элементов, а затем ситуации будут взяты под контроль, и они сумеют потушить конфликты, не позволяя им стихийно вырваться на мировую арену, смогут контролировать процесс. Оказалось, что недооценка влияния так называемого человеческого фактора привела к тому, что Аль-Каида и ISIS вышли из-под контроля.

Современные политические системы и их роль в международных отношениях в контексте развивающегося кризиса

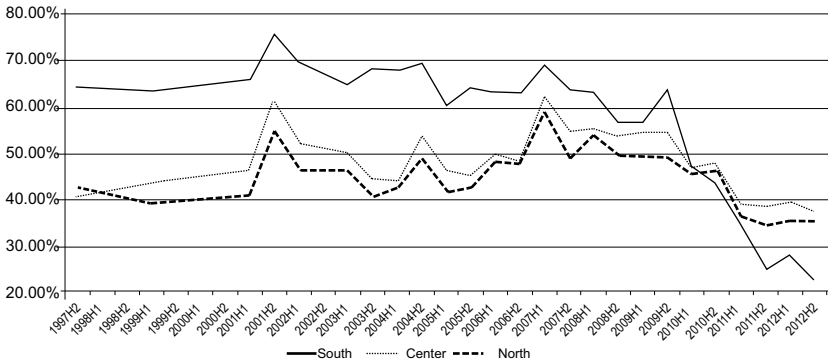
Ближний Восток — лишь один из примеров эрозии политических систем под влиянием кризиса. Кризис волнообразно захватывает один регион мира за другим. Однако одной из первых его жертв стал Европейский союз. Цивилизационная составляющая евроинтеграции неоднократно акцентировалась на высшем уровне: Европа — это не придаток англосаксонского мира, а самостоятельное политическое и культурное пространство. Де Голль, вероятно, один из наиболее ярких европейских политиков за всю историю, не случайно выступал против приема Великобритании в Европейское экономическое сообщество. Он справедливо опасался того, что Лондон станет своего рода «троянским конем» США. В то же время он последовательно выступал за развитие отношений с Советским Союзом. Генерал мыслил стратегически. Его идея единой Европы от Атлантики до Урала была частью комплексной картины мира без идеологических противостояний и танковых армий в центре континента.

Современный же проект евроинтеграции, похоже, не выдерживает испытания глобализацией в условиях однополярного мира. Можно утверждать, что изначально ЕС проектировался без учета возможности развития глобализации в направлении однополярного мира с одним геополитическим актором, претендующим на мировое господство, унифицирующим «под себя» экономическое и культурное пространство других стран и народов. Тот факт, что в последние десятилетия евробрюкратия в Брюсселе, вопреки сопротивлению ряда членов ЕС, переняла эту логику развития, инициировала волнообразную экспансию своих институтов, отбросила в сторону факт нали-

чия на своей периферии самостоятельных цивилизационных образований, с которыми объективно требовалось выстраивать равноправный диалог, во многом объясняет его нынешние трудности. В этом свете закономерным, однако, неожиданным для европейских элит процессом стал резкий рост евроскептицизма (см. график 3).

График 3

Эволюция доверия населения стран ЕС единым европейским институтам

Источник: Eurobarometer surveys.

Идея формирования единых политических и финансовых институтов Европы столкнулась с нежеланием европейцев голосовать за новую бюрократию, которая во имя реализации глобалистских идей фактически лишала крупнейшие страны ЕС серьезной части их государственного суверенитета. Однако и здесь демократические принципы оказались принесены в жертву. Лиссабонский договор 2007 г. учредил единые европейские политические институты в обход демократической процедуры. Тот факт, что в последние годы именно европейская бюрократия берет на себя ответственность за все непопулярные меры, начиная от политики жесткой экономии и курса в греческом вопросе и заканчивая приемом миллионов беженцев, фактически делегитимирует систему ЕС — в кризисной ситуации ей не хватает легитимности.

Об этом говорит Н. Хомский: «В Европе, вне зависимости от того, какое правительство приходит к власти, осуществляют одну и ту же политику. Причиной этого является то, что

правительства не играют никакой роли в определении этой политики. Политику определяют бюрократы в Брюсселе и в Бундесбанке. Что считают люди — не имеет значения» [21]. Еще в 2014 г. Н. Хомский предупреждал о том, что любая попытка решить греческий вопрос с помощью референдума — непосредственной демократической процедуры — обречена на неудачу ввиду заведомого сопротивления Брюсселя. События 2015 г. подтвердили его правоту. Июльский референдум в Греции завершился с очевидным результатом, однако его по существу проигнорировали при том, что сам факт проведения плебисцита вызвал принципиальные возражения со стороны евробюрократии.

Последствия этого крупнейшего за всю историю ЕС обвала легитимности единых институтов могут быть самыми разрушительными. Кроме того, для европейцев важно еще одно обстоятельство, отмеченное И. Валлерстайном: *«Среди американских политиков наблюдается смешанное чувство беспокойства и радости по поводу тех проблем, которые переживает Европа <...> Европа и Соединенные Штаты балансируют на своего рода качелях: когда один идет вверх, другой опускается вниз. Как эта ситуация будет развиваться в течение следующих двух-пяти лет, совершенно не ясно» [28].* В 2016 г., шесть лет спустя после прогноза Валлерстайна, мы можем внести ясность в этот вопрос. Греция и Бельгия оказались далеко не последними источниками проблем для политической системы единой Европы.

Кризис с беженцами в 2015 г.кратно усилил те тенденции, о существовании которых писал Валлерстайн в 2010 г. Уже дало трещину Шенгенское соглашение: 18 января 2015 г. Австрия объявила о введении контроля на своих границах. Уровень доверия к правительству А. Меркель в Германии упал до рекордно низкого уровня [15]. Ряды правительственной коалиции серьезно ослаблены: политику канцлера в отношении беженцев критикуют даже ее ближайшие соратники.

Политической слабостью Европы стремятся воспользоваться США. Проект соглашения о трансатлантической зоне свободной торговли по замыслу его авторов должен навсегда подчинить Европу Соединенным Штатам, лишив ее шансов на будущее политическое самоопределение, а тем более на возможную глубокую кооперацию и сотрудничество с Россией.

Здесь нет никакой идеологии — только интересы крупнейших американских транснациональных корпораций. Ведь при таком сценарии этот экономический союз объединил бы человеческие ресурсы в объеме более 500 млн человек и создал реального мирового экономического конкурента США. В сочетании с сохраняющейся и расширяющейся инфраструктурой НАТО эта мера, действительно, может оказаться эффективной. Европейское общественное мнение отдает себе отчет в существовании подобной перспективы, и его отношение к предложениям Вашингтона далеко не однозначно (см. график 4).

График 4

**Поддерживаете ли Вы подписание соглашения
о свободной торговле между ЕС и США?, в %**

Источник: Eurobarometer surveys, 2015.

Фактически Европа оказалась в ловушке: отсутствие общей политической воли компенсируется внешним давлением, которое объявляется единственно возможной формой обеспечения безопасности и стабильности в европейском регионе. Военно-политическое «безволие» Европы в полной мере проявилось в ходе украинского кризиса. Под давлением Вашингтона и его сателлитов в Центральной и Восточной Европе ЕС наложил на Россию так называемые экономические санкции с целью вынудить Москву изменить свою политику в отношении нового политического режима на Украине. Негативный эффект от этих мер очевиден для всех сторон, однако радикальные решения при этом не принимаются. Любая уступка Москве и даже намерение понять ее позицию считается проявлением слабости, что в реальности лишь усиливает конфронтацию [4].

В то же время Соединенные Штаты также испытывают серьезные проблемы. У них есть свои слабые места: если у европейцев речь идет о структурных недоработках интеграционного проекта, то в случае с США угроза исходит со стороны созданной олигархической верхушкой глобальной финансовой системы, основанной на долларе. С одной стороны, на протяжении последних десятилетий она служила эффективным инструментом поддержания мирового господства и до сих пор выглядит прочной. 2/3 мировых финансовых потоков контролируется банками США и Великобритании. При этом англосаксонские финансовые структуры владеют значительной долей корпоративных активов планеты. В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля».

Его авторы проанализировали структуру собственности 43 тыс. транснациональных корпораций и выделили спецгруппу, состоящую из 147 тесно связанных финансовых институтов, которые контролируют 40% остальных ТНК мира через владение их акциями. При этом из 50 компаний с наивысшим глобальным контролем 24 компании — американские и 8 — британские, а возглавила весь список Barclays plc, признанная экспертами мощнейшей финансовой группой мира [27].

Таким образом, особенность современной глобальной финансовой системы заключается в том, что контроль над ней осуществляется преимущественно крупнейшими транснациональными и международными банками, а также финансовыми конгломератами. Это обстоятельство — результат финансовой глобализации, осуществляемой под эгидой Соединенных Штатов. США активно используют финансово-экономические инструменты во внешней политике с целью ослабления новых центров силы, способных в перспективе бросить вызов доминированию Запада. Возникает новая форма глобального противостояния и важная составляющая гибридной войны — финансово-экономическая война. В качестве оружия в ней используются институты, возникшие в рамках глобализации, позиционировавшиеся как «общее достояние» человечества, но на поверку оказавшиеся каналами осуществления политики конкретных государств. Введенные против России

санкции — один из наиболее характерных эпизодов финансово-экономической войны [8, с. 16–17].

Типичным ее примером может служить финансовая и экономическая политика Запада в отношении Ирана. Данный случай наглядно описывает Джеймс Рикардс: *«В феврале 2012 г. США закрыл Ирану доступ к платежным системам, использующим американский доллар и контролируемым ФРС и Казначейством США <...> В марте 2012 г. США потребовали от SWIFT запретить Ирану пользоваться платежной системой. Ирану было официально запрещено осуществлять валютные операции с реципиентами из остальных государств мира. Соединенные Штаты не скрывали своих истинных целей в этой финансовой войне с Ираном. 6 июня 2013 г. официальный представитель Казначейства США Дэвид Коэн заявил, что цель американских санкций заключалась в том, чтобы девальвировать риал и сделать его непригодным для использования в международной торговле»* [23, р. 42–43].

С другой стороны, стабильности глобальной финансовой системы, обслуживающей интересы США, угрожают ее структурные недостатки. Суть этого противоречия хорошо описал тот же Рикардс: *«Ключевой проблемой мировой финансовой системы сегодня являются не деньги, а долг. Производство денег используется как инструмент оттягивания дефолта по кредиту. В 2005 г. Соединенные Штаты, которыми управляют ослепленные собственным интересом и утратившие осторожность банкиры, оравили мировую экономику через ипотечное кредитование и открытие кредитных линий для тех, кто заведомо не мог расплатиться <...> Эмитированная таким образом денежная масса из триллионов долларов оказалась неуправляемой»* [23, р. 196]. Результатом стал финансовый кризис 2008–2009 гг. Структурные проблемы и сейчас дают о себе знать, вне зависимости от официальных деклараций.

Американцы быстро беднеют, и это уже трудно скрывать [20]. Согласно статистическим данным, доля заработной платы в общем объеме произведенных в США товаров и услуг упала до исторического минимума (см. график 5). По оценке американских же экспертов, уровень благосостояния американского среднего класса откатился к уровню 1958 г.

С возникающей по этой причине нестабильностью США справиться не могут. В качестве одного из способов «списания»

накапливающегося долга рассматривается экспорт напряженности вовне и искусственное разжигание вооруженных конфликтов по всему миру. Для идеологического обоснования этого курса изобретаются пропагандистские паллиативы, которые должны прийти на смену явно утратившему актуальность, но по сути своей до сих пор привлекательному лозунгу борьбы с «красной угрозой». Призывы к борьбе против «стран-изгоев», «международного терроризма», «российской агрессии» и т.п. следует рассматривать именно с этой точки зрения. Под знаком идеи распространения демократических институтов США поддерживают «цветные» революции по всему миру. Ближний Восток, Африка, Украина за последние годы стали ареной для нового американского экспансионизма.

График 5

Доля заработной платы в ВВП США

Источник: University of Groningen, University of California, Davis.

Нынешняя политика Вашингтона дала Н. Хомскому основание назвать США «главным мировым террористом» [14]. Оборонные расходы США в 2014 г. достигли цифры в 610 млрд долларов и превышают оборонные расходы всех стран вместе

взятых. Однако ни мощнейшая армия, ни доминирование в глобальных финансах не помогают США закрепить свое положение мирового гегемона.

Во-первых, политика Вашингтона из рациональной все более и более превращается в идеологизированную: будь то гуманитарные интервенции в целях продвижения западной демократии или легализации однополых браков. Во-вторых, Соединенные Штаты приняли концепцию права на одностороннее применение вооруженной силы в любое время и любом месте для защиты своих интересов вне легитимных процедур и международных институтов. В-третьих, экономическое благополучие воспитало внутри американского политического истеблишмента иллюзорную идею о способности США модернизировать и перекраивать мир в соответствии только с собственными представлениями об идеальном. Этот момент особо акцентирует Ж. Аттали: *«В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию»* [1]. Но подавляющего превосходства США в основных сферах больше нет. Теперь Вашингтон физически не способен оказывать эксклюзивное воздействие на основные международные тенденции и явления. Мы полагаем, что Соединенные Штаты сдают свои лидирующие позиции в мире. Кто-то должен заполнить сложившийся геополитический вакуум.

По мнению многих экспертов, на эту роль может претендовать Китай. В Вашингтоне это понимают и считают «китайскую» опасность важной угрозой для себя.

Уверенно можно предполагать, что США отнюдь не безразличны к перспективе занятия Пекином первой строчки в мировой экономике, а тем более к планам Китая по созданию собственных проектов глобального экономического развития (НШП) и обслуживающих их финансовых институтов (АИБ).

Так, например, под эгидой США в октябре 2015 г. было подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), в которое вошли такие государства, как США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу. То, что данное соглашение направлено именно против Китая и его партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ни у кого не вызывает сомнений. Б. Обама после заключения соглашения заявил, что правила

мировой торговли должны диктоваться США [22]. Задача-максимум для Вашингтона — не допустить ревизии сложившегося порядка. КНР к этому сотрудничеству даже не пригласили.

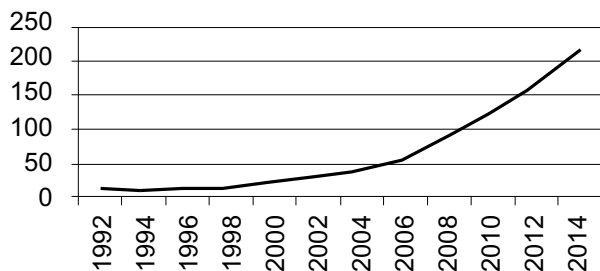
КНР долгое время следовала рецептам Дэн Сяопина, который делал особый акцент на необходимости проведения Китаем максимально сдержанной внешней политики. Страна успешно встроилась в глобальную экономику, приняв тем самым существующие в ней правила игры. Однако 2000-е гг. показали, что полностью воспользоваться ее преимуществами Китаю не дадут: Запад оказался не готов к тому, что его начнут обыгрывать по им же введенным правилам. К исходу 2000-х гг. Пекин был готов к участию в совместных с США и их союзниками проектах в Азиатско-Тихоокеанском регионе и к еще более тесной интеграции в мировые финансовые институты. Но здесь в дело вступила политика. Администрация Б. Обамы посчитала расширение сотрудничества с Пекином политически неприемлемым. Фактически речь шла о переходе к политике сдерживания Пекина.

Китай отвечает на это сменой вектора международного развития. Тихоокеанское направление меняется на азиатское, но при этом между Китаем и блоком союзников США возникает широкий пояс потенциальной и реальной напряженности.

Территориальные споры в Южно-Китайском море и с Японией — лишь первые предвестники будущих конфликтов. В центре возможного кризиса будет находиться Тайвань, а это уже чревато военной угрозой. Китайцы понимают это и быстрыми темпами наращивают оборонные расходы (см. график 6).

График 6

Динамика роста оборонных расходов КНР, нормированных по состоянию на 2013 г., в млрд. долл. США

Источник: SIPRI.

В то же время в азиатском регионе Китай пытается взять на себя роль глобального лидера посредством выдвижения масштабных проектов развития в рамках инициативы создания «Экономического пояса Шелкового пути». У КНР есть хорошие шансы преуспеть на данном направлении. Однако у нее есть ряд объективных ограничений, которые могут сыграть роль тормоза процесса превращения Пекина в мировую силу. Китай испытывает явный дефицит политического ресурса, который выражается в трудностях с выдвижением глобальных всеохватывающих моделей мирового устройства.

Свою роль здесь играет и традиционный отказ Пекина от активного участия в мировой политике и слабая дипломатия. Военный потенциал КНР увеличивается нарастающими темпами, однако опыт его применения также незначителен.

Китайцы предпочитают действовать медленно, делая акцент на мягком распространении сферы своего влияния за счет экономической экспансии. В современном мире, где сила вновь начинает играть важную роль, подобная политика имеет существенные минусы.

Эти проблемы в китайском глобальном проекте могла бы восполнить Россия. Уступая Китаю экономически, Москва имеет перед ним ряд преимуществ в военно-политической и дипломатической сферах. Россия исторически является мировой державой и лишь в этом качестве может существовать. Если Китай традиционно проявляет склонность к политическому изоляционизму, что в некоторой степени вредит ему в современной ситуации, то Россия, напротив, всегда была ориентирована вовне. Именно этим объясняется ее политический упадок в 1990-е гг. Идея интеграции в систему западных институтов с превращением в «новую Канаду», как в свое время выразился один из проводников проамериканского курса в российской внешней политике, обернулась общей деградацией всех сфер общественной жизни. Запад воспользовался своей победой в холодной войне и развернул мощную экспансию на Восток, стремясь раз и навсегда решить «русский вопрос». Однако эта победа в конечном счете оказалась пирровой. Расширение НАТО и пренебрежение российскими интересами не только привели к широкой дестабилизации в Евразии, но и способствовали пробуждению самосознания правящего класса и общества России в целом.

Курс президента В.В. Путина на возрождение мирового престижа России как великой державы является комплексным — этот момент часто упускают комментаторы и эксперты.

Речь идет не только о дипломатии и сфере военного строительства. Усиление внешнеполитических позиций должно иметь эффект мультипликатора — «подтянуть» за собой все другие сферы общественной жизни.

Консолидация общества, которая возникла в результате украинского кризиса, является важным ресурсом, без которого невозможно ни экономическое, ни социальное, ни культурное преобразование страны. С цивилизационной точки зрения, российский проект развития не имеет альтернативы: ни один другой дееспособный актор в Евразии не имеет достаточного исторического, цивилизационного и военно-политического ресурса для того, чтобы сформулировать его. Остро стоит вопрос закрепления внешнеполитических достижений России. Нехватка экономического фундамента новой глобальной конструкции, создаваемой Москвой, является объективным обстоятельством. Во многом именно на это рассчитывают те западные политики, которые активно лоббируют антироссийские санкции. Отсюда возникает важнейший вызов для современной российской внешней политики.

Потенциально есть три пути реагирования на него. Один из них Москва уже выбрала. Речь идет о социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве. Евразийский союз должен превратиться в полноценный экономический центр Евразии с населением более 200 млн человек, перспективную площадку для неоиндустриализации России и близлежащих стран [9]. Важным преимуществом Евразийского союза является то, что он, в отличие от ЕС, не является «бюрократической империей» [2]. Это делает его гибким не только внутри, но и в отношениях с внешними игроками.

«Сопряжение» евразийского проекта с другими интеграционными объединениями является второй потенциальной опцией для России. На первый план здесь выходят блоки с участием Китая — БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). О БРИКС в последние годы говорится много. Основная цель, объединяющая страны-члены БРИКС, — реформирование глобальной финансовой системы в пользу тех стран, которые до сих пор ничего не выигрывали от ее существо-

вания. Речь идет о снижении доминирования Соединенных Штатов и их союзников в МВФ и в глобально-финансовой системе. Кроме того, предполагается формирование таких инструментов, которые будут способствовать снижению рисков, являющихся следствием нестабильности международной экономической конъюнктуры. В более конкретном виде речь может идти о диверсификации внешнеэкономических связей стран БРИКС.

Третий подход подразумевает замену положений «вашингтонского консенсуса» «пекинским», который может предложить миру новые идеалы: инклюзивный экономический рост, экономическое развитие при неприкосновенности суверенитета, стремление к инновациям и экспериментам (специальные экономические зоны), накопление инструментов асимметричной силы (триллионные валютные резервы).

Альтернативной «рамкой» для сопряжения может являться ШОС. Несмотря на молодой возраст, ШОС из когда-то консультативной структуры постепенно преобразовалась в региональную международную организацию и взяла на себя функции гаранта мира и стабильного развития и в Центральной Азии, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом страны — участницы ШОС развивают тесное торговое и экономическое сотрудничество. Речь идет о необходимости создания таких совместных финансовых институтов, как Банк развития и Фонд развития ШОС. Поскольку с момента создания ШОС (2001) к концу 2014 г. товарооборот между членами организации увеличился шестикратно, в повестке дня ШОС на первый план вышли экономические проекты.

А тот факт, что за это время Пекин выделил странам — членам ШОС банковские кредиты в общей сложности на сумму 60 млрд долларов, подразумевает необходимость претворения в жизнь разносторонних механизмов в области инвестиций [6].

Однако у России остается еще одна опция. Губительные последствия современного политического кризиса для европейских государств становятся все более очевидными. В Европе поднимается массовое движение, которое мы определяем как движение «новых европейцев». Речь идет о миллионах рядовых жителей стран ЕС и представителях общественно-политической элиты, которые недовольны доминированием атлантизма во внешней и внутренней политике европейских государств

и склонны к восстановлению отношений с Россией в качестве ключевого партнера. Удельный вес этой части общественного мнения достаточно велик и стабилен.

На него слабо влияет конъюнктура и метания средств массовой информации (см. график 7).

График 7

Источник: Pew Research Center, September 2013 — August 2015.

Точку зрения этой силы сегодня в Европе в первую очередь выражают правые и крайне правые партии, которые, как правило, считаются несистемными, однако в последнее время они получили серьезную массовую поддержку.

Европа не монолитна. Однако тот факт, что здесь уже вполне сложилась значительная прослойка, которая отходит от «железобетонного» атлантизма, неоспорим. Показательно, что многие ее представители относятся к среднему и крупному бизнесу. Это именно те люди, которые опасаются, что соглашение о трансатлантической зоне торговли, очередной виток глобализации по-американски, нанесет Старому Свету удар, от которого ему будет трудно оправиться. Российско-европейский блок мог бы стать дееспособным геополитическим образованием, где Москва обеспечивала бы политическую составляющую (которой остро не хватает Европе), а Европа — экономическую (слабое место России).

Основные выводы

Современный мир — это бесконечно сложный организм, которым нельзя управлять из одного «офиса», даже если этот «офис» — Вашингтон. Такие попытки предпринимались, пред-

принимаются и, вероятно, будут предприниматься, однако они обречены на неудачу. Основная причина их неизбежного провала — сама человеческая природа, наличие «человеческого в человеке», того, что нельзя просчитать и запрограммировать, несмотря на доступность самой современной техники.

Эта реальность является, если угодно, ядром антитеории заговора — «заговоры» всегда будут составлять, но их историческое поражение предопределено. Провал последней попытки уже очевиден. Современная парадигма однополярного мира — с подавляющим доминированием одного полюса и его эксклюзивности — со всей очевидностью терпит крах. Спроектированные в ее рамках институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственной экспансии либерально-демократической модели, в принципе являющейся внеисторичной и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. *Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности», «путинского режима» в сфере политики, а в сфере экономики — в систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права господствовать в глобальном мире, себя исчерпала. Эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и, как следствие, к неустойчивости политических систем.*

Есть два варианта дальнейшего развития событий: либо глобальная солидарность, отказ от гегемонистских устремлений, от однополярного доминирования, солидарное интегральное развитие, либо верное падение в пучину всеобщего коллапса. Только первый вариант дает перспективу мирного преодоления развертывающегося кризиса глобальной политической системы.

Мир может быть многообразным, с несколькими центрами роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении.

Мы говорим о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно. Плоская модель «экономика и политика», вне зависимости от перестановки слагаемых, недостаточна. Нужен ее многомерный вариант, где помимо экономики и политики будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так мы сможем приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.

Библиографический список и примечания

1. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб.: Питер, 2009.

2. *Глазьев С.Ю.* У нас есть шанс стать равноправным участником ядра нового центра глобального экономического развития. [Электронный ресурс] URL: http://www.glazev.ru/sodr_eep/434/

3. О социальном конструктивизме см.: Nicholas Onuf on the Evolution of Social Constructivism, Turns in IR, and a Discipline of Our Making. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital Library/Articles/Detail?lng=en&id=195339>

4. *Саева Р.* Новый атлантизм // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-atlantizm -17753>

5. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

6. *Хас К.* ШОС на пороге новых решений: quo vadis? [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20150323/227053416.html>

7. *Якунин В.И.* и др. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Науч. эксперт, 2012.

8. *Якунин В.И.* Новая фаза глобальных трансформаций: опыт критического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 1.

9. *Якунин В.И.* Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» станет базой для формирования новой парадигмы глобального экономического развития. [Электронный ресурс] URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20140421/1003391303.html>

10. *Berstein S.* La France de l'expansion. T. 1: La République gaullienne (1958–1969). Paris: Seuil, 1989.

11. Ce que pensent les Français de l'Amérique en 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.france-amerique.com/articles/2012/06/22/ce_que_pensent_les_francais_de_l_amerique_en_2012.html

12. *Chomsky N.* Electing the President of An Empire. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alternet.org/news-amp-politics/noam-chomsky-electing-president-empire>

13. *Chomsky N.* The Disconnect in US Democracy. [Электронный ресурс] URL: <https://chomsky.info/20041029/>

---

14. Chomsky says US is world's biggest terrorist. [Электронный ресурс] URL: <http://www.euronews.com/2015/04/17/chomsky-says-us-is-world-s-biggest-terrorist/>

15. German poll puts Merkel's conservatives down 2.5 points. [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/us-germany-merkel-poll-idUSKCN0UX0M7>

16. *Harding S.* China Is Winning The Economic War. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2010/08/13/china-is-winning-the-economic-war/#785d596d148c>

17. *Harding S.* China Is Winning The Economic War. [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2010/08/13/china-is-winning-the-economic-war/#785d596d148c>

18. INSA&Yougov/Bild. 11.01.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wahlrecht.de/umfragen/insa.htm>

19. *Luttwak E.* Why Fascism is the Wave of the Future. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lrb.co.uk/v16/n07/edward-luttwak/why-fascism-is-the-wave-of-the-future>

20. Myth of the Middle Class: Most Americans Don't Even Have \$1,000 in Savings. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alternet.org/economy/myth-middle-class-most-americans-dont-even-have-1000-savings>

21. Noam Chomsky on EU's democracy deficit (22.05.2014. Dunham University, England). [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fPbXWB0X1UQ>

22. President Obama: Writing the Rules for 21st Century Trade. 18.02.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/blog/2015/02/18/president-obama-writing-rules-21st-century-trade>

23. *Rickards J.* The Death of Money. N.Y., 2014.

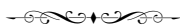
24. *Roberts P.C.* Why WWII Is on the Horizon. [Электронный ресурс] URL: <http://wpfdc.org/blog/politics/19617-why-wwii-is-on-the-horizon>

25. Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html>

26. Umfrage: Die Deutschen wollen sich von den USA emanzipieren. [Электронный ресурс] URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article132095894/Die-Deutschen-wollen-sich-von-den-USA-emanzipieren.html>

27. *Vitali S., Glattfelder J., Battiston S.* The Network of Global Corporate Control. PLoS ONE, 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf>

28. *Wallerstein I.* Is Europe Imploding? [Электронный ресурс] URL: <http://iwallerstein.com/is-europe-imploding/>

СЕКЦИЯ № 1

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

М.Г. Абрамова

M.G. Abramova

НОВЫЕ ЛЕВЫЕ РЕЖИМЫ: К ВОПРОСУ О НОВЫХ
МЕХАНИЗМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

NEW LEFT-WING REGIMES: ON THE QUESTION
OF NEW MECHANIZMS FOR ESTABLISHING
POLITICAL STABILITY

Для того чтобы познать свойства государства, необходимо предварительно изучить склонности, аффекты и нравы людей.

Томас Гоббс

Вопрос о политической устойчивости власти актуален сейчас как никогда. «Цветные» революции, прокатившиеся по миру в последние несколько лет, привели к свержению считавшихся достаточно стабильными режимов и целиком перекроили политическую карту. Проблема устойчивости продолжает оставаться актуальной и в России — в отечественном политическом дискурсе до сих пор не решен вопрос о причинах стремительного исчезновения с карты такого гиганта, как СССР.

При всем разнообразии объективных и субъективных факторов, способствовавших потере политической устойчивости упомянутых режимов, уже можно говорить о некоторых политологических уроках произошедших событий. Речь идет о новых механизмах политической устойчивости. Ключевым здесь является слово «новые», ибо вообще политическая устойчивость изучалась давно и с разных точек зрения, ее исследования касались даже стран древнего мира [8]. Мы же констатируем именно «новые механизмы», которые появились в конце XX — начале XXI века.

Прежде всего, определимся с понятием «новые левые режимы». Под этим термином мы условно объединяем пришедших к власти в ряде стран Латинской Америки сторонников концепции «социализма XXI века» (в Венесуэле в 1998 г. к власти пришел Уго Чавес, лидер левого «Движения Пятая Республика»; в Боливии в 2005 г. на президентских выборах победил Эво Моралес, лидер партии «Движение к социализму»; в Эквадоре в 2006 г. победу одержал Рафаэль Корреа, лидер крупнейшей партии страны, социалистической «Гордая и суверенная родина»).

Нельзя обойти вниманием и новые левые партии, появившиеся в Западной Европе в последние два года. Безусловно, пока еще рано говорить о них как о режимах, кроме недолгого, но чрезвычайно поучительного опыта в Греции. Победа партии СИРИЗА [9] на парламентских выборах в этой стране в январе 2015 г. стала первой победой европейских левых со времен победы на выборах в 1984 г. Итальянской Коммунистической партии. Получив в парламенте 144 места из 300, СИРИЗА под руководством своего лидера Алексиса Ципраса сформировала правительство в коалиции с «Независимыми греками», существовавшее до 20 августа 2015 г.

Однако принятие правительством Ципраса под давлением кредиторов пакета мер «жесткой экономии» стало водоразделом, в результате чего из СИРИЗЫ вышла несогласная с проводимым курсом «Левая платформа», которая создала новую партию «Народное единство». Диктат МВФ выразился для Греции не только в грядущем сокращении рабочих мест, поднятии налогов, увеличении пенсионного возраста с 2022 г. до 67 лет, но и в принятии закона об однополых браках.

Левые активизировались и в Испании. Активисты, принадлежащие к движению «возмущенных», возникшего в 2011 г., когда тысячи испанцев вышли на улицы, протестуя против мер жесткой экономии, в 2014 г. сформировали новую партию «Подemos» («Мы можем»). Лидер партии Пабло Иглесиас и его коллеги, преподаватели политологии в мадридском университете Комплутенсе, увидели возможность преобразовать этот протест в альтернативное политическое движение. Партия «Подemos» на данный момент является второй по численности и третьей по парламентскому представительству партией страны. Успехи впечатляющие!

В марте 2014 г. в Италии образовано объединение левых партий и организаций под названием «Другая Европа», которое сразу добилося 4% голосов, получив три места в Европейском Парламенте. В том же году сформированы «Объединенные левые в Словении».

Таким образом, и в Европе наметился разворот влево. Пока европейские левые пока только набирают силу и опыт, но уже можно говорить о первом результате их появления — политической монополии двухпартийных систем пришел конец. В разных европейских странах эта третья (условно названная левой) сила одета в разные одежды — где-то больше присутствуют экономические требования, где-то — национальная проблематика, где-то — евроскепсис и миграционная проблема, однако есть то, что в целом их объединяет и отличает от правового политического спектра. Речь идет о ценностных характеристиках выдвигаемых ими программ. Так, Хуан Карлос Монедеро — один из основателей «Подemos» говорил: «Мы отдавали себе отчет, что было бы ошибкой пытаться национализировать экономику. Тем не менее, если существуют общие ценности, должно быть и совместное управление ими, и это совершенно не обязательно означает государственное управление. Вода, энергетика, финансы — сферы, которые должны быть под общественным контролем. Банки должны быть под контролем, вода не должна быть товаром, энергетика не должна быть монополизирована. Существуют определенные ценности, которые должны распределяться с учетом, что это общие ценности» [1].

Обращение новых европейских левых к категории «общих ценностей» очень показательно и неслучайно. Особенно это за-

метно у испанской партии «Подemos», на которой в наибольшей степени сказалось влияние латиноамериканской концепции «социализма XXI века». Достаточно сказать о новом принципе ее организационной структуры — горизонтальной координации, что позволяет соответствовать требованиям прямой и партисипативной демократии. Формально партия не имеет ни центрального офиса, ни руководства, действуя через своеобразные политические клубы — представительства сторонников движения, объединенных в «круги».

В ее политическом дискурсе также заметно влияние идей «нового конституционализма», который возник в результате принятия в странах Андского региона новых конституций. Они были приняты на всенародных референдумах в Венесуэле в 1999 г., в Эквадоре — 2008 г., в Боливии — 2009 г. Эти законы не просто легализовали новые левые режимы, но стали началом процесса, который определяется экспертами-юристами и политологами как новый конституционализм, или неоконституционализм современной эпохи. Он предполагает выдвижение на первый план публичных интересов, реализующихся через понятие «общее благо». При таком подходе акцент перемещается с индивидуальных прав на коллективные, что и составляет основное содержание неоконституционализма XXI века [7].

Именно об этих «общих ценностях» говорят и новые европейские левые. Проблема Ципраса, который проиграл в споре с международными кредиторами, как раз и состояла в том, что он, в отличие от левых лидеров Южной Америки, не использовал конституционный механизм обеспечения устойчивости. В Греции не был принят ни один нормативный правовой акт, который бы законодательно определил и закрепил ценностные ориентиры нового режима, не проведена конституционная модернизация, с которой начали свой путь новые левые режимы Южной Америки. Между тем, именно конституционное закрепление целей нового государственного строительства способно сыграть роль одного из правовых механизмов обеспечения политической устойчивости режима, ибо обеспечивает легальность воли субъектов политического процесса и национальной идентичности. Опыт ряда стран в XXI в. показывает такую тенденцию современного мирового развития, как рас-

ширение конституционного регулирования. В конституциях закрепляются только долгосрочные стратегические цели, поэтому конституционные реформы, проведенные новыми левыми в Андских странах, затронули фундаментальные основы конституционного строя, при этом конституции сами по себе не разрешают противоречий, а содержат механизмы разрешения противоречий. Великий русский мыслитель Лев Толстой писал: «Идеал — это путеводная звезда. Без него нет твердого направления, а нет направления — нет и жизни» [2].

Рассмотрим основную новеллу принятых в Андских странах конституций, которая реформировала конституционный строй, имеет основополагающий характер и обеспечивает правовую стабильность новых режимов. Речь идет о провозглашении цели построить общество и государство «всеобщего блага», при этом используется термин «el sumak kawsay», означающий на языке кечуа «всеобщее процветание» или «достойная жизнь». Эта новая концепция соотношения личности и государства пронизывает весь текст Конституций Эквадора и Боливии и является полной противоположностью широко пропагандируемой в российском обществоведении концепции сервисного государства [10].

Центральной идеей провозглашенной цели «Режима достойной жизни» является достижение гармонии человека и природы. Поэтому уже в ст. 1 Конституции Эквадора содержится норма, согласно которой все невозобновляемые природные ресурсы принадлежат исключительно государству и не подлежат отчуждению [3]. Логичным выглядит и ст. 5, которая запрещает размещение иностранных военных баз на территории Эквадора и передачу национальных военных баз иностранным государствам.

Конституция Эквадора — единственная в своем роде — посвящает целый раздел (седьмой) «Режиму достойной жизни», где наибольшее внимание уделяется правам на здоровую окружающую среду: вводятся понятие биологическое разнообразие, природное достояние государства, экосистема, городская экология и альтернативные источники энергии (ст. 395–407). Провозглашается защита почвы и воды. Все природные ресурсы, в том числе еще неразведанные, провозглашаются собственностью государства в ст. 408.

Концепция «достойной жизни» не мыслится без постоянного беспрепятственного доступа к воде, которая объявляется основой жизни, стратегическим национальным богатством и принадлежит всему народу, а государство обязано сберечь и восстанавливать водные ресурсы, контролировать деятельность, которая может повлиять на их качество и количество (ст. 12). На второе место эквадорский законодатель ставит право каждого на безопасный и постоянный доступ к здоровым и качественным продуктам питания, которых должно быть достаточное количество и которые предпочтительно должны быть произведены национальными производителями с учетом традиционных способов производства. Статья 13 Конституции Эквадора прямо провозглашает государственный «продовольственный суверенитет». Иными словами, достижение продовольственного самообеспечения является одной из приоритетных государственных задач, закрепленных в Конституции. В связи с этим государство должно развивать национальное сельское хозяйство и рыбную промышленность, предоставляя льготы малым и средним предприятиям. Запрещается создание латифундий, концентрация земельных угодий в одних руках, монополизация или приватизация водных ресурсов и источников воды (ст. 282).

Статья 15, устанавливая понятие «энергетический суверенитет», запрещает его достижение в ущерб «продовольственному суверенитету» и праву на воду. В ней также содержится запрет на производство, распространение, импорт, транспортировку, хранение и использование химического, биологического и ядерного оружия, содержится запрет в отношении продуктов экспериментальных биотехнологий и генетически модифицированных органических веществ, наносящих вред здоровью человека и всей природе.

Повышенное внимание эквадорская Конституция уделяет генетически модифицированным продуктам, посвящая этой теме отдельные статьи в разных разделах Конституции. Так ст. 71 предусматривает, что выведение генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и семян растений возможно только в общенациональных интересах при условии, что Президент Республики лично обратится с соответствующим предложением в парламент и заручится его поддержкой.

Интересно отметить, что раздел об обязанностях начинается нормой, прописанной на одном из индейских языков: «ama qhilla, ama llulla, ama suwa» — «не будь слабым, не лги и не укради» (ст. 83). Аналогично Конституции Боливии, ст. 72 эквадорской конституции вводит обязанность почитать божество древних индейцев Пачамаму — богиню земледелия и плодородия. Именно апеллирование к этому божеству составляет содержание экологической части Конституции, которая, в свою очередь, входит в раздел «Режим достойной жизни». Новое государство, таким образом, признает и провозглашает в качестве этических и моральных принципов традиционные нормы своего коренного населения.

Видна даже тенденция очеловечивания природы, которая впервые в мировом конституционализме наделяется собственными конституционными правами. Природа или Пачамама имеет право на всеобщее уважение, поддержку и регенерацию своих жизненных циклов, структуры, функций и процессов эволюции (ст. 71). Защиты прав природы от ее имени могут потребовать от государства и его должностных лиц любые лица, коллективы, национальные и этнические общности.

Конституцией 2008 г. введены многие новеллы и в отношении судебной власти. Так, глава, регулирующая судебную власть, впервые в истории эквадорского конституционализма названа «Судебная власть и индейское правосудие», что свидетельствует о включении индейского обычного права в национальную систему права Эквадора. Существующий в индейских регионах традиционный общинный суд также получил защиту государства в ст. 171, причем государство гарантирует участие в этой юрисдикции женщин. Такие суды действуют на основе обычного права, решают внутренние конфликты индейских общин, однако при условии использования обычаев и традиций, которые не противоречат правам человека, провозглашенным в Конституции.

Новеллой мирового конституционализма является норма ст. 364, которая признает наркоманию в качестве проблемы, связанной со здоровьем нации. Обязанностью государства является разработка мер по борьбе с употреблением наркотических и психотропных веществ, и оказание помощи при лечении и реабилитации как случайных, так и систематических «злостных» потребителей указанных веществ. Важно, что ана-

логичная норма установлена также по отношению к потребителям алкоголя и табака. При этом Конституция в той же статье прямо запрещает относить данных граждан к категории «криминальных элементов» и нарушать их конституционные права. Отметим высокий гуманизм эквадорского законодателя при разработке данной нормы.

Впервые в истории эквадорского конституционализма провозглашаются и гарантируются коллективные права (главы 3–5 Раздела II «Права»). К ним относятся права пожилых людей и стариков, в частности гарантированные пенсии (ст. 36–38) [6], права молодежи, которая названа «стратегическим актором развития государства» (ст. 39) [4], права мигрантов (ст. 40–42), права беременных женщин (ст. 43), права детей и подростков (ст. 44–46), права инвалидов (ст. 47–49), впервые прописаны права «заболевших катастрофическими болезнями», которым гарантируется бесплатная медицинская помощь на всех уровнях (ст. 50), права производителей и потребителей (ст. 52–55). Так, пожилые граждане не просто имеют право на бесплатное медицинское обслуживание, а государство обязано гарантировать им бесплатный доступ к медицине, равно как и освобождение от уплаты налогов, выплату пенсионного пособия, скидки при получении государственных услуг и т.д.

Конституция Эквадора признает следующие формы собственности: общественную, частную, государственную, кооперативную, смешанную и др. Право частной собственности Конституция тесно увязывает с социальными обязательствами, повторяя в ст. 321 знаменитую дефиницию Веймарской Конституции 1919 г. о том, что собственность обязывает, т.е. пользование ею должно одновременно служить и общему благу. Более того, эквадорский законодатель подчеркивает: — пользование собственностью не должно наносить ущерб окружающей среде. В ст. 323 Конституция допускает возможность экспроприации, но только с целью выполнения планов национального развития, в интересах общества, в условиях крайней необходимости, с обязательной выплатой справедливой компенсации в соответствии с законом, т.е. по сути, речь идет о реквизиции. Конфискация же в любых ее формах запрещена.

Раздел VI Конституции Эквадора назван «Режим развития». Он состоит из 64 статей и вместе с Разделом VII «Режим достойной жизни» (76 статей) посвящен проблемам и перспек-

тивам экономического развития страны. Эти разделы подробно регламентируют право собственности, цели государственной экономической политики и роль государства в целом, вопросы инвестирования, бюджетную, налоговую, валютную политику, экологическую и социальную политику, здравоохранение, культуру, образование, спорт и т.д. В этих разделах можно найти ответы практически на все вопросы экономической политики, поэтому их можно назвать «экономической Конституцией Эквадора». Выстраивается определенная иерархия приоритетных направлений развития экономики, указываются механизмы и способы достижения этого развития, что позволяет сверять его правовое регулирование с этим конституционным планом. Конституция определяет основы активного государственного вмешательства в экономику, в целях чего предусматривается создание Национального совета по планированию, который возглавляется Президентом Республики и принимает План национального развития. План национального развития является документом, обязательным для исполнения всеми, в соответствии с которым принимаются государственные программы, планируется и исполняется государственный бюджет, инвестируются и ассигнуются государственные средства, координируется деятельность центральных органов власти и органов местного самоуправления. Следует отметить, что советы по планированию создаются на всех уровнях государственной власти и в каждой административно-территориальной единице. Предусматривается также создание общественных советов по планированию, которые выступают в роли форумов для обсуждения экономических проблем, выработки предложений по стратегии долгосрочного экономического развития страны и оценке экономической политики, проводимой правительством.

Конституция Эквадора содержит раздел, посвященный обобществлению средств производства, что характеризует социалистический характер новой экономической системы государства. Согласно Конституции, государство должно обеспечивать равный доступ к средствам производства и с этой целью принимает меры, направленные против монополизации средств производства; меры, способствующие их перераспределению и искоренению любых привилегий в доступе к ним.

Обязанностью государства является политика поощрения национальных производителей во всех сферах хозяйственной деятельности, особенно тех, которые способствуют достижению суверенитета в области продовольствия и энергетики, создают рабочие места и способствуют росту ВВП. Тенденция активного вмешательства государства в экономику подтверждается ст. 335, где говорится о «справедливой» коммерческой деятельности: «Государство регулирует, контролирует и вмешивается, в случае необходимости, в экономическую деятельность...».

Таким образом, выработанная законодателем концепция государственного строительства «Режима достойной жизни» или «Режима развития» базируется на традиционной для андского общества, в котором преобладает индейский элемент, роли коллективной собственности и коллективных прав, обычного права и принципа гармонии человека и природы. Напомним, что в Боливии, например, индейцы, составляющие более 60% населения этой страны, только в 1952 г. получили право голоса, однако в культурной, экономической и социальной сферах их права оставались ограниченными; так вплоть до 2000-х годов индейцам запрещали даже ходить по одной стороне улицы с метисами на главной площади столицы Боливии г. Ла Паса. И вот теперь в новых Конституциях Боливии и Эквадора учтены не просто индейские языки, но и специфические общественные нормы, ставшие, благодаря воле пришедших к власти левых сил, конституционными нормами.

Только базирясь на новых конституционных механизмах обеспечения стабильности, учета национальных традиций и норм, новый левый законодатель смог легально оформить эти принципы в конституционные нормы, совокупность которых обеспечивает национальный и народный суверенитет. Так опыт конституционной модернизации в Андских странах показывает, что правовой механизм, в котором учтены ценностно-культурные основы национальной идентичности, является в XXI веке новым инструментом, обеспечивающим политическую устойчивость власти, ее независимость от внешнего управления, которое без сомнения сопровождает любое сервисное государство, которое построено в Европе по либеральным рецептам. Неприменимость западных моделей в незападных странах становится все более очевидной. Внешнее управле-

ние, которое мы наблюдаем в Ливии, Ираке, которое угрожает Украине и другим странам, имеет целью низвести эти общества до стадии варварской государственности, где царствует асоциальный, аполитичный человек, не желающий брать на себя ответственность за развитие. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин пишет: «...из современности — западной ли, восточной ли — заимствовать “правильный” опыт нельзя. Это просто невозможно после краха концепций “плавильного котла” и “мультикультурализма”, и после признания неспособности классического индивидуалистического либерализма интегрировать на основе институтов современной демократии реально существующие достаточно плотные и не желающие распадаться на индивидуальные “атомы” этноконфессиональные и этнокультурные сообщества» [5, с. 435].

Поэтому специалисты, поднимая вопрос о новых механизмах политической устойчивости, сегодня все чаще вспоминают о необходимости учета национальных архетипов, установок, стереотипов эмоциональных реакций, специфики истории страны, особенностей национальной традиции и местных ритуалов разрешения конфликтов в арабо-исламском, индийском, китайском, латиноамериканском, африканском и других традиционных обществах. Так сложилось особое научное направление «правового полицентризма», сторонники которого считают, что на характер прав человека оказывает образ жизни, система ценностей, норм и традиций данной цивилизации. Это направление нашло яркое отражение в работах индийского философа права С.П. Сингха. Достаточно назвать его работы: «Права человека: незападная точка зрения», «Неудавшийся первый шаг в продвижении прав человека», «Неуниверсальность прав человека».

Думается, что будущее для Европы заключается в левой идее в том смысле, в каком ее формулировка будет отвечать ценностно-культурной идентичности того или иного государства. Лидер испанской партии «Подemos» Пабло Иглесиас сказал в интервью английской газете «Гардиан»: «Идея партии проста. Это граждане, которые делают политику. Если граждане не будут вовлечены в политику, другие займутся ею. А это открывает дверь для тех, кто крадет нашу демократию, наши права и наш кошелек» [11, с. 137].

Библиографический список и примечания

1. [http // ronews.com/2014/09/05/podemus-spanish-indignation-stalking-brussels-corridors-of-power/](http://ronews.com/2014/09/05/podemus-spanish-indignation-stalking-brussels-corridors-of-power/) [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.01.2016)

2. <http://cityinfo.info/man/lev-nikolaevich-tolstoi?page=11> [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.02.2016)

3. <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/ecuador08.html#mozTocId273089> [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.02.2016)

4. Государство гарантирует им получение образования, медицинскую помощь, отдых, занятия спортом, право на жилище и др. Государство гарантирует получение молодежи первого места работы.

5. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.

6. Конституция Эквадора порицает родственников, которые бросают пожилых членов своих семей, или социальные службы, которые не оказывают им необходимую помощь.

7. Неоконституционализм уходит корнями в доктрину правового государства (the law-bounded state) И. Канта, который в работе «Критика чистого разума» вплотную подошел к вопросу о том, что понятие «счастье» должно найти юридическое определение, с тем, чтобы право на счастье (или как в Конституциях Андских стран — «на достойную жизнь») было рассмотрено как *quid juris* (что гласит право?), а не с позиций политической воли правящей бюрократии. Зафиксированные таким образом в Конституции правовые ценности становятся основой для выстраивания некоего государственного идеала.

8. *Петров В. К., Селиванов С. Г.* Устойчивость государства. М.: Экономика, 2005. 440 с.

9. СИРИЗА — Коалиция радикальных левых в Греции. Как политическое объединение создана в 2004 г., как политическая партия оформилась в 2013 г. В коалицию вошли различные группы и партии левого толка (коммунисты, социал-демократы, экосоциалисты, троцкисты и т.д.).

10. См., например: *Васильева А.Ф.* Делегирование государственных функций субъектам частного права // Правоведение. 2008. № 2. С. 65–75; *Васильева А.Ф.* Государство как поставщик публичных услуг // Право и политика. 2008. № 6. С. 1336–1342; *Васильева А.Ф.* Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России. М.: РАП, 2012; *Калашников С.В.* Функциональная теория социального государства. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

11. *Хорват С.* Возвращение левых в Европе? // Мир перемен. 2015. № 2.

А.В. Богданов

A.V. Bogdanov

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В XXI ВЕКЕ: РАССОГЛАСОВАННОСТЬ НАУЧНЫХ
ПОЗИЦИЙ

PROBLEMS OF FORMATION OF POLITICAL
IDENTITY AND VALUE ORIENTATIONS
OF MODERN RUSSIAN YOUTH IN XXI CENTURY:
MISMATCH OF SCIENTIFIC POSITIONS

Современные отечественные исследователи молодежной проблематики сталкиваются с проблемами теоретического и практического характера, в результате чего разноречиво оценивают состояние политической идентичности молодого поколения. Так, одни авторы считают, что подрастающее поколению уже полностью либерализировалось, т.е. его политическому сознанию и политической культуре свойственен модернизационный вектор развития [3]. По мнению других, политическое поведение и политическое сознание молодых людей обременено традиционалистскими установками [2].

В этой связи возникает следующий вопрос: является ли молодое поколение перспективным и самостоятельным субъектом модернизации или она может выступать только в качестве спутника процесса преобразований политической системы?

Рассогласованность теоретических подходов к выявлению традиционалистских и модернистских ценностных политических ориентаций с практической направленностью политической культуры обусловлена рядом факторов.

Во-первых, исследователи теории и практики традиционализма и модернизма рассматривают либо только традицию как фактор, тормозящий и даже препятствующий развитию социально-политической системы в России [1], либо только инновацию без анализа ее взаимодействия с традицией [5].

Даже если исследователи анализируют обе категории, то при анализе политического процесса их внимание акцентируется на компоненте, которая выделена ими в качестве основополагающей [4]. Иными словами, между исследователями, в политологическом научном сообществе фактически отсутствует целостная согласованная позиция относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения.

Во-вторых, в силу объективных причин реальный политический процесс развивается быстрее процесса разработки теоретических методик исследования.

В-третьих, анализ эволюции концептуальных трактовок традиционализма и модернизма позволяет утверждать, что базовой, основополагающей доктрины, совмещающей в себе сущностные характеристики и принципы традиционализма и модернизма, в рамках социально-гуманитарного знания не существует, но предпосылки к ее выработке накоплены.

Этими же факторами обусловлено отсутствие целостной, согласованной позиции относительно методологии исследования процесса политической социализации молодого поколения, что препятствует выработке практических рекомендаций, адресованных непосредственно акторам политического процесса, с целью принятия наиболее эффективных политических решений.

Решение сложившейся проблемной ситуации видится в выработке синтетической обобщающей модели взаимодействия двух тенденций развития политической системы — модернизационной и традиционной. В рамках такого подхода традиция и инновация выступают равноправными элементами развития политического процесса. При этом конфликтно взаимодействующие ценности традиционализма и модернизма служат объединяющим основанием, фундаментом для изменения политических установок и устремлений. В таком взаимодействии традиция выполняет селективную роль по отношению к инновациям, а инновация служит своего рода ситом для отсеивания устаревших ценностных установок [6].

С целью анализа взаимодействия традиционной и модернизационной компонент политической культуры, выработки практических рекомендаций по совершенствованию методологии исследований политической идентичности и полити-

ческой социализации лабораторией кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского в 2012–2014 гг. было проведено исследование на тему «Молодежь в современной России». Результаты проведенного исследования подтверждают тезис о бесконфликтном взаимодействии двух полярных категорий «традиция» и «инновация» в политическом сознании и политической культуре молодого поколения.

Анализ результатов, проведенного исследования показал, что политической культуры современной молодежи имеет сложный, противоречивый характер. С одной стороны, уровень политической активности молодежи является невысоким. При этом активность проявляется только в интересе к сфере политики и непосредственной вовлеченности в нее лишь в форме участия в выборах. С другой стороны, политическая активность молодежи год от года растет и оказывает, в свою очередь, влияние на институты политической социализации, на всю политическую систему. Если говорить о возрасте, то пик активного включения в политический процесс приходится на 20–25 лет. Материалы исследования ценностных суждений молодого поколения позволяют утверждать, что в политическом сознании и культуре респондентов происходит постепенное осознание значимости либерально-демократических ценностей. Подтверждением тому является противоречивое отношение респондентов к традиционным ценностям, при довольно четкой и ясной позиции относительно ценностей либерально-демократического характера. При этом в политическом сознании и политической культуре молодежи популярны как традиционные, так и модернизационные (либерально-демократические) ценности. Они, в свою очередь, взаимодействуя друг с другом, вступая в противоречие, конфликт, в результате, являются объединяющим основанием, синтезирующим фундаментом для изменения политических установок и устремлений молодежи.

В качестве примера анализа взаимодействия традиционной и модернизационной компонент политического сознания молодежи можно привести следующий: большая часть респондентов (71%) испытывает чувство гордости за историю нашей страны эпохи Петра I. Примечательно, что за ним следует период Путина — 47,5%. Ему незначительно уступает эпоха Екатерины — 32,2%, затем следует период реформ Александра

II — 30,7%, эпоха Сталина — 29,7% занимает пятое место. Период Хрущева отметили 7,2% опрошенных, Брежнева — 6,7%, Ельцина — 6,2%, Горбачева — 4%.

На наш взгляд, высокая оценка эпохи Петра I большинством опрошенных объясняется не только высокой оценкой результатов его деятельности в учебниках истории, но и воздействием тех положительных стереотипов, которые формируются с помощью искусства, и прежде всего кинематографа. Второе место периода В. Путина в ответах респондентов вполне соотносится с его высоким рейтингом в российском обществе.

В целом, исторические периоды, которыми, по мнению опрошенных, можно гордиться, позволяет констатировать, что доминирующими критериями их высокой оценки являются характеристика лидеров, как сильных личностей, и успешность преобразований. С одной стороны, это говорит о склонности молодых респондентов к трактовке российской государственной власти как авторитарной, на основе «сильной руки» и централизованной политики. С другой — данные периоды традиционно и стереотипно воспринимаются как реформаторские (особенно показателен в этом смысле период Александра II, в историческом образе которого стереотип сильной личности фактически отсутствует).

В итоге у современной молодежи одновременно с представлениями о сильной власти востребованы ценности реформаторства и модернизма. Традиции и инновации не воспринимаются молодыми людьми как несовместимые ценности и не вызывают в их сознании конфликта, а наоборот, объединяются и образуют синтез двух разнотипных установок восприятия власти. Возможно, в этом и кроется ключ к формированию общенациональной идеологии.

Таким образом, при определенных социально-политических и экономических условиях, направленность политической культуры молодежи может смещаться как в сторону традиционных элементов, так и в сторону элементов либерально-демократических, инновационных.

Отмеченные особенности политических установок, характеризующих политическое сознание, а значит, и политическую культуру молодежи выступают в качестве предпосылки к становлению такого общества, где одной из движущих сил, способствующих формированию действительно массового

гражданского социума, как раз и может стать молодежь. В таком случае молодое поколение вполне способно выступить в качестве авангарда и объединяющей силы в формировании такого общества.

Однако учитывая противоречивый характер политического сознания и поведения молодежи, вряд ли молодое поколение может выступать единственным фундаментом процессов модернизации, быть стержнем социально-политических преобразований. Принимая во внимание характер молодежной политической культуры, ее роль в процессе модернизации представляется нам в виде социальной сети (наподобие социальных интернет сетей). С ее помощью может происходить: быстрое распространение политически значимой информации, получение реакции (отклика) на те, или иные социально-политические изменения, установление обратной связи с молодежной средой, корректировка способов, методов и содержания модернизации социально-политической структуры.

При этом если не будет выработана соответствующая единая концепция формирования политической идентичности молодежи в современной России, подкрепленная апробированными механизмами политической социализации молодых людей, то вызов, брошенный нам самим процессом социально-политического развития может перейти в стадию угрозы национальной и территориальной идентичности.

Выход видится, в том числе в использовании площадок региональных отделений политических партий, общественных политических движений и организаций (молодежных правительств и ассамблей, молодежных отделений российского общества политологов) с целью артикулирования и агрегирования существующих политических интересов молодых людей, а также в гражданском и патриотическом воспитании молодежи, привитии национально-культурных маркеров подрастающему поколению посредством обсуждения наиболее актуальных проблем социально-политического развития региона и страны в целом.

Библиографический список и примечания

1. Грязнова О.С. Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в России / Приложение к журналу «Общая тетрадь», Левада-центр. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

3. Зудин А.Ю. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

4. Межуев В.М. Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2008. Вып. № 5 (14).

5. Федоров В.В., Дискин И.Е. Социальный потенциал российской модернизации (на материале Южного федерального округа) [Электронный ресурс] // Всероссийский Центр изучения общественного мнения [сайт]. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 02.02.2013).

6. Существует потребность и в выработке нового синтетического понятия, которое составило бы основу единой методологии в изучении процесса политической социализации общества в целом, и молодежного социума в частности. По нашему мнению, таким новым понятием может стать понятие «прогрессивный традиционализм». «Прогрессивный традиционализм» — это система социокультурных характеристик политической культуры, в которой традиция и инновация выступают равноправными элементами политического процесса. Однако это проблема для отдельного исследования.

И.А. Гончаров

I.A. Goncharov

ДИСКУРС «ПОСЛЕ ДОБРОДЕТЕЛИ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

THE DISCOURSE “AFTER VIRTUE” IN THE POLITICAL TRANSFORMATION CONTEXT

Дискурс «после добродетели» связан с одноименной работой Макинтайра и предполагает существенное изменение ценностных ориентиров в современной практике политической аргументации. В разряд этого дискурса, несомненно, попадает и «Индивидуализированное общество» З. Баумана.

В чем же происходит изменение ценностных ориентиров? Лучше всего продемонстрировать эти изменения на ценностях, связанных с традиционным индивидуализмом и теми трудностями, с которыми он сталкивается. В определенном смысле, можно говорить о том, что основная линия развития европейского индивидуализма была связана с противопоставлением государства и индивидуальных прав и свобод. Вместе с тем, индивидуализм не был тождественен эгоизму. Вот как Ф. Хайек определял подлинную сущность индивидуализма.

«Фундаментальная предпосылка здесь и во всех последующих рассуждениях это безграничное разнообразие человеческих талантов и навыков и вытекающее отсюда неведение любого отдельного индивида большей части того, что известно всем остальным членам общества вместе взятым, или, если выразить эту фундаментальную мысль иначе, человеческий Разум с большой буквы не существует в единственном числе как данный или доступный отдельной личности, что, по-видимому предполагается рационалистическим подходом, но должен пониматься как межличностный процесс, когда вклад каждого проверяется и корректируется другими. Этот тезис не предполагает, что все люди равны по своим природным дарованиям и способностям, а означает, что ни один человек не правомочен выносить суждение о способностях, которыми обладает другой человек или выдавать разрешение на их применение» [6, с. 26].

Индивидуализм в его классическом варианте предполагает замену государственных институтов свободными ассоциациями, что объединяет индивидуализм с анархизмом. В определенном смысле именно индивидуализм с его дискурсивной практикой становится для Ю. Хабермаса фундаментом современных политических институтов.

Существенное преобразование ценностных ориентиров, отмеченных З. Бауманом в «Индивидуализированном обществе», связано с тем, что традиционный индивидуализм претерпевает существенную трансформацию. Ассоциация индивидов во имя общего блага становится лишь игрой, скрывающей индивидуальные стратегии, смысл которых, как показал З. Бауман, полностью раскрывается в играх типа «Большого брата» [1, с. 22–26]. Можно указывать на множество причин подобных изменений, однако, существенное влияние на формирование «добродетели постмодерна» оказало формирование в середине

XX в. на большей части европейских стран (включая и страны бывшего социалистического лагеря), так называемого «общества наемного труда».

Ю. Хабермас называл такие государства государствами «социальной защиты» [5]. Специфика их состояла в том, что государство брало на себя функцию распределения капитала, предназначенного для поддержания рабочих, а впоследствии и практически всех работников наемного труда. Как отмечает Р. Кастель, данный тип общества противоположен так называемому социетальному обществу, где помощь малоимущим и нетрудоспособным оказывается в рамках традиционных семейных институтов, на основе заложенных в этих институтах элементов солидарности [3, с. 58–60]. При этом автор отмечает, что наиболее чувствительной к кризисным явлениям является социальная защита обществ наемного труда, поскольку вернуться на уровень общественной солидарности, существовавшей ранее оказывается практически невозможным.

Существенное изменение, в ценностях индивидуализма, происходит именно там, где отстаивание и реализация своих прав в свободно формируемых институтах гражданского общества оказывается невозможным в связи с утратой форм гражданской солидарности, которая разделяет судьбу многих традиционных ценностей.

Какие опасности для политической системы возникают при подобном состоянии гражданского общества? Прежде всего, отметим, что для такого состояния гражданского общества характерно существенное изменение политических институтов. Уже в 1960-е годы, как отмечал Г. Маркузе, речь идет о так называемой соревновательной демократии, давно отошедшей от идеала представительной демократии [4, с. 68–69]. Сущность последней представлена в социологии политики П. Бурдьё [2]. Здесь политическое поле это рынок, на котором происходит борьба классификаций и продажа идеологий. Иными словами, так называемые классы, составляющие основу гражданского общества, формируются в пространстве политического поля профессиональными политиками.

С принятием законов о социальном страховании и закона против социалистов (О. Бисмарк) государственная бюрократия берет на себя реализацию и функцию по формированию идентичностей. Это происходит потому, что общество наем-

ного труда, разрушая горизонтальные связи и ассоциации, формирует индивидуальность, непосредственно связанную с государственными институтами, создавая, таким образом, общество атомизированных индивидов, жизненная стратегия которых может быть выражена в простой формуле: «Уми сегодня, я завтра». В этих условиях основной задачей политической системы становится производство классификаций или идентичностей. Чем более удачно это производство, тем более эффективна политическая система. Так, в последние годы, политическая система России была эффективной, вырабатывая последовательно идентичности внуков войны, антитерроризма и антикоррупции.

Основным недостатком этих идентичностей является то, что они формировались в условиях политического противостояния, то есть имели направленность «против» а не «за». На наш взгляд, политическая система должна обрести свою устойчивость в рамках формирования идентичностей «за». Так, существенной коррекции требует идентификация бизнес-общества. Это связано формированием прочной репутации российского бизнеса и его освобождения от шлейфа криминала и симбиоза с властными структурами.

В сфере международной политики весьма актуальным является вопрос о том, смогут ли современные политические системы продуцировать идентичности в глобальном пространстве? Показательна в этом отношении проблема международного терроризма и статус этого явления. Есть ряд организаций, которые признаются отдельными странами как террористические, а некоторые государства эти организации не считают террористическими. Эта проблема связана с тем, что за терроризмом прочно закрепилась репутация политического преступления, то есть преступления против конкретного политического режима. Здесь можно говорить о необходимости переосмысления этой идентичности в новых условиях.

В заключение можно сказать, что такая функция политической системы как формирование идентичностей в той или иной степени успешно реализуется на внутрисистемном и, возможно, на региональном политическом пространстве. Реализация этой функции в глобальном пространстве встречается с рядом проблем, связанных с так называемой борьбой классификаций.

Библиографический список и примечания

1. Бауман. З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 22–26.
2. Бурдьё П. Политическое представление, элементы теории политического поля. URL: [bourdieu name/content/politicheskoe-predstavlenie-elementy-teorii-politicheskogo-poljia](http://bourdieu.name/content/politicheskoe-predstavlenie-elementy-teorii-politicheskogo-poljia)
3. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2009. С. 58–60.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 68–69.
5. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма // TESIS. 1993. Вып. 2. С. 125–136.
6. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск, 2011. С. 26.

В.А. Гупоров

V.A. Gutorov

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ**

**MODERNIZATION AS THE FACTOR
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
SOME THEORETICAL PROBLEMS**

В общенаучном смысле теория модернизации описывает и объясняет на междисциплинарном уровне процессы трансформации, развивающиеся в направлении от традиционных и недоразвитых обществ к обществам современным. В 1950-х гг. она становится наиболее перспективной в том направлении западной социологической науки, которое получило название «социологии национального развития». Наибольшее внимание теоретики модернизации уделяли «предсовременным» обществам (premodern societies), которые становятся современными («вестернизированными») посредством процессов экономического роста и изменения в социальных, политических и культурных структурах. Один из основоположников этой теории Ш. Эйзенштадт в 1966 г. следующим образом определял ее сущность: «Исторически модернизация — это процесс из-

менения в направлении от тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX столетия и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, африканский и азиатский континенты» [8, с. 1].

Наиболее последовательной была критика модернизации представителями латиноамериканской «школы зависимости», а также исследователями политики неокOLONиализма в странах, некогда входивших в западноевропейские колониальные империи. Историки Андре Гундер Франк и Уолтер Родни доказывали, что западноевропейские государства сделали недоразвитыми те, ставшие независимыми, страны, которыми они когда-то управляли. Именно Западная Европа и США способствовали недоразвитости и латиноамериканских стран, систематически делая их еще беднее по сравнению с эпохой имперского господства. Историк и социолог Иммануил Валлерстайн, начавший свою научную карьеру исследованиями проблем Африки, систематизировал в дальнейшем «теорию зависимости» в многотомном труде «Мир-система Модерна», в котором он поставил под сомнение излишнее акцентирование теоретиков модернизации на проблемах национального развития и доказывал, что с того момента, как мир начиная уже с XVI века становится единой мировой экономикой, стала необходимой и разработка на новом уровне принципов анализа экономического и политического развития. Сильные государства, составляющие «сердцевину» новой мир-системы (core states), эксплуатируют политически слабые периферийные общества как в форме прямого колониального господства, так и в форме косвенной, неформальной зависимости [1, с. 3–37; 2, с. 1–13].

На основе аргументации Валлерстайна сторонники мир-системного анализа доказывают, что такие «полу-периферийные» государства, создавая впечатление о возможности конвергенции для всех, на самом деле обеспечивают новые возможности для инвестиционной политики доминирующих государств. Конвергенция отсталых и передовых стран является в принципе недостижимой.

Политолог Гильермо О’Доннелл критиковал аргументы о близости, если не тождестве модернизации и демократизации. В частности, он отмечал, что даже в богатейших странах Юж-

ной Америки в 1960–1970-х гг. были установлены военные диктатуры и предполагал, что особая фаза индустриализации, через которую они проходили, была обусловлена потребностью привлечения иностранного капитала и технологий. Он разделял позицию сторонников теории зависимости, согласно которой временные рамки являются критерием экономического развития, определяя характер и последствия модернизации: страны, позднее вступившие на этот путь, более нуждаются в сильном государстве как двигателе устойчивого экономического развития и в меньшей степени должны зависеть от такого фактора как активность и самостоятельность граждан [12, р. 49–71].

Постмодернистски настроенные ученые вместе со сторонниками теории зависимости критиковали теоретиков модернизации за излишний этноцентризм. Предполагая, что развитие заключается в движении от традиции к современности, и отождествляя модернизацию с индустриальным Западом, они утверждали, что теоретики модернизации совершают двойную ошибку: во-первых, они исходят из того, что Запад чем-то лучше по сравнению с другими цивилизациями; во-вторых, они утверждают, что все «несовременные» общества одновременно являются «традиционными». Тем самым они не в состоянии выявлять различия между обществами, поскольку многие из них отличаются друг от друга в гораздо большей степени, чем от Запада. Равным образом они не осознают масштабы стресса от попыток народов приспособиться к западным конструктам, которые сами являются продуктами теории модернизации и разрушают жизненно важные основы и культуру тех стран, которые модернизацию никогда не выбрали.

Следует отметить, что противники классической теории модернизации нередко сами увлекались и оставляли в стороне обсуждение принципиально важных проблем трансформации демократических институтов в современном мире, требовавшей новых интерпретаций теории демократии, включая анализ самого понятия «современная демократия». История свидетельствует о том, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику необходимые для создания стабильной системы демократического правления. Для этого необходима не только система свободных выборов, но и свобода СМИ, политических

партий, беспристрастное судопроизводство, готовность избирателей и политических элит принять результаты поражения на выборах и передать власть своим политическим соперникам, готовность военных и корпоративных экономических групп воздерживаться от соблазна использования своих возможностей для вмешательства в демократический процесс. В противном случае демократия неизбежно вырождается в ту или иную разновидность авторитарного режима. Наглядным примером подобного вырождения являются девять государств восточной и юго-восточной Европы, в которых после окончания первой мировой войны были установлены демократические институты. Из них только Чехословакия оставалась демократической до 1939 г. В других восьми странах авторитарные режимы того или иного рода были установлены в следующей последовательности: Болгария — июнь 1923 г., Польша — май 1926 г., Литва — декабрь 1926 г., Югославия — январь 1929 г., Австрия — март 1933 г., Эстония — март 1934 г., Латвия — май 1934 г., Румыния — февраль 1938 г. Ни один из этих поворотов в сторону авторитаризма не был вызван этническими расколами в обществе, экономическим коллапсом, революцией или гражданской войной, но либо нежеланием военных воздерживаться от участия в политике, либо маневрами правящих элит, стремящихся удержать власть в своих руках и не дать вытеснить из нее своих «друзей».

Не менее обескураживающими были и результаты попыток ввести демократическое правление в странах Африки после завершения процесса деколонизации в 1945–1965 гг. В бывшем бельгийском Конго и португальской восточной Африке (Ангола и Мозамбик) с начала 1950-х гг. не прекращались беспорядки, этнические чистки, диктатуры и гражданская война. Аналогичные явления, отягощенные масштабной коррупцией и разворовыванием иностранной помощи и кредитов, наблюдались и в бывшей британской Африке. Вершиной этого процесса можно считать гражданскую войну в Нигерии, унесшую около миллиона жизней. Наиболее стабильные системы сложились в странах бывшей французской Африки, главным образом благодаря тому, что французская колониальная администрация изымала власть из рук племенных вождей и усиленно формировала слой франкоговорящей образованной элиты, которой впоследствии передавались бразды правле-

ния. В результате эти страны долгое время переживали период однопартийного правления и их шансы на превращение в подлинно демократические остаются под вопросом.

В странах Латинской Америки демократические институты и практики оказались более укорененными, в том числе и вследствие притягательности примера стабильного президентского правления в США. Тем не менее демократические режимы были свергнуты в Бразилии в 1964 г., в Уругвае в 1973 г. и в Аргентине в 1976 г.

В этом плане, общие принципы, сформулированные еще в 1960-е гг. в рамках классической концепции соотношения модернизации и демократизации также вряд ли могут быть до конца поставлены под сомнение. «Недавние исследования, — отмечает Б. Джеддис, автор главы “Что является причиной демократизации?”, написанной для “Оксфордского справочника по сравнительной политике”, — подтвердили то, что мы думали, что мы [уже] знали несколько десятилетий назад: более богатые страны, вероятно, являются и более демократичными. Дискуссия продолжается относительно того — увеличивает ли демократическое развитие вероятность перехода к демократии? Пшеворский и его соавторы настойчиво доказывали, что развитие не является причиной демократизации; скорее, развитие снижает вероятность поломки демократического механизма, тем самым увеличивая число богатых демократических стран, даже если это не связано с причинным воздействием на переход к демократии. Тем не менее другие образцы тщательного анализа смены режима продолжают обнаруживать взаимосвязь между развитием и переходом к демократии. Некоторые другие регулярные наблюдения эмпирического характера добились статуса стилизованных фактов, хотя и им всем был брошен вызов. Опора на нефть и, возможно, другие виды минерального экспортного сырья уменьшает вероятность демократии. Страны с большим мусульманским населением, вероятно, являются еще менее демократичными... Эксперты по Ближнему Востоку объясняют связь между нефтяным богатством и диктатурой следствием функционирования государства-рантье, которое может использовать свою ренту от продажи природных ресурсов для распределения субсидий среди обширных частей населения и тем самым поддерживать уступчивость народа по отношению к режиму. В ка-

честве параллельного аргумента Даннинг доказывает, что нефтяная рента при определенных обстоятельствах может быть использована для поддержки демократии» [14, р. 317–318].

С 2003 г. фокус интереса к процессам модернизации и демократизации переместился на Средний Восток не без влияния неоднократно повторявшихся заявлений Дж. Буша-мл. о том, что он намерен продвигать демократию в этом регионе и не видит никаких оснований не верить, что мусульманские общества будут поддерживать демократические системы. Такого рода заявления тогдашнего политического лидера американских консерваторов шли вразрез, например, с концепцией С. Хантингтона, согласно которой исламская культура (как и конфуцианская) несовместимы с демократией и в этом смысле составляют противоположность западной культуре (либерализм, протестантизм), Латинской Америке, православной и даже индуистской и африканской культурам, которые в той или иной степени способны к восприятию и применения на практике демократических идей и принципов [4, с. 33–48]. Современные реалии свидетельствуют о том, что в заочном споре между маститым ученым и американским президентом победа пока остается за первым. Имеются многие соображения относительно того, чтобы сомневаться в самой возможности быстрого внедрения и развития демократических институтов в мусульманском мире.

Один из доводов, обычно называемый специалистами теологическим, выводится из следующего базового учения исламской религии: все законы, в которых нуждается человечество, могут быть найдены в Коране, а также в самом раннем своде судебных уложений, развивающих установленные им юридические и моральные принципы. Демократическое представление о том, что парламент является суверенным законодательным органом, естественно, вступает в конфликт с приведенным выше фундаментальным исламским верованием. С ним соотносится, например, политическая практика в современном Иране, где совет невыеборных религиозных лидеров («стражей») обладает правом отменять законы, принятые парламентом исламской республики, если они вступают в противоречие с Кораном [7].

В целом общая тенденция может внушать аналитикам определенный оптимизм: со времени окончания Второй миро-

вой войны почти все европейские страны, включая посткоммунистические, обладают более или менее стабильными, ориентированными на демократию политическими системами, в то время как в мире развивающихся стран влияние демократических идей и институтов также продолжает расширяться. Именно эта тенденция постоянно придает дополнительный импульс представлению о том, что и в будущем векторы модернизации и демократизации могут совпадать.

Разумеется, сегодня влияние постмодернистских идей порождает гораздо больший разброс мнений относительно того, какие страны и в каком смысле можно называть демократическими. К примеру, современный анализ итогов «бархатных революций» и перспектив демократизация политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в посткоммунистической России и странах, некогда входивших в состав СССР, нередко сопровождается стремлением усилить аргументацию противников теории модернизации. В частности, эта тенденция проявляется и в упрощенном подходе к проблеме соотношения уровня экономического развития и стабильности демократических институтов и традиций. Сторонники такого подхода стремятся, как правило, «вынести за скобки» проблему взаимосвязи современной модели политической демократии с уровнем экономического прогресса, а заодно и с концепцией социального государства и социальных прав, ссылаясь на то, что на Западе данная модель представляет собой лишь «идеальный тип», а на деле она отнюдь не безупречна и к тому же в последние десятилетия именно в этом регионе самой идее социальных прав был нанесен значительный ущерб [10, р. 2–4; 5, с. 14–15].

Естественно, после того как проблема уровня доходов, формирования стабильного среднего класса и социальных гарантий оказывается теоретически «снятой», в распоряжении ученых остаются исключительно «политические» критерии, значение которых можно толковать как угодно. Например, можно объединить Молдову — одну из беднейших стран в Европе в одну «демократическую группу» с Болгарией и Румынией, противопоставив их автократиям в Россия и Республике Беларусь [11, р. 108]. Или же напротив, считать, что в современной России демократия, пришедшая на смену тоталитаризму, вполне сопоставима с демократией западной, одно-

временно не отрицая при этом и того факта, что в современном мире «глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию» [3, с. 76, 80].

Постепенно теория модернизации стала испытывать все большее влияние многообразных версий концепции глобализации, нередко с ними сливаясь. Как отмечают американские политологи Ч. Эль-Оджейли и П. Хэйден, сегодня «... оба подхода — модернизация и зависимость — продолжают функционировать в рамках обширного дискурса глобализации» [9, р. 40].

Концепция глобализации является сравнительно новой в современном политическом дискурсе и общественных науках. Первая социологическая статья, в которой появляется данное понятие, была опубликована в 1985 г. К февралю 1994 г. каталог библиотеки конгресса США включал только 34 названия работ, в которых упоминались либо само понятие, либо производные от него термины, причем все они не публиковались раньше 1987 г. К концу 1990-х гг. термин «глобализация» становится заметным и только на рубеже тысячелетий количество книг и статей, где он постоянно встречается, стало исчисляться сотнями [6, р. 43].

На понятийном уровне модернизацию с глобализацией объединяет и еще одно примечательное свойство, а именно — способность встраиваться в любую политическую конъюнктуру. Например, английский политолог Р. Саква вполне сочувственно и без всякого оттенка критической иронии следующим образом комментирует действия Сергея Иванова, осуществлявшего на посту министра обороны обширный план перевооружения российской армии: «Представляя свой план Думе 7 февраля 2007 г., Иванов настаивал на том, что вопрос стоит о “модернизации, а не реформе армии”, поскольку слово реформа, заявлял он, “вызывает у нас аллергическую реакцию”» [13, р. 408].

Наиболее примечательная черта глобализации заключается в том, что она «делает все более трудным для таких социальных акторов, как национальные государства, местные сообщества и индивиды поддерживать свою идентичность без ссылки на всеохватывающие глобальные структуры и потоки. Взаимосвязи глобализируют мир вполне измеримым, возможно, даже “объективным” образом, но это происходит преиму-

щественно потому, что все эти силы заново определяют опыт и восприятия все большего количества акторов. Поэтому глобальное является теперь когнитивной референтной рамкой для многих акторов, которые осознают глобальное давление, хотя это в гораздо меньшей степени ощущается на уровне культуры и морали» [15, р. 243].

Возникновение новых условий рефлексивной модернизации делают устаревшими унаследованные политические традиции. Традиционные формы классовой идентичности распадаются. Изменения на рынке труда, в сфере гендерных и семейных отношений делают институты государства всеобщего благосостояния неустойчивыми и неподходящими. Глобализация и рефлексивность в сфере выбора стиля жизни и потребления делают неработоспособными централизованные формы экономического контроля, в то время как стабильные политические партии и институты утрачивают свою легитимность.

Библиографический список и примечания

1. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

2. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

3. *Оганьян Ю.С.* Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Полис. Политические исследования. № 3. 2014.

4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1.

5. *Хёффе О.* Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

6. *Birch A.H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. 3rd Edition. L.; N. Y.: Routledge, 2007.

7. *Dahlen A.P.* Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran. N. Y.; L.: Routledge, 2003.

8. *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1966.

9. *El-Ojeili Ch., Hayden P.* Critical Theories of Globalization. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.

10. *Gill G.* Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World. L.; N. Y.: Routledge, 2002.

11. *Moeller J.* Post-Communist Regime Change. L.; N. Y.: Routledge, 2009.

12. *O' Donnell G. Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections // Latin America: Issues and New Challenges / Ed. by V.E. Tokman and Guillermo O'Donnell. Chicago: University of Chicago Press, 1999.*

13. *Sakwa R. Russian Politics and Society. Fourth Ed. L.; N. Y.: Routledge, 2008.*

14. *The Oxford Handbook of Comparative Politics/ Ed. by Carles Boix and Susan C. Stokes. Oxford: Oxford University Press, 2007.*

15. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present / Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. L.: Sage Publications, 2000.*

К.Ф. Завершинский

K.F. Zavershinskiy

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
И УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

**POLITICAL MEMORY AS A PRESUPPOSITION
AND CONDITION FOR THE STABILITY
OF MODERN POLITICAL SYSTEMS**

Актуальность обращения к проблеме коммуникативного потенциала дискурса *политическая память* для описания проблем устойчивости современных политических систем достаточно очевидна в реалиях растущей фрагментации политического порядка и резкого возрастания амбивалентности влияния многообразных культурных, символических ресурсов на институциональную динамику национальных политических систем. Усложнение политических коммуникаций современного мира не может не вести к возрастанию активности политических акторов по символическому конструированию политических ожиданий на уровне повседневности и изменению институциональных основ политических систем, что нередко дестабилизирует политические системы и стимулирует кровавые политические конфликты и гражданские войны. Думается, что позитивное или негативное воздействие на эволюцию

политических систем современных практик, технологий политической символизации в значительной мере зависит от специфики коммуникативных структур политической памяти, которая проявляется в специфике динамической взаимосвязи символических схем ретроспекций и проекций политических событий в социальной повседневности конкретных обществ.

Повышение эвристичности научных исследований влияния культурных факторов на устойчивость политических систем, на наш взгляд, предполагает выход за рамки определенных теоретико-методологических установок, которые прослеживаются на примере научных дискуссий о специфике природы и способов научной концептуализации феномена стабильности и изменчивости политических систем. Доминирующие социологические версии эволюции политических систем, при всей вариативности методологических оснований, так или иначе развивают посылки Т. Парсонса о том, что «система современных обществ» возникает в процессе дифференциации, адаптации, включения и генерализации ценностей, которые структурируют и интегрируют взаимодействия в единую систему посредством легитимации нормативного порядка [8, с. 94–122]. Это часто редуцирует политологические дискуссии о стабильности политических систем к проблеме качества и специфике ценностных обоснований политического порядка. При этом институциональный порядок рассматривается как некая объективная данность и состояние, что не объясняет вариабельность политических порядков и не позволяет ответить на вопрос, каким образом ценности и нормы применяются в конкретных обстоятельствах [7, с. 24–25].

Не подвергая сомнению возможность многообразия ценностно-нормативных обоснований стабильности и нестабильности политического порядка, разделяю методологические установки тех авторов, которые полагают, что осуществить смысловое «стягивание» при изучении влияния культурных факторов на стабильность политических систем в рамках разнообразных политологических исследований институциональной динамики возможно прежде всего на основе коммуникативного подхода, когда культурные практики политики рассматриваются как специфические «символические фигуры», «семантические структуры», «порождающие символические модели». Сторонники подобного анализа влияния куль-

туры на институциональную динамику в политологических исследованиях так или иначе подчеркивают его возможности для творческой коэволюции новых, конструктивистских и более традиционных исследований влияния социокультурной динамики на политическую институционализацию.

Симптоматичны в этом отношении методологические ремарки Н. Лумана, подчеркнувшего, что «стабильная система» состоит из нестабильных элементов (событий, действий), а потому разгадку ее стабильности следует искать «в ней самой, а не в ее элементах». Эти события являются одновременно *определенными и неопределенными* в своей ценности для конкретного момента, обретая свою определенность благодаря структурам памяти, которые создают возможность их связи с другими посредством «агрегации и интеграции» временных отношений, что обеспечивает накопление «успешных, предпочтительных опытов» для их повторного использования. Это решает проблему «выигрыша времени» при репродукции событий в настоящем, будущем или же обеспечивать приоритет в их разложении [6, с. 79–85].

Реализация подобной методологической установки, пока еще довольно фрагментарно представленной в современных стратегиях изучения условий стабильности политических систем, и такого ее измерения как политическая память, на наш взгляд, остается теоретической и методологической проблемой, поскольку имеет множество теоретических лагун и предполагает уточнение ряда методологических вопросов. В чем специфика анализа политической памяти и ее символических репрезентаций? Как и какие символические структуры играют определяющую роль в научных способах интерпретации стабильности и нестабильности политических систем? Какие стратегии анализа взаимосвязи структур политической памяти и политических систем выглядят перспективными при изучении процесса социального конструирования политических институтов?

При всей вариативности подобной междисциплинарной методологической стратегии исследователей, которых условно можно отнести к сторонникам *анализа структур социальной и политической памяти*, их объединяет онтология интерпретации политических коммуникации как смыслопорождающего процесса. Политическую систему же в этом контексте можно

представить как систему, институционализирующую смысл. Анализ символических предпосылок эволюции политических систем и, в частности, политической системы современной России, подразумевает специфический способ научного наблюдения, интерпретацию политики, как системы «конституирующей», «оформляющей» смысл посредством единства отношений таких компонентов, как «информация», «сообщение» и «понимание». При этом понимание — генерализация, обобщение смысла — выступает определяющим звеном коммуникативного акта, в ходе которого многообразие социальных взаимодействий обретает социальную значимость и, соответственно, *представленность* на уровне повседневности в виде символических конструкций, которые приобретают характер *смысловых комплексов политической памяти*. Изучение культурных факторов процесса институционализации тем самым должно быть «чувствительным» не только к фиксации и описанию ценностных политических ориентаций, политических идентичностей или частных технологий легитимации политического доминирования, но и к формам и процедурам подобного символического маркирования коммуникативных событий и действий, в семантических границах которых они возникают. Институциональная динамика современных политических систем — следствие исторической эволюции форм социальной памяти в нововременных политиях, ведущей к сложным конфигурациям «прошлых» и «новых» («современных», «модернизованных») «рамки» политической памяти, определяющих «репродукцию» и «разрушение» политических событий. На основе подобных общих методологических установок можно получить некоторые теоретические следствия, значимые, на мой взгляд, для анализа условий и предпосылок стабильности политических систем.

Исследование политического процесса в рамках анализа символических структур социальной памяти позволяет артикулировать ее смысловые формулы, коды и программы, которые выступают своего рода «памятью» политических коммуникаций. Такого рода память необходима для повторения, когда ситуация распознается как повторение другой ситуации, без чего невозможна пролонгация коммуникативного процесса. Память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно спе-

циально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [4, с. 104; 5, с. 110]. Эти «предположения» вынуждают к обобщениям при мотивации поведения. «Память» в таком случае — не столько сохранение прошлых идентичностей, сколько способ накопления знаний *из прошлого*, для их использования в последующем, постижение нового через «вычитывание в прошлом различий», «задающих будущее».

Симптоматичен в связи с этим периодически возникающий интерес к использованию понятия «социальная память», «культурная память» и сопутствующих ему концептов («политическая память» и «политика памяти») в современных междисциплинарных социокультурных исследованиях. При этом можно согласиться с Теном А. ван Дейком, что хотя общая структура социальной памяти до сих пор пока не известна, ее исследование возможно как изучение процесса конструирования на основе «знаний, позиций, идеологий и норм, когнитивных моделей» [2, с. 208, 215]. Информация в социальной памяти организована на основе ментальных репрезентаций (ментальных структур). Субъекты в результате динамики подобных структур порождают модели событий и действий (событийные модели), определяющие содержание значений дискурсов и обеспечивающих связь и синхронизацию памяти личностной и социальной.

Продуктивными в методологическом плане видятся и теоретические ремарки одного из авторитетных исследователей коммуникативных структур «культурной памяти», антрополога Я. Ассмана. Всякое «вспоминание», как постоянно подчеркивает Я. Ассман в своих работах, — это, прежде всего, акт семиотизации и символизации. В этой эпистемологии темпоральные рамки социальной памяти рассматриваются в качестве базового символического параметра культурных коммуникаций. Показательно в связи с этим его суждение о том, что «синтез времени и идентичности осуществляется посредством памяти» [10, p. 109].

Если анализ идеальных измерений институциональной динамики в традиционном политологическом дискурсе позволял наблюдать влияние политических «ценностей», «идеалов», «норм» с позиций политических элит, то концептуализация идеального в политических коммуникациях посредством понятия «политическая память» позволяет отвечать и на во-

просы, как и каким образом «идеальное имеет значение» для прагматики повседневного политического существования.

Ценности, ценностные обоснования в процессе коммуникативного взаимодействия — своего рода «слепые пятна» [3, с. 206], которые побуждают политических акторов к поиску символов согласия («схем согласия») на основе разграничения политических ценностей и антиценностей («политического цинизма»), но сами по себе не являются основанием структурирования социальных коммуникаций в современном обществе. Ценности как осознанные или неосознанные представления о должном и желаемом, как и прежде, создают смысловой фон для выбора альтернатив и облегчают коммуникацию в условиях ее непредсказуемости, проверяя на адаптивность программы политических действий, высвечивая их относительность [6, с. 419]. В условиях множественности и качественного разнообразия участников символического конструирования ценностные обоснования в современном обществе (хотим мы это признать или нет) реализуются через идеологию и публичную риторику, и могут легитимироваться весьма вариативными системами ценностных предпочтений.

Знания в символических горизонтах политической памяти общества, структурированные в политические ожидания, выступают порождающими моделями политических событий и социальной солидарности (событийные модели социальной ответственности), обеспечивающими синхронизацию социальной памяти «масс» и «элит», превращая решения политических акторов в публичную политику. Политическая память, как и всякая иная социальная память, «порождает» (символически маркирует) временные и пространственные диапазоны массовых политических коммуникаций «принуждая» как непосредственных участников политических интеракций, так и тех, кто их «наблюдает», в частности политологов, жить «в общем времени и пространстве».

На значимость подобного семантического измерения влияния культурных феноменов на процесс политической институционализации обращают и другие исследователи. Так Алейда Ассман вводит понятие «временной режим культуры», обозначающее, как она отмечает, «темпоральную организацию и ориентацию, укорененные в культуре» как основу для возник-

новения когнитивных схем коллективных взаимодействий [1]. Именно структуры социальной памяти, на наш взгляд, являются своего рода символическими границами, неким виртуальным «резервуаром» возникающих смыслов. Эти структуры определяют темпоральность социальных концептов, которые отражают ожидания людей, описывают разрушение/появление новых идентичностей и их институциональный дизайн, ориентируя участников коммуникаций на «настоящее», «прошлое» или «будущее». В связи с этим представляется перспективным изучение символических презентаций политической памяти на основе методологического инструментария исследований пространственно-временных структур, «режимов» политической памяти, предопределяющих динамику и направленность институциональных изменений. При таком взгляде на культурный процесс, социальные идентичности и их ценностные иерархии вторичны по отношению к динамике горизонтов смысловых проекций из настоящего, так они отображают не столько прошлую социальную реальность, сколько символически фиксируют актуальность смыслового выбора, каждый раз переопределяя, что нам следует *помнить* на этот раз.

В современных исследованиях политической памяти уже наработаны социологические модели качественного анализа частных случаев символической «прагматики» политического мифа. Например, в рамках «процессо-реляционной» стратегии исследования *«работы памяти»*, где социальная память выступает «горнилом смысла», а не «сосудом истины», предложены способы исследования «фигураций» памяти как меняющихся соотношений в символической репрезентации прошлого и настоящего. Подобные фигурации описываются посредством эмпирического анализа процесса символической борьбы «памятей» и «за память» в социальных полях, средств передачи памяти, жанров и профилей социальной памяти [11, р. 158–159; 9]. Важным звеном подобного процесса является классификация и изучение процесса «работы» мнемонических практик, описание специфики их реализации в символической политике для того, чтобы обоснования прошлого («почему так») и будущего («как это будет») обрело чувственную осязаемость на уровне повседневности. Очевидно, что категориальный аппарат подобной программы исследований идеальной

составляющей политических процессов нуждается в обосновании и операционализации, но существующий уровень разработанности междисциплинарной стратегии и инструментария дискурсивных исследований социальной памяти позволяет надеяться на решение подобной задачи.

Следует отметить, что дестабилизация политического порядка в политическом пространстве постсоветских государств в значительной степени предопределена спецификой способов конструирования политических событий недавнего прошлого в настоящем, сужением рамок политической памяти, что неизбежно порождает войну «политик памяти», непрекращающуюся два десятилетия как внутри политических систем новых государств, так и между ними. Весьма показательна в этом отношении ситуация в России в период президентства Б.Ельцина или в современной Украине. Это актуализирует посылку авторитетного исследователя коммуникативных измерений социальной динамики современного общества Н. Лумана, который акцентировал внимание на том, что история может конституироваться только «во времени как особом измерении смысла» и не должна оставаться историей «фактической последовательности событий», где «настоящее постигается как результат прошлых и будущих действий» [6, с. 122]. Именно «смысловая история» обеспечивает «свободный доступ к смыслу прошлых и будущих событий...» [6, с. 122], открывая возможности для прогнозирования социального конструирования политического времени и политических институтов посредством политики памяти.

Библиографический список и примечания

1. Ассман А. Трансформации нового режима времени // НЛО. М., 2012. № 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (дата обращения: 01.02.2016).

2. Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

3. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 194–218.

4. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005а. 256 с.

5. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007а. 360 с.

6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

7. *Панов П.В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.

8. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.

9. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. Т. 11, № 1. М., 2012. С. 40–75.

10. *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning, in collaboration with Sara B. Young. Berlin; N. Y.: Gmb&Co. KG, 2010. P. 109–118.

11. *Olick J. K.* From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Eds. Astrid Erll and Ansgar Nünning// collaboration with Sara B. Young. Berlin; N. Y.: Gmb&Co. KG, 2010. P. 151–162.

Э. Земмур

E. Zemmour

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЙ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

CHANGE OF VALUES AS A FACTOR
OF POLITICAL TEMPEST:
EUROPEAN EXPERIENCE FOR RUSSIA

Анализируя связь между ценностями и политическими системами, вспоминается изложенная в мемуарах Сен-Симона история о пребывании царя Петра Великого в Париже (1717). В один из дней Петр I отправился в Версаль. Версаль пребывал в волнении, все говорили лишь о русском великане, видя царя неким людоедом из сказок Шарля Перро. Царь нанес два поразивших умы визита. Первый: он устремился к мадам де Ментенон, которую он, сжимая в своих объятиях, расцеловал в честь великого короля Людовика XIV. А затем — что еще более удивительно — он отправился на могилу Ришелье, где про-

изнес широко известные слова: «Великий человек, я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другой». Правда, как гласит юмористическая трактовка этой истории, кто-то из сопровождавших Петра французов заметил: «И совершили бы огромную ошибку. Ваше Величество. Он быстро бы прибрал к рукам и вашу половину».

Эта превосходная история доказывает, что во все времена люди размышляли о лучшем способе управления. Европа представляет собой особенный континент по части управления людьми. По всей земле применялись примерно одинаковые методы управления, т.е. существовала данная Богом власть, управлявшая людьми с помощью Божьего закона. Основная европейская специфика заключается в том, что — как удачно отметил Марсель Гоше¹ — религия европейского континента, христианская религия является «религией конца религии». Следовательно, основная европейская специфика заключается в медленной, но неумолимой и неотвратимой секуляризации общества. Секуляризация привела к изменению ценностей и, как следствие, к потрясению политической системы. Это была небывалая ранее секуляризация — говорили о смерти Бога. По моему мнению, никто во всей мировой литературе не выразил ее последствия и потрясения лучше, чем это сделал в своих романах русский гений Достоевский. Нет более великого автора, который смог бы выразить замешательство и смущение, и даже отчаяние человечества пред лицом смерти Бога и секуляризации. В то же время, нельзя было лучше выразить и ощущение господства освобожденной от власти религии и Бога личности.

Революция секуляризации неотвратимо повлекла за собой революции политические. Вся история Европы заключена в революциях — английской, американской, французской и русской. Эти четыре великих революции дали направление истории Европы и каждая из них по своему пыталась ответить на вопрос, какая же политическая система сможет обобщить и реализовать на практике для общества, избавившегося от Бога, неуловимое равновесие между двумя новыми ценностями, навязавшими себя нашему обществу, ушедшему от религии и от Бога, — свободой и равенством.

---

¹ Гоше Марсель (р. 1946) — французский историк, философ и социолог.

Эти две фундаментальные ценности противоречат друг другу и одновременно дополняют друг друга. В четырех революциях люди пытались установить шаткое и неосуществимое равновесие между равенством и свободой. Необходимо понимать, что свобода требует слабого государства и сильного общества. Равенство же требует сильного государства и слабого общества. Излишняя свобода страдает от анархии. Излишнее равенство страдает от диктатуры и тирании. Можно сказать, что на всем европейском континенте равновесие так и не было найдено. Всегда имели место сулящие успех перегибы. Морские страны, страны англо-саксонской модели отдавали предпочтение личной свободе в ущерб равенству, рискуя неравенством и беспорядками. Страны континентальные — Франция, Германия, Россия — предпочитали равенство, рискуя оказаться во власти тирании, террора (Франция), коммунизма (Россия) и нацизма (Германия). Идеальное равновесие не было найдено и, возможно, никогда не будет найдено.

Вся история Европы на протяжении последних трех веков представляет собой противостояние режимов, предпочитающих свободу, и режимов, предпочитающих равенство. В период с конца войн Людовика XIV до войн Наполеона французское общество вдохновлялось идеей равенства, английское — идеей свободы. По окончании событий, называемых некоторыми историками новой Столетней войной, свобода англичан одержала победу над равенством французов. После немецкой интермедии в XX столетии борьба между англо-саксонской свободой и континентальным равенством возобновилась вновь, но уже между Америкой и Советским Союзом. И опять идея свободы, отстаиваемая морскими англо-саксонскими странами, одержала победу над идеей равенства, царящей в континентальных странах. Таким образом, на протяжении трех веков страны с морской доминантой, защищающие экстенсивную концепцию свободы, одерживают победу над Францией, Россией и Германией — странами, защищающими концепцию равенства, порой чрезмерного.

Таким образом складывается обоснованное впечатление, что победа оборачивается против победителей. Избыток свободы торжествует там, где потерпели крушение эгалитарные режимы. Под «странами с англо-саксонской доминантой», я подразумеваю Англию и Соединенные Штаты, но вся Запад-

ная Европа находится под влиянием этого режима. Бесспорно, негативные последствия могут разрастись. О первом негативном последствии я уже упоминал: свобода требует слабой власти и сильного общества. На текущем этапе, по моему мнению, мы подошли к крайним пределам этого ослабления власти. Шарль Пеге¹ говорил, что слишком сильная власть нас подавляет, власть же слишком слабая приводит нас к гибели. Сегодня вся западная демократия находится во власти слишком слабых режимов.

Президент Соединенных Штатов на внешней арене кажется очень сильным. На самом же деле, в своей стране он очень слаб, он не может навязывать свои взгляды и находится в плену чрезмерно сильного лобби, спонсировавшего его предвыборную кампанию, которое теперь и навязывает ему свою политику, свои законы и свои решения. Сегодня существует реальная проблема, называемая англичанами «leadership»: во всех западных странах власть сегодня слаба, она является заложником того, что генерал де Голль называл феодализмом. Франция имеет прекрасный пример режима, пытавшегося установить это неуловимое равновесие между свободой и равенством, свободой и авторитетом — это Пятая Республика генерала де Голля. Хорошо видно, как на протяжении тридцати лет по англо-саксонской модели распадается наш режим, как мы страдаем от отсутствия авторитета и власти, насколько неспособна слабая власть защитить людей. Слабая власть является заложником многочисленных действующих меньшинств, которые имеют влияние через посредничество медиа, финансовые и лоббистские группы. В мемуарах графини де Буань, современницы Французской революции, Империи и Июльской монархии, содержится следующая фраза: со времен Июльской монархии (1830–1848) чувства честных людей полностью подчинены тявканью групп крикунов, газет и перекрестков.

Ничто не изменилось. Как в 1840, так и в 2016 г. закон во Франции по-прежнему вершит тявканье крикунов, газет и перекрестков. Сегодня мы даже довели до совершенства то, что так четко сформулировала графиня де Буань, и называем это «правовым государством». Нужно понимать, что правовое

---

¹ Пеге Шарль (1873–1914) — французский поэт, драматург, публицист. Сторонник социалистических идей. Член социалистической партии Франции с 1894 г. Издатель журнала «Cahiers de la quinzaine».

государство — великолепное изобретение западных режимов, выросших из романтики античной Греции и из христианства, в котором право защищало личность от слишком сильной власти. Судьи же, со времен Великой хартии вольностей (1215) и всех западных норм, служили защитой личности от слишком сильной власти.

Однако для нас словосочетание «правовое государство» означает совершенно иное. Под ним подразумевается то, что в действительности французские революционеры называли «судебным правлением». Иными словами, мы имеем судей, которые используют право, чтобы обезоружить государство, сделать его бессильным защищать граждан. Судей, которые, прикрываясь правом, по идеологическим причинам или просто по слабости препятствуют государству стать сильным. В западных обществах, имеющих слишком слабую власть, где право повернулось против самого государства, нарастает экономическое и социальное неравенство. Этот процесс, отсылающий нас к европейской ситуации времен зарождения капитализма в начале XIX века в том виде, как он был описан великими французскими и английскими романистами, имеет значительные социологические и политические последствия.

Рост неравенства приводит к возрождению аристократии, передающей свою власть и экономическую мощь от отца к сыну и ниспровергающей меритократические системы, созданные в начале XX века. Аристократические системы способствуют развитию олигархических систем, которые с легкостью используют средства так называемых демократических систем. По этой причине Европа представляет собой абсолютно карикатурный пример доминирования системной олигархии над «демократическими системами». Это чрезвычайно интересно еще и потому, что Европа, стремившаяся к федеральному режиму, пришла к режиму олигархическому. Как искавший Индию Христофор Колумб нашел Америку, наши европейские элиты, зачастую искренне стремившиеся к федерализму, в действительности пришли к олигархическому режиму с технократами Центрального европейского банка, Европейского суда и Европейской комиссии, которые взяли в свои руки всю власть, издают законы, нормы и права только лишь посредством данной идеологии. При этом демократические системы окончательно отодвинуты на второй план.

Когда Греция стремилась путем референдума защитить свои позиции, а правительство старалось доказать, что оно имеет поддержку народа, Жан-Клод Юнкер, Председатель Европейской комиссии, сказал буквально следующее: «Международные соглашения не оставляют возможности демократического выбора». На мой взгляд, это заявление должно остаться в книгах по политической истории XXI века как иллюстрация того, что олигархия может сделать, и — что еще страшнее — что она считает себя вправе сделать.

Государства, стремившиеся к примату личной свободы, войдя в европейское сообщество, строили общий рынок на четырех «основных свободах», определенных Единым европейским актом 1980-х годов: свободе движения товаров, свободе движения лиц, свободе движения услуг, свободе движения капиталов. К чему это привело? По моему мнению, свобода движения товаров и капиталов, привела к экономическому и социальному неравенству. Свобода передвижения лиц приводит к невероятным перемещениям народонаселения, к тому же, в условиях сложной демографической ситуации. Во времена моего детства планету населяло три миллиарда людей, сейчас нас семь миллиардов. Напомню, что первого миллиарда человечество достигло в 1820 г. Для достижения второго миллиарда понадобилось чуть более века — 107 лет. Третий миллиард появился через 33 года — в 1960 г. А через пятьдесят один год численность населения Земли составила семь миллиардов человек. При этом численность населения развитых стран увеличивается медленно. По прогнозам специалистов, она возрастет с 1,2 миллиарда в 2010 г. до 1,3 миллиарда в 2031, тогда как численность населения наименее развитых стран более чем утроится. В этих условиях следствием установленного европейскими странами режима свободы передвижения лиц становится появление среди коренного населения другого народа с иными ценностями, героями, чаяниями. Я уже писал о Европе, отдавшей приоритет секуляризации и индивидуализму, теперь же представляю и линейное прогрессивное видение, пришедшее из иудео-христианства и иудео-христианского мессианизма, чем обособилось от других обществ, соприкасающихся на основе креационизма, остававшегося характеристикой всех других цивилизаций.

Чтобы не прибегать к цитированию, замечу, что ислам имеет свою систему ценностей, называемую по научной терминологии холистической, т.е. предпочитающей индивиду общность, прогрессизму и линейному видению истории креационизм. Это не религия, это право, утверждающее подчинение личностей божественному порядку, утвержденному в общности. Это абсолютная противоположность европейским цивилизациям, освободившимся от Божественного послания, чтобы обособиться и дать личности независимость. Но я не выношу суждения по поводу той или иной системы ценностей. Можно было бы с легкостью оправдать обе эти системы. Я только предполагаю, что индивидуалистическая и прогрессистская система доживает свой век, и констатирую, что ее необходимо пересмотреть. Точно так же можно сказать, что холистическая система ислама имеет свои достоинства, она увековечила общество и историю общности.

Сегодня мы пришли к переходному моменту. С одной стороны, мы имеем либеральные системы в англо-саксонском стиле, которые пришли к безумию. Можно вспомнить Честертона, сказавшего, что мы живем в мире, называемом христианским, который сошел с ума. Сегодня Европейские народы начинают это понимать, что либеральные идеи имеют свои достоинства, но теперь они стали безумными. Мы видим это в России, Венгрии, Польше и западных странах по тому, что элиты называют популистскими движениями. Я полагаю, здесь надо говорить о правах народа, который пытается проснуться. Знаменитое право народа располагать самим собой возвращается, но на этот раз не вопреки королям, монархам и аристократии, а вопреки отдельной личности, совершенно безумной, как и системы, возводящей личность над обществом. Нам предстоит создать новые системы, которые позволят восстановить права народов, более не желающих быть презируемыми, даже если придется пожертвовать некоторыми правами личности.

*М.Г. Иванова**M.G. Ivanova*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

TRANSFORMATION OF NATIONAL SOFT POWER POLICY OF RUSSIA IN CONDITIONS OF INCREASING POLITICAL INSTABILITY

В последние десятилетия, на фоне дальнейшего усложнения политической реальности, где содержание ее феноменов все больше охватывается экономической и социально-культурной сферами [6, с. 43], в мировой системе возрастает роль «мягкой силы» и факторов «мягкого» внешнеполитического влияния государств и глобальных институтов.

Известный американский политолог Дж. Най определяет мягкую силу как способность одного политического актора (в первую очередь государства) влиять на поведение других с помощью своей привлекательности и авторитета, а не военной силы или экономического давления [9].

В постсоветский период Россия в силу разных причин и ограничений, в том числе государственной политики деидеологизации длительное время не занималась ценностно-идеологическим оснащением своей внешней политики. С конца 1980-х гг., с крушением СССР и социалистической идеологии в стране начался идейный кризис, сопровождающийся затянувшимся кризисом идентичности. Процесс деидеологизации общества, инициированный в годы перестройки, опирался, по существу, на искаженное понимание идеологии, сводя ее лишь к политической сфере. В результате возникший кризис идей нанес сильный удар не только по коммунистической идеологии, но и по самим цивилизационным основаниям России.

Как известно, политологи выделяют пассивную «мягкую силу», которая содержит характеристики, имманентные определенной стране (или политическому субъекту), характеризует привлекательность государства априори, в ситуации, когда

никаких специальных усилий для того, чтобы «понравиться» другим, государство не предпринимает. Активная или деятельная «мягкая сила» «проявляется, когда страна-актор пытается донести до объекта воздействия свои преимущества и сформировать в его обществе и политической среде ...выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу» [1, с. 35].

В своей внешней политике на протяжении полутора десятилетий Россия фактически отказывалась от деятельной мягкой силы, хотя потенциал «мягкой силы» страны оставался значительным. Так, в 1990-е гг., преимущественно в постсоветских республиках возник «русский мир» — десятки миллионов соотечественников оказались далеко за пределами российских границ, расширяя поле российской цивилизации. В изменившихся политических и экономических условиях актуализировался объективный запрос на использование мягкосилового инструментария для адекватного обеспечения внешнеполитических интересов страны.

В период, когда значение мягкой силы возрастало как в мире, так и в отдельных граничащих с Россией регионах, страна фактически игнорировала данный «тренд» — отказываясь от использования мягкой силы во внешней политике или не применяя ее инструменты.

В последнее десятилетие Россия предпринимает активные усилия для того, чтобы капитализировать свои ресурсы пассивной «мягкой силы», конвертировать их в активную мягкую силу, способную принести реальные политические результаты.

К сожалению, сегодня внешняя политика России с использованием «мягкой силы» реализуется весьма фрагментарно и хаотично [4]. В настоящее время ряд отечественных политологов отмечает, что образ современной России на международной арене в значительной степени искажен, в связи с чем, политика «мягкой силы» встречает ряд трудностей и противодействий со стороны отдельных стран и политических акторов.

Если рассмотреть предысторию развития политики «мягкой силы» современной России, то нельзя не отметить, что, за исключением нескольких последних лет, в среде отечественных политологов преобладала критика феномена «мягкой силы», тогда как обсуждение возможностей ее применения на пользу стране явно было недостаточно продуктивным. С од-

ной стороны, мягкая сила воспринималась как «недостойное (манипулятивное) средство реализации собственных интересов. С другой, блокируются или выхолащиваются поиски нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро “мягкого” потенциала страны» [2].

В последние годы политики и ученые все чаще призывают капитализировать имеющийся потенциал мягкой силы страны вместо того, чтобы инициировать новые дорогие и сложные в реализации имиджевые проекты и бросать вызов доминирующим сегодня идеологическим и ценностным системам. Так, бывший глава Россотрудничества К.И. Косачев справедливо отмечал: «Пора прекращать прибедняться или ждать, когда в России родится какая-то ценностная альтернатива чужим проектам <...> У нас есть все для того, чтобы мы гордились своей страной, и чтобы нас уважали за ее пределами <...> “Мягкая сила” России — прежде всего, Русский мир в самом широком смысле — и соотечественники, и симпатизирующие, и специализирующиеся на России» [7].

Активному использованию термина «мягкая сила» в последние годы в российских СМИ способствовало его употребление высшими должностными лицами [3; 10; 11], концепт «мягкой силы» стал употребляться в некоторых отечественных нормативных актах, в том числе в «Концепции внешней политики РФ» от 14 декабря 2012 г., которая позже была обновлена Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию» [13].

В тот же период были сформированы и институционализированы организационные структуры внешнеполитической реализации российской мягкой силы [5, с. 26]. Так, 21 июня указом Президента В.В. Путина был создан Фонд «Русский мир». В 2008 г. было основано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). 2 февраля 2010 г. распоряжением Президента Д.А. Медведева был создан Фонд поддержки публичной дипломатии им А.М. Горчакова [5, с. 26].

Фактически, руководством страны был взят курс на формирование позитивного внешнеполитического имиджа страны (в первую очередь, для западной аудитории), что может

являться косвенным показателем увеличения ресурсного потенциала российской внешней политики. По справедливому замечанию Н.Н. Медведевой, «была подхвачена модная в тот период тенденция позиционирования государства как марки или компании» [8, с. 24]. Задача формирования привлекательного внешнеполитического имиджа страны объяснялась тем, что российский бизнес был вынужден нести потери из-за недостаточно привлекательного образа российского государства, и, в частности, ведущие российские компании в разы уступали по рыночной и фондовой стоимости своим европейским партнерам по бизнесу из-за неблагоприятного политического имиджа России [8, с. 128], уровень политических рисков страны завышался, а западные СМИ продолжали рисовать отталкивающий и пугающий образ нашей страны.

Избранный вектор внешней политики объяснялся рядом политических факторов: стремлением восстановить престиж России как великой державы, реализовать собственный проект экономической интеграции на постсоветском пространстве, создать условия для сближения с 25 миллионами соотечественников за рубежом, донести до иностранной аудитории собственный «голос» России, ее интересы и ценности.

После «Мюнхенской речи» В.В. Путина со стороны России впервые начала открыто звучать критика силового глобализма и ультралиберализма, сопровождаемая последовательной защитой традиционных ценностей, принципов государственного суверенитета и норм международного права.

В декабре 2005 г. агентством РИА-новости был создан специальный новостной телевизионный канал «Russia today» — первый российский телеканал глобального уровня, вещающий на зарубежные страны на разных языках и оказавшийся общепризнанно успешным проектом. В начале 2014 г. путем слияния РИА «Новости» и Радио «Голос России» было образовано информационное агентство «Россия сегодня».

К сожалению, как отмечает ряд исследователей, из-за неправильной расстановки приоритетов политика улучшения внешнеполитического имиджа России 2000-х гг. оказалась дорогостоящей и недостаточно эффективной. Задача формирования положительного образа России воспринималась как технология, которую можно передать на аутсорсинговое обслу-

живание, а все сопутствующие задачи считалось возможным решить при помощи финансовых вливаний.

Так, говоря об инструментах мягкой силы России, следует упомянуть тот факт, что с начала председательства России в G8 в 2006 г. в рамках кампаний по улучшению российского имиджа за рубежом было привлечено крупное американское агентство Ketchum, что привело к неэффективным и неоправданным тратам. Была сделана ставка на крупные ПР-акции и масштабные имиджевые мероприятия, финансируемые преимущественно из государственного бюджета. Например, с середины 2000-х гг. Россия активно вступила в борьбу за право проведения международных спортивных и культурных мероприятий, в которой первоначально уступала ведущим странам (так, в 2000-е гг. Россия проигрывала в конкурсах на проведение чемпионата мира по футболу и международной выставки Экспо–2010). Однако за несколько лет сомнения в платежеспособности России и ее способностях проводить у себя международные мероприятия самого высокого уровня исчезли. В результате, Россия начала побеждать в международных конкурсах: заработала право на проведение зимней олимпиады в Сочи и чемпионата мира по футболу, а вместе с тем и значительно повысила свою репутацию. Однако политические результаты данных побед оказались весьма скромными.

Таким образом, прежний подход России «формирование привлекательного для западной аудитории внешнеполитического имиджа любой ценой» зашел в тупик и, согласно закону убывающей отдачи, стал неэффективным, требуя огромных и неоправданных финансовых вложений.

Вместе с тем успешные внешнеполитические инициативы российского руководства, не повлекшие за собой существенных затрат, позволили добиться значимых политических результатов и повысили международный престиж нашей страны и ее руководства. Так, предложение поставить под международный контроль химическое оружие в Сирии в 2013 г., параллельно с уверенной поддержкой Э. Сноудена, вывело Президента РФ В.В. Путина на первое место в списке самых влиятельных людей мира по версии журнала Forbes. По мнению многих политологов, этот период в преддверии Олимпиады в Сочи стал «звездным часом» российской «мягкой силы».

После 2010 г. в России назрел и фактически был осуществлен переход от стратегии привлечения внимания к стратегии влияния, т.е. капитализации наличных и вложенных ресурсов в политически значимые результаты. Изменился и политический дискурс — на место понятия «внешнеполитический имидж России» пришла «мягкая сила России».

«Принятие на вооружение» концепции «мягкой силы» оказалось очень полезным для внешней политики России. Ее имплементация привела к прагматизации российской внешней политики, совпав с соответствующим общемировым трендом.

В частности, Россия таким образом осуществила переход от пассивного участия в «чужих» программах международной помощи (например, под эгидой Всемирного Банка) к активной реализации своих собственных программ, адресных, более видимых для адресата и политически целесообразных, в том числе и с точки зрения интересов российского бизнеса.

В настоящее время в России уделяется большое внимание «мягкой силе», развитию ее инструментов и публичной дипломатии. Тем не менее, говоря об инструментах российской «мягкой силы» нельзя не заметить, что в основе своей они сосредоточены в руках государства, государственных и аффилированных с ними структур. Дж. Най справедливо отмечает, что «в значительной мере мягкую силу Америки создает, не государство, а гражданское общество — все, начиная с университетов и фондов и кончая Голливудом и поп-культурой <...> В сегодняшнем мире информации в избытке, но внимания не хватает. А внимание зависит от авторитета и убедительности. Государственная пропаганда редко бывает убедительной» [15]. По мнению многих политологов, сегодня возникла ситуация, когда даже патронируемые государством (к примеру, через гранты) формально независимые организации пользуются большей популярностью, чем любые проекты, институционально связанные с государствами, «что ставит страны, не способные или не готовые поддерживать и развивать свои гражданские организации и инициативы, в невыгодное положение» [5, с. 131].

К сожалению наполнение и концептуальное направление «мягкой силы» России исходит не от гражданского общества, а, преимущественно от государственных структур, что нашло отражение в соответствующих нормативно-правовых актах

(«Концепция внешней политики РФ» от 14 декабря 2012 г., Указ Президента РФ от 20.04.2014 № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию» [13] и др.).

Среди наиболее крупных отечественных структур на законодательном уровне, призванных развивать «мягкую силу» России можно выделить следующие: Россотрудничество, МИД, Минкультуры, Минкомсвязи, Общественная палата РФ, Фонд «Русский мир» и др.

Фактически, именно данные организации являются инструментами «мягкой силы» России и если мы говорим о какой-либо трансформации в этой области, то имеем в виду, в первую очередь, именно направления деятельности и реализации программ данных структур.

Однако, на наш взгляд, внешнеполитические инициативы РФ должны быть адресованы широкому спектру акторов (включая НПО, международные и транснациональные организации). Они должны ориентироваться на многостороннее сотрудничество, а выдвигаемые идеи и повестки должны быть обращены к широкой международной аудитории [12]. Существующие в западных государствах (например, во взаимоотношениях между США и их союзниками по НАТО) противоречия в интерпретации ключевых моментов их «мягкой силы» дают российским структурам возможность выступать полноправным участником соответствующих дискуссий, направленных на выработку универсальных стандартов легитимности. В серьезных цивилизационных противоречиях западного и незападного мира свою роль может сыграть уникальное положение России между Востоком и Западом, ее цивилизационные особенности и интеллектуальный потенциал.

Главными направлениями возможных усилий на постсоветском пространстве видятся следующие: экономическое сотрудничество, поддержка русскоязычной диаспоры, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его сравнительно новые элементы, как русскоязычный Интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, целенаправленное формирование кадров руководящих работников, сотрудничество в сфере региональной безопасности и содействия развитию.

Библиографический список и примечания

1. *Братерский М.В., Скриба А.С.* Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2.

2. *Валлер В.Я., Гронская Н.Э., Гусев А.С., Коршунов Д.С., Макарычев А.С., Солнцев А.В.* Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. Вып. 1.

3. Выступление президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». URL: <http://kremlin.ru/news/1590248>

4. *Должиков В.А. Потасов А.В.* «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России. URL: <http://sibac.info/14905>

5. *Иванов В.Г.* «Charts power» — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: ИНФРА-М, 2015.

6. *Кокошин А.А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4.

7. *Косачев К.И.* Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 04.09.2012. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>

8. *Медведева Н.Н.* Внешнеполитический имидж России в контексте развития отношений с Европейским Союзом. М.: Издательский Дом МИСиС, 2008.

9. *Най С.Дж.* (младший) Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

10. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>

11. *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012.

12. *Соловьев Э.Г.* Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // Международная жизнь. 2011. № 8.

13. Указ Президента РФ от 20.04.2014 № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162006>

14. *Хаас Р.* Как реагировать на анархию в мире // Foreign Affairs. 02.01.2015. URL: <http://inosmi.ru/world/20150102/225251325.html#ixzz3pQPLivzT>

15. *Nye J.S.* What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013. URL: http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/?wp_login_redirect=0

А.Ю. Ильин

A.Yu. Iljin

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЦЕННОСТЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

PROBLEMS OF REPRODUCTION OF VALUES
OF POLITICAL AND LEGAL CULTURE AS FACTORS
OF STABILITY OF POLITICAL SYSTEM

Важнейшее свойство для любой системы — это способность к самовоспроизводству, что возможно при согласовании ее внутренних и внешних взаимодействий.

Политическая система являясь «открытой», иерархичной, саморегулирующейся, динамически неравновесной системой поведения, испытывает на себе влияние не только внутренних воздействий, но и окружающей среды.

Политическая система, как и всякая иная сложная система, пытается сохранить свою устойчивость за счет имеющегося у нее потенциала.

Как отмечает О.Е. Гришин, «один из подходов гласит, что устойчивость политической системы — это способность сохранять свое развитие в заданном направлении и поддерживать намеченный режим функционирования, несмотря на воздействующие, на систему возмущения» [3].

При этом для того чтобы справиться с возникающими в политической системе противоречиями она должна обладать способностью к реорганизации самой себя и внешнего окружения.

Если же она не обладает подобными «способностями поддержания системы», то политическая система может быть разрушена.

Разные авторы предлагают различные подходы к решению проблемы устойчивости политической системы. Одни полагают, что регуляторами поддержания устойчивости политической системы являются механизмы социализации и легити-

мации или связывает проблему устойчивости политической системы с информационными свойствами ее структуры [3].

Другие, как, например, Иван Александрович Ильин, в первую очередь говорят о нарушении законов политики и права [4].

Иван Ильин полагал необходимым восстановление и сохранение, традиционных для каждого общества не только политических практик, но и духовных, в том числе религиозных ценностей. И любые подвижки в системе ценностей и установок, даже в их иерархической упорядоченности, обязательно приводят систему в состояние «неуправляемого равновесия».

С точки зрения анализа структурных элементов политической системы ценностно-культурный компонент является составной частью политической системы, обеспечивает устойчивость, цельность системы. Усугубляется это тем, что любые изменения в ней проявляются в «отдаленном будущем». Тем самым усложняется процесс диагностирования возможных причин и последствий. Если институциональную, нормативную и даже функционально-коммуникативную подсистемы можно представить не только в виде «черного ящика» функционирования их элементов, но в виде, как минимум, «серого», а то и «белого», то представить таким образом культурную подсистему общества, становится, почти невозможным. И более того, инертность и стереотипность сознания, как индивидуального, так коллективного, осложняет процесс сохранения, политической системы. Однако игнорирование общекультурных и политических ценностей в политической системе — это неминуемый крах для любой страны.

Изменения в 1980–1990-е гг. в России были вызваны в первую очередь не экономикой страны, ни противостоянием в холодной войне двух держав, а изменениями, произошедшими в сознании граждан, в системе базовых и высших ценностей общества, которые подверглись диффузии в конце 1960–1970-х гг. [1; 6, с. 16–26].

Для осознания этих ценностей, вероятно, недостаточно принять ту или иную позицию в оценке истории, настоящего и перспектив России, как страны, как цивилизации, как культуры, как современного государства вовлеченного в геополитические игры на «Великой шахматной доске» политического мира [2].

При определении устойчивости политической системы России необходимо принимать во внимание взаимозависимость сущностных и содержательных характеристик компонентов системы.

Механическое замещение элементов подсистем, не обеспечит устойчивости системы.

Например, выбор модели политического управления авторитарно-патерналистского типа неминуемо должен подкрепляться соответствующими не только институциональными, но и духовными, культурными, исторически воспроизводимыми мировоззренческими практиками. Любая подмена, (например, встраивание либерально-индивидуалистских ценностей) породит неустойчивую политическую химеру, опасную, как для самого общества, так и для его геополитического окружения.

Однако, в периоды испытаний, кризисов авторитарные практики управления, с учетом специфики культурных традиций обществ, порой являются единственно верными. Даже для стран, с устойчивыми либерально-индивидуалистическими практиками.

Выявить, какая полития избирает тот или иной набор ценностей (авторитарный или либеральный), следует судить не только на действиях «на выходе», но и той обстановке, которая является условиями-факторами воздействия, запросов на «входе».

Например, современные политические процессы, протекающие в России, в частности, построенная вертикаль государственной власти и, как следствие, сужения политического пространства, обеспечило и возвращение общества в традиционно-патерналистское культурное поле взаимодействий между различными сторонами публично-властных отношений.

Более того, формы и механизмы, используемые при встраивании вертикали государственной власти, тактики поведения, реальных и потенциальных участников процесса реанимировали элементы авторитарного конформизма в обществе, (одним из следствий которых и является сужение политического пространства).

Ориентируясь на патерналистские установки общественного сознания, публичные политики последовательно пере-

строили всю систему собственной аргументации, апеллируя к консервативно-охранительной традиции отечественной политической мысли и практики.

Подобная позиция характерна как для представителей доминирующей партии, так и более широких слоев общества, что достаточно органично вписывается в структуру российского политического сознания и практики, которое характеризуется, с одной стороны, высокой требовательностью к власти, с другой — негативно-нейтральным отношением к собственной публичной политической инициативе.

Сужение политического пространства опасно еще и тем, что изменение в структуре высших эшелонов власти и в первую очередь «уход» политического лидера страны влечет за собой не просто изменение политического курса. Оно приведет к движению деструктивных практик, опасных для продолжения прежней политики руководством страны, угрожающие ее целостности и суверенитету. Такое в истории России, в других странах с похожими практиками политического управления случалось регулярно.

Тем не менее, в ходе эволюции политической системы России из раза в раз воспроизводятся противоположные ценности. С одной стороны, ориентация на сильное, авторитарное государственное управление, с другой, индивидуально-либеральные идеи, в сочетании с демократическими практиками или даже течения индивидуалистических анархистских идей с элементами охлократии. Так, при активном внедрении формальных процедур и стандартов политического участия, когда в политике утверждаются практики политического voluntаризма со стороны центральных и региональных структур власти и конформистские модели поведения определенных социальных слоев и групп населения, ориентированных на стабильность и порядок. Как следствие, наблюдается попустительство и даже оправдание ограничений политического плюрализма и «не-опекаемой» деятельности потенциальных акторов принятия решений, что подтверждается «вялой» реакцией или неспособностью со стороны представителей «политической оппозиции» и общественности к принимаемым властью политическим решениям.

Достаточно объемно данная традиция обосновывается заявлениями главы российского государства. Теоретические и пропагандистские объяснения, например, находим в работах центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [1].

Естественно, внешний мир и внутренняя раздробленная оппозиция никогда не пойдут на отказ от внедрения противоположных ценностей (деятельность т/к «Дождь», «РБК» и ряда других масс-медиа и Интернет-ресурсов тому яркое подтверждение).

Если обратиться к истории страны, то обнаружится, что список противостояния двух крайних парадигм ее развития довольно длинный.

Для России, как и для большинства стран мира их политических систем, важнейшими ценностями являются целостность и безопасность **территории**, («Земля обетованная», «Fatherland», и т.п.), **народонаселение** (его количественные, качественные характеристики) и качество политического (государственного) **управления**.

Возникают вопросы: какие политические ценности и традиции укоренены в исторической памяти, в традициях, культуре страны? Какие из них работают на ослабление политической системы, ее столпов? Какие позволяют сохранять целостность территории, благополучие народа и населения и качество управления страной? Как влияют процессы глобализации, геополитики на устойчивость ценностных скреп для воспроизводства политической системы, особенно в период внутренних и внешних угроз.

Вероятно, возможны различные варианты. Однако с точки зрения ситуативных тенденций, которые диктуют потери суверенитета страны, ее самодержавности, сработал механизм автаркии, и на смену модели либеральной модернизации, правящей политической элитой используется модель консервативной модернизации.

История России знала подобные повороты, способствующие и развитию усилению страны (например, собирание земель от Ивана Калиты до Ивана Грозного, первых царей Дома Романовых или Советский Союз времен Великой Отечественной войны).

Однако в век глобализационных процессов и высокой динамики испытания на прочность политических ценностей стран Европы, усиления стран Дальнего Востока, нестабильности на Ближнем Востоке проблема сохранения устойчивости политических систем будет возникать постоянно. Ослабление хотя бы одного из трех элементов ценностной триады, губительно скажется на устойчивости политической системы.

Таким образом, одна из проблем устойчивости политической системы заключается в том, какие ценности политической и правой культуры требуется и возможно воспроизводить, если существует разнородный набор политических ценностей, какие из физически и морально устаревших ценностей стоит модифицировать, какие нет.

Через какие каналы воспроизводства ценностей будет осуществляться процесс. Через институты образования? К этому новая система среднего и высшего образования не готова. Институты культуры и СМИ в настоящий момент могут стать серьезным каналом формирования и воспроизводства ценностей, но каких, и в каком качестве? Вопрос остается открытым.

Библиографический список и примечания

1. *Багдасарян В.Э., Сулашкин С.С.* Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2013.
3. *Гришин О.Е.* Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121>
4. *Ильин А.Ю.* Проблемы российской государственности в политико-правовой концепции И.А. Ильина. Петрозаводск, 2011.
5. *Мединский В.* Мифы о России. М.: ОЛМА Медия Групп, 2015.
6. *Смирнов Л.М.* Базовые ценности «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 444 с. Гл. 1.
7. *Шевченко А.В.* Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // Полис (Политические исследования). 2009. № 5. С. 68–83.

Р.Ш. Нехай

R.Sh. Nekhay

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК
ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ — ОСНОВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

THE MILITARY AND HISTORICAL MUSEUM
AS AN INSTITUTE OF HISTORICAL MEMORY —
A BASIS OF SOCIAL STABILITY AND INTEGRITY OF
THE RUSSIAN SOCIETY

Поле битвы — история

3 марта 2015 г. Болгария отмечала национальный праздник — День освобождения от османского ига. В связи с празднованием Дня освобождения Болгарии от османского ига торжественные мероприятия проходили по всей стране. Официальные власти государства решили пригласить на них зарубежных гостей. При этом в списке приглашенных не нашлось места руководству России.

Как известно, с 1396 г. Болгария была частью Османской империи, однако борьба за независимость продолжалась почти пять столетий. После подавления апрельского восстания в Болгарии в 1876 г., обращения боснийских повстанцев к сербам о помощи, Сербия и Черногория объявили Османской империи войну. Россия поддержала братские славянские народы и 24 апреля 1877 г. вступила в войну, которая получила название Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В Болгарии эта война названа Освободительной. Русская армия и ополчение разгромили турецкие войска, 3 марта 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Османской империей. По этому договору Болгария становилась независимым государством, признавалась также независимость Черногории, Сербии и Румынии. Итогом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало восстановление болгарской государствен-

ности и полное освобождение болгарского народа от османского гнета.

The Bulgarian Times, ссылаясь на руководство страны, сообщила, что приглашение президенту России Владимиру Путину не направлялось, так как «при освобождении Болгарии болгарских воинов погибло больше, чем русских». Это поистине удивительная логика, заставляющая сомневаться в психической адекватности болгарских чиновников. Получается, что если военнслужащих определенной страны (например, России), освобождавшей ту же Болгарию, погибло меньше, чем болгар, то это повод не пригласить представителей этой страны на торжественные мероприятия.

Болгарская газета «24» опубликовала заявление главы болгарского МИД Даниэла Митова в статье «Болгарской памяти и истории не требуется корректировщик»: «Болгары помнят не только русские освободительные войска в 1877–1878 годах, но и советскую оккупацию в 1944-м. <...> Никто из иностранных дипломатов не должен себе позволять высказывать недооценку болгарского народа» [2].

Президент России Владимир Путин, тем не менее, пожелал болгарам быть действительно свободными от любого ига. Об этом рассказал журналистам пресс-секретарь главы российского государства Дмитрий Песков: «Это решение суверенной Болгарии, мы относимся к нему с уважением. И, конечно, хотим, чтобы наши болгарские партнеры действительно были свободны от любого ига и были суверенны в своих действиях и решениях настолько, чтобы они никоим образом не вредили интересам страны» [3].

Фальсификация истории, уничтожение исторической памяти — деятельность опасная как для самого народа, который теряет почву под ногами и ориентиры для дальнейшего движения, так и для соседних народов и государств. Один из примеров того, к чему приводит путь исторического забвения, — современная Украина.

В ходе XIX Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» (Россия, г. Новосибирск, 17 декабря 2012 г.) с докладом «Оптимизация деятельности Украинского института национальной памяти в контексте формирования государственной политики памяти» выступил

кандидат философских наук Леонид Чуприй. Он подчеркнул, что в поисках средств для оптимизации и повышения эффективности работы института «важным является изучение успешной деятельности соответствующих зарубежных структур, в частности Института национальной памяти Польши и Центра исследований геноцида и сопротивления Литвы» [1].

Доцент из Киева изложил в своем докладе необходимость создания и направления деятельности института: «В Украине потребность по созданию института, который должен координировать исследования и деятельность по вопросам формирования исторической памяти, существовала с 90-х годов прошлого века. Когда в Украине происходили проблемы переосмысления национальной истории и открывались неизвестные страницы исторического прошлого, с особой остротой возникла проблема ликвидации “белых пятен” истории, опровержения предыдущих исторических стереотипов и мифологем. Процесс присвоения истории нуждался и нуждается в четко сформулированной государственной политике, способствующей налаживанию адекватной коммуникации с обществом путем донесения объективной информации о реалиях отечественной истории и направленной на достижение общественной и политической консолидации с целью уменьшения негативных последствий культурно-цивилизационного разлома, которой существует в Украине» [1].

Решение о создании УИИП в виде Государственного комитета национальной памяти было принято кабинетом министров 17 мая 2006 г. в канун Дня памяти жертв тоталитарных режимов — 21 мая 2006 г. (официально установленным таким годом позже, 21 мая 2007 г.).

Институт был автором пакета из четырех законов: «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики», «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке», «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» и «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» [8].

В апреле 2015 г. Верховная Рада Украины приняла данный пакет. Согласно закону об открытии архивов, документы силовых ведомств бывшего СССР, в том числе КГБ, Генпрокурату-

ры, ГРУ Генштаба Вооруженных Сил, а также армейских подразделений и судов, в настоящее время хранящиеся в архивах различных ведомств с разным режимом допуска, должны быть в течение двух лет переданы в госархив, который будет создан при Украинском институте национальной памяти. Доступ не может быть закрыт к материалам о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, незаконных действиях органов государственной власти, об авариях и катастрофах, о состоянии окружающей природной среды и обо всем, что представляет общественный интерес [4]. Таким образом, Украинский институт национальной памяти активно участвует в формировании и реализации государственной политики Украины.

А как в России? Приведу не факты — выводы из статьи кандидата исторических наук доцента СПбГУ Е.А. Ростовцева и аспиранта этого университета Д.А. Сосницкого «Направление исследований исторической памяти в России»: «Материалы данного очерка позволяют констатировать, что в настоящее время государственная политика памяти не имеет ни четко выраженных идеологических ориентиров, ни научной основы. Разумеется, власти стремятся интуитивно найти и поддержать пантеон бесконфликтных, так называемых «консенсусных» объектов исторической памяти (Александр Невский, Минин и Пожарский и др.), однако системного подхода к формированию задач исторической политики в современной России нет. Под названиями, подразумевающими мемориальные исследования, зачастую скрываются тексты, в которых авторы, прикрываясь научной риторикой, предлагают свои, научно не подкрепленные версии отечественной истории, которые, по их мнению, должны быть восприняты широкой общественностью. Таким образом, одной из главных задач исторической науки в этой области является избавление от подобных «псевдомемориальных» сочинений, а также включение в исследовательский оборот новых источников формирования исторической памяти» [9, с. 118].

Потенциал и возможности музеев военного ведомства

В современной России проблема сплочения граждан на основе общей идеи, которая близка каждому, становится одной из самых важных. Эта идея вырастает из общего прошлого, из нашей культуры. Знание истории формирует гордость за свое

Отечество, помогает осознанию причастности к его судьбе, приобщает участие в сложном процессе становления и развития государства.

Историческая память, особый феномен социокультурной реальности, способна сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого и превращает их в ценностные ориентиры, она является основой национального самосознания. Опираясь на историческую память, воздействуя когнитивными и эмоциональными средствами на посетителей, в музейном пространстве возможно воссоздать исторические реалии, вовлечь человека в мир ожившей истории, вызывать высокие чувства сопричастности со значимыми событиями прошедшего времени.

Публикации о музеях, выходявшие в перестроечные годы, носили в основном описательный характер. Это журнальные и газетные статьи, в которых рассказывалось об истории создания музея, содержании экспозиции, основных направлениях работы. Однако сегодня появляются комплексные исследования, анализирующие общие процессы и связь музеев с современным социально-политическим развитием страны [6, с. 57–61; 5, с. 112–116]. Анализ публикаций показывает, что проблемы феноменов исторической памяти и музея вызывают интерес ученых различных областей гуманитарного знания: философов, социологов, психологов, историков, музееведов.

Главное, в практической деятельности музеев происходят радующие изменения: в результате «кладовые ценностей» становятся театрами истории и культуры. Особенно заметно это в деятельности музеев, относящихся к военному ведомству.

Благодаря новой политике руководства Министерства обороны Российской Федерации, личной поддержке Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу учреждения культуры и искусства Министерства обороны Российской Федерации получили серьезный импульс для дальнейшего развития [7].

Во-первых, активно ведется работа, направленная на совершенствование музейной сети Вооруженных Сил Российской Федерации, путем расширения профильного разнообразия и создания новых учреждений культуры и искусства. Проведена реконструкция многих из них, в том числе существенно обновлена материально-техническая база музеев:

— в 2013 г. существенно расширена экспозиция и заменено техническое оборудование в Музее истории Воздушно-десантных войск в Рязани, который стал филиалом Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации;

— к 2016 г. завершены работы по реконструкции Музея военно-воздушных сил Северного флота;

— полным ходом ведутся работы по реконструкции основного здания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге;

— полноценный статус музея обрела уникальная коллекция военного костюма в Бахчиванджи. На июнь 2016 г. запланировано открытие в Петроверигском переулке Москвы Общественного военно-исторического музея, за создание которого отвечают Министерство обороны Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации и Российское военно-историческое общество. Основу будущей экспозиции составят образцы военной формы XVIII–XX вв. из богатейшей коллекции Музея истории военной формы одежды в Бахчиванджи;

— Военно-медицинскому музею Министерства обороны Российской Федерации возвращен статус самостоятельного юридического лица;

— в августе 2014 г. Министром обороны Российской Федерации было принято решение о создании на территории Военно-исторического парка культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации крупнейшего в мире Военно-технического музея. Реализация этого масштабного проекта, несомненно, позволит открыть новую страницу в истории музейного дела Вооруженных Сил Российской Федерации и создать музейный центр, гармонично сочетающий в себе лучшие музейные традиции с новейшими технологиями;

— намечены работы по реконструкции Военно-исторического музея фортификационных сооружений в Севастополе.

Во-вторых, военные музеи обрели новый статус — стали бюджетными учреждениями. Это дало им возможность более правильно и грамотно вести финансово-хозяйственную деятельность.

В-третьих, в соответствии с решением Коллегии Министерства обороны Российской Федерации Управлением культуры МО РФ начата работа по подготовке целевой программы «Культура Вооруженных Сил Российской Федерации на

2017–2027 годы». Данная программа, разработанная впервые в истории Вооруженных Сил, отражает потребности в материально-техническом обновлении и творческом развитии учреждений культуры, реализуется для дальнейшего эффективного развития армейской культуры.

В-четвертых, Управление культуры Министерства обороны Российской Федерации и подведомственные центральные военные учреждения культуры активно взаимодействуют с Русским географическим обществом и Российским военно-историческим обществом. В 2015 г. Минобороны РФ совместно с РГО была организована и проведена в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации, а затем в Центральном военно-морского музея выставка «Военная география: гриф секретности снят». Это стало частью масштабного проекта «Географы — Великой Победе».

В 2014–2015 гг. Министерством обороны Российской Федерации совместно с Русским географическим обществом были организованы крупные поисковые экспедиции на о. Шумшу (Курильские острова) и о. Большой Тютерс в Финском заливе, в которых впервые приняли участие ведущие музейные специалисты. В настоящее время ведется оценка и изучение найденных образцов техники, затем с учетом мнений музейных экспертов будут приняты соответствующие решения о ее использовании.

В целях дальнейшего регулирования данного вида деятельности Управлением культуры МО РФ подготовлен проект нормативно-правового акта, позволяющего четко регламентировать процедуру поиска, сохранения и использования образцов военной техники, найденных в ходе экспедиций.

В-пятых, с лета 2013 г. военные музеи получили возможность активно участвовать в культурном сопровождении крупномасштабных проектов Министерства обороны Российской Федерации — таких, как Международный военно-технический форум «АРМИЯ–2015», Международные армейские игры и Международный конкурс военно-профессионального мастерства военнослужащих дружественных армий «Воин содружества». Музеи принимают активное участие в культурном сопровождении ряда мероприятий, проводящихся в Национальном центре управления обороной Российской Федерации.

В-шестых, удалось существенно нарастить объем сотрудничества с зарубежными партнерами. Центральный музей

Вооруженных Сил Российской Федерации принял активное участие в ряде выставочных, научно-просветительских и культурных мероприятий, посвященных 70-летию Победы, среди которых выставки «Роль СССР в Победе над фашизмом и освобождении Дальнего Востока от японских милитаристов», «Победа! 1945–2015» (КНР), «Вена. 70-летие освобождение — 60-летие Государственного договора» (Вена, Австрия), документально-историческая выставка, посвященная 70-летию Победы (Германия) и т.д.

В-седьмых, музеи уделяют большое внимание разработке и внедрению новых форм работы с посетителями. К примеру, в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации к процессу восстановления техники, которая демонстрируется на открытой площадке, были привлечены так называемые геймеры, активные участники известной компьютерной игры. С большим энтузиазмом молодые люди готовили настоящие танки и другую военную технику под покраску.

Колоссальное воздействие на посетителей музея оказал проект «Юный экскурсовод», благодаря которому кадеты, сурововцы, учащиеся довузовских учреждений Министерства обороны Российской Федерации и других ведомств, после короткого обучения, получили возможность самостоятельно проводить экскурсии по музейным залам Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации.

Музеи Вооруженных Сил Российской Федерации также активно участвуют в проведении на их базе интерактивных викторин, конкурсов, выступлений творческих коллективов, артистов. В военных музеях демонстрируются фильмы и проводятся мастер-классы, в том числе для самых маленьких посетителей.

И наконец, музеи привлекаются к военно-исторической работе, которую активно ведет Министерство обороны Российской Федерации в последние годы. К примеру, на основе архивных и музейных материалов был подготовлен уникальный Атлас-справочник «Краткий курс истории Российской армии», наглядно демонстрирующий историю военного дела Российской Федерации. Выпущен очередной том фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». В апреле 2015 г. был презентован полный каталог захоронений советских воинов в Германии, насчитывающий более 4 тыс. файлов и данных о местоположении захоронений солдат Красной Ар-

мии, советских военнопленных, граждан, погибших в концлагерях и тюрьмах гестапо, а также солдат и офицеров, умерших после войны в результате полученных ранений. Этот каталог доступен на сайте Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации.

Морской Эрмитаж в Морской столице России

Среди военных музеев Санкт-Петербурга Центральный военно-морской музей всегда играл особую роль. Он был и остается центром притяжения всех, кому интересна история русского, советского, российского флота, кому дороги традиции моряков, кто готов стать продолжателем славы и традиций ВМФ. Музей привлекает ветеранов и молодежь, военнослужащих, жителей города и его гостей, туристов из-за рубежа.

Одна из причин — огромный музейный фонд, который собирается более трех столетий. Он хранится и экспонируется не только в центральном здании, который располагается на площади Труда в бывших Крюковских (Морских) казармах, но и в филиалах: на крейсере «Аврора», «Дорога жизни», «Подводная лодка Д-2 «Народоволец», Кронштадтский Морской собор, Музей Балтийского флота (г. Балтийск), крейсер «Михаил Кутузов» (г. Новороссийск).

Музейные сокровища, а это более 719 тысяч предметов, распределены между следующими фондами: корабельный, оружейный, знаменный, изобразительного искусства, проектов кораблей (чертежный), рукописно-документальный, фотонегативный, а также специальный (предметы из драгоценных металлов и драгоценных камней, в том числе награды и сувениры). Имеющийся материал позволяет высококвалифицированным специалистам, работающим в ЦВММ, создавать экспозиции и выставки по любым темам, связанным с историей Военно-Морского Флота России.

После переезда на новое место в Крюковские (Морские) казармы в апреле 2013 г., уже с 27 июля 2014 г., после открытия всех 19 залов Центральный военно-морской музей приступил к полноценной работе. Постоянно совершенствуется экспозиционно-выставочная деятельность — важнейшая часть музейной работы. Кроме того, проводятся выездные выставки. О музейных сокровищах узнали жители Москвы, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Омска, Челябинска, многих других городов России.

В апреле 2015 г. в Центральном военно-морском музее прошла Международная научно-практическая конференция «Военно-Морской флот в Великой Отечественной войне. К 70-летию Победы».

С 2014 г. ЦВММ успешно организует и проводит общегородской праздник «День рождения российской тельняшки», сопровождающийся музыкально-театрализованными представлениями и выставками, на которых демонстрируются документы по истории этого сугубо морского вида одежды, тельняшки прославленных моряков и картины членов Петербургского творческого объединения «Митьки». В новогодние праздники музей проводит в своем здании «Морскую елку».

В ходе ежегодной общероссийской акции «Ночь в музее» в ЦВММ прошла акция «Морское братство», в ходе которой вокруг музея по живой волне участники передавали из рук в руки военно-морские флаги разных эпох российской истории. Состоялись «звездные экскурсии», которые проводили известные петербуржцы — военачальники, кораблестроители, артисты, деятели культуры.

В настоящее время заканчивается реконструкция филиала ЦВММ «Дорога жизни»: полностью благоустроена территория филиала, укреплена береговая линия и обустроена набережная, созданы автономные инженерные коммуникации, отреставрированы размещенные на открытой площадке крупногабаритные музейные экспонаты (буксир «Ижорец-8», самолет Ли-2Т, автомобиль ГАЗ-АА). На месте ветхого здания филиала, общая площадь которого составляла 410 кв. м, построено новое здание (617 кв. м), а также административно-бытовой павильон с конференц-залом и пунктом общественного питания (1000 кв. м).

Реализуется крупномасштабный проект по созданию новой экспозиции Центрального военно-морского музея на крейсере «Аврора», который летом 2016 г. после ремонта на Кронштадтском Морском заводе вернется на место своей вечной стоянки.

Началась детальная проработка вопросов, связанных с музеефикацией крейсера «Михаил Кутузов». Однако филиал уже работает и стал знаковым местом для жителей Новороссийска и его гостей. В новогодние праздники на крейсере «Михаил Кутузов» была открыта южная резиденция Деда Мороза, и это яркое и интересное событие с воодушевлением было воспри-

нято жителями и гостями Новороссийска, привлекло широкое внимание общественности.

В целях внедрения в музейную жизнь новых форм информационной деятельности с января 2014 г. Центральный военно-морской музей издает газету, за это время вышло в свет 11 ее номеров. Активно совершенствуется работа сайта музея, который заработал почти сразу после переезда музея на новое место.

Командование ВМФ России многое делает для сохранения военно-морской истории. С целью сбережения реликвий флота, улучшения и систематизации работы по отбору наиболее ценных экспонатов, Главкомандующий ВМФ издал приказ № 582 (2013 г.) «О пополнении экспонатами фондов Центрального военно-морского музея». Он предписывает заместителям Главкома ВМФ, начальникам управлений, служб и отделов ВМФ организовать регулярный отбор и отправку в ЦВММ образцов оружия и корабельной техники, несекретных материалов, отражающих историю и примеры образцового выполнения воинского долга личным составом ВМФ. В соединениях и частях ВМФ приказано провести фотографирование кораблей и судов, авиационной и береговой техники с целью передачи на хранение в ЦВММ. Через помощника главкома ВМФ по работе с личным составом надлежит информировать ЦВММ о планах по подъему затонувших кораблей, исторических находках, обнаруженных в процессе различных видов работ, а также о предметах, подлежащих списанию и представляющих историческую ценность. Таким образом, у каждого флотского экипажа есть шанс попасть в историю ВМФ, чтобы сохранить в веках свое имя.

Для более точного ориентирования командования частей и кораблей по отбору экспонатов руководством музея в адрес Главкомата ВМФ направлено письмо. В нем содержится конкретный перечень наименований имущества по различным видам служб, которое представляет интерес для музея. В числе первых указаны закладные доски, флюгарки кораблей и соединений, навигационные приборы, карты с прокладкой маршрутов дальних походов, модели, предметы оружия и вооружения, военно-морские флаги и гюйсы. Предметы быта и досуга военных моряков также могут пополнить фонд ЦВММ, как бы они не казались кому-то утилитарными и совсем не «исторически». Ведь известно, что обыденный предмет, став элементом музейной экспозиции, приобретает более глубокое значение.

Работа по пополнению фондов музея стала, безусловно, одной из форм приобщения военнослужащих к прошлому, способствует сохранению исторической памяти.

В соответствии с приказом Министра обороны, ЦВММ является координатором методической работы военно-морских музеев. Именно поэтому в 2014 г. была создана Ассоциация военно-морских музеев, а затем проведены две Коллегии музеев военно-морской направленности Российской Федерации. Таким образом, ЦВММ продолжает выполнять почетную обязанность главного военно-морского музея России.

Заключение

В жизни военных музеев России в последние годы началась качественно новый период их развития. Музейные учреждения с каждым годом становятся более привлекательными для посетителей и завоевывают все больший авторитет в профессиональном сообществе, что в свою очередь способствует созданию позитивного образа Вооруженных Сил Российской Федерации в обществе, сохранению и популяризации военно-исторического наследия, а также повышению эффективности работы, направленной на патриотическое воспитание военнослужащих и граждан Российской Федерации.

Библиографический список и примечания

1. URL: <http://sibac.info/conf/social/xix>
2. URL: <http://topwar.ru/91807-bolgarskie-vlasti-na-prazdnovanie-dnya-osvobozhdeniya-strany-ot-osmanskogo-iga-priglasili-erdogana-i-ne-priglasili-vladimira-putina.html>
3. В Кремле пожелали Болгарии быть «действительно свободной от любого ига». URL: https://lenta.ru/news/2016/03/03/peskov_bulgaria
4. Артемьев А., Химшиашивили П. Без серпа и молота: как Украина будет избавляться от символов коммунизма // РБК. 2015. 9 апр.
5. Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3 (12).
6. Божченко О.А. Факторы формирования исторической памяти // Вопросы культурологии. 2012. № 9.
7. Губанков А.Н. Выступление на II Коллегии музеев военно-морской направленности (ЦВММ, 3 февраля 2016 г.) — аудиозапись.
8. Пьецух М., Вятрович В. Наша задача — чтобы совок не возродился в будущих поколениях // Украинская Правда. 2015. 10 апр.
9. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направление исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 2. Вып. 2.

*Д.В. Посредников**D.V. Posrednikov*КРИЗИС УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТCRISIS OF THE UKRAINIAN STATEHOOD:
VALUABLE ASPECT

Как известно, слово «кризис» означает переворот, переходное состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации. Кризис, переживаемый в настоящее время политической системой Украины, стал эпицентром ценностного противостояния, обнажив нерешенные вопросы идентичности и социальной справедливости.

В начале 1990-х гг. казалось, что Украина, в сравнении с бывшими союзными республиками, имеет едва ли не лучшие стартовые позиции. Что принципы, заложенные в Конституции, должны стать базой для формирования ценностно-идеологических основ политической системы в направлении строительства правового и социального государства.

Сегодня в век политтехнологий, к сожалению, не часто вспоминают об истории. Украина как союзная Республика была создана советской властью и включила несколько культурно-исторических регионов: Закарпатье (Подкарпатскую Русь), греко-католическую Галичину, историческую Малороссию, полиэтнические Новороссию и Крым с русским и крымскотатарским населением. Осенью 1918 г. образовались несколько новых государств, среди которых: Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Народная Республика, Одесская Советская Республика и Донецко-Криворожская советская республика.

В начале 1990-х гг. украинское общество пережило первый кризис идентичности, связанный с образованием независимого государства Украина. Для осознавших себя украинцами этот период запомнился подъемом национального самосознания. Советская часть населения, напротив, испытала куль-

турный шок от разрыва связей с Россией. Элиты Востока и Запада Украины в тот период говорили на разных языках, не воспринимаемых населением в разных частях страны. Восток говорил языком технократии, Запад, назначив себя на роль «украинского Пьемонта», взывал к этническим архетипам. Правящий класс (бывшая партноменклатура) сделал выбор в пользу украинской национальной идеи.

Украинский национализм, как наиболее непротиворечивая «украинская» идеология, предполагает создание унитарного государства, которое составит целое с народом, объединенное украинской церковью. Любопытен способ приобщения к «сознательному украинству» — миф вместо науки и вера в нацию вместо рационализма. Миф по-манихейски делит мир на друзей и врагов Украины (вследствие чего можно говорить о феномене «сознательного украинства» как о клиническом случае фанатизма). Если президент Л.Д. Кучма поощрял украинское казачество, миф о котором был элементом государственной идеологии, то президент В.А. Ющенко предложил миф об ОУН-УПА, героях которые воплощали бы собой борьбу за независимость, но они изначально были неприемлемы большинством на востоке страны. Попытка построить национальное государство и одновременно интегрироваться в ЕС, где отдается приоритет правам человека, должна исторически потерпеть поражение.

Президенты Л.Д. Кучма и В.Ф. Янукович, избранные голосами Юга и Востока, обещавшие сделать русский язык вторым государственным и улучшить отношения с Россией, обещаний не выполнили, поддержав украинизацию. Каждый раз, когда власти требовалось удовлетворить участвовавший в переворотах («Оранжевая революция», «Революция достоинства») актив националистических сил, следовало наступление на русский язык и очередной виток евроатлантической интеграции.

Президент Л.М. Кравчук сформулировал: «Єдина держава — єдина нація — єдина церква». Проект создания единой поместной церкви на основе объединения УПЦ, УПЦ КП, УАПЦ, УГКЦ, ведет к неканоничности, расколам, к преференциям католицизму и западному евангелизму. Раскол на Украине крайне политизирован.

Второй синхронно развивающийся кризис — кризис идеи справедливости. Когда в 1990-х гг. маргинализации подвер-

глось до 20 млн (40%) населения, это оказало негативное влияние на социальную активность. Завышенные ожидания скорого материального благополучия уже в 1993–1994 гг. сменились социальной апатией. Перелом наступил около 2000 г., когда вместе с ростом благополучия изменилось массовое сознание. Однако общество потребления теперь требовало и соответствующего уровня потребления и скорых перемен, что порождало завышенные ожидания и требования к элитам.

К концу 1990-х гг. сложились жестко конкурировавшие между собой киевская, донецкая и днепропетровская финансово-промышленные группы. Получила распространение задача преференций ориентированным на власть корпоративным группировкам. Западно- и центральноукраинские ФПГ, ориентированные на ввоз импорта, проявили заинтересованность в ориентации на Европу. «Многовекторность» внешней ориентации Украины в 1999 г. сменилась линией на европейскую ориентацию, но последующие два года изменений в данном направлении не принесли. Период линейных изменений, когда процессы были подконтрольны, а политика прогнозируема, закончился. Пришло нарастание внутреннего неравновесия. Началась корректировка курса страны «извне».

В любой системе есть свои слабые места, возмущающий удар по которым порождает серьезные последствия. В 2000–2001 гг. началась кампания протестов «Украина без Кучмы» (Г. Гонгадзе, «пленки Мельниченко»). Однако толчок оказался слабым, результат был достигнут только через три года, в 2004/2005 гг., после раскачки страны по линии «Восток—Запад». После «Оранжевой революции» главной предпосылкой развития Украины было признано обеспечение общенационального консенсуса, базирующегося на едином культурном пространстве и собственных национально-духовных ценностях. Однако из-за ценностного конфликта достичь его не удалось, как не удалось введение Дня памяти жертв Голодомора. Последующие выборы (парламентские и президентские) шли по схеме: «Восток—Запад». Харьковские соглашения с Россией по газу и коррекция курса на сотрудничество с Shell и Chevron; отказ В.Ф. Януковича от подписания ассоциации Украина—ЕС и новый резкий разворот Украины в сторону Запада после переворота, все более раскачивали страну.

Таким образом, несформировавшуюся страну (элиты и нацию) разъединяла политика «неопределенности» Украины. Энергия национального возрождения, обретенная в момент формирования государственности, была растрчена группировками элит не на модернизацию, а на передел собственности и борьбу за власть. Уровень доверия к власти и властным институтам, как один из показателей политической стабильности, дает основание утверждать, что ее уровень в Украине перманентно низкий. Фактором участия населения в «революциях» стал кризис идентичности и кризис идеи справедливости. Надежды на стабилизацию политической системы Украины и появление перспектив развития, возлагаемые на интеграцию в Евросоюз и в евроатлантические структуры, несбыточны ввиду разрыва с культурной матрицей большинства населения и невозможности реализовать запрос на социальную справедливость, что ведет страну к распаду.

Р.В. Светлов

R.V. Svetlov

**КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ И ПЕТР I:
ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ
УСТОЙЧИВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

**CONSTANTINE THE GREAT AND PETER I:
IMAGES OF THE PAST IN THE EXPERIENCE
OF THE FORMATION OF A STABLE POLITICAL
SYSTEM**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00106 «Междисциплинарное исследование конфессиональных факторов формирования ценностной структуры российской цивилизации»).

Среди массы факторов, влияющих на стабильность или нестабильность общественной жизни, прошлое (свершившееся,

задел и задача на будущее) и будущее (чаемое или опасное) играют особую собственную роль. На примере России петровских времен мы в этом материале коснемся прошлого.

Историческая память является одной из наиболее важнейших сил, «скрепляющих» общественное сознание, представленных не только в рамках «публичной истории», т.е. в рамках образовательных практик, массовой литературе и искусстве, но и в визуальном пространстве, очевидном и наглядном для гражданского сознания. Она является базой для формирования знаково-символической системы, подразумевающей определенный социальный «хабитус», неинституционализованные, но оттого не менее действенные «нравы», т.е. систему запретов на определенные (хотя и легальные) формы поведения и предпочтения и одобрения других форм, и т.д. За этой знаково-символической средой исторической памяти достаточно легко выявляется некий «претекст» или даже миф, обладающий куда более убедительным воздействием на сознание, чем формальная история.

Такого рода мифы не возникают спонтанно. Но любое «внедрение» их в общественное сознание (точнее, в сознание того слоя, который является лидирующим и потому наиболее важным для государственной верхушки, но вовсе не обязательно «доминирующим классом») должно опираться уже на имеющийся образный, художественный «ландшафт». В этой связи совершенно понятна причина неудачи формирования исторического «якоря» для современных россиян в 2005 г. Тогда праздник дня народного единства был «привязан» к событиям, символически завершавшим период Смуты на Руси или — согласно красивому образу великих русских историков XIX столетия — к событиям, превратившим Московитию или «Русь Московскую» в Россию. Совершенно очевиден этот ход в связи с лежащей на поверхности параллелью — смутное время 1990-х — начала 2000-х завершено. Народ един в строительстве России новой, современной и процветающей.

Неудача этого проекта и практически полное отсутствие следа от событий 1612 г. в общественном сознании связаны не только с резким падением интереса к отечественной истории у поколения 1990-х. В первую очередь не имелось того художественного и дидактического основания, на которые могли

бы ссылаться организаторы нового праздника. Явления публичной культуры и массового искусства, которые могли бы стимулировать интерес к концу Смуты, отсутствовали или появлялись уже после решения о праздновании. К тому же адресат этого послания не был просчитан ни в социальном, ни в этноконфессиональном смысле. Все, даже политически актуальные для России темы, связанные с исторической мифологией, до настоящего момента остаются лишь «повестками дня», которые полностью уступают, например, Великой Отечественной войне — самому важному пока актору на поле исторической памяти.

Но были ли удачные примеры обращения к историческому претексту в прошлом России? Безусловно, и, что важно, такие исторические мостики между настоящим и прошлым безо всякого смущения перебрасывались в совсем далекое, а значит, великое прошлое — в историю христианской Римской империи.

Так, Константин Великий, сделавший христианство фактически государственной религией Римской империи, неоднократно превращался в образец для формирования русскимироссийскими самодержцами своего идеологического образа. Это суждение верно и в отношении Петра I.

Действительно, Петр и Константин вершили судьбы своих держав в переломные периоды их истории, перестраивая и модернизируя традиционный быт Рима Первого и Рима Третьего. И тот, и другой сыграли важную или по крайней мере своеобразную роль в истории христианства. Ничего удивительного в том, что Иван Иванович Голиков, один из русских историков XVIII столетия, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам», в конце своей жизни составил на основе материалов протоиерея Московского Архангельского Собора Петра Алексеевича рукопись под названием: «Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора, со свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся». После смерти историка этот очень характерный панегирик был издан в двух томах (1810 г.).

В описании И.И. Голикова фигуры Петра I и Константина Великого не просто сопоставляются; они оказываются, как

минимум, равны друг другу, а в чем-то Петр даже превосходит римского владыку. Оба государя решительно порывают с прошлым: Константин — с дремучим язычеством, а Петр — с раскольников и консервативной косностью значительной части русской Церкви. Оба правителя перенесли свои столицы, освобождаясь от власти прошлого, превратив их в процветающие центры коммерции. Оба одержали победы над смертельными врагами. Оба создали просвещенное законодательство. Оба, по мнению И.И. Голикова, были истинно религиозными людьми и всячески заботились о Церкви [1, с. 12 и далее]. Деятельность Петра, таким образом, вписана во внеисторический образец. История России при этом мифологизируется, следующие великим образцам и даже превосходящие их дела Петра I затеняют все допетровское прошлое. Вера в «темную» и «невежественную» допетровскую Русь до настоящего момента встречаются в публицистике и учебной литературе.

При помощи красивой легенды И.И. Голиков связывает с Петром I и память о Константине. В битве под Полтавой, шведская пуля, как говорят, попала в грудь бесстрашному Петру I, однако от смерти российского самодержца спас висевший у него на шее ковчежец с крестом Константина Великого [1, с. 58].

Основание Санкт-Петербурга он описывает при помощи той же мифологии, что возникла в связи с созданием Константинополя. И здесь наш автор далеко не первый: еще за несколько десятилетий до этого в рукописи П.Н. Крёкшина «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» рассказывалось, что при закладке новой столицы Петр имел то же самое предзнаменование, что и Константин Великий перед созданием Второго Рима. Римскому императору орлы принесли веревки для строительных работ, а Петру I орел указал место закладки Петропавловской крепости, а затем сел на первое подобие ворот, сооруженных на Заячьем острове [4, с. 139, 142].

Сопоставление Петра I и Константина Великого имело немало предпосылок, связанных с событиями самой жизни великого российского правителя. Так, для армии Петра I было характерно изображение эмблем эпохи Константина на знаменах. Триумфальным аркам Константина подражала арка,

возведенная в Москве после взятия Азова. Двуглавый орел и «Сим победиши» на знаменах также ведут происхождение от времен Константина. Исследователи часто обращают внимание на то, что полковые знамена Петра выполнены по образцу знаменитого «лабарума» Константина (с вошедшей в историю Хи(Кси)-Ро монограммой). С этой монограммой, быть может, связана и популярность Андреевского креста. В целом можно утверждать, что подражание основателю христианского Рима стало важнейшим звеном «гражданского культа», сформировавшегося во времена царствования Петра [2, с. 392–402].

Нет ничего удивительного в том, что сразу после смерти Петра Великого начинают сравнивать с Константином. Феофан Прокопович в «Слове на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого» называет его и Давидом, и Константином [5, с. 63], т.е. расценивает его как олицетворение создателей двух великих библейских государств — великодержавного Израиля и христианской Римской империи. В «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго» Феофан вспоминает о том, что Евсевий Кесарийский называл Константина епископом (хотя тот не имел церковного чина и долгое время не был крещен) и выражает готовность распространить это именование на Петра [4, с. 76].

Обращение к авторитету образа Константина было со стороны Петра и его советников вполне продуманным ходом. Во-первых, оно ориентировалось на образованную элиту (пусть и не слишком многочисленную) тогдашней России, для которой история Церкви была некоторой моделью, позволявшей осуществлять оценку историко-политических реалий. Лишь в процессе преобразования российской элиты на западный манер в образном пространстве петровской пропаганды появятся фигуры из античной истории или мифологии, давно уже принятые в визуальном пространстве Европы.

Во-вторых, сравнение Петра с Константином было эффективным средством давления на Церковь.

Наконец, апелляция к образу Константина была широко распространенным и известным всем риторическим топосом в предшествующей русской и российской политической практике.

Древнерусские книжники сравнивали с Константином Великим Владимира Святого, Иван Грозный в переписке с Ан-

дреем Курбским оправдывал свои действия ссылкой на авторитет римского императора.

Особенно важным образ Константина становится во времена правления Алексея Михайловича. Именно при этом государе начинается приведение в соответствие «российских реалий византийскому культурному эталону» [6, с. 12]. Подобная претензия имела вполне определенные политические предпосылки. Именно при Алексее Михайловиче Россия окончательно освобождается от наследия Смуты и возвращается в ряды важнейших государств Восточной Европы. В это время возникают первые идеи отвоевания Константинополя и возрождения Ромейской империи, а военные успехи и приобретения во время Польской войны трактуются как предвестники будущего величия.

Чтобы увидеть, насколько Алексей Михайлович стремился подражать образу Константина, достаточно вспомнить наиболее важные государственные начинания этого царя. Алексей Михайлович инспирировал создание Соборного уложения 1649 г., которое является аналогом законов Константина (включенных позже в Кодекс Феодосия). Государь активно выкупал византийские реликвии, которые тут же встраивались в религиозный и политико-идеологический обиход Московского царства (особенно это заметно на примере «креста царя Константина»). Наконец, Алексей Михайлович пережил величайший в истории Руси раскол. Для решения проблем, связанных как с самим расколом, так и с его последствиями, в Москве созываются церковные соборы, один из которых (Большой Московский собор 1666–1667 гг.) по составу участников явно имел «почти Вселенский» характер и значение: на нем присутствовали Александрийский патриарх Паисий (председествовал), Антиохийский патриарх Макарий III, представители Вселенского и Иерусалимского патриархов. Стилизация происходящего под Никейский собор нам кажется очевидной.

Определенное сходство Петра и Константина (скорее связанное с общеисторической типологией образа государя-реформатора), тем не менее, упирается в одно различие, которое на первый взгляд представляется фундаментальным. Константин Великий своим Миланским эдиктом разрешил свободное существование христианских общин, а затем взял их под госу-

дарственное покровительство. Петр I, напротив, радикально ограничил права Церкви, возможности ее влияния на государство и на образование. Речь идет не только о создании Синода, в сущности — одной из коллегий (министерств), управлявших церковными делами как одной из сфер государственной политики. Были введены ограничения в отношении монастырей, затруднено получение духовного сана. Само духовенство превращалось в одно из сословий, с чертами, характерными для западных сословных монархий. Обязанность всех православных ежегодно ходить к исповеди и наложение штрафа за уклонение от этого были вызваны не столько стремлением увеличить число «активных верующих», сколько общей стратегией Петра I по мобилизации и унификации жизни его подданных — как в государственном, так и в частном ее проявлениях. «Христианское благочестие — теоретически, по крайней мере, — превратилось в элемент гражданской благонадежности; оно сделалось не столько проявлением индивидуальной веры, сколько исполнением требований, предъявляемых к верноподданному императора» [3, с. 68]. Можно утверждать, что Петр строил в России полицейское государство, используя для этого и религиозную институцию. Несомненным образцом для него выступали протестантские режимы Западной Европы, особенно Англии. Поскольку же протестантизм в целом негативно относился к деятельности Константина Великого, то различия между римским и российским самодержцами кажутся фундаментальными.

Однако именно в этом пункте можно показать, что в самых своих принципиальных основах «стратегии» отношение Константина Великого и Петра I к церковной общине было схожим.

Законодательство Константина в отношении Церкви постепенно наделяло ее теми функциями, которыми доселе обладали официальные римские магистраты. Мы имеем в виду законы о епископском суде, о праве освобождать рабов, закон, аннулировавший запрет безбрачия (легализовавший монашескую жизнь) и ряд других. Наконец, Никейский собор становится не только Вселенским в церковном смысле, но и общегосударственным делом.

И Константин и Петр I делали Церковь инструментом государства, а церковных служителей — государственными ма-

гистратами. Как и Константин Великий Петр I стремился к мобилизации и унификации общественной жизни, что было одним из условий благополучия государства после длительного периода внутренних усобиц.

Можно признать, что сопоставление И.И. Голиковым двух ключевых фигур римской и российской истории, хотя и совершалось исключительно в панегирических целях, имеет вполне реальные основания с точки зрения принципиальных подходов Константина Великого и Петра I к политике в отношении Церкви. И их приравнивание базировалось на реальном использовании фигуры Константина в пропаганде петровских времен, а также в предшествующей российской политической идеологии. На наш взгляд этот исторический сюжет может служить примером осознанного использования некоторых «топосов», действительно актуальных для коллективной памяти (особенно коллективной памяти активной части общества, оказывающей решающее воздействие на политическую жизнь), для стабилизации и придания устойчивости политическим системам.

Библиографический список и приращения

1. *Голиков И.И.* Сравнение свойств и дел Константина Великого первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся. М., 1810.

2. *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.

3. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

4. *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006.

5. *Прокопович Ф.* Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого; Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго, Бурлака Д.К. ред. Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003, С. 63–84.

6. *Скрипкина Е.В.* Царь Алексей Михайлович — «Новый Константин»: византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 12–15.

И.В. Юрченко

I.V. Yurchenko

АНАЛИТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ
ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)

ANALYTICAL AXIOLOGY
OF A MULTIETHNIC REGION
(ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Юг России и в том числе Северо-Кавказский регион остается самым сложным конфликтогенным пространством страны, в котором дестабилизация политических, этнических и конфессиональных взаимодействий представляет опасность для всего государства. Во многом это обусловлено традиционно существующими ценностными рассогласованиями в ситуации наличия множества социо-культурных образований. Но одновременно это является результатом навязывания русофобских идей как извне, так и со стороны имеющих в стране групп космополитической ориентации, сознательно или неосознанно раскалывающих складывающуюся веками полиэтничную общность.

Особенно следует выделить проблемы ценностно-культурного взаимодействия в политическом пространстве Причерноморья [6, с. 126] в условиях эскалации геополитических и социально-экономических конфликтов, роста миграционных и информационных потоков, интенсивности воздействия факторов локального и глобального характера.

Проблема устойчивости политической системы, внутривнутриполитическая стабильность как условие региональной и национальной безопасности может быть обеспечена поддержанием баланса интересов различных социальных, в том числе национальных групп. Можно выделить ценностные аспекты политического процесса, влияющие на состояние динамического развития политической системы: конституционные, экономические, культурные взаимоотношения субъектов политическо-

го процесса в конфликтном регионе, где могут появляться проблемы, получившие название «двойной периферии».

Предполагается, что урегулирование межэтнических проблем в стране, направлено на формирование общероссийской гражданской идентичности, укрепление единства и целостности российской государственности. В решении этой проблемы значимым представляется вопрос о механизмах ценностного консенсуса. Иными словами, важно определить, как в современном политическом процессе эффективно генерировать коммуникативное согласие, которое должно быть признано значимым самими участниками коммуникации. Естественно, что большое место в этой проблематике отводится медийному дискурсу, способному влиять на процессы социального доверия как первичного условия внутренней консолидации общества. Важным инструментом в достижении тех или иных целей в конфликтном противоборстве является фактор геополитического влияния на процессы взаимодействия заинтересованных «игроков» мировой политики. Например, если раньше «этнические меньшинства могли рассчитывать не более чем на поддержку своих соплеменников в соседних государствах, то в современном мире это прежде всего обращение к тем международным силам, которые могли бы быть заинтересованы в установлении своего геополитического влияния в регионе конфликта» [1, с. 101]. Разработка научной серии «Атласов социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» посвящена специальному анализу причин и обстоятельств роста напряженности и поиску путей стабилизации на Северном Кавказе. Обширный объем информации систематизирован и рассмотрен с учетом существующих угроз безопасности. В наглядной форме представлена специфика политических, этнических и религиозных процессов на Юге России, хроника террористической активности и противодействия незаконным вооруженным формированиям, геополитическая напряженность на южных рубежах России, а также социально-экономическая ситуация в исследуемом регионе [2].

Необходимо также отметить наличие определенных границ рационализации социальности в целом ряде конкретных обществ, что является значимым фактором устойчивости или изменчивости политических систем, их способности или неспособности к адаптации в новых условиях мирового развития.

В условиях, когда в мире происходят кардинальные геостратегические трансформации и существуют угрозы разрушения сложившегося международного порядка стали реальностью, на первый план в политической и научной повестке дня выходит проблематика выявления ресурсов устойчивости легитимных политических систем и определения механизмов противодействия разрушительным, деструктивным тенденциям, угрожающим глобальной безопасности. Для глубокого анализа интеграционного потенциала обеспечения устойчивости того или иного политического порядка прежде всего необходимо использование интеллектуального, теоретического потенциала, созданного классиками мировой политической мысли в контексте определения возможностей и реального применения определенного методологического инструментария, который разрабатывался ими в различных ракурсах политологических парадигм. Вот почему профессионализм специалистов в области управления во многом зависит от фундаментального политологического образования включающего изучение специфики политико-правовой мысли в различных обществах, отражающейся на сложившихся аксиологических интеллектуальных системах.

Так, например, еще до революции, российская школа аналитической аксиологии отличалась критическим подходом к широко распространенным в западной науке рационалистическим, организмическим, социал-дарвинистским и материалистическим концепциям. Это проявилось и в творчестве Л.И. Мечникова, категорически отвергавшего социал-дарвинизм за его примитивное уподобление социально-политических процессов закону борьбы за существование, и в творчестве Н.Я. Данилевского, предлагавшего антиэволюционистскую объяснительную модель изучения локальных цивилизаций в виде теории культурно-исторических типов. Н.М. Коркунов акцентировал внимание на психологическом подходе к анализу общества, которое трактовал как продукт психического единения людей. А материальные связи между людьми он оценивал, как несущественные для понимания функций государства, права и политической системы. Для исследования ценностно-культурных аспектов устойчивости политических систем большое значение имеет и методология российской этико-субъективной школы, основателями которой выступили

П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, утверждающие, что только познав и осмыслив историю, можно познать конкретное общество, специфику его политической системы. Критериями научности для них выступали не объективные закономерности, а субъективные оценки в контексте понятий справедливости и нравственного идеала. Иными словами все науки о человеке и обществе неотделимы от этики.

Для западной политологии приоритетной является тема модернизации, способность и специфика перехода от традиционного, доиндустриального типа развития к модерну. Идея заключалась в том, что процессы и ценности модернизации должны распространиться по всему миру. И основным критерием права на существование в современном мире для политической системы является соответствие ценностям идеалам Запада. Как отмечал в своих работах известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон, «относительно примитивные и простые традиционные политические системы обычно подавляются и разрушаются модернизационными процессами... Сложность рождает стабильность» [5, с. 159], так как политическая система со сложным набором политических институтов имеет гораздо больше возможностей адаптироваться, поскольку потребности одной эпохи должны обеспечиваться одним набором институтов, а нужды новой эпохи — соответственно новыми, инновационными институтами. Следовательно, возникает так называемая институциональная сложность, которая содержит в себе как потенциал стабильности, так и ресурсы обновления и одновременно эффективные способы адаптации к изменяющемуся миропорядку. А познание сложного предполагает проведение как на федеральном, так и на региональном уровне эффективной кадровой политики, включающей селективные механизмы, обеспечивающие адекватный уровень профессиональной подготовки управленческих кадров с фундаментальным политологическим и конфликтологическим образованием.

Ярким представителем западнцентристской мировоззренческой системы явился британский теоретик Б. Рассел, который, следуя за учением З. Фрейда, усматривал главный фактор, определяющий поведение людей в обществе, в их инстинктах и страстях. В его представлениях, человеком движут не сознательные, рационально определяемые цели, а спонтан-

ные импульсы и инстинкты, включая собственнические, воплощенные в погоне за прибылью. По его мнению, «практически каждый человек, обладавший в мире сколь-либо значительным влиянием, был подвержен разного рода любви к власти» [3, с. 206–207]. Называя три формы власти (силовую, экономическую и власть убеждения), он рассматривал политический процесс как результат действия спонтанных, инстинктивных импульсов. При этом Б. Рассел отмечал равноценность всех форм власти: «важность экономической власти действительно велика, но это только одна из форм власти, следовательно, нельзя полагать, чтобы она была более важной, чем власть армии или власть пропаганды» [3, с. 210]. Своеобразно трактуя роль моральных ценностей в обществе, он придерживался так называемой теории эмотивной этики, т.е. этики, вызывающей эмоции, возбуждающей, потрясающей зрителей, слушателей, аудиторию. Этим механизмом активно пытаются пользоваться все западные СМИ, как правило, добиваясь эффектов манипулирования общественным сознанием. Применяемая в этой теории морали методология логического позитивизма исходит из того, что моральные суждения не поддаются опытной проверке и лишены смысла, а поэтому они не могут являться ни истинными, ни ложными. Нравственные высказывания в этой логике, служат только для выражения эмоций, а поэтому каждый человек может придерживаться любой точки зрения в морали, а этические проблемы находятся вне научной области и никак с ней не связаны. Б. Рассел считал, что наука не решает вопроса о ценностях, и происходит это потому, что такого рода вопросы вообще не решаются с помощью интеллекта. Фактически он приходил в своих рассуждениях к отрицанию факторов этики и морали в отношениях между людьми, так как если моральные ценности имеют в своей основе желания разных людей, очень часто не совпадающие друг с другом, значит на базе этих желаний можно сконструировать различные трактовки морали. Рассел видел задачи этики в том, чтобы создавались иллюзии, будто ценности отдельных людей имеют всеобщую значимость в конкретном обществе и приобретают форму императива для всех остальных. В рамках конструктивистского течения международно-политической мысли.

Таким образом, можно проследить линию разграничения в понимании ценностно-этических трактовок в российской и

западной политической мысли. Это важно учитывать при разработке конфликтологических сценариев развития Юга России необходимых для определения эффективных социальных технологий управления и их специфики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в условиях новых вызовов глобализации.

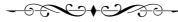
С. Хантингтон в работе «Политическое развитие и политический упадок» в разделе «Политическое развитие как институционализация» отмечает, что «институционализация — это процесс, посредством которого организации и процедуры обретают ценность и стабильность. Уровень институционализации любой политической системы можно определить через приспособляемость, сложность, автономию и связность ее организаций и процедур. Уровень институционализации любой отдельной организации или процедуры тоже можно измерять через ее приспособляемость, сложность, автономию и связность. Если эти критерии удастся идентифицировать и измерить, то политические системы можно будет сравнить с точки зрения уровней их институционализации. Кроме того, тогда станет возможно измерять рост и падение институционализации для отдельных организаций и процедур внутри политической системы» [5, с. 155].

Конструктивистское течение международно-политической мысли настаивает на том, что современная политическая реальность «является в одно и то же время и объективной, и субъективной. Иначе говоря, она интерсубъективна, так как непрерывно создается и воссоздается взаимодействием между акторами международной системы и тем значением, которое они ей придают. С этой точки зрения существенную роль в поведении международных акторов и в структурировании мировой политики в целом играют не только силовые отношения, но и такие нематериальные факторы, как правила, нормы и ценности» [4, с. 19]. В настоящее время распространено мнение о том, что в концептуальном плане западная экспансия базируется на англо-саксонских, геоатлантических ценностях и продиктована стремлением транснациональных политических элит распространить функционирование политических практик, апробированных в рамках евробюрократии. Много-составной характер российского общества по определению не может гладко и безболезненно воспринять эту навязываемую

ему политико-идеологическую парадигму как единственно возможную и эффективную. Поэтому с точки зрения проблемы устойчивости российской политической системы ценностно-культурные аспекты представляют собой сложное взаимопереплетение множества факторов полиэтничного социального пространства, требующего внимательного отношения как со стороны действующих политиков, так и комплексного полипарадигмального анализа научным политологическим сообществом.

Библиографический список и примечания

1. *Авксентьев В.А.* Тенденции развития этноконфликтной напряженности на юге России // Конфликтология. СПб., 2005. № 1. С. 101.
2. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006–2013 и др.
3. *Рассел Б.* Власть // Рассел Б. Искусство мыслить. М., 1999. С. 206–207; 210.
4. Универсальные ценности в мировой и внешней политике/ Под редакцией П.А. Цыганков. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 19.
5. *Хантингтон С.Ф.* Политическое развитие и политический упадок // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: Сб. переводов. М., 2012. С. 155; 159.
6. *Юрченко Н.Н.* Антикризисные политико-административные технологии как механизм обеспечения региональной безопасности в Причерноморье // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского университета, 2016. С. 126.

СЕКЦИЯ № 2

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С.О. Бышок

S.O. Byshok

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РОССИИ

NATIONAL POLICY AND POLITICAL SUSTAINABILITY IN RUSSIA

Спорт, прежде всего футбол, уже давно является барометром политических настроений в обществе. Другим таким барометром могут оказаться национальные и региональные конкурсы красоты. Не так давно, в середине декабря 2015 г., проходил конкурс «Мисс Республика Саха (Якутия)». Конкурс выиграла 18-летняя красавица Александра Павлова. Когда журналисты после объявления победителей и вручения наград обратились к ней с вопросами, она ответила: «Извините, я не говорю по-русски» [8]. Есть, о чем задуматься.

В своем докладе я хотел бы сравнить в самом общем виде различные национальные и языковые политики, которые применялись на территории России в течение последних ста лет. Я скажу совсем немного о Российской империи, много о Советском Союзе и кое-что о современной России. Невозможно говорить о политической устойчивости Российской Федерации в отрыве от гармоничной национальной политики, избегаю-

щей ошибок прошлого. В своей статье о национальной политике Владимир Путин, на тот момент премьер-министр, пишет: «Для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер... Одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие» [10].

Эпоху Российской империи, особенно на поздних этапах, называют эпохой насильственной русификации. В настоящее время эта идея является доминирующей в историографиях Польши, Финляндии и стран бывшего СССР. Русификация, и в форме госполитики, и в форме саморусификации, шла в разное время на разных окраинах империи, с разной интенсивностью и с разными результатами. Достаточно сказать, что в Российской империи не исчез ни один из населявших ее народов. Включая и украинский народ, к которому в последние два года, по понятным причинам, приковано наше особое внимание.

Во времена Российской империи «украинского вопроса» в государстве фактически не стояло по причине отсутствия у населения Малороссии стремления к этническому или государственному обособлению. Когда во второй половине XIX в. появились небольшие кружки украинофилов, как в Малороссии, так и в Петербурге, которые хотели издавать книги на малороссийском наречии, государство ограничило их в том, что им было запрещено печатать их латиницей (была такая идея). В латинице власти справедливо видели проводника польского влияния на население Малороссии [7].

События Гражданской войны XX в. на территории Украины показали, что их участников также мало интересовал национальный вопрос — в отличие от вопроса земельного. Даже Павел Скоропадский, гетман Украины в 1918 г., в своих воспоминаниях признавался, что использовал «украинство» из тактических соображений, надеясь под новым знаменем преждать революционную бурю в Великороссии и после снова объединиться в рамках общего государства [15]. В то же время австро-венгерское и германское командование еще в начале Первой мировой войны рассматривало «проект Украина» (тогда Украина была именно проектом) как возможный фактор

ослабления Российской империи. В составе австро-венгерской армии был и легион из западноукраинских добровольцев, воевавших на восточном фронте.

Победа большевиков в Гражданской войне привела к расцвету в рамках СССР украинской и иных национальных квазигосударственностей, большинство из которых существуют и поныне. В начале 1920-х гг. в новообразованных «национальных» республиках начался санкционированный Москвой процесс «коренизации» (или, в случае с Украиной, «украинизации» [3]). В обязательном порядке насаждался «национальный» язык, даже если большинство, особенно среди городской интеллигенции и рабочего класса, на нем не говорило, на государственные должности назначались «национальные» кадры. Происходил процесс узаконенной территориализации этничности: губернии, в имперский период называвшиеся по имени центральных для них городов, получали названия этнических групп, живущих в них.

Такая политика обосновывалась большевистской идеологией борьбы с остатками «великодержавного русского шовинизма», который, якобы, угнетал национальные окраины страны в имперскую эпоху, не давая им возможности развивать свою экономику и свою культуру. Одновременно «коренизация» служила и внешнеполитическим задачам. В частности, с 1920 по 1939 г. до 30% населения Польши составляли украинцы. «Украинизация» советской Украины могла вызвать у них симпатию к СССР и сделать проводниками интересов страны в Польше. То же касалось и тюркских народов, которые советское руководство хотело путем создания режима наибольшего благоприятствования сделать менее подверженным пантюркистской пропаганде, исходившей из националистической Турции.

Таким образом, в СССР политика affirmative action, то есть «позитивной дискриминации» так называемых национальных меньшинств, стала государственной задолго до того, как это стало мейнстримом на либеральном Западе [6]. Эта политика базировалась на предпосылке о негативном влиянии русских на нерусские народы бывшей империи, а любые восстания или иные настроения в истории этих народов интерпретировались как национально-освободительная война местных трудящих-

ся против великорусских «эксплуататоров». У русских, напомню, в Советском Союзе даже не было своей коммунистической партии. Компартии были в союзных республиках, была общая Коммунистическая партия Советского Союза, а компартии РСФСР — не было.

Во время Великой Отечественной войны, как и в Первую мировую, оккупационные немецкие власти стремились разрушить единство Советского Союза за счет центробежных сил, делая в своей пропаганде упор именно на мнимые исторические обиды нерусских народностей Союза на московских «эксплуататоров». В ряде случаев использовалась и антисемитская риторика. Набирая коллаборантов, немцы использовали те же самые тезисы, что и большевики, проводившие ранее «коренизацию» [1].

После войны национально-гуманитарная политика СССР несколько видоизменилась. Продолжая «позитивную дискриминацию», государство стало делать больший упор на общесоветский патриотизм. Такая расколота, двойственная политика не способствовала устойчивости государства. В 1990 г. тогдашний глава ВС РСФСР Борис Ельцин сказал национализированным окраинам: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» [2]. А через год произошло событие, которое президент Владимир Путин назвал «трагедией» [13] и даже «крупнейшей геополитической катастрофой века» [11], — крушение Советского Союза. Союз распался ровно на те национально-территориальные образования, которые государство само создавало и поддерживало в течение 70 лет. Политика, начатая большевиками в 1920-е гг., «заложила атомную бомбу под здание, которое называется Россией, и потом она рванула», сказал недавно президент [12].

На момент распада государства этнические русские составляли не более 50% жителей СССР, т.е. национальная дискриминация, на этот раз не «позитивная», а настоящая, касалась половины граждан страны. «С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве», — пишет Владимир Путин в уже цитированной ранее статье о национальном вопросе [10]. Общим знаменателем в граждан-

ских войнах на постсоветском пространстве была ненависть к русским.

Примечательно, что проводниками новых региональных национализмов являлись люди, до этого встроены в партийные или военные структуры СССР. Вспомним хотя бы советского генерала Джохара Дудаева. Добавим также, что случай распада СССР и последовавших за ним этнических чисток не является уникальным. Если мы возьмем, например, печально известную войну Алжира за независимость от Франции, то увидим схожие закономерности. Просвещенные алжирцы, которых французское государство обучало в духе идей свободы-равенства-братства и построения национального государства, вернувшись из Парижа домой, начали заниматься ровно этим — борьбой за свободу и национальное государство — за Алжир без французов. В развитии большинства, если не всех так называемых национально-освободительных, антиколониальных движений второй половины XX в. прослеживается такая же логика. На мой взгляд, ни Российскую империю, ни тем более СССР никак нельзя обвинить в колониализме. Но у новой национальной аристократии независимых республик было иное мнение.

Обретшие независимость после распада Союза страны стали создавать (или воссоздавать) национальный миф и писать новую историю. Если мы возьмем, например, учебники по истории Украины, одобренные министерством образования страны и выпущенные после 1991 г., то узнаем общий ход национально-освободительной мысли [5]. Мы узнаем, что национальное противостояние между москвитями и украинцами началось с середины XII в. — с похода владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского на Киев; что геноцид великороссами украинцев начал Петр Первый, вывозя лучший генофонд украинцев на северные болота строить Санкт-Петербург; что само название Россия тот же Петр украл у нынешних украинцев, поэтому им и пришлось переименоваться. Чем ближе к современности, тем выше уровень геноцида, достигшего пика во время Голодомора 1932–1933 гг., инспирированного Кремлем для уничтожения украинского этноса. Согласно этой же историографии, во время Второй мировой войны един-

ственной легитимной украинской военной силой была коллаборационистская Украинская повстанческая армия. Тот факт, что подавляющее большинство украинцев сражалось в рядах Красной Армии, объяснялся тем, что их ввела в заблуждение имперская московская пропаганда. Враг украинства всегда находился на востоке.

Это, подчеркну, не то, что у нас в книжных магазинах идет под рубрикой «Альтернативная история». Это — официоз, это годами в школах, вузах, заявлениях лидеров общественного мнения. Поэтому, как только начались первые столкновения на Майдане и первые жертвы в ноябре — декабре 2013 г., прогрессивная украинская общественность уже знала, кого винить, — Россию [4]. А в самой России, к сожалению, все эти годы не знали и не хотели знать, что происходило на Украине в отношении государственной идеологии. Говорили на автопилоте о «братских народах» без понимания того, что братство — это чувство взаимное.

А что происходило в самой России в начальный период независимости? Единой национальной, национально-объединяющей политики не было, государственной идеи не было не только эксплицитно, но и имплицитно. С одной стороны, была критика СССР, а с другой — абсолютное непонимание причин распада государства. Новую историческую общность советских людей вяло собирались заменить сверхновой исторической общностью — россиянами. Один за архитекторов этой идеи академик Валерий Тишков до сих пор говорит, что «сила России — в многонациональности» [16]. Хотя Советский Союз был еще более многонациональным, чем Россия, что, по этой логике, должно было сделать его еще более сильным и устойчивым. Но многонациональный Союз распался на национальные государства. Почему «россияне» должны быть более устойчивой общностью, чем «советские люди», не совсем ясно.

Постепенно стало появляться понимание, что объединить людей на основе абстрактной многонациональности или наличия российского паспорта — проблематично. Это понимание стало заметно не только в риторике первых лиц государства, но и в документах, определяющих политику страны. В стратегиях государственной национальной политики как 1996 г.

[17], так и 2012 г. [18], говорилось о позитивной роли русской культуры и русского языка как связывающих воедино народы России, говорилось о государствообразующей роли русского народа. Одновременно с этим подчеркивалась необходимость государственной поддержки языков и культур коренных народов России. Пусть расцветают сто цветов, говорил Мао Цзэдун.

Здесь капитальную важность представляет соблюдение баланса между общероссийской и национальной идентичностями, которые поддерживаются государством в рамках соответствующих программ. Ни в коем случае нельзя углублять и усугублять ту заложенную большевиками территориализацию этничности, которая один раз уже привела к расколу страны. Мы так привыкли к «национальным» названиям регионов, что нам представляется, как столетия назад страна под названием Россия расширялась, присоединяя к себе страну под названием Карелия, которую создали карелы, страну Коми, которую создали коми, страну Татарстан, которую создали татары, страну Дагестан, которую создали дагестанцы, и т.д. Хотя все это создавалось усилиями централизованного советского государства, которое сейчас неактуально, исходя из целей, которые в настоящий момент также неактуальны [14].

Но, повторюсь, нынешняя стратегия государственной национальной политики — шаг в правильном направлении. С особым вниманием следует также прочесть и принятую в самом конце прошлого года концепцию патриотического воспитания [9], которая наполняет смыслами стратегию национальной политики. А недавно принятая стратегия национальной безопасности [19], например, указывает на «снижение роли русского языка» и «качества его преподавания» как на одну из угроз нашей безопасности в культурной сфере.

И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали. С конкурса красоты в республике Саха-Якутия и о незнании победительницей русского языка. Эта вещь, наверное, не совсем серьезная, поэтому позвольте мне закончить свое выступление на серьезной ноте — цитатой из Священного Писания. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25). Давайте не допустим этого.

Библиографический список и примечания

1. *Баринов И.* Украинский вопрос в пропаганде и политике нацистской Германии // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2 (11). С. 155–169.
2. Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить // Обещания.ru. URL: <http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit> (дата обращения: 23.01.2016).
3. *Борисенко Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы / Институт славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
4. *Бышок С., Кочетков А.* Евромайдан имени Степана Бандеры: От демократии к диктатуре. 2-е изд. М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. 512 с.
5. *Дещинський Л.* та ін. Історія України та її державності. Курс лекцій: Навч. посібник. Львів: Видавництво Національного університету Львівська політехніка, 2009. 476 с.
6. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 664 с.
7. *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
8. Мисс Республика Саха (Якутия): «Я не говорю по-русски, вернее плохо говорю» // Asia Russia Daily. URL: <http://asiarussia.ru/news/10332/> (дата обращения: 23.01.2016)
9. Об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/21341/> (дата обращения: 23.01.2016).
10. *Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 20.01.2016)
11. *Путин В.* «Распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа века» // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/444083.html> (дата обращения: 23.01.2016).
12. Путин возложил на Ленина вину за распад СССР // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/21/01/2016/56a0dff99a7947088366e0e6> (дата обращения: 23.01.2016).
13. Путин об СССР, его распаде и коммунистах. Архив 1991 г. // ВСЁ ПРО ПУТИНА. URL: <https://youtu.be/xNGubG0LyIM> (дата обращения: 23.01.2016).
14. *Ремизов М.* Русский национализм и российская геополитика // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Russkii-natsionalizm-i-rossiiskaya-geopolitika-15596> (дата обращения: 23.01.2016).

15. *Скоропадский П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. / Головний редактор Я. Пеленський. Київ: Філадельфія, 1995. 493 с. (Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України; Інститут східноєвропейських досліджень НАН України; Східноєвропейський дослідний інститут ім. В. Липинського).

16. *Тишков В.*: «Сила России — в ее многонациональности» // Azerros. URL: <http://azerros.ru/intervju/15929-valeriy-tishkov-sila-rossii-v-ee-mnogonacionalnosti.html> (дата обращения: 23.01.2016).

17. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/cp/909/2051/> (дата обращения: 23.01.2016).

18. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102161949> (дата обращения: 23.01.2016).

19. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 23.01.2016).

А.В. Ващенко

A.V. Vashchenko

КРИЗИС СИСТЕМЫ МИРОРЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

CRISIS OF THE «GLOBAL GOVERNANCE» SYSTEM: CAUSES AND CONSEQUENCES

В 1990-е годы впервые за всю историю международных отношений смена международной системы произошла не в результате «большой войны», а мирным путем, когда один из полюсов Ялтинско-Потсдамской системы перестал существовать. Данная ситуация привела к своеобразному дуализму, когда параллельно стали развиваться и функционировать две системы международных отношений.

Первая Ялтинско-Потсдамская, созданная послевоенными соглашениями держав антигитлеровской коалиции, действовала на основе Устава ООН, по которому ключевая роль отводилась Совету Безопасности.

Вторая, альтернативная, сформировавшаяся в своих общих чертах ко второй половине 1970-х гг., отражала процессы экономического возрождения держав, потерпевших поражение во Второй мировой войне, прежде всего Германии, Италии и Японии, а также глобального регулирования в рамках трех центров Северо-Американского, Западноевропейского и Восточно-Азиатского. Новая система, возникшая как инструмент Западного блока в холодной войне, была объективным результатом процесса глобализации, включившего в себя и региональные интеграционные процессы. Институционально она включала в себя страны семерки и государства НАТО (G-7+НАТО). Запад смог модернизировать свою систему после кризисов первой половины 1970-х гг., вызванных поражением США во Вьетнаме и ростом цен на нефть после арабо-израильской войны «Судного дня». Результатом работы «Трехсторонней комиссии» 1973 г. было создание новых, альтернативных ООН структур типа «G-7». Это позволило ввести в западный блок Японию, усилить политические возможности Италии, ФРГ и Канады, а также синхронизировать и объединить функционирование всех региональных систем капиталистического мира в единый глобальный механизм. Западный блок получил колоссальные ресурсы. Эти ресурсы позволили приступить к реализации стратегии по развалу социалистической системы, которая была разработана фондом «Наследие» в начале 1980-х гг. В условиях паритета в ядерных вооружениях новая стратегия меняла характер вызовов с военных на экономические, социально-политические и информационные. Ставилась задача через организацию искусственного падения цен на сырьевые ресурсы (нефть, золото, алмазы) уменьшить валютные доходы СССР, с одной стороны, а с другой — увеличить расходы Советского Союза через стимулирование гонки вооружений (программа стратегической оборонной инициативы — «СОИ») и затраты в странах «третьего мира» социалистической ориентации, центральной и восточной Европы.

Новая система выгодно отличалась от разросшегося за послевоенные годы, неповоротливого, крайне забюрократизированного аппарата ООН.

1. Более простая система принятия решений, обусловленная гомогенной средой.

2. Наличие готового военно-силового аппарата в виде НАТО.

3. Наличие экономической и финансовой системы, «заточенной» под решение конкретных политических задач.

4. Наличие мощного информационно-пропагандистского аппарата.

Таким образом, новая система международных отношений включала в себя политические, экономические, военные, финансовые, технологические, информационные компоненты структурной силы. В условиях биполярности две системы функционировали в конкурентном режиме. После распада СССР ярко проявилась тенденция к доминированию новой системы. Наиболее рельефно это проявилось в условиях югославского кризиса 1990-х гг. Особенно в период агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 г.

Существующий дуализм привел к расколу и кризису современной системы мирорегулирования. Он проявляется прежде всего:

1. В росте использования силы при решении международных проблем. Под использованием силы имеется в виду, применение не только военной, а всех видов структурной силы в тех или иных сочетаниях, в зависимости от условий.

2. В наличии проблемы «двойных стандартов».

3. В размывании суверенитета.

4. В отсутствии независимых СМИ.

Основным двигателем новой системы являются ТНК, ТНБ и их политические ставленники, прежде всего в США, Великобритании и Японии. За сохранение, хотя и в реформированном виде, Ялтинско-Потсдамской системы выступают крупные многонациональные и многоконфессиональные государства, такие как КНР, Индия и Россия. Для этих стран, ТНК и ТНБ которых пока не готовы к открытой конкуренции, размывание суверенитета создает риски распада государства.

В 1990-е гг. активно шел процесс возрастания внутрисистемной асимметрии, когда новая система активно расширя-

лась. Ее экспансия была обусловлена новым экономическим и территориальным переделом мира. Государства «новой системы», имеющие все компоненты структурной силы развитые до высокого уровня в конце XX — начале XXI века стали оказывать давление на государства богатые ресурсами или имеющими важное геополитическое положение. Развернулась активная борьба и за постсоветское пространство. Эта экспансия проходила в виде:

1. Интеграционных процессов, которые включали в себя процессы разрушения национальных экономик, финансового и экономического подчинения.

2. «Цветных революций», когда страны утрачивали свой суверенитет и попадали под внешнее управление.

3. Интервенций разного рода.

Ответом на данную экспансию стала «ассиметричная интервенция», которая проявилась в виде:

- 1) терроризма;

- 2) миграции;

- 3) демографических изменений.

Чем сильнее давление и экспансия стран «новой системы», тем сильнее «ассиметричная интервенция». Таким образом, возникшее противоречие не разрешается, а усиливаясь, переходит на более высокий уровень. В данной системе отношений оно разрешено быть не может. Система, построенная на идее радикального либерализма, основанного на «Вашингтонском консенсусе» (1998) уже привела к глобальному финансовому кризису 2008 г., экономические последствия которого не преодолены до сих пор. Попытки сбалансировать систему на основе «Сеульского консенсуса» (2010) и расширить G-7 до G-20, скорее всего, носят косметический характер, хотя и способствуют формированию многополюсного мира, отхода от монополизма и развитию конкуренции. Только в условиях существующей асимметрии ждать честной конкуренции не приходится. Именно поэтому проецирование различных видов структурной силы при достижении интересов становится доминирующей тенденцией, которая уже переносится на отношения внутри стран «новой системы». Данная система становится все более американоцентричной.

Американская стратегия для XXI в.

Цель США сохранить свое доминирование на максимально длительный срок любой ценой. При этом ослабить ближайших конкурентов в лице Индии, Китая и России.

Для этого необходимо решить несколько задач:

1. Создать мировую «фабрику дешевых товаров», но «не Китай», которая будет создавать продукцию на основе американских стандартов;

2. Создать емкие мировые рынки для сбыта продукции «фабрики дешевых товаров»;

3. Взять под контроль энергетические рынки, включая территории добычи основных энергоресурсов.

Первая задача решается через создание зоны транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Вторая через подписание соглашения о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Данный договор после утечки части информации в СМИ вызвал серьезные дискуссии в странах ЕС и был близок к провалу. И тогда в ход пошли специальные операции в виде «прослушки» телефонов руководителей крупнейших стран ЕС, показательные экономические акции против крупнейших европейских ТНК и ТНБ. В 2015 г. концерн «Фольксваген» понес огромные убытки из-за скандала в США, связанного с оборудованием на тестовых автомобилях, которое занижало показатель выбросов вредных веществ в атмосферу. Кроме штрафа в 18 млрд долл., концерн понес значительные убытки. Только в первые два дня скандала в сентябре 2015 г. капитализация компании снизилась с 77 млрд. евро до 51 млрд евро [2]. Начались проблемы в США и Великобритании у «Deutsche Bank». Руководство банка сообщило что «по итогам третьего квартала его убыток составит €6,2 млрд. Рекордный убыток вызван списанием стоимости активов и ростом издержек по судебным разбирательствам» [1]. На руку США и «волна беженцев» с Ближнего Востока, которая значительно ослабит конкурента, заставив тратить огромные средства на социальные выплаты и решение проблем безопасности.

Третья задача решалась через прямое применение военной силы в Ираке в 2003 г., в Ливии 2012 г. в Сирии до сегодняшнего дня.

Реализуя данную стратегию США, усиливают асимметричность и анархичность международной системы. В этих условиях возможности регулирования системы резко ограничены. В основном они сводятся к тому, чтобы поддерживать относительную стабильность в отдельных регионах государств «новой системы». Но и эти зоны имеют тенденцию к сокращению. Практически, под давлением миграционной волны беженцев из зоны стабильности выпадают страны Европы. Что остается в «зоне стабильности»? США и Канада. Именно туда устремляются финансовые потоки из зон хаоса. Концентрируются военные, политические, экономические, информационные и технологические возможности. Но и эта стабильность относительная.

Европейский Союз в поисках утраченного суверенитета

Пытаясь анализировать современные международные процессы, невольно ловишь себя на мысли, что являешься зрителем в театре абсурда. Кажется, что перестали действовать незыблемые экономические законы. Прибыль и выгода в бизнесе уже никого не интересуют? Миллиардные контракты, заключенные под государственные гарантии не выполняются. Крупнейшие международные финансовые структуры в угоду политической конъюнктуры изменяют фундаментальные положения, регламентирующие их собственную работу. Правительства принимают решения, ведущие к коллапсу собственных экономик. Неужели мир сошел с ума и погружается в непредсказуемый хаос. Или, все же есть какое-то объяснение?

Объяснение может быть только одно! «Национальные правительства стран Европейского Союза (ЕС)» не являются таковыми. Очевидно, что они принимают решения, не отражающие интересов своих граждан и избирателей: немцев, французов, итальянцев, бельгийцев. Это ситуация утраченного суверенитета. Но суверенитет как право страны и народа принимать решения, исходя из своих национальных интересов не может исчезнуть «в никуда». Подобно закону сохранения энергии, который гласит, что энергия не исчезает, а переходит в другие виды энергии. Суверенитет не может исчезнуть бесследно. Следовательно, он передан за пределы национального государства! Следовательно, им распоряжается другая, наднациональная власть. Почему это произошло? К каким последствиям это может привести?

Надо сказать, что ситуация для Европы не нова. Нечто подобное происходило в 1930-х гг. после прихода Гитлера к власти. Тогда, создавая Третий Рейх, эту новую империю, гитлеровская Германия, захватывая европейские страны, лишала их экономического и политического суверенитета. Она подчиняла их своей воле, объединяла ресурсы и силу для решения своих задач. Это закончилось Второй мировой войной.

В 1990-е гг. процесс интеграции перемолол суверенитеты европейских стран не хуже гитлеровских дивизий. Четвертый рейх был создан тихо и даже, можно сказать добровольно. Но отражал ли этот процесс интересы европейцев. Да, тогда все они были «за». Но этот демократический централизм не снимает, поставленного вопроса. Пропагандистская, информационная машина наднациональных сил глобальных игроков в лице транснациональных корпораций и банков смогла убедить большинство европейцев в том, что интеграция отвечает их интересам. Это было легко, поскольку национальные элиты к тому времени были уже куплены. Предупреждения евроскептиков утонули в волне эйфории, вызванной объединением Германии, распадом Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), Организации Варшавского договора (ОВД) и СССР. Общая валюта, отсутствие границ, ощущение полной свободы, того что ты Бог и тебе все можно, когда тебе никто не противостоит. Появились некие органы управления (Комиссия Европейских Сообществ (КЕС), Совет Европы и т.д.), представленные европейскими чиновниками, политическими назначенцами ТНК и ТНБ, демагогами, не несущими ответственности за свои решения перед избирателями своих национальных государств. Произошло ровно то, о чем предупреждала, в начале 1980-х, британский премьер М. Тэтчер, настаивая на сохранении фунта как национальной валюты. Вслед за потерей суверенитета экономического, а он перешел к глобальным игрокам — транснациональным компаниям и банкам, начался процесс передачи им же суверенитета политического. Конечно, можно провести расследование под названием в «поисках утраченного суверенитета». Но можно с большой долей уверенности утверждать, что потерянный суверенитет находится там, где сосредоточены силы транснациональных игроков. Там, где находится большинство штаб-квартир крупнейших ТНК и ТНБ. А именно в США. «Опять США во всем виноваты», — справед-

ливо заметит любознательный читатель. Но пикантность ситуации заключается в том, что американская политика также не отражает интересы американских граждан. Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, а теперь и Украина — это борьба американских корпораций за источники сырья и рынки сбыта, за дешевую рабочую силу. Просто на данный момент американские корпорации сильнее, чем европейские, китайские или российские. Логика провальных экономических решений в том, что геополитический победитель получает все геоэкономическое пространство, а это с лихвой возместит его прошлые экономические потери.

Получается, глобализация — это просто новый этап империализма, когда национальное производство достигло своего транснационального уровня. Тогда вторым признаком глобализации, вслед за образованием ТНК и ТНБ, должно стать слияние национальных элит с этими самыми ТНК и ТНБ. В результате мы будем иметь транснациональную олигархию! Ну а дальше банальная борьба за экономический и территориальный передел мира, который уже начался. А тут и до мировой войны недалеко. «Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» [3]. Это в полной мере касается как международных, так и внутренних конфликтов. Ведь если правительство в своей политике не отражает национальные интересы своей страны, своих граждан, то со временем эти люди перестают лицедействовать с гражданами данного государства. Они начинают себя соотносить с теми группами, которые реально защищают их интересы. И вот перед нами уже не гражданин Соединенного Королевства, а мусульманин, и не гражданин Украины, а ополченец! Конечно, какое-то время можно тянуть на информационных технологиях, забывая эфир страшилками о мусульманах или о российских войсках на Украине. Конечно, может быть сильна иллюзия, что созданный хаос управляем и подконтролен.

Европейская экономическая структура почти полностью подчинена американской. Это выражается в доминировании ТНК и ТНБ, базирующихся в США. Эти компании жестко продвигают американские интересы. Иногда в ущерб европейским компаниям. Это показатель утраты европейскими странами экономического суверенитета, что превращает их в политической сфере в инструмент американской внешней политики. Украинский кризис, санкции против России нанесли уже многомиллиардные убытки не только российским, но и европейским компаниям. США, создавая хаос на границах Европы и России, стремятся ослабить их как своих конкурентов. Так, разрушение Ливии, «арабская весна», создание и поддержка «ИГИЛ» вызвали огромную волну миграции в ЕС, обострили межконфессиональные («карикатурный скандал») и межэтнические противоречия в Европе. Существенно ухудшились показатели безопасности, возросла угроза терроризма. Эти вызовы требуют огромных финансовых затрат, что еще больше снижает конкурентоспособность европейских компаний. Создаваемые США конфликты грозят выйти из под контроля, превращаясь в перманентный глобальный хаос. Это увеличивает доходы военных корпораций. Возникает впечатление, что американские корпорации превращаются в самостоятельную неподконтрольную силу, действующую исходя из своих интересов. Слившись с властью, используя огромный ресурс информационных технологий, данные компании пренебрегают национальными интересами своих граждан. Известный американский политолог Н. Хомский пишет: «Главным недостатком сегодня является значительный разрыв между ответственностью и сферами реальной власти. Как политические партии, так и деловые круги по большинству вопросов занимают позиции значительно правее, чем настроения большинства американцев. Это очень показательно. Вы можете наблюдать этот разрыв повсюду» [4, с. 122].

Библиографический список и примечания

1. Deutsche Bank потеряет €6 млрд за три месяца. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2827331>
2. Дело Volkswagen. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/62613????>
3. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>
4. Хомский Н. Будет так, как скажем мы! М., 2013.

Е.В. Ефанова

E.V. Efanova

А.В. Боганова

A.V. Boganova

ПОПУЛИСТСКИЙ ДИСКУРС
В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

POPULIST DISCOURSE
IN THE RUSSIAN INTERNET SPACE

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-34011.

В зарубежной политической практике Интернет давно уже перестал называться средством массовой информации, в развитых странах он считается средством массовой коммуникации. Для многих государств мира в эпоху современных технологий одной из важных задач государственного управления является Интернет-коммуникация. Тот факт, что в Интернете каждая компания, каждые СМИ и каждый человек могут выступить в роли коммуникатора, отражающего свое видение социально-политической ситуации, делает киберполитику государства сложной, а управление Интернет-коммуникациями практически невозможным.

В настоящее время информационная политика в отечественном Интернет-пространстве испытывает некоторые трудности в управлении массовой коммуникации, особенно сложным это представляется в условиях консервативного политического курса. Поэтому в рамках российской практики основной технологией повышения легитимности политической власти в Интернете, авторы считают выработку популистского дискурса. Популизм как дискурс предполагает совмещение идеологических установок популизма и популистского народного движения: «Движение или идеология — или, чтобы объединить их в одном понятии, дискурс — будет более или

менее популистским в зависимости от того, в какой степени его содержание артикулируется логикой эквиваленции. Это означает, что ни одно политическое движение не будет полностью свободно от популизма — ни одно не избежит обращения к “народу” против врага через создание внутренней границы. Поэтому популистская сущность любого движения проявится с особенной силой в периоды политических преобразований, когда ставкой является будущее сообщества. Степень “популизма” в этом смысле будет зависеть от глубины разрыва между политическими альтернативами» [1, с. 36]. Пожалуй, наиболее ярко популизм выражен в противостоянии прогосударственного и оппозиционного контентов в коммуникативном поле Интернета.

Однако было бы неправильно утверждать, что популизм государственного и оппозиционного дискурсов «насаждается» исключительно сверху. Дискурс как набор символов является продуктом взаимодействия определенной политической силы и народа. Иначе говоря, благодаря, в том числе Интернет-коммуникации, народ формирует контент и моду, в свою очередь элита «вынуждена этой моде следовать» [5, с. 38]. Таким образом, популизм коммуникатора в Интернете строится на противопоставлении себя с оппозиционной группой, а также апелляции к декларируемым ценностям народа: «стремление к подражанию некоему эталону, заложенное в механизме функционирования моды может в условиях современного медиатизированного общества быть одной из основополагающих переменных, влияющих на изменения электоральных предпочтений относительно характеристик возможного политического лидера» [5, с. 39].

Говоря о методах артикуляции популистского дискурса наиболее распространенными в отечественном Интернет-пространстве являются, пожалуй, мемы. Мем сам по себе представляет некую смысловую единицу, часто выраженную в картинке и подкрепленную фразой или лозунгом: «мемы вбирают в себя политические идеологии и упрощают их. Например, мем «крымнаш», «Россия встает с колен», «своих не бросаем»» [3]. Упрощенные смыслы и идеи, апеллирующие к эмоциям и ценностям народа представляют собой популистский дискурс,

с помощью которого консервативная или либеральная политическая сила легко мобилизует народные массы. Зачастую в Интернете популизм представляется как «политика минимизации потерь, а не максимизации прибыли» [4, с. 34]. Так, например, «после того как глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров назвал внесистемную оппозицию России “врагами народа и предателями”, общество разделилось на тех, кто критикует Кадырова, и тех, кто защищает его» [2]. Популистский дискурс критиков политики Р. Кадырова основывался на использовании мема и хештега «КадыровПозорРоссии», который достиг пика упоминания в социальных сетях за несколько часов. В свою очередь, чтобы минимизировать «потери» от ущемления имиджа, в Интернете появился отличный контент, апеллирующий к мему «КадыровПатриотРоссии» артикулируемый через использование авторитета: известных шоуменов и деятелей искусства, видных политиков и депутатов.

Таким образом, популистский дискурс в Интернет-пространстве играет важную роль в борьбе за власть. Упрощая смыслы политических идей и текстов, происходит идеологизация аполитичных масс и мобилизация целевого электората. Иными словами, управление Интернет-коммуникациями сводится к созданию понятного для масс политического контента, определяемого как популистский дискурс.

Библиографический список и примечания

1. *Laclau E.* Populism: What's in a Name? // *Populism and the Mirror of Democracy.* 2005.
2. *Докукина К.* Свой — чужой: что раскалывает российское общество // *Форбс.* 2016. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/310947-svoi-chuzhoi-cto-raskalyvaet-rossiiskoe-obshchestvo>
3. *Киселева М.* Откуда взялись «крымнаш» и другие мемы // *Газета.ру.* 2015. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml
4. *Нежданов Д.В.* Манипулятивная политика: дискурс популизма // *Дискурс-Пи.* 2001. № 1.
5. *Смолякова Е.В.* Мода на лидера как фактор влияния на электоральные предпочтения // *Власть.* 2008. № 9.

*Д.Р. Жантиев**D.R. Zhantiev*СИРИЙСКО-ИРАКСКАЯ КОНФЛИКТНАЯ ЗОНА:
ПЕРСПЕКТИВЫ СТАБИЛИЗАЦИИSYRIAN-IRAQI CONFLICT ZONE:
PROSPECTS OF STABILIZATION

При анализе причин того военно-политического конфликта, которым оказалась охвачена Сирия в 2011 г. и который продолжается по сей день, важно рассмотреть ход событий в соседнем Ираке, начиная с рубежа 1980–1990-х гг. Именно Ирак представляется тем полем «управляемого конфликта», который в дальнейшем был намеренно распространен внешними игроками (в первую очередь, США, Саудовской Аравией и Турцией) на территорию Сирийской Арабской Республики (САР). В конфликт оказались втянутыми, с одной стороны, аравийские «нефтяные монархии» и Турция, а с другой — Иран и его сирийские и ливанские союзники (власти САР и ливанская «Хизбалла»). Начиная с осени 1990 г. (после нападения Ирака на Кувейт) США добиваются беспрецедентного по масштабам прямого военного присутствия в регионе Персидского Залива. Анализ событий того времени позволяет заключить, что именно создание американской группировки трех родов войск в рамках Центрального командования (CENTCOM) являлось стратегической целью Вашингтона. Вторжение иракских войск в Кувейт, которому США изначально не противились, сыграло роль повода, но не первопричины для дальнейших военно-политических шагов США в регионе. «Буря в пустыне» 1991 г. стала своего рода прологом к вторжению в Ирак в апреле 2003 г. войск «международной коалиции» во главе с США. Причем логику решения Вашингтона о полной оккупации Ирака в 2003 г. едва ли можно объяснить одним лишь стремлением получить контроль над иракскими нефтяными богатствами.

Уже первые действия американской оккупационной администрации во главе с Полом Бремером в 2003 г. были направлены на разрушение иракского государства как такового:

были полностью распущены вооруженные силы Ирака, правящая партия «Баас» объявлена вне закона, и даже рядовые ее члены увольнялись с государственной службы. В то же время, американская администрация проложила путь к власти в Ираке для про-иранских шиитских политиков. Тем самым, с подачи США Иран начал втягиваться в создаваемый в Ираке «управляемый конфликт». Военными противниками шиитских ополчений («милиций») стали повстанческие отряды из числа иракских арабов-суннитов, в том числе бывших военнослужащих иракской армии и спецслужб, которым оказывалась поддержка со стороны суннитских аравийских монархий. Так в условиях иностранной оккупации в Ираке разворачивалась гражданская война, продолжившаяся и после завершения вывода из страны американских войск в 2011 г. К тому времени началось активное втягивание Сирии в созданный вокруг Ирака конфликт. Главными инструментами этого процесса стала делегитимизация президента САР Башара Асада и его правительства со стороны США и их союзников и заброска в Сирию с территорий Турции, Ирака, Ливана и Иордании отрядов боевиков и оружия для формирования «вооруженной оппозиции». Что же касается вторжения в Сирию боевиков террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ) в 2014 г., то оно проходило на фоне срачивания «умеренных» и радикальных групп боевиков при поддержке иностранных спонсоров. Некоторые группы боевиков в Сирии изначально действовали при прямой поддержке со стороны Саудовской Аравии, Катара и Турции, другие — были переброшены из Ливии и обучены натовскими инструкторами на турецкой территории с последующей заброской в Сирию. Прямое втягивание в конфликт боевых отрядов сирийских курдов и Турции (как члена НАТО) не противоречило планам США, равно как и рост влияния террористов ИГИЛ в восточных районах Сирии и граничащими с ними западных районах Ирака.

Фактически, территории Сирии и Ирака в результате целенаправленных усилий США и их союзников превратились в общую конфликтную зону. И Вашингтон (в отличие от Москвы и Тегерана) принципиально не заинтересован в стабилизации ситуации в указанной зоне. Отсюда проистекает двойственность шагов США и их союзников (включая Турцию и Саудовскую Аравию), которые, заявляя о готовности бороться

с ИГИЛ, продолжают поддержку антиправительственных вооруженных формирований в Сирии и при этом не оказывают необходимой помощи правительству Ирака в борьбе с террористами. Перспективы мирного политического урегулирования конфликта в Сирии и Ираке представляются в данной связи иллюзорными и маловероятными. Решающим фактором может стать лишь победа на поле боя сирийских (с помощью России и Ирана) и иракских (с иранской помощью) правительственных сил. Разгром группировок непримиримых боевиков и террористов способен в дальнейшем создать условия для национального примирения как в Сирии, так и в Ираке.

Библиографический список и примечания

1. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015.
2. Федорченко А.В. Продолжение «Арабской революции»: сирийские сценарии // Азия и Африка сегодня. 2013. № 8. С. 42–48.
3. Юрченко В.П. Объединенное центральное командование вооруженных сил США. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/12-05-03.htm>
4. Wilford H. America's Great Game. The CIA's Arabists and the Shaping of the Modern Middle East. N. Y., 2013.

Д.Б. Казаринова

D.B. Kazarinova

ЦЕННОСТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

VALUABLE AND POLITICAL PROJECTS AND GEOPOLITICAL SUBJECTIVITY IN THE MODERN WORLD

Главными субъектами мирового политического процесса в условиях многополярного мира являются глобальные геополитические игроки, или сверхдержавы. Эти макрополитические

образования регионального и трансрегионального уровня с интенцией к расширению пространства своего влияния, которую они реализуют, во многом, за счет распространения своей «мягкой силы». Возникает вопрос о потенциале политической субъектности, способности ее продуцировать (в противовес заимствованию субъектности). Субъектность как совокупность самоосознания, самодетерминации и самопроектирования [13] для геополитических акторов выражается в создании оригинального ценностно-политического проекта идентичности. Универсализм этого проекта позволяет говорить о таких свойствах политического актора, которые позволяют ему осознавать свою великодержавность или статус субъекта исторического творчества.

М. Леонард говорит о нескольких современных сверхдержавках с точки зрения геоэкономики: финансовой сверхдержаве США, нормативно-правовой сверхдержаве ЕС, строительной сверхдержаве КНР, миграционной сверхдержаве Турции, сверхдержаве-разрушителе России и энергетической сверхдержаве Саудовской Аравии [7]. Очевидно, что «список» сверхдержав может быть разным в зависимости от критерия (экономическая, военно-политическая, культурно-цивилизационная мощь), но ни одна из них не функционирует без ценностно-политического проекта.

Незападным обществам, претендующим на статус глобального игрока в многополярном мире с необходимостью надо предлагать не только некий набор привлекательных ценностей и развивать инструментарий «мягкой силы» по определенному набору, а продуцировать альтернативную рациональность, лежащую вне мейнстримной парадигмы запада — постиндустриализма, постмодернизма, информационного общества, прав человека и либеральной демократии, «западной либеральной религии» [3]. Сегодня существует понимание, что необходима альтернативная дискурсивная система для обоснования легитимности ценностей, лежащих в основе политической общности, претендующей на субъектность. Для реализации этой субъектности и необходим адекватный ценностно-политический проект. Он ориентирован на политическое объединение значительных пространств, формирование в них проектной идентичности за счет центростре-

мительного потенциала, заложенного в тех или иных технологиях социального строительства.

Роль духовно-религиозной сферы является ключевой. Одной из наиболее значимых глобальных тенденций социального развития человечества в конце XX — начале XXI в. является активное использование индивидами, народами и населением целых регионов идеи религиозно-цивилизационного единства как основы культурной идентификации [12, с. 159]. Именно духовно-религиозная сфера определяет базовый набор ценностей, из которого вырастает весь ценностно-политический проект.

Наиболее подробно изученным и всемирно продвигаемым в рамках идеологии глобализма и вестернизации является ценностно-политический проект **западного мира**, стоящий на китах рыночного либерализма, индивидуализма и либеральной демократии и берущий основы в протестантской этике. Это проект постиндустриальных, постсекулярных и постматериальных обществ, в которых свершился переход от ценностей группового выживания к ценностям индивидуального выбора (по Р. Инглхарту). Западный ценностно-политический проект предполагает линейное понимание общественного развития, и, если не «конец истории» по Ф.Фукуяме, то, по крайней мере, парадигму перехода к ценностям индивидуального выбора (либеральной демократии в политике) по мере развития экономического благосостояния. «Культура имеет значение» (С. Хантингтон) — это лишь первый шаг на пути признания принципиальной множественности вариантов цивилизационного развития. Идея признания либеральных свобод, прав человека, демократии, системы разделения властей и демократических институтов, а также гражданского общества как универсальных ценностей не подвергается сомнению. Это своего рода «демократический фундаментализм» [12, с. 160]. В противовес этой точке зрения Президент Академии общественных наук Китая Ван Вэйгуан уверен, что «все ценностные концепции носят исторический и конкретный характер. Вечных, неизменных и абстрактных ценностей нет. Понятия свободы, демократии, прав человека, справедливости имеют конкретное социально-политическое содержание, которое изменяется вслед за экономическими и общественными условиями» [8].

Однако развитие последнего кризиса поставило под вопрос не только систему капитализма (стали говорить о посткапитализме или новом формате социально-экономических отношений в посткризисном мире, имени которому еще не найдено), но и ее ценностный базис. Сегодня ценностный консенсус испытывает вызовы, во-первых, со стороны экономики, оставляя открытым вопрос о том, как будет меняться ценностная база общества при условии существенного падения уровня жизни населения. Во-вторых, глобальные миграционные процессы существенным образом меняют социокультурную среду в западных обществах, образуя в них инокультурные анклавные с незападными ценностями и смыслами.

Западный либерально-демократический ценностно-политический проект не един. Распадается он на условно **«американскую мечту»** и **«европейскую идею»**.

США первыми в новейшей истории сформировали у себя политическую нацию и стали достигать своих национальных интересов путем продвижения своего ценностно-политического проекта, сформулировав для этого понятие «мягкой силы». Ключевым агентом распространения «мягкой силы» США американская массовая культура, в которой заложены идеи «американской мечты»: равенства возможностей, свободы, раскрепощения и демократии, что так или иначе находит отклик у жителей разных стран и представителей различных культурных традиций, хотя и с существенными ограничениями. Концепция «мягкой силы» выглядит достаточно привлекательно в первую очередь для самих американцев. Американская мечта — инструмент социального конструирования (сверху), обладающая мощной эмоциональной составляющей (снизу). Она демократична и по своему содержанию и по способу формирования.

В противовес ей **европейская идея** изначально, еще со средних веков, а также на протяжении Нового и Новейшего времени формировалась как элитарный проект. До сих пор европеизм остается уделом интеллектуалов, но не широких масс. Тем не менее, в идеале своем европейская идея имеет вполне определенную политическую цель формирования федеративного европейского супергосударства, обладающего «суверенитетом+» [2, с. 18].

Для характеристики «мягкой силы» ЕС эксперты чаще всего используют ее нормативную составляющую. В этой сфере ЕС добился значимых успехов, выработав общеевропейское или коммунитарное право для большого числа разноположенных участников европейского интеграционного процесса. Центральное место здесь занимает понятие нормативной силы и ее соотношение с другими компонентами могущества международных акторов; роль норм и ценностей в построении внешних отношений Европейского Союза; источники нормативной мощи ЕС, а также перспективы укрепления международного влияния Евросоюза за счет нормативного потенциала [9, с. 164–170]. На практике это означает, что во всех сферах международной жизни, кроме военной, влияние Европы будет зависеть от ее способности принимать нормативные документы по самым разнообразным вопросам, таким как климатические изменения, финансовая устойчивость, операции по поддержанию мира, проекты содействия развитию стран [18]. Необходимо отметить, что в ряде регионов США и ЕС действуют сообща, противопоставляя свое влияние России и Китаю. Именно это происходит на постсоветском пространстве, ставшем объектом конкуренции интеграционных проектов.

На зону геополитических интересов России (страны СНГ), Европы (страны-объекты политики добрососедства), США также претендует распространить свое «мягкое» влияние еще один крупнейший глобальный политический игрок — **Китай**. Эта страна, являющаяся одним из лидеров мирового развития, крупнейшей экономикой и обладательницей богатейшего культурного наследия, осознавшая в полной мере свои позиции с точки зрения развития своей «мягкой силы». Китай настойчиво ищет формулу своей внешнеполитической привлекательности, вынеся эту задачу в качестве одного из ключевых моментов своей деятельности на международной арене.

И, пожалуй, наиболее открыто в современном мире о конкуренции ценностных дискурсов с Западом заявляет Китай. Особую озабоченность руководства Китая вызывает пропаганда западных ценностей (конституционная демократия, идея разделения властей, многопартийности, прав человека и гражданского общества), так как эти идеи нацелены на «отрицание политического строя социализма с китайской спецификой, искажают китайскую трактовку таких ценностей

и расшатывают “идейно-теоретическую основу правления КПК” [8].

Обращение к специфическим китайским ценностям началось еще в 1990-е гг., «когда китайское интеллектуальное сообщество взялось за попытки восстановить “национальное учение” (госюэ) как традиционную систему знания, существовавшую до заимствования западных наук. Ч. Лай выделил четыре основных различия китайских и западных ценностей — в Китае ответственность предшествует свободе, долг предшествует правам, коллектив стоит выше индивида, гармония — выше конфликта» [8]. «Гармоничную дипломатию» КНР, которая ставит перед собой цель отстаивать общие интересы всего человечества; вкратце можно описать формулой «диалог и консультации, сотрудничество и совместная выгода, поиск общего при сохранении различий, толерантность и открытость» [1].

В осуществляемой Китаем политике «мягкой силы» учтены ставшие классическими механизмы концепции по формированию благоприятного репутационного капитала страны в мире, т.е. концепция, применяемая государствами, ставящими перед собой задачи глобального геополитического характера и обладающими для этого соответствующими ресурсами. Очевидно увеличение количества культурных проектов Китая за рубежом. «Культурные акции Китая призваны оказать универсальное влияние на глобальную аудиторию, которая включает в себя как аудиторию ключевого в мире Западного проекта, так и аудиторию азиатского, африканского, латиноамериканского, мусульманского цивилизационных странств» [6].

В рамках акций культурного характера Китай предлагает миру собственное понимание развития, как отдельного индивидуума, так и социума в целом, а также межгосударственных и межличностных отношений. Китай предлагает «идею гармонии», вобравшую в себя представления даосизма, чань-буддизма и конфуцианства, в которых основной акцент делается на достижение внутренней гармонии, производной от которой выступает гармония внешняя.

Так называемые «сердцевинные социалистические ценностные воззрения» формируют три группы по четыре ценности в каждой от государства и общества к индивиду: «Ценности

государства — богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония. Ценности общества — свобода, равенство, справедливость, правовое правление. Ценности индивида — патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность» [8]. На мировой арене Пекин, при развитии сотрудничества с другими странами, будет опираться на пять принципов мирного сосуществования, а именно: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Си Цзиньпин заявил, что распространение «ценностных воззрений» должно опираться на лучшие традиции китайской культуры. Он обозначил ценности традиционной культуры, которые нужно выявлять и развивать в современных условиях. Эти ценности соответствуют ценностям раннего конфуцианства [8], что подтверждает общую тенденцию обращения к философско-религиозному наследию для формирования ценностно-политических проектов идентичности.

Очевидно, что столь древняя, специфичная и сложная для понимания культура как китайская имеет меньший потенциал глобального влияния, но и распространение американо-европейской массовой культуры на представителей других цивилизаций имеет свое ограничение. Определенные социокультурные ценности, транслируемые массовой культурой на весь мир часто не воспринимаются как образцы, приемлемые для более традиционных обществ. В связи с этим важно отметить потенциал **Индии**, во многом находящейся на стыке западного и восточного образа жизни и набора ценностей. В социально-политической плоскости это выражается в уникальном сочетании архаики и модерна, в том, как кастовая система сочетается с демократией. Заложённая в индуизме толерантность, открытость разнообразию, жесткое социальное структурирование при слабом государстве создали особую цивилизацию, гибкую, но при этом сохраняющую духовное и культурное ядро, с большим потенциалом развития в условиях глобального мира.

Для стран Востока культурно значимыми является образцы коренящиеся в общем наследии, в общих ценностях и проблемах. А последние экономические успехи Индии делают ее популярную культуру еще более притягательной.

Сегодня Индия придерживается политики «соседи прежде всего». В Дели понимают, что, если вокруг страны будет неспокойно, поставленных целей достичь не удастся. Также очевидно, что Индия должна стать локомотивом развития всего региона. С этой целью она привлекает соседние государства к активному сотрудничеству в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) [15]. Интересно, что свою мягкую силу Индия проводит через кинематограф, как это делают и США, и ЕС, и Бразилия с Турцией, и страны Юго-Восточной Азии. Специфика Индии в этом процессе в том, что в Болливуде наиболее успешны представители ислама, и успех этих мусульман имеет глубочайшие последствия для усиления умеренного ислама [17].

Ценностно-политический проект формирования идентичности **Турции** как геополитического игрока строился последние годы на таких основаниях как неоосманизм, пантюркизм. В политической системе Турции произошли «коренные трансформации, выразившиеся в постепенном отходе от вестернизированных принципов кемализма. Произошла системная переоценка ценностей и смыслов, оказывающих фундаментальное влияние на турецкую политическую систему, внешне- и внутривнутриполитические трансформации Турции выразились в переосмыслении собственной истории, культуры» [4, с. 4]. И на этой основе формулируется геополитическая идея Турции как моста между Западом и Востоком, транспортным, энергетическим, миграционным хабом.

Сегодня Латинская Америка стала «относительно независимой геополитической силой» [11], совершив левый разворот и обратившись к движению индигенизма, совместившего элементы социализма, обращения к корням автохтонного индейского населения и отчасти радикального антиамериканизма. Постколониальный реваншизм и анти- и альтерглобализм в сочетании с оригинальными концепциями индейского происхождения (*El Buen Vivir*), соотносимой с концепцией устойчивого развития дают самобытную и калейдоскопическую систему ценностно-политических воззрений этого глобального актора, набирающего силу.

Крупные державы латиноамериканского континента — региональные лидеры — также позиционируют себя как субъекты «мягкой силы» в глобальном масштабе. В этом смысле

показательна позиция Бразилии, осознавшей привлекательность для своих соседей по латиноамериканскому континенту и других стран своих экономических успехов, достижений демократического развития и дружественного внешнеполитического диалога, а также позитивного опыта страны, смешавшей в своем населении две расы, большое количество этнически совершенно различных групп, национальностей, диаспор. Сегодня именно Бразилия определяет вектор всей латиноамериканской политики. Как и для всего континента, для Бразилии характерно отторжение сути капиталистических отношений и роли финансового капитала, в особенности транснационального. В Латинской Америке ценностью остается сильное государство с обширными социальными программами. Бразилию «называют моделью глобализации с социальной ответственностью» [11]. Бразилия — это экологическая сверхдержава, легкие планеты. Идеи устойчивого развития, как уже упоминалось, являются реальной составляющей мировоззрения латиноамериканцев.

В России в полной мере признается ведущая роль «мягкой силы» в реализации внешней политики в условиях современного и постсовременного мира, на практике она реализуется несколько хаотично и фрагментарно, а задача повышения собственной привлекательности для России остается по большей части на периферии внешнеполитического процесса. Для России падение ее притягательности в культурном отношении — один из самых животрепещущих политических вопросов.

Концептуальное наполнение понятия «Русский мир» как ценностной геополитической доктрины сформулировано как право и обязанность России стать в современном мире самостоятельным и равноправным субъектом международных отношений, поскольку исторически она является также субъектом оригинального культурно-исторического творчества, выступая не просто как одна из стран мирового сообщества, но как особая цивилизационная общность. Интегративной основой и ценностным наполнением представляется русская культурная доминанта, объединяющая огромное количество людей, которые в силу самых разнообразных причин оказались за пределами Родины, но несмотря на это проявляют неподдельный интерес к России, чувствуют сопричастность своих судеб с судьбой Отечества. Изначально, политическая направлен-

ность данной концепции основывалась на признании того, что «Русский мир шире наций, границ, политических систем, шире идеологий» [10], концепция международного трансгосударственного и трансконтинентального сообщества, объединенного причастностью к России и приверженностью к русскому языку и культуре [14]. Для этой цели в названии концепции Русского мира неудачным представляется отсыл к этнической составляющей. Хотя концепция Русского мира подразумевает в основном «ареал, говорящий на русском языке». А Русская Православная Церковь в своем дискурсе Русского мира делает акцент на конфессиональную составляющую, ограничивая Русский мир православным. Существует иная трактовка русского мира — как глобального трансграничного образования, скорее российского, объединяющего все многообразие этносов, культур и религий, референтной культурой к которым выступает русская. Но российский ценностно-политический проект в условиях тех интеграционных задач, которые стоят перед Россией, должен формулироваться на основе предельно широкого понимания Русского мира.

Подводя итоги, следует сказать, что Россия вынуждена будет пересматривать свой ценностно-политический проект Русского мира. Если Россия примет решение идти по пути, который определил «разворот на Восток», вероятно, будет востребованным переписывание некоторых страниц российской истории, в том числе, связанных с ордынским периодом. Та история России, какой сейчас она изучается, написана в логике догоняющей модернизации с неизбежной ориентацией на Запад. Ценностно-политический проект наднациональной евразийской идентичности потребует другого мифа. Для евразийского проекта требуется не только проект общего будущего, но и общего прошлого.

Библиографический список и примечания

1. *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>
2. *Гидденс Э.* Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015.
3. *Дуткевич П.* Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf

4. *Зубкова А.* Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг.: Автореф. ... канд. полит. н. М.: РУДН, 2015.

5. *Казаринова Д.Б.* Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. 2011. № 3.

6. *Каримова Г.* Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств. URL: <http://www.gulnarakarimova.com/ru/pages/nauchnie-materialy-vozmojnosti-primeneniya-strategii-myagkoj-sily/>

7. *Леонард М.* Взаимосвязь как оружие. Новые методы противостояния и новые сверхдержавы // Россия в глобальной политике. 03.02.2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vzaimosvyaz-kak-oruzhie-17963>

8. *Ломанов А.* Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750>

9. *Мухина Е.* Нормативная сила Европейского Союза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4.

10. *Никонов В.* Всемирное и национальное // Стратегия России. 2007. № 12.

11. *Никонов В.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015.

12. *Почта Ю.М.* Политический ислам в контексте глобализации и роста фундаменталистских движений религиозного и светского характера в начале XXI века // Мир Ислама (Pax Islamica). 2009. № 2.

13. *Ракитянский Н.* Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Всероссийская научная конференция с международным участием «Российская политическая школа: истоки, традиции, перспективы». М.: МГГУ имени М.А. Шолохова, 2014.

14. *Тишков В.А.* Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7.

15. *Унникришнан Н., Пурушотхаман У.* И все же по заветам Неру. Индийская внешняя политика: приоритеты и императивы // Россия в глобальной политике. 2015. № 6. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/I-vse-zhe-po-zavetam-Neru-17845>

15. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. СПб., 1996.

16. *Dalmia Sh.* Bollywood vs. Bin Laden. The soft power of Indian films takes a hard line against extremism. February 8, 2011. URL: <http://reason.com/archives/2011/02/08/bollywood-vs-bin-laden>

17. *Laidi Z.* «Norms over Force», «The enigma of European Power», Palgrave Macmillan, 2008.

И.И. Кузнецов

I.I. Kuznetsov

СТАБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ
МИРОВОЙ КРИЗИСНОЙ ДИНАМИКИ
И ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

STABILITY OF MODERN POLITICAL SYSTEMS
UNDER CONDITIONS OF WORLD CRISIS DYNAMICS
AND TRANSFORMATION OF DEMOCRACY

**1. Современные теоретические подходы
к определению политической стабильности**

В современной политической науке исследование проблематики стабильности политических систем имеет серьезный теоретический задел, связанный с использованием различных методологических подходов (институционализм и неинституционализм, рациональный выбор, общественный выбор, политический реализм, структурно-функциональный, системный подход и др.). Это сопряжено как с необходимостью практического решения вопросов прогнозирования развития различных политических систем, так и с потребностями определения характера и уровня динамики международных отношений на современном этапе.

В самом общем виде подходы к исследованию стабильности политических систем можно **условно** разделить на две группы:

1) изучение стабильности государства и политической системы в условиях развития демократических институтов, детерминированных внутренними потребностями общества;

2) исследование стабильности/нестабильности политических систем в условиях кризиса миропорядка и обострившейся необходимости поддержания международной безопасности.

Конечно, данное деление весьма условно, поскольку совпадение в подходах нередко демонстрирует общность позиций исследователей по вопросу предмета и объекта изучения или намечающиеся линии преемственности при анализе тех или

иных аспектов политической динамики современных государств. Но при характеристике имеющихся в политологии на данный момент теоретических основ такое деление позволяет обратить внимание на взаимное переплетение аргументов тех, кто ранее занимался только проблематикой «внутренней политики» государства, и тех, кто был сосредоточен в основном на мирополитической проблематике. Отчасти такое переплетение показывает, как происходит «склеивание» инструментария анализа, и попытки выработки новых подходов на уровне «макро» теорий политического процесса и на «мезо» и «микро» уровне (в частности, попытки объяснения революционной политической динамики через изучение тенденций политической социализации отдельных групп современного общества в незападных государствах (см., например, работы американских социологов Дж. Голдстоуна и М. Грановеттера).

Итак, основные подходы к исследованию проблематики политической стабильности в рамках **первой группы**.

1. Самый простой и очевидный подход — интерпретация политической стабильности как *длительного функционирования одного правительства в течение длительного времени*. [29; 35] В литературе высказывается мнение о том, что такое положение дает возможность укрепить политический курс и выработать преемственность в развитии государства. При этом, как правило, указывается на способности политических администраторов со временем повышать эффективность и качество своей работы. Но в то же время хорошо известны примеры (парламентские системы Италии, Израиля и др.), когда частая смена кабинета министров не сопровождается сменой режима в целом и значительным изменением политического курса.

2. Другой подход фокусирует внимание на поддержании конституционного порядка в политической системе. В этом случае определяющее влияние оказывает *сохранение и воспроизводство «правил игры» в течение длительного времени*, что означает согласие основных политических акторов следовать этим правилам и не выходить за пределы конституционного строя. Этот подход наиболее полно представлен формулой С. Хантингтона — «порядок плюс преемственность». Он выделяет институционализацию как политический «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [12, с. 32]. Им предложены также и

основные параметры определения уровня институционализации политической системы (адаптивность, сложность, автономность и сплоченность).

3. Следующий подход связан с категорией легитимности политической власти. *Стабильной в данном случае является власть легитимная*, признанная народом и действующая в строгом соответствии с социальным запросом. Но в разных социальных группах общества могут быть и зачастую имеют место самые разные основания легитимности, определяемые политической культурой и социальной психологией отдельных коллективных акторов, что ставит серьезный предел для определения основных параметров политической стабильности. Кроме того, во второй половине XX века в профессиональном политологическом сообществе предпочитают говорить не о легитимности власти, а о поддержке политической системы и/или ее ценностей [15; 25]. Серьезным вопросом, однако, остается исследование взаимосвязи эффективности и легитимности политической системы (необходимо понимание того, почему во многих случаях политические системы поддерживаются населением вопреки доминирующим на Западе представлениям об эффективности современной власти).

4. Минималистское определение стабильности политической системы связано с *отсутствием в обществе нелегитимного насилия* и/или актуальной возможностью государства справиться с возможной угрозой дестабилизации в экстренной ситуации. По мнению английских политологов К. Даудинга и Р. Кимбера, *стабильна лишь та политическая система, которая способна отстоять себя и предотвратить собственное насильственное устранение* [21]. Таким образом, в таком ракурсе категория политической стабильности не может быть дифференцирована — она либо есть, либо отсутствует.

В то же время, некоторые авторы указывают на возможность разграничения отдельных форм «стабильности» по способам ее достижения. По мнению американского политолога Д. Яворски, существует «минимальная» и «демократическая» стабильность [27, р. 3–4]. Первый вид означает отсутствие на территории государства любых вооруженных конфликтов. Второй — способность политической системы быстро и гибко реагировать на изменения общественных настроений, что связано с эффективностью демократических институтов. Таким

образом, «минимальную» стабильность можно достичь вполне авторитарными методами, а «демократическую» — только расширением возможностей граждан в управлении государством, укреплением структур гражданского общества.

5. Стабильность может рассматриваться и как *равновесие (баланс) политических сил в обществе*. В общественной жизни есть немало примеров, когда баланс сил, интересов, устремлений является вполне естественным и отражает глубинные механизмы детерминации деятельности людей (например, баланс спроса и предложения как основа для формирования так называемого рыночного равновесия; соотношение полномочий и ответственности ветвей власти, конкуренция и взаимное сдерживание Центра и регионов в федеративном государстве, и т.д.). Особое значение в обеспечении такого рода баланса играют устойчивые институты, разделяемые большинством. Однако в политической науке активно дискутируется вопрос о том, насколько естественным является процесс балансировки интересов и силы. Многие именно так и полагают: *баланс достигается как бы сам собой*, по аналогии с восстановлением организма после нагрузок. Другие считают, что *баланс сил возможен только как специальная целенаправленная деятельность* политических лидеров и движений, заинтересованных в таком соотношении [22; 26].

Вторая группа подходов к исследованию политической стабильности связана с проблематикой международной безопасности, но при этом затрагивает важные аспекты обеспечения устойчивого функционирования современных государств.

1. Изучение политической стабильности политических систем с *использованием количественных данных*. Широкое использование математического инструментария и моделирование в XX в. позволило выработать ряд интересных подходов к выявлению кризисной динамики политических систем, определению основных индикаторов их нестабильности.

Так, например, в исследованиях шведских политологов С. Эрссона и Я.-Э. Лэйна выделяется несколько индикаторов нестабильности системы — экономические, социальные и политические. Экономические показатели: уровень безработицы и инфляции, рост ВВП, дефицит бюджета, состояние государственных займов. Социальные — процент рабочих, участвующих в конфликтах с администрациями своих предприятий;

уровень убийств и самоубийств, количество демонстраций, восстаний, политических забастовок, покушений. Политические индикаторы — степень обновления исполнительной власти, адаптируемость политической элиты к возможным изменениям, тип избирательной системы [23]. Ряд исследователей обращают внимание на структуру военных расходов в общем бюджете государства, наличие/отсутствие случаев полной либо частичной отмены действующей конституции страны, динамику ВВП, количество врачей на 100 тыс. человек населения и др. показатели. В целом такой ракурс позволяет оценить политическую систему с позиции ее устойчивости перед угрозами и вызовами и спрогнозировать ее возможности противостоять кризисам [4].

Для ряда авторов характерно указание на *корреляцию политической нестабильности с «агрессивным политическим участием»*. Таким участие становится в тех случаях, когда рост ожиданий и потребностей сопровождается сокращением возможностей для их практической реализации. В результате формируется массовая фрустрация, разочарование в политической системе, лидерах и отчуждение от политики. Теория революции, как процесса крайней дестабилизации политической системы в работах Джеймса Чаунинга Дэвиса позволила объединить психологическую и экономическую перспективу и формализовать собственные рассуждения в виде так называемой «кривой Дэвиса» (разрыв в ожиданиях: отношение между реальным и ожидаемым обеспечением потребностей) [10, с. 371–388].

Свой вариант осмысления данного феномена предложил также и американский социолог Тед Роберт Гарр в книге «Почему люди бунтуют?» [2, с. 147].

Фрустрация, как правило, ведет к агрессии, а последняя — своего рода блокировка, препятствующая целенаправленным действиям. Таким образом, поведение революционных масс, возможно, несет в себе иррациональные черты.

Кроме того, агрессивное политическое участие и эффекты фрустрации могут быть представлены и на уровне конкретной внешнеполитической стратегии государства. Например, теория баланса угроз, сформулированная С. Уолтом еще в 1980-е гг. опирается на предположение о том, что выбор такой стратегии государством предопределен оценкой уровня угрозы, исходящий от потенциального агрессора. Как пишет

Н.Р. Сетов, «по мнению Уолта, подавляющее большинство действий государств в политике можно свести либо к стремлению к балансу, либо к желанию следовать за сильным. Баланс означает “объединение в оппозицию главному источнику опасности”, следование за сильным понимается как “объединение с государством, которое представляет собой основную угрозу”. Уолт выдвигает гипотезу о том, что баланс предпочтительней для государств в том случае, когда группа акторов может создать относительно прочный союз для противостояния агрессору. Однако в некоторых случаях государства более склонны выбирать другой путь — следование за сильным» [11, с. 26].

Заметим, что в основе знаменитой динамической модели Л.Ф. Ричардсона (модели гонки вооружений), которая имеет мощный прогнозный потенциал, лежит аналогичное предположение [1; 6]. Гонка вооружений происходит потому, что государства боятся вооружений, имеющихся у других государств, а военные расходы ограничены стоимостью оружия. Один из ключевых показателей интенсификации процесса — нарастание негативных ожиданий (страхов, фрустрации, недоверия) в отношении потенциального соперника/агрессора. Таким образом, психологические эффекты социально-политических процессов и их проявление в международных отношениях и мировой политике становятся значимым предметом исследования в силу практической необходимости (прогнозирование основных тенденций развития мирового порядка, изменения правовых оснований взаимодействия государств и негосударственных акторов и др.).

2. После Второй мировой войны термин «политическая стабильность» в теории международных отношений начал отрываться от историко-политического контекста и включаться в понятийный аппарат военно-стратегических исследований. В новом терминологическом поле «стабильность» утрачивала ассоциации с представлениями о международных конгрессах, договорах и организациях для контроля над их соблюдением и т.п. Военные эксперты придали «стабильности» роль технического термина, характеризующего состояние военно-стратегической обстановки в мире, когда скованные взаимным страхом сильнейшие державы (США и СССР) не решались напасть друг на друга и не позволяли этого делать никому из жестко контролируемых ими сателлитов. Соответственно,

под укреплением стабильности понималось консервирование принципиальных силовых соотношений между соперниками и, что, возможно, было важнее, разумно высокого (взаимосдерживающего) уровня опасений в отношении друг друга. Истоки «военизации» понятия «стабильность» показаны в книге Марка Трахтенберга, современного американского специалиста в области военно-исторических и политических исследований. Как он подчеркивает, сращивание значений «стабильность» и «безопасность» было инициировано появлением военно-политической доктрины «стратегической стабильности» [33]. Известная также под названием доктрины «взаимно гарантированного уничтожения», она была разработана во второй половине 1950-х годов в Лос-Анжелесе, в исследовательском центре РЭНД-корпорейшн. Ее смысл состоял в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый удар.

В российской науке хорошо известны разработки академика А.А. Кокошина, который предложил собственное определение «стратегической стабильности» [3]. «Само понятие стабильности, — по его мнению, — подразумевает то, насколько легко вывести рассматриваемый объект (в данном случае “суперсистему” стратегического ядерного взаимодействия) из существующего состояния. Это понятие логически подразумевает прежде всего то, как велика вероятность возникновения ядерной войны при данном соотношении в структуре и составе военных (в первую очередь стратегических) потенциалов сторон». Основным показателем стабильности является наличие некоего потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений может означать переход военно-стратегической «суперсистемы» в новое качественное состояние — от взаимодействий, характерных для мирного времени, к взаимодействию, которое определяется принципиально отличной логикой — военной, ведущей к ядерной войне [3, с. 51].

3. С точки зрения известных американских ученых К. Дойча и Дж.Д. Сингера, «стабильность — это вероятность того, что система сохраняет все свои основные характеристики; что ни одна из наций не получает преобладания; что большинство членов системы продолжают выживать и отсутствует крупномасштабная война». Поясняя свое видение,

авторы добавляют: «стабильность стоило бы связывать с вероятностью продолжения государствами своего политически независимого существования при сохранении их территориальной целостности и в условиях отсутствия высокой вероятности втягивания в «войну за выживание» [17].

Однако такое состояние может быть нарушено не только активностью агрессора и/или территориальными спорами, перерастающими в полномасштабную войну. Прогресс в военном деле, связанный с вооружениями, наукой и техникой, может и сам по себе способствовать нарастанию конфликтности. Это хорошо исследовано историками, которые придерживались теории технологического детерминизма. Например, автор теории диффузионизма Фриц Гребнер полагает, что самые заметные достижения человеческой культуры появляются только в одном месте и в одно время как результат фундаментальных открытий и тем самым обеспечивают народу-первооткрывателю преимущество над другими народами [24]. Опираясь на эти достижения, народ-первооткрыватель начинает подчинять другие народы, навязывает им свою культуру и вынуждает заимствовать технику. В том же ключе строит свое исследование и Уильям Мак-Нил, который изучал военные достижения Запада (появление бронзового оружия и доспехов, изобретение наборного колеса, «пороховая революция», пушки и т.д.), что, в конечном счете, и обеспечило экспансию западной цивилизации и ее лидерство [5].

4. *Политическая стабильность в конце XX века стала рассматриваться с позиции так называемой теории демократического мира (ТДМ).* Идея демократического мира: демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию и разрешают имеющиеся противоречия исключительно мирным путем. На Западе данный постулат породил поток литературы и прочно утвердился в среде либерального истеблишмента. В результате массированных усилий для ее популяризации (к чему приложил руку и Ф. Фукуяма) ТДМ стала одним из важнейших постулатов доктрины либерального интервенционизма Соединенных Штатов. В 1994 г. президент У. Клинтон даже использовал ее положения в ежегодном послании Конгрессу США для официального обоснования политики распространения демократии [34]. Содержательная и последовательная критика данной теории исходит прежде всего из того, что в со-

временных условиях крайне уязвимы сами понятия «демократия», «мир» и «война» [13].

Специалистам известно, насколько сильно менялось понимание американцами демократии вне Соединенных Штатов – в зависимости от отношений США с тем или иным зарубежным государством. На протяжении 1910–1920-х годов признаками демократии считали то массовость политического участия, то факт наличия ответственной технократической элиты. В 1930-х годах под влиянием Великой депрессии и «социализирующих экспериментов» демократия ассоциировалась с успешной борьбой с бедностью и безработицей не меньше, чем со всеобщим характером права избирать и быть избранным. Однако в годы противостояния США с СССР усилиями американских политологов Роберта Даля, Дэвида Трумена, Габриэля Алмонда укоренилось принимаемое и по сей день процедурное определение демократии (*демократия — это неопределенность результата при определенности процедур*) [9]. Любопытно, что один из отцов американского либерализма президент В. Вильсон (1916–1920) не считал выборность главной характеристикой демократии. Он считал таковой наличие меритократической (т.е. сформированной на основании заслуг перед обществом, а не личной или клановой преданности) гражданской администрации. «Универсальное избирательное право для демократии — не самое важное, — писал он в конце XIX столетия. Универсальное избирательное право может санкционировать государственный переворот, разрушающий свободу». Либерала В. Вильсона не слишком волновало то, что в США черные меньшинства были лишены права голоса, а американский сенат избирался не прямым голосованием. В конце 1930-х годов политическая система СССР воспринималась в Америке вполне доброжелательно и не казалась «вопиющим отклонением от нормы». Еще один аспект критики в адрес ТДМ связан с принципом *политической обусловленности* демократии и мира. Речь идет о необходимости учитывать отсутствие жесткой детерминации в процессах принятия решений и установления социальных форм. У руководителя государства — в условиях демократии или ее отсутствия — есть огромная власть и целый ряд возможностей для политического действия, в том числе и за пределами своего государства. Политические и социальные игроки руководствуются прежде своими интересами и ценностями.

2. Технологии «продвижения демократии» и возможности поддержания политической стабильности государств

Одним из самых заметных факторов дестабилизации суверенных государств в современном мире стала политика администрации США по «продвижению демократии». Этому способствовали теракты 9/11, которые американская администрация восприняла как вызов собственному лидерству. В результате переосмысления угроз национальной безопасности был выработан новый курс, характеризующийся следующими предпосылками:

- модификация восприятия внешнего мира не только политической элитой США, но и американским обществом в целом (актуализируется необходимость наращивания военной мощи и распространения универсальных ценностей в глобальном масштабе);
- резкий рост внимания американского руководства к внутренней динамике развития других государств, природе их политических режимов, отношению к международному терроризму и демократии (забота о нераспространении ОМП, опасения по поводу возможного его обретения «неблагонадежными» режимами и т.п.);
- «новое-старое» видение мира (базирующееся на традиционном для американцев аутостереотипе «града на Холме»), которое основано на светском и религиозном мессианизме, предполагающем установление имперского правления во имя универсальных ценностей, а также убеждение, что США имеют исторически и теологически обоснованное право и обязанность спасти или преобразовать мир в соответствии с их собственными универсально применимыми, вневременными принципами;
- пересмотр основополагающих норм международного порядка, касающихся невмешательства во внутренние дела национальных государств и суверенитета.

Принимая за отправную точку констатацию того, что традиционные механизмы политического сдерживания в условиях транснациональных угроз более не являются действенными методами обеспечения безопасности, США выступили с программой силовых военных операций по всему миру, где

существует опасность попадания ОМП в руки террористов и разработки такого оружия враждебными США политическими режимами или даже просто там, где по их мнению существует опасность демократии и правам человека.

Таким образом, тенденции к унилатерализму во внешней политике США были в начале XXI века определены *стремлением лидера обеспечить национальную безопасность использованием экстраординарных мер в условиях нарастания нетрадиционных угроз и вызовов.*

Возникла новая модель управления мировым порядком в условиях нарастания глобальных угроз, которая воплотилась в два конкретных подхода со своими особенностями реализации. Оба эти подхода взаимосвязаны и взаимодополнительны, что позволяет сочетать различные виды ресурсов при их реализации и выработать новые стратегические цели «империи поневоле».

1. *Силовое давление и «смена режимов» (regime change) в отношении так называемых государств-изгоев (rogue-states) [8].*

2. Продвижение демократии и либеральных ценностей в мире, поддержка демократически ориентированной оппозиции и проамериканских политических сил в суверенных государствах.

Стоит отметить, что и в рамках второго направления не исключается применение военной силы с целью блокирования или отстранения от власти враждебных США политических режимов.

Первое направление исходит из идеологической предпосылки наличия в современном мире некой границы между «цивилизованным миром» (основанным на ценностях свободы и демократии) и «варварством», которое базируется на спонсорской поддержке диктаторских режимов и развивает террористические сети. Роль мирового гегемона в таком подходе состоит в необходимости «цивилизовывать» авторитарные режимы и тем самым предотвращать угрозы терроризма. Иначе говоря, цивилизующая миссия «центра», воплощающего передовые стандарты производства и потребления благ, сводится к контролю за «периферией» (в идеале — совершеннейшее ее включение в структуру мировой гегемонии с полным отказом от собственного суверенитета на условиях, продиктованных лидером, и без претензий на особое положение).

Такие страны, как Ирак, Иран, Ливия, Сирия, Северная Корея, стали рассматриваться в качестве потенциальных возмутителей порядка, которые отказываются подчиняться общепринятым правилам. В результате политические режимы таких государств попали под особый контроль и подозрение в сотрудничестве с террористами, что автоматически указывает на их, якобы «ограниченный суверенитет» и возможность нанесения «упреждающего удара» ради поддержания международной стабильности.

Смена в целом недружественных США и Западу режимов может только на первый взгляд, представляться универсальным средством привести к руководству в новых режимах проамериканских политиков. На деле такая политика обернулась огромными издержками и гражданской войной, как показал опыт Афганистана, Ирака, Ливии и др. стран. Справедливости ради стоит отметить, что еще в начале 2000-х годов даже в американском истеблишменте высказывались сомнения в эффективности такого подхода в международных делах [7]. В рамках второго направления внешней политики США наблюдается апелляция к идее необходимости защиты демократии не только в США, на Западе в целом, но и за пределами «свободного мира». Политическими средствами такой защиты могут стать как различные реформы, инициированные, поддержанные и проводящиеся под контролем лояльных Западу политиков из местных элит, так и «цветные революции» и перевороты, организованные против правящего в стране класса. Основой для такой деятельности стала идеологическая установка в части элит на Западе об универсальности демократии, а ценности и институты, определяющие национальную идентичность американцев могут быть транслированы в незападные общества. Инструменты распространения такого влияния различны (трансформация и/или «трансплантация» институтов, «выращивание новых элит» и проч.), но результат предполагаемой стратегии, как правило, один — движение в направлении «гомогенизации мирового политического пространства», т.е., установление в глобальном масштабе единообразных политических режимов, готовых следовать в русле политики США.

Сегодня значительные просчеты такой политической стратегии очевидны, потому что полузависимые от США местные

политические элиты, приведенные к власти после разрушения предшествующего режима и в Афганистане, и в Ираке, показали свою неспособность справиться с ситуацией, неэффективность управления (и даже неспособность контролировать госаппарат и территорию страны). Кроме того, примерив на себя роль «имперского» государства США в начале XXI в., особенно после начала мощного финансового кризиса 2008 г., весьма заметно ощутили на себе непосильное бремя расходов на обеспечение порядка и поддержку лояльности марионеточных местных элит. Издержки военного присутствия США и союзников по «коалициям желающих» в Центральной Азии и на Ближнем Востоке все мощнее дают о себе знать. А политические эффекты от «продвижения демократии» в совокупности с давлением международного сообщества, желающего видеть в США защитника международного порядка, а не агрессивного его нарушителя, далеко не очевидны. Именно этим была обусловлена попытка отказаться от доминирующей при Дж. Буше-мл., дорогостоящей республиканской силовой стратегии «продвижения демократии» и перейти к более мягким формам лидерства при Б. Обаме. В фокусе внимания демократической администрации главное место заняли возможности использования многостороннего подхода, учитывающего в некоторой степени интересы своих партнеров и союзников для обеспечения существующего «американоцентричного» порядка.

Весьма красноречивым было назначение послом США в России (2012–2014) известного специалиста по «цветным революциям», академического ученого Майкла МакФола. Накануне своего назначения в Россию он опубликовал книгу в которой не только подверг ревизии курс администрации Дж. Буша в отношении «продвижения демократии», но и предложил новые подходы к его реализации [28]. Новизна связана с тем, что он предлагает восстановить мягкую мощь Америки, отказавшись от практик нарушения прав человека и укрепив демократическую систему внутри США. При этом во внешнеполитической стратегии он предлагал подталкивать союзные авторитарные режимы к построению институтов либеральной демократии и пытаться выстроить более тесные отношения с враждебными авторитарными режимами (так как, по его мнению, борьба с США постоянно становится источником легитимации для диктатур в глазах населения таких стран). Учитывая суще-

ствующее в мире в последнее время настороженное отношение к идее распространения демократии, М. МакФол предлагает способствовать ему через интернационализацию усилий. Это видится в возможности США более активно использовать свое влияние на международные и неправительственные организации с тем, чтобы они брали на себя риски и ответственность за реализацию курса демократизации. В этом проявляется уловка позволяющая избежать обвинений в адрес США во вмешательстве во внутренние дела и неоимпериализме, а также способ расширения ресурсной базы этой политики без существенного увеличения нагрузки на американский бюджет.

В американской политической науке (традиционно тесно связанной с центрами принятия решений, что позволяет быстро интегрировать самые передовые разработки в процесс выработки и оценки политического курса) заметны новые интересные повороты в изучении феномена политической стабильности. Активно *изучаются возможности стабилизации государств после «превентивных интервенций»* в духе отдельного направления конфликтного менеджмента.

Так, например, в работе Кристи Самуэlsa «Строительство государства и конституционный дизайн после конфликта» на примере нескольких государств, послуживших объектами исследования в рамках всего научного проекта «State-building Program», выполненного International Peace Academy (IPA), — Босния и Герцеговина, Фиджи, Ливан, Северная Ирландия, ЮАР и Уганда [31; 32], рассматриваются конкретные формы правления и полномочия новых институтов власти, закрепление которых в конституции могло бы, по мнению автора, стабилизировать политический процесс. Кроме того, анализируются возможности реализации оптимальных моделей избирательного процесса. Проекция этого опыта на «постконфликтные» Ирак и Афганистан заявляется как один из возможных практических ракурсов дальнейшего исследования проблемы [31, р. 3].

Аналогичный подход реализован в большой программной статье в «Гарвардском правовом обозрении». Здесь рассматривается сложный процесс взаимодействия контртеррористических (военных и специальных полицейских) операций и действий по формированию новой администрации, нового политического режима в целом [16]. Заметно стремление си-

стемно обосновать инструментарий по «выстраиванию» новых политических систем во время и после силовых операций по «демонтажу политических режимов».

Вообще в американской политологии есть устойчивое мнение о необходимости изучения роли США в становлении наций-государств, использовании институтов поддержки демократии, формировании современных конституционных и политических систем [20]. В обширной монографии, выпущенной под эгидой корпорации РЭНД предметно рассматриваются основные этапы и особенности государственного строительства в условиях после силового «демонтажа» предыдущего режима [20]. Особое внимание уделяется конструированию современных политических институтов и «демократизации» как единственному средству «оставить общество в мире с самим собой и своими соседями» [20, р. 23]. Общий смысл этого «руководства по строительству наций» сводится к последовательности действий и поддержке местных инициатив по развитию демократии и самоуправления в рамках современного понимания эффективности политических институтов.

В работе известного американского политолога, специалиста по транзитам, профессора Стэндфордского университета и сотрудника Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy) Лари Даймонда делается особый упор на то, что продвижение «демократии» в постконфликтных государствах (для примера в статье отмечаются помимо Ирака, Босния и Герцеговина, Ангола) не является изначально ущербным делом. Наоборот, автор уверен, что внимательный учет местных социокультурных особенностей, этнического и религиозного факторов и координация усилий с международными организациями (главным образом ООН) способны в длительной исторической перспективе принести важные результаты. Особое внимание уделяется деятельности по подготовке и проведению свободных общенациональных выборов, формированию коалиций поддержки демократических реформ на базе некоммерческих гражданских организаций и т.д. [18]. Опыт подобного «урегулирования» в Ираке сделал такой анализ более осторожным, но не снял самой парадигмы «содействия демократии» с повестки дня [19]. Все это в целом отражает типичный подход не только для американской политической доктрины «продвижения демократии», но и доста-

точно определенный научный ракурс. Последний выражается в том, что *«промоутеры» демократии исходят из собственного представления о дальнейшей политической и социально-экономической перспективе развития той или иной страны, тем самым фактически серьезно упрощая сложную ситуацию после гражданской войны или оккупации.*

Схожий подход к обеспечению политической стабильности государств и конструированию институтов демонстрирует известный политолог Эндрю Рейнолдс. В своей статье о «конституционной медицине» (что по смыслу в более четком переводе может звучать как «лечение посредством конституции») он исследует так называемую конституционную инженерию в постконфликтных ситуациях (в Афганистане, Ираке и Судане) [30]. Его подход к изучению возможностей демократического дизайна для урегулирования конфликтов в хрупких и разделенных обществах базируется на возможности использования медицинской практики диагностики и лечения сложных заболеваний. Рейнолдс утверждает, что разработка конституции для стабилизации государства *очень похожа на лечение больного и имеет, по сути, схожие этапы (весь медицинский цикл от сортировки больных по соответствующим отделениям и оказания экстренной медицинской помощи до планомерного лечения и долгосрочного поддержания здоровья).* В этом контексте *«трансплантация институтов»* выглядит как реальная возможность замены функциональных механизмов общественно-политического управления в случае *«неизлечимости»* имеющихся или их стойкой дисфункции. В этой связи автор указывает на необходимость учитывать различные этапы демократического развития государства и общества с тем, чтобы адаптировать политические институты к насущным потребностям. Весьма интересен тезис о том, что в конституции все институты должны быть соответствующим образом совмещены, чтобы не вызывать «отторжения» и дать «пациенту» стабилизироваться, «выздороветь», развивая демократию. Такой подход очень красноречиво отражает стремление некоторых западных государств активно участвовать в формировании лояльных и подконтрольных политических режимов в большей степени, чем заботиться о становлении действительно эффективного национального государства в том или ином регионе политической нестабильности.

3. Угрозы и вызовы демократии в условиях дестабилизации политических систем

«Продвижение демократии» и иные формы политики содействия развитию демократических институтов в государствах современного мира сталкиваются с самыми серьезными проблемами. Причины здесь различны, но можно выделить самые заметные:

1. *Меняется отношение к демократическим ценностям* вследствие того, что в современных развитых государствах наблюдается рост социально-экономических противоречий и зачастую государственная власть оказывается неготовой противостоять современным вызовам и угрозам или слабо реагирует на кризис в экономической сфере. Демократические институты серьезно трансформируются, что может быть связано и с изменением их функциональности (например, снижение роли парламентов в вопросах контроля за деятельностью исполнительной власти, распространение практики незаконного ограничения прав граждан, в том числе в сфере личных прав и др.).

2. *Разрушение государства в Ираке и Ливии, связанное с продвижением ценностей демократии и «демонстрацией» персоналистских режимов не привело ни к стабилизации политических систем, ни к экономическому процветанию, ни к созданию условий для большего вовлечения народных масс в политический процесс.* Напротив, и в Ливии, и в Ираке, и в Афганистане, а сейчас и в Сирии идет гражданская война. Силовое противостояние стало повседневностью в этих и ряде других стран, что сопровождается распространением политического влияния радикальных исламистских движений.

3. *Кризисная динамика в мировой экономике во многом демонстрирует ограничения той модели роста, которая связывается с либеральным мировоззрением и развитием капитализма.* Стремление США создавать и поддерживать такие правила в мировой торговле, которые направлены на исключение мощных экономических игроков, таких как Китай и Россия (подписание соглашения о создании ТПП и подготовка договора о ТТИП) ведут не к укреплению мирохозяйственных связей и реализации принципов открытой торговли, а наоборот, препятствуют этому. Наряду с блоковой структурой обеспечения безопасности в мире, которая серьезно осложняет взаимоотношения государств, возникает система экономиче-

ских блоков, которая будет иметь немало новых рисков в своем развитии, несмотря на то, что на первом этапе, скорее всего, принесет дивиденды своим создателям.

Одним из наиболее важных последствий дестабилизации политических систем, которая возникает в связи с реализацией стратегии «продвижения демократии» и «смены режимов» стало снижение доверия к американской гегемонии в мире. Это связано и с падением авторитета демократических ценностей в глазах стран и народов, подвергшихся масштабным политическим трансформациям с внешним участием. Да и в самих Соединенных Штатах все острее звучит тема возможной утраты авторитета американской демократии в глазах собственных избирателей и союзников, а также способностей политической системы адекватно отвечать на угрозы и вызовы современности.

Видимо, понимая всю остроту проблемы «продвижения демократии» в мире и ответственности США за этот процесс, известный американский политолог Томас Карозерс выпустил работу с подведением итогов разрушительной политике Дж. Буша-младшего [14]. По мнению этого автора, для новой администрации являются актуальными вопросы восстановления доверия к демократии вообще и к США как «промоутеру» (в данном контексте это понятие можно перевести по аналогии с использованием его в шоу-бизнесе как «продвигающий» или «раскручивающий») этого процесса [14, р. 19–20]. Однако как отмечает Т. Карозерс, данный призыв не должен быть идеалистичным, поскольку, оставаясь верными самой демократии как глобальной идее, американцы должны понимать, что ее распространение в рамках «третьей волны» — лишь эпизод истории. Это состояние характеризовалось следующими признаками:

- демократизация являлась естественным процессом, этот импульс распространялся по всему миру в силу основных структурных факторов (экономический рост и распространение политической свободы);
- не было существенных конкурентов западной либеральной демократии, никакой другой политической идеологии или типа политической системы, претендующей на мировое влияние;
- рыночные реформы стимулировали динамику мировой экономики, содействовали глобальной демократизации;

- сама глобализация воспринималась и являлась по сути скорее вестернизацией, что также способствовало распространению демократии;
- Соединенные Штаты являются естественным лидером или, по крайней мере, играют преобладающую роль в продвижении демократии [14, р. 22].

В настоящее время эти постулаты уже не работают, заметны иные тенденции, которые необходимо учитывать:

- количественный рост демократий замедлился (по данным изучения так называемых «электоральных демократий», т.е. всех, где проходят выборы, пусть даже и номинальные);
- остро стоит вопрос консолидации демократии в нестабильных режимах, и нет уверенности в том, что количество случаев демократических завоеваний перевесит число авторитарных трансформаций;
- экономическое развитие Китая и России, где существуют недемократические (по версии Запада) режимы, может проецироваться на другие регионы мира, Центральную Азию, Ближний Восток, формировать соответствующие ориентиры у национальных элит и ожидания граждан;
- высокие цены на нефть и газ в совокупности с разочарованием населения многих государств в либеральных экономических реформах препятствуют дальнейшей демократизации;
- процесс глобализации уже не связывается только с распространением западных социальных и политических ценностей, а авторитарные режимы с успехом научились имитировать западные усилия по распространению демократии: американское лидерство в процессе «продвижения демократии» оспаривается как раз теми государствами, которые в обозримой перспективе будут считаться (исходя из реалистического подхода) наиболее вероятными соперниками США — Китай и Россия.

Все это заставляет американцев искать более гибкие и менее разрушительные средства для восстановления роли своей державы в мире, придания позитивного образа политике США. Именно в этом контексте звучат призывы Т. Карозерса обратить внимание на состояние демократии внутри США, прислушаться к предложениям ряда правозащитных организаций («Хьюман райтс уотч» и Американского Союза гражд-

данских свобод). Среди необходимых мер могут быть: запрет пыток в законодательстве и практике, закрытие секретных тюрем ЦРУ (конкретно — тюрьмы Гуантанамо), запрет чрезвычайной выдачи, ужесточение определения «вражеского комбатанта» и др. [14, р. 23].

В конечном итоге такой подход, по мнению автора, сможет изменить сложившийся силовой стиль американской политики и негативный имидж страны-агрессора.

В этой позиции прослеживается определенное упрощение и схематизация процесса продвижения американских национальных интересов. Изменение образа страны-агрессора вряд ли возможно без полного отказа от силовой доминанты в продвижении интересов США в их понимании нынешней правящей элитой. А такой отказ, в свою очередь, может означать для элит союзников США сигнал о том, что прежние гарантии безопасности и выстроенные под них экономические и иные отношения будут подвергнуты определенной ревизии.

Таким образом, в отношении любых попыток «смены режимов», а также «трансплантаций» и даже «выращивания» политических институтов следует проявлять особую осторожность. Использование медицинских и экономических подходов к объяснению сложного и неоднозначного по используемым инструментам и достигаемому результату процесса вполне приемлемо лишь как теоретический ракурс. Однако необходимо учитывать, что в политической деятельности наряду с рациональным аспектом, четкой фиксацией интересов и стратегий постоянно присутствует субъективное измерение. Оно связано с политическим сознанием, политико-психологической мотивацией, ожиданиями, установками и стереотипами как лиц, принимающих решения, так и массового социального субъекта. Все это, в конечном итоге, может серьезно «поправить» стратегию и расчеты «хирурга-трансплантолога», нарушить его внутреннюю уверенность, равновесие, профессионализм и привести к нежелательным последствиям (в медицине — вплоть до летального результата). В изучении процесса институциональных нововведений это выдвигает на первый план те особенности политического организма «реципиента», исторического, культурного опыта существования политической системы, которые могут решающим образом повлиять как на саму операцию «вживления» или «имплантирования», так и

на дальнейшее политическое развитие. Причем, как показывает опыт нынешнего институционального строительства демократии США в Ираке и Афганистане, влияние это обоюдное. Страна-«донор» подвергается политическому риску нести бремя ответственности за неудачи и их последствия, обеспечивать определенные гарантии тем, кто реализовывал полномасштабные программы помощи становлению «демократии» (как среди американских граждан, так и тех, кто живет непосредственно в этих государствах).

Библиографический список и примечания

1. *Ахременко А.С.* Динамический подход к математическому моделированию стабильности // Полис: политические исследования. 2009. № 3.
2. *Гарр Т.Г.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
3. *Коккошин А.А.* Проблемы обеспечения стратегической стабильности: Теоретические и прикладные вопросы. М.: Едиториал УРСС, 2011.
4. *Кортунов С.В.* Мировая военно-политическая ситуация. Год 2015 // Международная жизнь. 2010. Т. 4. № 4. С. 93–116.
5. *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / Пер. Т. Ованисяна; предисловие Г. Дерлугьяна; научная редакция и предисловие С.А. Нефедова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
6. *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997.
7. Например, Ричард Хаас, который являлся председателем Совета по международным отношениям; а в 2001–2003 гг. руководил Отделом политического планирования Госдепартамента США написал об этом достаточно четко. См.: *Хаас Р.* Смена режимов и пределы ее эффективности // Россия в глобальной политике. № 4. Июль — Август 2005.
8. Особое место стала занимать доктрина «смены режимов» В послании Конгрессу 29 января 2002 г. Дж. Буш заявил о наличии «оси зла» (Axis of Evil) — диктаторских режимов, которые сотрудничают с террористическими организациями и могут передать им ОМП. Выступая в военной академии в Вест-Пойнте 1 июня 2002 г., президент США отметил, что Пентагон может наносить превентивные удары по этим странам в случае, если речь идет об опасности попадания ОМП и ракетных технологий в руки террористов. «Стратегия национальной безопасности» 2002 г. разделила понятия: (1) «preemptive strike» (упреждающие удары по противнику, изготвившемуся к агрессии) и (2) «preventive strike» (превентивные удары по противнику, представляющему потенциальную угрозу). См.: The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 ([http:// www.whitehouse.gov](http://www.whitehouse.gov)). Новейшая «Стратегия национальной безопасности» опубликованная в начале 2015 г. продолжила

курс на укрепление американского лидерства в мире и декларировала широкие возможности применения силы.

9. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ.; под ред. В.А. Бажанова. М., 2000.

10. *Селле П.* J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции // Теории и методы в современной политической науке / Под ред. С.У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009.

11. *Сетов Н.Р.* Проблема безопасности в неоклассическом реализме. О безопасности и обороноспособности // *De Securitate et Defensione*. 2016. № 1(2).

12. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

13. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. № 3(8).

14. *Carothers Th.* U.S. Democracy Promotion During and After Bush // *Carnegie Endowment for International Peace*. Washington, 2007.

15. *Chong D., McCloske H., Zaller J.* Patterns of Support for Democratic and Capitalist Values in the United States // *British Journal of Political Science*. 1983. Vol. 13, Part 4.

16. Counterinsurgency and constitutional design // *Harvard Law Review*. 2008. Vol. 121. P. 1622–1643.

17. *Deutsch K.W., Singer J.D.* Multipolar Power Systems and International Stability // *Analyzing International Relations. A Multimethod Introduction* / Ed. by W.Coplin, Ch.Kegley. N. Y.: Praeger, 1975. P. 320–337.

18. *Diamond L.* Building Democracy After Conflict: Lessons from Iraq // *Journal of Democracy*. 2005. January. Vol. 16. P. 9–23.

19. *Diamond L.* Promoting Democracy in Post-Conflict and Failed States: Lessons and Challenges // *Taiwan Journal of Democracy*. 2006. Vol. 2. № 2. P. 93–116.

20. *Dobbins J.* et al. America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq. Santa Monica: RAND, 2003.

21. *Dowding K.M., Kimber R.* The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. № 3.

22. *Elgie R.* Semi-Presidentialism: Concepts, Consequences and Contesting Explanations // *Political Studies Review*. 2004. Vol. 2.

23. *Ersson S., Lane J.-E.* Political Stability in European Democracies // *European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. № 3.

24. *Graebner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.

25. *Green L.* Support for the System // *British Journal of Political Science*. 1985. Vol. 15, part 2.

26. *Goodin R.E.* Designing Constitutions: the Political Constitution of a Mixed Commonwealth // *Constitutionalism and Transformation: European and Theoretical Perspectives* / Ed. by R. Belamy, D. Castiglione. Blackwell, 1996.

27. *Jaworsky J.* Ukraine: Stability and Instability // McNair. Paper 42. INNS. August 1995.

28. *McFaul M.* Advancing Democracy Abroad. Why We Should and How We Can. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.

29. *Protsyk O.* Intra-Executive Competition between President and Prime Minister: Patterns of Institutional Conflict and Cooperation under Semi-Presidentialism // Political Studies. 2006. Vol. 5.

30. *Reynolds A.* Constitutional Medicine // Journal of Democracy. 2005. January. Vol. 16. № 1. P. 54–68.

31. *Samuels K.* State-building and Constitutional Design after Conflict // IPA REPORT. 2006. June. 23 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odi.org.uk/events/states_06/18thmay/presentations/20samuels.pdf

32. *Samuels K.* Post-Conflict Peace-Building and Constitution-Making // Chicago Journal of International Law. 2006. Winter. Vol. 6. № 2. P. 1–19.

33. *Trachtenberg M.* History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991.

34. Transcripts of Clinton's Address // New York Times. 26 January, 1994.

35. *Zimmerman E.* Government Stability in Six European Countries During the World Economic Crisis of the 1930s: Some Preliminary Considerations // European Journal of Political Research. 1987. Vol. 15. № 1.

Д.З. Мутагиров

D.Z. Mutagirov

ПРИЗНАННОСТЬ ГОСУДАРСТВ КАК ФАКТОР ИХ ЛЕГИТИМНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ

RECOGNITION OF STATES AS A FACTOR OF THEIR LEGITIMACY AND STABILITY

Статистические сборники ООН и доклады о разных аспектах жизни современного мира содержат сведения примерно о 250 странах, государствах и самоуправляемых территориях. Членами ООН в данное время являются 193 государства. Каков статус остальных 50–60 субъектов? Их включают в категории так называемых «частично признанных и непризнанных государств», хотя они порою оказывают на мировую политику и международные отношения гораздо больше влияния, чем многие из «признанных» государств.

Чем обусловлен такой статус субъектов мировой политики и международного права, и насколько он правомерен?

Планета Земля заселена множеством тысяч народов. Первичными социумами являются семья, род и народ со своими ареалами постоянного проживания, исторические, географические, климатические и иные условия которых формировали и соответствующие им системы институтов, в том числе и политических, призванных облегчить решение общих для всех их членов проблем жизни. По подсчетам некоторых исследователей, в древности таких социумов насчитывалось около 600 тысяч [1, р. 213].

В результате соперничества и войн между социумами на протяжении тысячелетий одни из них полностью исчезают [11], другие присоединяются к более сильным, вследствие чего последние из моноэтнических превращаются в много этнические. Образуются империи и конфедерации, в состав которых насильственно включаются ранее самостоятельные народы с иными культурами, обычаями и традициями.

Мировой политической процесс всегда развивался крайне противоречиво, что обусловлено природой и стремлениями его участников. А ими являются как государства и их институты политической власти, так и народы, гражданские общества и их институты. Государства — эти, повторяя формулировку Т. Гоббса, «гладиаторы с оружием в руках и взглядами, направленными друг на друга» [3, р. 115], выступали и пока еще продолжают выступать (хранить «позы войны») как соперники на международной арене. Некоторые из них, как правило, наиболее сильные в данный момент, претендуют на роль повелителей мира, совершенно не считаются с общечеловеческими ценностями и отрицают какую бы то ни было мораль в отношениях с другими странами и народами. «Мораль как общий критерий для определения поведения государств и прежде всего в качестве критерия для измерения и сравнения поведение различных государств не действует», — считают их представители. «Здесь позволено превалировать другим критериям — более грустным, более ограниченным и более практичным» [4, р. 49]. Некоторые из них обосновывают даже необходимость аморальности в отношениях с другими народами и государствами [10, р. 72–73]. По их мнению, «государства в условиях анархии не могут позволить себе быть моральными» [7, р. 9]. Утверждают

также, что «поиск власти осуществляется не ради достижения моральных ценностей; напротив, моральные ценности используются для достижения власти» [11, р. 18].

Народы, гражданские общества и их социально-экономические и духовные институты, напротив, объективно ориентированы на отношения добрососедства, равноправия, взаимовыгодного сотрудничества и всеобщего блага. Их прогрессивная часть всегда считала неравноправие и зависимость одних народов от других, соперничество и вражду между ними противостественными состояниями и пропагандировала идеи самоопределения и независимости всех без исключения народов.

Следствием деятельности этих, параллельно действующих участников национальных и международных процессов, стало то, что в современном международном праве одновременно «существуют» взаимоисключающие друг друга нормы и принципы [9, с. 14–16]. Это — принципы территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, с одной стороны, и **права человека и народов самим определять свою судьбу**, основой которых, как это признано в общей для двух международных пактов о правах человека первой статье, является право на самоопределение. «1. Все народы имеют право на самоопределение, — провозглашает она. — В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» [5, 6, статья 1].

Очевидно, что гарантирование сохранения и увековечивания территориальной целостности и неприкосновенности существовавших с имперских времен государственных границ исключают возможность реализации права насильственно включенных в состав этих империй народов на самоопределение вплоть до создания собственных государств. А если народы все-таки реализуют это свое право, то существующие государства имеют возможность, ссылаясь на принцип территориаль-

ной целостности, объявлять стремящиеся к самостоятельности народы сепаратистами и террористами, препятствовать реализации воли народов и отказать в признании ее легитимности. Так появляются категории признанных, частично признанных и непризнанных государств.

Можно исключить противоречия между принципами территориальной целостности и неприкосновенности границ государств принципом самоопределения путем реализации права народа на автономию в рамках многонациональных государств, пересмотрев их конституции и преобразовав унитарные государства в федеративные. Это оптимально при условии, если этнос чувствует себя в составе многонационального государства комфортно и может довольствоваться статусом автономии. Если же этого нет, и этносы самоопределяются вплоть до создания собственных государств и выйдут из состава нынешних многонациональных государств (Квебек из состава Канадской конфедерации, Шотландия из состава Великобритании, Каталония и страна басков из состава испанской монархии и т.д.), то сохранить территориальную целостность этих государств в нынешних границах будет невозможно.

Важно постоянно помнить, что государство является одним из многочисленных институтов общества, формируемых его членами. Как было сказано еще в Декларации о независимости США, «люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых...» [2, с. 34].

Объективными критериями легитимности государства являются: оно учреждено волей конституционного большинства членов социума, представляющего собой определенный этнос, имеющий исторический ареал проживания, собственную систему национальных ценностей, язык и культуру, а также сформированные демократическим путем институты власти.

Разумеется, государство — это институт защиты социума от внешних угроз, а также обеспечения его гармоничного развития путем формирования и постоянного совершенствования правового поля. Но важно помнить при этом, что право — это не что иное, как легитимно выраженная воля конституционного большинства членов социума. Если правительства забывают об этом, не выполняют своих обязательств перед обществом и поступают противозаконно, то, продолжая идею упоминавшейся выше Декларации о независимости США, «народ впра-

ве изменить его и упразднить, и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа» [2, с. 34]. Насколько нам известно, никто, за исключением авторитарных правителей и их адептов, не ставит под сомнение разумность идей данной Декларации; она была и остается одной из первых и выдающихся хартий демократии.

Отсюда — главная максима легитимной государственности: ее учредителем и единственным судьей является сам социум. В современных условиях воля народа выражается на референдуме, который проводится, в целях исключения возможности подтасовок, под международным контролем. При этом референдум проводится в том субъекте федерации или области этнического проживания, которые ратуют за самоопределение, а не во всем многонациональном государстве, как ратуют центральные власти государств. Если государства образованы при строгом соблюдении этих условий, они становятся таковыми и де-факто, и де-юре, независимо от мнения и отношения к ним со стороны кого бы то ни было извне. Их стабильность определяется прежде всего степенью единства членов самого этноса.

Следует быть реалистами и признавать определенную непоследовательность даже сторонников признания права на самоопределение, наличие у них противоречащих друг другу подходов к исторической практике народов. Так, с готовностью признавая право на самоопределение за другими народами, прежде всего входящими в состав недружественных государств, они отрицают таковое за собственными народами, оставляя это на усмотрение своего многонационального сообщества, в котором поборник права на самоопределение составляет меньшинство.

Речь идет только о праве самостоятельного этноса, из поколения в поколение проживающего в своей исторической родине и стремящегося к автономии. К диаспорам это не относится. Не могут считаться легитимными попытки различных оппозиционных и враждебных существующим социально-политическим системам групп людей, бандформирований или случайных лиц объявлять государствами те или иные ареалы своих интересов. Таковыми являются так называемые Силенд,

Амират Кавказа и десятки других имитаций государственности, вплоть до «королевства геев и лесбиянок» на коралловых островах Австралии. В мире таких эфемерных или виртуальных «государств» насчитывается несколько десятков. Это примерно то же самое, что и печально известная в некоторых странах практика, когда мафиозные группы объявляют те или иные районы населенных пунктов сферами своего влияния и собирают «дань» со всех, ведущих здесь ту или иную предпринимательскую деятельность.

Существующая норма международного права, согласно которой лишь признание воли народов большинством «государств-ветеранов» считается критерием легитимности новых образований, является произвольной и неправовой. Конечно, государства, как и индивиды, могут относиться друг к другу по-разному — уважительно, равнодушно, с недоверием, враждебно или просто не замечать друг друга, пытаться расколоть и ослабить одних, и содействовать усилению других. Но от этого народы и их институты не перестают быть теми, кем они являются на деле. Советская Россия, а потом и СССР не признавались США в течение пятнадцати лет, а Китайская народная Республика — почти тридцати лет. Да, это создает значительные трудности молодым образованиям в своем прогрессе. Они оказываются изолированными от значительной части остального мира, ограниченными в возможностях кооперации и сотрудничества, пользования достижениями передовых народов, развития взаимовыгодных торгово-экономических и иных связей с ними и т.д.

В. И. Якунин в своем докладе резко осудил практику санкций одних стран в отношении других. Думается, что здесь не все так просто. Международное право считает экономические, культурные, дипломатические и иные ограничения, а также ограничение степени участия государств-членов в правотворческой деятельности международных институтов наиболее гуманными формами и способами воздействия на государства, грубо нарушающие нормы этого права. Они предусмотрены в уставах ООН, континентальных и региональных институтов. К сожалению, на деле это превратилось в деяние, направленное прежде всего против населения подвергающихся санкциям стран. Руководство их, поведение которого оказалось причиной для санкций, последствий их на себе почти не

чувствует, оно не голодает, не замерзает, не страдает от отсутствия лекарственных препаратов и т.д. Страдает, голодает и умирает от вполне излечимых болезней простой народ. Истинно демократические государства не должны прибегать к таким антидемократическим мерам; санкции должны адресоваться конкретным виновникам нарушения норм международного права — первым лицам и их адептам.

Некорректно считать признание государства ООН важным критерием его легитимности. ООН вообще не наделена правом признавать или не признавать государства. Согласно ее Уставу (ст. 2, п. 7), «настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII».

Любое государство может стать членом ООН, если оно того захочет, когда с ним установят дипломатические отношения большинство государств-членов ООН, в том числе и членов Совета Безопасности, которые подтвердят свою волю видеть их равноправными с собой участниками мировой политики и международного права на Генеральной Ассамблее ООН при обсуждении вопроса о приеме их в члены этой Организации.

Как правило, охотно признаются государствами и даже побуждаются к самостоятельности народы, входящие в состав недружественных многонациональных государств с целью ослабления их влияния в мире. И отказывают в этом народам с близкими соперникам политическими и духовными ориентациями, именуя их сепаратистами и террористами, хотя процессы эти происходят примерно одинаково. Так, в 1980–1990-х гг., в период распада социалистических федераций и конфликтов между их бывшими субъектами, на их прежде прозрачных административных границах, вдруг превратившихся во внешние границы государств с пограничными и таможенными службами, формировались мини-государства, образованные народами, которые не согласились с новыми порядками вещей, установленными против их воли. Это Нагорный Карабах с преимущественно армянским населением, входивший ранее в состав Азербайджанской ССР со статусом автономии, и

восставший против Баку после отмены автономии, Абхазия, в свое время добровольно вошедшая в состав России и в целях облегчения административного управления включенная в состав Грузинской ССР, Приднестровская Молдавская республика, Восточный Тимор (Тимор-Эште), Косово (прежняя автономия в составе Сербии, лишенная этого статуса в период обострения межнациональных отношений в стране), Южный Судан. Одни из них были немедленно признаны некоторыми «государствами-ветеранами», а другим в этом было отказано из-за испытываемой к ним антипатии, а также исходя из определенных геополитических соображений.

Стремление к большей самостоятельности усиливается у народов почти всех многонациональных государств. Это происходит в провинции Канады Квебек с преимущественно франкоязычным населением, в Бельгии, Шотландии, Каталонии и стране басков в Испании и т.д. Полагаю, что рано или поздно к той или иной степени самостоятельности будут стремиться все народы ныне многонациональных государств, если они не преобразуются в истинно демократические федерации народов, в которых каждый из них будет чувствовать себя равноправным членом и жить комфортно.

Согласно философии, общественные процессы в мире происходят путем множества отрицаний отрицания. Сотни тысяч относительно самостоятельных субъектов в начале истории постепенно объединились, добровольно или с применением силы, в несколько сотен, а затем и десяток государств. Образовались колониальные империи и федерации неравноправных субъектов, после распада которых образовались десятки новых политических образований, чей опыт в случае их успеха, побудит к самостоятельности все народы мира, потомки которых со временем вновь будут формировать союзы, федерации и конфедерации, но уже добровольно и на более демократической основе [8].

Библиографический список и примечания

1. *Carneiro R.* Political expansion as an expression of the principle of competitive exclusion // *Origins of the State* / Eds. R. Cohen and E. Service. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1978. P. 213.

2. *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. С. 34.

3. *Hobbes Th.* *Leviathan*. 1651. Ch. 13. P. 115.

4. *Kennan G.* () American Diplomacy. N. Y.: New American Library, 1952. P. 49.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах 19 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. 16 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
7. *Morgenthau H.* (1948) Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. P. 9.
8. *Мутагиров Д.З.* Демократия как универсальная ценность. М.: Логос, 2014.
9. *Мутагиров Д.З.* Правовые аспекты этнополитических кризисов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Вып. 6, № 1. С. 14–24.
10. *Schlesinger Arthur Jr.* The Necessary Amorality of Foreign Affairs // Harper's Magazine. 1971. August. 243. P. 72–73.
11. *Spykman N.* America's Strategy in World Politics, N. Y., 1942.
12. *Сычев Н.* Книга династий. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 959 с.
13. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>

Д.Н. Пророкович

D.N. Prorokovic

**МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНКУРЕНЦИЯ КАК ГАРАНТ УСТОЙЧИВОСТИ
МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

**MULTIPOLARITY AND IDEOLOGICAL RIVALRY
AS A GUARANTOR OF STABILITY OF WORLD
POLITICAL SYSTEM**

Конец холодной войны положил конец эпохе биполярного мира. Признаком биполярности являлось и наличие идеологической конкуренции. Американский профессор Френсис Фукуяма провозгласил конец биполярности «концом истории». По словам Фукуямы, либеральная демократия восторжествовала во всем мире, и в будущем человечество ждет не возобновление прежних столкновений, а урегулирование мировых экономических и социальных проблем [2]. Однако однополяр-

ность мировой политической системы обусловила и идеологическую монополию на глобальном уровне. Даже в 2014 г. Фукуяма оставался непреклонным, утверждая, что все страны рано или поздно примут либерально-демократический эталон [3].

Однако к 2014 г. в мировой политике от либеральной демократии оставалось совсем немного. Любая идеологическая монополия приводит к дегенерации системных ценностей. Вместо либеральной демократии мы вошли в период доминирования неолиберализма [5]. Его итоги наглядно иллюстрируются данными из последнего отчета некоммерческой организации Оксфам Америка: В 2014 г. на богатейший 1% населения приходилось 48% мирового богатства. Большая часть оставшихся 52% глобального состояния принадлежала людям, входящим в 20% богатейшего населения. В то же время 80% самых бедных контролируют всего лишь 5% всего мирового богатства. Концентрация богатства в руках «клуба избранных» с каждым годом увеличивается [6].

Как каждому из этих 80% самых бедных гарантировать личную безопасность, экономический рост или доступность общественных услуг? Отдельной проблемой является вопрос свободы и индивидуального права. Принятая в 2002 г. доктрина Буша определила необходимость ведения упреждающих войн [4]. Это так называемая стратегия упреждающего удара. Для предотвращения разработки отдельными государствами ядерного потенциала или, чтобы не дать отдельным государствам возможность оказать помощь террористам, их необходимо атаковать. Мы должны обратить внимание на одну деталь: атакуют не те страны, помощь которых террористам доказана, а те, которые всего лишь находятся под подозрением в помощи террористам. В своей речи при вступлении в должность Джордж Буш-младший дал понять всем, кто жаждет свободы: «Я прибуду для того чтобы установить свободу, независимо от того готовы вы к этому или нет» [1]. Так вот, вместо решения проблем в области прав человека и индивидуальных свобод мы оказались на этапе «навязывания свободы» единой сверхдержавой в однополярном мире. Как на самом деле выглядит «навязывание свободы», продемонстрировали «цветные» революции и «арабская весна».

Все ныне происходящее — следствие отсутствия идеологической конкуренции. Успех либерально-демократической

модели в Европе обусловлен конфронтацией с моделью коммунистической. Коммунистическая идеология составляла серьезную конкуренцию идеологии либеральной демократии, поэтому западная политическая система была вынуждена идти на уступки. Было ли расширение прав рабочих, ведение переговоров с профсоюзами, повышение заработной платы в интересах западного капитала? Нет, не было. Почему он это делал? В силу коммунистической угрозы. В силу существования идеологической конкуренции. После развала Советского Союза одна из идеологических систем пропала, исчезла конкуренция. Эммануэль Валлерштейн поясняет — либеральная демократия являлась продуктом биполярности. В однополярном мире она сохраниться не смогла [7]. Уже не было никакой угрозы, никакой конкуренции — отсюда транзигция, переход к жесткому неолиберализму. В результате триумфа неолиберализма возникла несостоятельность существующей мировой политической системы. В целях стабилизации глобальных обстоятельств эта система должна трансформироваться.

Без восстановления идеологической конкуренции и продвижения новых политических концепций нельзя реализовать трансформацию мировой политической системы. Китайский ученый Ю. Кепонг рассказывает о «контролируемой демократии», французский философ Гийом Фай — о «политике археофутуризма», вопреки тезису Хантингтона о «столкновении цивилизаций», ряд русских теоретиков говорит о «сотрудничестве цивилизаций», которое необходимо разработать. Об альтернативе неолиберализму размышляют в разных частях мира.

Однако нельзя создать новые идеологические матрицы вне центров появляющегося многополярного мира. Сформулировать свои политические концепции и озвучить новые матрицы развития должны великие державы, которые будут представлять полюса возникающего многополярного мира, и это обеспечит идеологическую конкуренцию. Идеологическая конкуренция будет способствовать достижению баланса сил в международных отношениях и тем самым, стабилизации мировой политической системы. Американский теоретик Кеннет Уолц в теории структурального реализма толкует баланс сил как природное состояние мировой политической системы [8].

Американское стремление продлить период однополярности обусловлено близорукостью и неосведомленностью о системных законах формирования структуры международной политики. Природное состояние обеспечивает долгосрочную устойчивость мировой политической системы, и тем самым стабилизацию мировой ситуации в целом. Великие державы позиционируют себя, увеличивая потенциал мощности, в том числе военных сил и экономики, но эту позицию необходимо подстраховать новыми политическими концепциями. В отсутствие идеологической конкуренции, вряд ли удастся сохранить многополярность, без которой не будет долгосрочной стабильности мировой политической системы. Многополярность и идеологическая конкуренция взаимно связаны и только вместе могут гарантировать устойчивость мировой политической системы. От успеха в поисках альтернатив неолиберализму, а также усилий великих держав, которые должны стать новыми полюсами в международной политике, зависят глобальная стабильность и возможности развития экономики. Время однополярности позади, но важно, чтобы этап трансформации был пройден как можно быстрее, это в интересах человечества.

Библиографический список и примечания

1. *Bush George W.* President Bush's Second Inaugural Address. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4460172>
2. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y.: Penguin, 1992.
3. *Fukuyama Francis.* At the 'End of History' Still Stands Democracy // The Wall Street Journal. 2014. 6 June.
4. National Security Strategy of the United States. Washington DC, September 17, 2002.
5. *Proroković Dušan.* Neoliberalni fundamentalizam i evrointegracije: primer Balkana // Međunarodna politika. God. LXVI. Br. 1158–1159. April-September 2015. P. 5–17.
6. Oxfam Davos Report 2016. URL: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2016-01-18/62-people-own-same-half-world-reveals-oxfam-davos-report>
7. *Wallerstein I.* After Liberalism. N. Y.: The New Press, 1995.
8. *Waltz K.* Theory of International Politics. N. Y.: McGraw-Hill, 1979.

И.В. Радиков

I.V. Radikov

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КОНЦЕ
XX–НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЭФФЕКТЫ И ВЛИЯНИЕ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

THE RUSSIAN DAILY OCCURRENCE AT THE END
OF XX– BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
EFFECTS AND INFLUENCE ON POLITICAL
STABILITY

Политическая устойчивость и стабильность власти обеспечиваются совокупностью усилий всех институтов политической системы, их эффективностью, и в большой степени зависят от массовой поддержки граждан, как ситуативной, так и системной.

Доверие российских граждан к политической власти в значительной мере обуславливается качеством повседневной жизни. Практика повседневности показывает, что, оказываясь в сфере действия того или иного института, индивид взаимодействует прежде всего с представляющими их людьми. Поэтому, говоря о «повседневности власти», мы подразумеваем практики, исходящие от конкретных представителей данной власти. Соответственно, «политика повседневности» означает ответную реакцию индивидов на действия носителей властных полномочий. «Повседневность власти» создает у граждан определенное к ней отношение [14, с. 230].

С 1950–1960 гг. повседневная жизнь стала объектом исследования для ряда гуманитарных дисциплин, однако пристального внимания российских политологов она еще не привлекала, оставаясь слабо концептуализированной в контексте социокультурных российских трансформаций. Это обстоятельство и определило основную проблему данной статьи: исследование влияния повседневности на устойчивость политического режима и политическую стабильность.

В настоящее время в России оформилось несколько точек зрения на рассмотрение повседневности. Первая — пренебре-

жительное отношение к ней из-за ее обыденности, рутинности, привычности. Несмотря на то, что повседневность сопровождает человека от рождения до смерти, российским общественным сознанием она чаще всего воспринимается как нечто шаблонное, косное, неизменное, недостойное научного интереса.

Вторая позиция исходит из того, что повседневность может быть причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества, фактором влияния на политическое поведение граждан. Повседневные практики способны оказывать на развитие институциональности общества и изменение сущности институтов даже большее давление, нежели воздействие со стороны власти. В связи с этим в российской гуманитарной науке высказывается идея о необходимости создания особой научной дисциплины «коммансологии» или «повседневноведения».

В 1990-х годах теоретико-методологический инструментарий изучения повседневности существенно обогатился. Взяв в качестве ориентира определения А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих повседневный жизненный мир как область реальности, [16, с. 106; 2, с. 38], российские исследователи дополнили его разнообразным содержанием. Например, Л.Г. Ионину повседневная жизнь представляется как процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий [7, с. 316–360]. В отличие от него, А.В. Ахутин говорит о двойственности человеческого мира повседневности: целесообразном мире практической деятельности, где правит здравый смысл, и о фантастическом, избыточном мире формул понимания мира [1, с. 371]. Б.В. Марков утверждает, что повседневность — это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами [11, с. 129–130]. На аксиологическом смысле повседневности акцентирует особое внимание Г.С. Кнабе. По его мнению, «комфортно ориентированный современный быт начинает монополизировать, подчинять себе, начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям» [8, с. 52]. Вместе с тем, повседневность — это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка смысла существования и действий человека [19].

Основываясь на этих и других представлениях, под повседневностью мы будем *понимать совокупность привычных, рутинных, повторяющихся форм и стереотипов жизнедеятельности человека, специфический круг социальных отношений, в котором проявляются социокультурные противоречия и конфликты, происходит столкновение ценностей, присущих различным типам сознания, и осуществляется тот или иной выбор индивида, проводится его линия поведения.*

Концепт повседневности неотделим от жизнедеятельности субъекта, ибо человек может существовать только внутри бытия и через свое *присутствие* как обозначение «здесь-бытия». Повседневность немыслима вне *бытия* (общего и индивидуального), постижение и повседневности, и бытия обеспечивается существованием таких общих составляющих, как наличие материальных вещей, присутствие идеальных и социальных компонентов, событийность и повторяемость действий [18, с. 110].

Всесторонний анализ повседневного мира позволяет выделить три важнейших его характеристики: а) в силу своего рутинного характера повседневность в большей мере, чем другие социальные сферы, обеспечивает преимущество социокультурных форм, позволяет «сохранить в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений» [9, с. 268]; б) чем устойчивее повседневность общества, тем более оно жизнеспособно, прочно и стабильно, тем менее болезненно происходят в нем различные трансформации; в) устойчивость и стабильность повседневности не исключает изменений. Повседневность постоянно меняется.

Помимо этих характеристик, для выявления значимости повседневности в политическом мире, обозначим несколько важных методологических позиций:

1. Изменение структуры повседневности детерминировано воздействием быстро развивающихся информационных процессов и коммуникативных технологий, других культур в условиях глобализации и усиливающейся миграции, быстрых и непредсказуемых трансформаций социальных институтов общества. В свою очередь изменяющаяся структура повседневности может детерминировать политические изменения. Н. Элиас показал, что «структура повседневности не обладает

характером более или менее автономной структуры, но является частью структуры определенного социального строя. Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества» [21, с. 24].

2. Характер повседневности может определяться идеологией. Напомним вывод Г. Маркузе, который утверждал, что современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования может рождать репрессивную терпимость всех членов общества и их «одномерность» [12].

3. В социальных процессах важно видеть не только действия индивидов, но и роль их переживаний и мыслей [5].

Содержание процессов изменения повседневности в России и западных государствах существенно отличается. Еще М. Вебер заметил, что христианская аскеза на Западе как духовная основа повседневности «превратилась в систематически разработанный метод рационального жизненного поведения» [3, с. 153–154]. Не менее важную роль в формировании повседневной жизни сыграло и то, что с конца XVII — начала XVIII в. в Европе складывается такая система власти, которая «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата» [20, с. 118]. Эта власть, названная М. Фуко «дисциплинарной», насильственно преобразовывала повседневную жизнь, подчиняя традиционные устои новым институтам модерна. Дисциплинарная власть распоряжалась не только пространством и временем. Как власть над жизнью, ее процессами она тотально починила повседневность постоянному и целенаправленному воздействию. Эти два указанных обстоятельства придавали западному обществу стабильность при всех исторических потрясениях.

В отличие от европейских процессов, в России на протяжении всей истории отчетливо проявлялось пренебрежение повседневностью, легкость ее радикального разрушения во имя «светлого будущего». Ни один из российских модернизационных проектов не был комплексным и не затрагивал одновре-

менно все сферы общественной жизни. Но каждая из попыток модернизации в той или иной мере изменяла повседневную жизнь. В свою очередь повседневность в той или иной мере становилась причиной и источником инноваций, лежащих в развитии общества. В этой связи приведем постулат Ю. Лотмана о приоритете взрыва как формы развития русской культуры перед постепенностью. Ученый прав, отмечая, что бинарное противопоставление противоположных интенций при каждой трансформации приводит к глубинным переменам, затрагивающим все сферы общественной жизни, включая и повседневность, даже если, выражаясь его словами, «взрывные» изменения далеко от нее отстоят [9, с. 268].

Сложившийся тип повседневности в советское время имел очень небольшую глубину истории, унаследовал крайне мало, преемственных с дореволюционными, поскольку изначально был построен на их отрицании. В этом была принципиальная уязвимость советской культуры повседневности, ставшей, в свою очередь, объектом деструкции в постсоветский период. Современная российская система повседневного мира, по сравнению с предыдущим историческим периодом, существенно изменилась: значительно расширилась номенклатура используемых вещей и предоставляемых услуг: имущество россиян, составляющее предметную среду их повседневной жизни, меняется довольно быстро и в целом, безусловно, нарастает, причем преимущественно за счет высокотехнологичных товаров. Признавая, что современное российское государство, практически отказалось от организации, планирования и контроля над системой повседневного мира, что, естественно, сказывается на обыденной жизни россиян, отметим все же, что оно опосредованно, через модернизацию экономической жизни, управления, социальную политику инициирует соответствующие процессы и в повседневной жизни. Вызывают изменения в структурах повседневности и независимые от государства институты, фирмы, общественные организации, включенные в экономику общества потребления.

Исходя из вышерассмотренных положений, сформулируем основные направления воздействия изменения повседневности на российскую политическую жизнь.

а) влияние изменяющихся норм и правил повседневного бытия на институциональность общества.

Будучи связующим, институциональным звеном, присутствующим всякому обществу, повседневность обнаруживает себя при любых условиях существования человека и независимо от исторической эпохи способствует выработке норм поведения. Трансформация институтов, регулирующих повседневное бытие современного общества, становится очевидной с момента, когда формальные институты начинают заменяться неформальными нормами и правилами. Видоизменение и приспособление формальных правил и норм к обыденным практикам приводит к образованию «институциональных ловушек», подрывающих доверие к политическим институтам и системе права. Произошедший в постсоветском обществе «надлом» традиционных и ценностных установок, способствовал деформации существовавших норм и правил, усилил рискогенность повседневного бытия российского общества, обозначил известный приоритет неформальных норм перед формальными.

б) влияние изменения физических границ повседневного пространства.

Жизненное пространство обеспечивает протекание повседневной жизни людей, их взаимодействие, уклад их непосредственного бытия. Характеризуя пространственные трансформации, сегодня говорят о наступлении периода «пространственной турбулентности» [15, с. 99]. Современный человек постоянно пребывает в движении, причем это воспринимается как норма. Если две тысячи четыреста лет назад в Древнем Китае, где крестьяне были привязаны к земле, философ Чжуан-Цзы говорил, что люди, которые путешествуют по свету, «вносят беспорядок, они беспокойны, лживы и тайно замышляют дурное», то сегодня пространственные перемещения стали вполне естественными, ведь около 8% населения Земли — примерно полмиллиарда человек — хотя бы раз в год пересекают границу своей страны [15, с. 114]. В настоящее время отдых, туризм, учеба, работа за границей стали в России массовым явлением. Однако не надо преувеличивать его масштабы: по данным Левада-центра, на начало 2013 г. 70% россиян никогда не выезжали за границу, у 83% не было загранпаспорта [10].

Персональная география человека постоянно меняется. Причем меняется не только место его физического местоположения. Современный человек регулярно общается с людьми, находящимися в разных уголках земного шара посредством электронной и обычной почты, телефонных звонков и видеосвязи. Изменяется пространство российских городов, формируется новая среда обитания для людей с ориентациями на инокультурные образцы. Это ведет к подмене кодов культуры (Д. Лихачев), наполнению городского пространства культурными симулякрами сомнительного качества.

в) влияние потребительства, культ вещей на политическое поведение.

Пространство повседневности, неотделимо от заполняющих его вещей. В «Протестантской этике» М. Вебер пишет, что потребительство служит человеку средством удовлетворения материальных потребностей и становится целью его жизни [3, с. 206]. В современном российском обществе наблюдается культ вещей, которые перекраивают повседневное бытие. Стремление «иметь», тяготение к безграничному потреблению в постсоветский период стало навязываться, формироваться СМИ и рекламой. Однако ценностная ориентация на приобретение вещей приводит к господству материальных интересов над духовными, к индивидуализму и эгоизму. Хабитуализация идеи обогащения, потребительская культура ведут к онтологическому разрушению социального порядка, вследствие чего человеческое существование низводится на уровень существования вещи, соответствующей моде и всеобщей стандартизации жизни. Зараженное вирусом накопительства общество меняет интересы граждан, постепенно гасит их желания участвовать в решении общественных дел, быть политически активными. Потребление постепенно переходит в категорию устоявшихся поведенческих норм, играя роль основного руководства поведением индивидов в их повседневной жизни.

г) изменение коммуникативного пространства повседневного бытия.

Коммуникационное пространство представляет качество внутреннего содержания повседневной деятельности индивидов. Поскольку повседневность является своеобразной системой общественных отношений, то она не может существовать вне коммуникации как способа передачи информации. Ком-

муникация выступает способом бытия повседневности. Модификация коммуникативного пространства существенно влияет на социальные стороны жизни общества, корректирует поведенческие стандарты, ценностные ориентиры индивидов, что в совокупности ведет к изменению специфики обыденности, топологических характеристик бытия.

В условиях современных технических возможностей границы общения практически разрушены. Одним из наиболее важных явлений, в корне изменившим повседневность, трансформировавшим время и пространство, стало превращение интернета из чисто информационного фактора, инструмента профессиональной деятельности, поиска информации в феномен повседневности, своеобразный аналог радиовещания и телевидения, форму времяпрепровождения, составляющую частной жизни человека. По данным Фонда «Общественное мнение», 73,8 миллиона россиян (63% взрослого населения страны) пользовались интернетом хотя бы раз в месяц. 60,8 миллиона человек (52% взрослого населения РФ) ежедневно выходят в Сеть. В 23% российских семей есть дети моложе 18 лет, которые пользуются интернетом [13].

Политические последствия использования интернета противоречивы. С одной стороны, сняты географические и структурные ограничения прямого политического участия, изменен политический радиус деятельности отдельных личностей и общественных организаций, расширились горизонты гражданственности, облегчено достижение сплоченности. Интернет минимизировал затраты на согласование возможных путей политического взаимодействия между индивидами, придерживающимися схожих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно, поставил вопрос о возможности создания виртуальных политических структур. С другой стороны, современные информационные технологии, по мере расширения их применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, создают возможности для авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на человека.

д) латентные последствия изменения повседневности.

Обратной стороной «реабилитации повседневности» стал растущий нигилизм в отношении «большого мира», проявля-

ющийся, в частности, в гражданской демобилизации населения. Деконструкция политического участия и гражданской активности, присущего России в начале 1990-х годов, привела к снижению количества активных участников уличного противостояния, но впоследствии она негативно сказалась на развитии гражданского общества. По данным социологов, по сравнению с 2003 г., в 2010 г. доля респондентов, не участвующих ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, возросла с 56% до 70%, и по показателям гражданского участия Россия существенно стала отставать от стран Европы [6, с. 95].

По сравнению с советским периодом в повседневности россиян «произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями» [4, с. 49]. В результате стала формироваться повседневная среда обитания, насыщенная конфликтами, агрессией, тревогой, неуверенностью в будущем, сложная для выживания большинства социальных групп.

Кроме того, в результате «реабилитации» повседневности произошло изменение жизненных приоритетов в сознании россиян. Сфера «малого мира» — мира повседневности — семья, родственные и дружеские отношения выдвинулись на первый план. [4, с. 13, 54]. Уход большинства населения в этот мир повседневности означал его нежелание принимать на себя ответственность за происходящее в большой политике, в экономике. Одновременно с неверием в возможности очередного рационального переустройства росло недоверие к социальным и политическим институтам.

Резюмируя вышеотмеченное, скажем, что устойчивость политического режима, политическая стабильность в значительной мере определяются состоянием повседневной жизни. Улучшение качества повседневной жизни в России — одно из важнейших направлений обеспечения стабильности.

Библиографический список и примечания

1. Ахутин А.В. Мир повседневности // Теоретическая культурология. М.: Академический проект, 2005. 624 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в советской и постсоветской России. М.: Изд-во РГСУ, 2009. 223 с.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. 335 с.
6. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М., 2010. 344 с.
7. Ионин Л.Г. Повседневная культура // Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. 447 с.
8. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. 527 с.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
10. Левада-центр. Опрос 16–19 марта 2012. URL: <http://www.levada.ru/05-04-2012/70-rossiyan-nikогда-ne-byvali-za-granitsei.12.07.2015>
11. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. 304 с.
12. Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Критическая теория общества. М.: Астрель, 2011. 382 с.
13. Опрос проведен в апреле 2015 г. с выборкой, репрезентирующей население России старше 18 лет. Опубликован 03.06.2015. Источник: Фонд «Общественное мнение» (ФОМ).
14. Плотицкина Н.В. Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепт фреймов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. Т. 6. № 2. С. 228–241.
15. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. М., 2008. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 569 с.
16. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
17. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 621 с.
19. Фролова С.М. Повседневность как основа институционализации общества // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. № 3. Т. 12.
20. Фуко М. История сексуальности / Пер. с нем. М., 1996. 118 с.
21. Элиас Н. Понятие повседневного / О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001. 332 с.

И.В. Рыжов

I.V. Ryzhov

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС
ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПАЛЕСТИНСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

POLITICAL LEADERSHIP AND ITS IMPACT ON
NEGOTIATION PROCESS OF THE PALESTINIAN
PROBLEM UNDER CURRENT CONDITIONS

В 1980-е — начале 2000-х гг. был предпринят ряд попыток активизации переговорного процесса в рамках урегулирования арабо-израильского конфликта. Одним из основных итогов данного процесса, который проходил при посредничестве США, стало подписание в рамках двусторонних закрытых переговоров в Осло между Израилем в лице министра иностранных дел Шимона Переса и Организацией освобождения Палестины (ООП) в лице Махмуда Аббаса совместной Декларации о принципах, датированной 13 сентября 1993 г., а также израильско-иорданского мирного договора от 26 октября 1994 г. [2]. Позднее, в рамках проведения Кэмп-Дэвидских переговоров 2000 г. об окончательном урегулировании палестино-израильского конфликта [11, с. 191], стало очевидно, что, несмотря на предпринятые меры, основные пункты подписанных сторонами-участниками соглашений не выполняются и сам ближневосточный конфликт, таким образом, остается неурегулированным до сих пор [5].

Подобное положение дел в сфере палестино-израильских взаимоотношений объясняется рядом причин.

Во-первых, Ближний Восток геополитически представляет собой один из важнейших коммуникационных и сырьевых центров мирового значения.

Во-вторых, здесь сосредоточены святыни трех мировых религий: христианства, иудаизма и ислама.

В-третьих, контроль над Ближним Востоком — обязательное условие при построении однополярной системы мирового

устройства. Поэтому налицо активное вмешательство в события в регионе ведущих мировых держав, в первую очередь, США, а также Евросоюза, России и Китая, для которых регион Ближнего Востока, исключительно богатый ресурсами, также является стратегически важным [3, р. 27]. Необходимо отметить, что реализуемая американцами концепция «Большого Ближнего Востока» существенно затрудняет процесс палестинско-израильского диалога [1, р. 14].

В-четвертых, наличие собственных интересов у ведущих ближневосточных государств, таких как: Турция, Иран, Саудовская Аравия, Катар, стремящихся к доминированию в регионе.

В-пятых, собственно внешнеполитические устремления Израиля и Палестинской Национальной Автономии, которые как государственные образования также пытаются обеспечить свои национальные интересы и безопасность в регионе.

Однако можно выделить еще одну причину неудачи попыток мирного разрешения арабо-израильского конфликта, которая заключается в том, что западные партнеры, а также руководители Государства Израиль, не учитывают специфику модели политического лидерства, которая характерна как для Палестинской Автономии, так и для других стран арабо-исламского мира, имеющих непосредственное отношение к событиям в Палестине.

Арабо-исламские общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство обладает не только властно-управленческими обязанностями, но является одновременно символом и носителем исламских нравственно-религиозных ценностей, стремящееся контролировать при этом все социально-общественные практики. Политическая власть в таком исламском государстве и обществе может ограничиваться и контролироваться не только центральными властями, но и духовной властью [9]. Вера в сакральность всего земного пространства и, соответственно, в необходимость осуществления принципа соборности, а именно организации светского общества по принципу религиозной общины с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником между человеком и Аллахом, является неотъемлемой частью существования данных обществ [7, с. 33–34].

Таким образом, согласно исламской политико-культурной традиции, на процесс формирования специфики государственного и политического лидерства оказывает непосредственное влияние исторически сложившийся характер политической культуры и, в первую очередь, религиозная ее составляющая, тесным образом переплетающая основы исламского религиозного учения и организацию политического процесса в государстве, а также способы социально-политического взаимодействия в странах арабо-исламского мира.

Другими словами, главной специфической чертой политической культуры в исламских государствах в отношении истинной власти, является фактическое слияние политической администрации и религиозной власти, светского и духовного начал в единое целое.

При этом в рамках политической культуры, характерной для стран арабо-исламского мира, сформировались к настоящему времени две базовые концепции политического лидерства. Одна из такого рода моделей сложилась на основе религиозных традиций суннизма, другая — шиизма.

У суннитов учение о халифате является основой учения об имамате. В исламской обрядности термин «имам» приобрел значение «предстоятель на молитве», «духовный руководитель» [8, с. 158]. Поскольку для суннитов пророк Мухаммед является как бы высшим божественным символом, осуществляющим непосредственную связь правоверных с Аллахом, первоначально функции имама в этом смысле выполнял сам Мухаммед, а после его смерти данная функция перешла к халифам, сосредоточившим в своих руках высшую духовную и светскую власть.

Таким образом, имам у суннитов, не будучи формально потомком пророка Мухаммеда, представляет собой одновременно и его преемника, и предводителя верующих, и главу исламской общины (уммы), т.е. сочетает в себе функции светской и духовной власти, является светским и духовным лидером.

При этом в суннизме существует и иное понятие религиозного лидера. В данном случае имеются в виду суннитские богословы-правоведы — улемы, так же, как и в шиизме, выносящие решения по религиозным, политическим и юридическим вопросам. Духовным титулом суннитских богословов-правове-

дов является «шейх-уль-ислам», в некоторых исламских странах — «муфтий» (например, в Турции). Они могут выносить решения только руководствуясь прецедентом при строгом соответствии с нормами шариата, но они не пользуются таким непререкаемым авторитетом у верующих, как шиитские богословы-правоведы — муджтахиды и аятоллы, которые являются «орудием скрытого имама», что дает им право выносить решения по личному усмотрению [8, с. 157].

Следовательно, политическое лидерство как феномен, согласно суннитской традиции, имеет более важное значение, нежели в шиитской. Другими словами, светские владыки у суннитов занимают более высокое положение во властной иерархии, чем у шиитов. Ярким примером структуры властных отношений такого рода является функционирование Саудовской Аравии, а также государства Иордания, где глава государства одновременно предстает и как потомок пророка Мухаммеда, и как его преемник, и как предводитель верующих, и как глава исламской уммы.

В отличие от суннитов, шииты воспринимали пророка, прежде всего, как отмеченную Аллахом личность, наделенную сакральной благодатью и в силу этого призванную не только управлять, но и передать данную благодать своим потомкам.

Помимо этого, для шиитов важна святость не только Мухаммеда, но и Али, а также других имамов [4, р. 38]. Авторитет Али базируется как на родственной близости к пророку, так и на его личностных качествах, благодаря которым наследственная благодать, выпавшая на долю потомков Мухаммеда и Али, становится еще более весомой и неопровержимой. Именно поэтому для обоснования святости не только Мухаммеда, но и Али, и его потомков шииты уделяют особое внимание тем хадисам — преданиям о Мухаммеде, именуемыми в шиитской традиции «ахбар» (сообщения) [8, с. 157], в которых речь идет о семье пророка, о беседах его с Али и тому подобное.

Таким образом, потомки Мухаммеда и Али должны олицетворять собой и светскую и духовную власть в одном лице. По словам французского исламоведа Анри Массэ, «шииты создали нечто вроде «родственнической» апологии в исламе, явились мусульманскими легитимистами» [10, с. 88].

Исходя из монархических идей легитимизма, шииты также сделали одним из принципов государственного права учение

об имамате — верховной духовной власти, т.е. учение о том, кто имеет право возглавлять исламскую умму.

Институт халифата шииты отвергают. Не признают они и сам термин «халиф», точнее, они не признают «халифату расули-ль-ллахи» — «преемника (заместителя) посланника Аллаха». Отвергают они и другое обозначение главы уммы: «амир уль-муминин» — «повелитель верующих», — применительно к халифам [8, с. 158].

Опираясь на эту легитимистско-эманационную концепцию высшей власти, шииты добавили к суннитским «столпам» религии и догмат об имамате [8, с. 158], согласно которому во главе исламского государства могли находиться исключительно потомки пророка Мухаммеда и Али.

Исторически, главная особенность организационной структуры религиозной общины шиитов сводилась к огромной роли духовного руководителя общины, считавшегося «голосом скрытого имама» [6, с. 427], что привело к резкому возвышению статуса шиитских улемов по сравнению с суннитскими.

По мнению шиитов, власть как божья благодать, или сакральная эманация, передается таинственным образом от одного имама к другому, всего 12 раз — по числу почитаемых ими имамов, последний из которых, Мухаммед, по преданию исчез в пещере под Самаррой в Ираке. Именно этот пророк является, по мнению шиитов, «сокрытым» или по-другому «скрытым имамом», который незримо присутствует в этом мире и должен предстать в качестве махди (мессии), чтобы восстановить на Земле истинную веру — шиизм.

Претендуя на роль «скрытого имама», шиитские улемы и наиболее почитаемые из них — муджтахиды, обладающие авторитетом знания, набожности и благочестия, становятся даже более влиятельными лидерами чем политическая администрация. Так происходило, например, в шиитском Иране, особенно остро в XX веке в периоды попыток реформ, когда сопротивление этим реформам приводило к резкому росту религиозно-политической активности улемов и муджтахидов. Наиболее заметные из их числа, чьи знания, набожность и авторитет создавали им исключительное положение, приобретали право на почетное наименование «аятолла» — «знамение Аллаха». Несколько аятолл в Иране носят звание «айатуллах аль-узма» — «величайший аятолла». Глава шиитского духо-

венства Ирана называется по-арабски «марджа ат-таклид» — «образец для подражания» [8, с. 160]. Этот титул в дореволюционном Иране носил имам Рухолла Мусави Хомейни.

Обладание таким званием позволило Р.Х. Хомейни и духовенству Ирана в конце 1970-х гг. легитимно, опираясь на «божественную природу» власти имама, взять на себя роль посредников между «скрытым имамом» и верующими, противопоставив светскому правлению шаха «исламское правление» (хукумат уль-исламийа), представляющее собой, по мнению Р.Х. Хомейни и его сторонников, исполнение «повеления Аллаха» (амруллах), при котором единственным властителем и законодателем является сам Аллах [8, с. 160]. В обстановке всенародного недовольства прозападным шахским режимом, а затем народного восстания против шаха, данная доктрина нашла широкий отклик в массах верующих и привела к тому, что в результате антиимпериалистической и антимонархической революции власть в стране захватили шиитские клерикалы.

Лидирующие позиции шиитского духовенства в политической жизни этой страны нашли также свое отражение в государственной системе Исламской Республики Иран, в которой демократические выборные органы, подобные тем, что присутствуют в западных государствах, соседствуют с элементами исламской теократии, закрепляющими реальную политическую власть в руках небольшой группы мусульманских религиозных деятелей. Органы, избираемые демократическим путем — президент, меджлис (парламент), оказались в полном подчинении органов назначаемых — рахбара (духовного руководителя государства), Наблюдательного совета, состоящего из шиитских религиозных деятелей, а также судебных органов. Какие бы решения не принимали президент или парламент, они не могут вступить в силу без утверждения рахбаром или Наблюдательным советом [7, с. 33–34].

Таким образом, основным принципом лидерства, согласно шиитской традиции, является обладание всей полнотой политической и религиозной власти в исламской умме только «скрытым имамом», который незримо присутствует в этом мире и должен объявиться в качестве махди (мессии) [8, с. 158]. А пока «скрытый имам» отсутствует, во главе исламской уммы должны стоять религиозные лидеры — муджтахиды и аятол-

лы, которые выполняют функции «скрытого имама», что дает им право выносить решения юридического и политического характера по личному усмотрению.

Следовательно, согласно шиитскому учению, само понятие «политический лидер» отсутствует. На первом месте у шиитов стоит понятие религиозного лидерства, поскольку только религиозный лидер способен выполнять функции лидера политического, так как он является «голосом скрытого имама». При этом лидер должен обладать одновременно и высокими нравственными качествами, полностью соответствующими исламским традициям.

Таким образом, практически во всех мусульманских странах, ислам это, не только религия, но и образ жизни, система моральных норм, ценностей, и даже в большей мере основа цивилизационной самоидентификации подавляющего числа мусульман. В этом смысле ислам как религия выполняет несколько иные функции, нежели, например, христианская вера, которая стала сугубо личным делом каждого конкретного человека. Ислам, напротив, регулирует практически все стороны жизни мусульман: личные связи, поведение в быту, семейно-брачные отношения, хозяйственную деятельность, а также существенно влияет на общественно-политическую жизнь. Фактически вся мусульманская политическая культура опирается на текст священного Корана, что исключает возможность существования в исламском мире значимого политического статуса без идеологического послания, которое основано на Коране и обращенного к всемирной мусульманской общине.

В связи с этим безусловная взаимосвязь политического и духовного лидерства, традиционно носящего харизматический характер, оказывает непосредственное влияние на процесс принятия политических и государственных решений в арабо-исламских государствах и, следовательно, на внутреннюю и внешнюю политику этих государств в целом. Поэтому в условиях постбиполярного мира данная особенность построения властных отношений, характерная для политической культуры арабо-исламского мира, по мнению автора, является тем фактором, который также способен оказывать основополагающее воздействие на ход переговорных процессов, связанных с урегулированием ближневосточного конфликта.

Привлечение исламских религиозных деятелей к участию в политической дискуссии по палестино-израильской проблеме, безусловно, необходимо, поскольку это позволит переговорному процессу по данному вопросу сдвинуться с места и придать ему принципиально новый вектор.

Такой подход предполагает изменение самого формата переговоров между палестинцами и израильтянами. При этом концепция переговорного процесса, по нашему мнению, должна строиться на следующих принципах.

Во-первых, необходимо привлечение к непосредственному участию в переговорах заинтересованных религиозных авторитетов как Палестинской Автономии, так и других стран арабо-исламского мира. Однако учитывая современные геополитические реалии ближневосточного региона, а именно серьезную дестабилизацию региона в связи с обострением шиито-суннитских противоречий, вряд ли удастся привлечь к переговорам религиозных лидеров и суннитского и шиитского мусульманского мира одновременно. Вполне очевидно, что обострившиеся внутриисламские противоречия ни в краткосрочной ни в среднесрочной перспективе не позволят региональным религиозно-политическим лидерам сосредоточиться на процессе ближневосточного урегулирования. Более того, ситуация осложняется отсутствием в ПНА сильного и авторитетного политического лидера, который смог бы не только повлиять на ход палестино-израильского урегулирования, но и объединить разрозненные палестинские политические силы.

Во-вторых, требуется кардинальное изменение самой программы ведения переговоров. Ранее главная особенность переговорного процесса участвующих сторон заключалась в том, что основным пунктом диалога был вопрос о создании независимого палестинского государства и возвращении палестинских беженцев. И только в последнюю очередь речь шла о статусе города Иерусалима и религиозных святынях, в том числе и исламских. В новых условиях, по мнению автора, ключевым вопросом мирного соглашения должно стать урегулирование проблемы, связанной с мусульманскими святынями в Иерусалиме и обсуждение самого статуса этого города как одного из наиболее значимых мировых религиозных центров. И только после решения этой задачи следует говорить об особенностях

устройства Палестинского государства, его границах, а также о репатриации на родину арабских беженцев.

Главное преимущество подобного концепта арабо-израильских переговоров заключается в том, что при соблюдении этих условий будет учтено не только право палестинского народа на государственность, но и религиозные и политические интересы народов всего арабо-исламского мира.

Подводя итоги, следует отметить, что палестинская проблема как составная часть арабо-израильского конфликта имеет основополагающее значение в рамках современной системы международных отношений. Разрешение арабо-израильских противоречий в Палестине не только играет ключевую роль в обеспечении стабильности в ближневосточном регионе, но и оказывает значительное влияние на поддержание международной безопасности в целом. Однако без учета фактора политического лидерства, или, если быть точнее, религиозно-политического лидерства, характерного для арабо-исламской политической культуры, добиться успешной реализации данной задачи в регионе принципиально невозможно, поскольку все договоренности такого рода в глазах как самих палестинцев, так и населения других мусульманских государств мира будут носить нелегитимный характер.

Библиографический список и примечания

1. *Aras B.* War in the Gardens of Babylon: Middle East after the Iraqi War. Tasam Publications, 2004.

2. Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangement September 13, 1993. URL: <http://www.mfa.gov.il/MFA/Peace%20Process/Guide%20to%20the%20Peace%20Process/Declaration%20of%20Principles>

3. *Hansen B.* Unipolarity and the Middle East. N. Y.: St. Martin's, 2001.

4. *Nasr V.* The Shia Revival: How Conflicts within Islam Will Shape the Future. N.Y.: Norton, 2006.

5. *Rosenberg R.-L.* Why Camp David II Failed: a Negotiation Theory Perspective. Date Views: 13.12.2015. URL: <http://www.hnlr.org/wp-content/uploads/2012/03/Rosenberg-Negotiation-Final-Paper-1.pdf>

6. *Васильев Л.С.* История религий Востока. Учебное пособие для вузов. М.: КДУ, 2004.

7. *Воскресенский А.Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры стран Востока / Под общей ред. профессора А.Д. Воскресенского. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

8. *Еремеев Д.Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М.: Политиздат, 1990.

9. *Каримов В.Г.* Государство и власть в исламе. URL: <http://www.rlinfo.ru/projects/suzdal/kerimov.html>

10. *Массэ А.* Очерки истории. М., 1963.

11. *Балашов Ю.А., Вагин М.В., Колобов О.А., Корнилов А.А.* Международные отношения на Ближнем Востоке в XX веке: Учебное пособие / Кол. авт.; под общ. ред. О.А. Колобова и К.С. Гаджиева. Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003.

С.Ю. Шенин

S.Yu. Shenin

ВЛИЯНИЕ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ
В АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША-МЛ.
НА ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

INFLUENCE OF GROUPS OF INTERESTS
IN G.W. BUSH'S ADMINISTRATION ON FORMATION
OF THE AMERICAN-RUSSIAN RELATIONS

Жесткая американская политика в отношении России, старт которой был дан в начале 2014 г., появилась не внезапно и не из ниоткуда и была вызвана не только (и не столько) украинским кризисом. Внутри американского истеблишмента ее истоки зрели достаточно давно.

Надо сказать, что конкуренция в сфере американской внешней политики сводится у нас обычно к противостоянию демократической и республиканской партий. Однако на деле все намного сложнее: в процессе принятия внешнеполитических решений в США участвует множество групп — этнических, экономических, академических, разведывательных сообществ, СМИ и т.д. У всех них жестко сформулированы свои интересы, которые они отстаивают, создавая различные блоки, альянсы, союзы.

В целом, в процессе принятия решений на российском направлении внешней политики администрации Дж. Буша-мл. доминировали пять группировок. В первую очередь, надо выделить две демократические группы: демократы-прогрессисты и консервативные демократы. Обе группы нацелены на достижение вильсонских целей, а именно — максимальная глобализация, демократизация, единое мировое политическое и экономическое пространство. Однако для достижения этой цели прогрессистская группировка считает необходимым использовать в основном экономические позитивные стимулы, а консервативные демократы предпочитают применение различных форм давления, включая военную силу.

Из республиканских группировок, в первую очередь, необходимо выделить две реалистские — жесткие (консервативные) реалисты и «осторожные» реалисты. Обе группы целью внешней политики считают достижение конкретных национальных интересов (в основном сырьевых и нефтяных) на фундаменте обеспечения международного баланса сил. Однако консервативные реалисты считают, что для этого надо использовать активные формы давления и военную силу, а их «осторожные» коллеги предпочитают сотрудничество, поиск компромиссов и точечное использование силы в крайних случаях.

Третья группа в республиканской партии — это неоконсерваторы. Они электорально очень слабы, не пользуются большой поддержкой внутри самой партии, но имеют репутацию креативных изобретательных политиков. Неоконсерваторы проповедуют идею использования военно-политического превосходства для решения всех других задач внешней политики, включая экономические. В конце 1990-х гг. они сблизились с консервативными реалистами и вместе разрабатывали планы сохранения глобального лидерства США.

Когда республиканцы Буша-мл. победили в 2000 г., то ключевые позиции в администрации впервые в истории заняли представители нефтяных интересов — жесткие и осторожные консерваторы. Кроме того, преобладавшие жесткие консерваторы продвинули на важные посты неоконсерваторов, которые должны были взять на себя все риски использования силовых методов при реализации опять же нефтяных интересов. Эта схема была реализована после 11 сентября 2001 г. в Афганистане в рамках операции «Несокрушимая свобода». Рос-

сия оказалась плотно интегрирована в эти схемы (особенно в «войну с террором» и принятую в мае 2001 г. так называемую «энергетическую стратегию»). Именно на этой основе строились добрые отношения Дж. Буша-мл. с В. Путиным, а также формирование (после знаменитой встречи в Словении в июне 2001 г.) канала «личной дипломатии», предназначенного для быстрого и конкретного решения практических задач обеими сторонами.

Однако после провалов американской политики в Ираке летом–осенью 2003 г. расстановка сил стала в Вашингтоне стремительно меняться. Как и планировалось, виновными были объявлены неоконсерваторы, поскольку, разработав «стратегию входа», они не предложили «стратегию выхода» из Ирака. В результате, на первый план стали выдвигаться осторожные реалисты К. Пауэлла — начался период их реванша. Кроме того, ранее молчавшие демократические группировки восстановили позиции в конгрессе и инициировали поворот от неоконсервативной стратегии «войны с террором» к стратегии «глобальной демократизации», получив при этом поддержку со стороны консервативных кругов в республиканской партии. На практике этот поворот был реализован, например, в доктрине «Большого Ближнего Востока», начале цветных революций в СНГ, а затем в так называемом «Плане Свободы».

В этом новом контексте надо было решать и вопрос о политике в отношении России. Здесь существовало две точки зрения: либо продолжать прагматическую политику, проводимую Бушем и нацеленную на решение таких конкретных задач, как «война с террором» и «энергетическая стратегия», сохранив, соответственно, инструментарий «личной дипломатии», либо развернуть российскую политику США в сторону углубления либерально-демократических реформ, осуществлявшихся в 1990-х гг. и практически остановленных В. Путиным. Попав в «точку бифуркации», администрация не могла сама сделать этот выбор. Соответственно, как обычно бывает в таких случаях, в конце 2003 г. в Вашингтоне началась широкая политическая дискуссия. Данная дискуссия оказалась очень показательной, поскольку привлекла самые широкие круги политиков, аналитиков, лоббистов, СМИ и т.д., и, в конечном итоге, отчетливо продемонстрировала позиции всех группировок в отношении их российской политики [8].

Инициировали дискуссию жесткие консерваторы, причем не те прагматики, которые работали в администрации, а общественники-идеологи рейгановского склада. Они накинулись на Буша-мл. с обвинениями, что он не противодействует политике В. Путина, который установил у себя в стране авторитарные порядки, сворачивает либеральные реформы, осуществляет «ползучий переворот» против демократии. При этом активно осуждался арест Ходорковского, «удушение свободы слова», фальсификация выборов в Государственную Думу и т.д.

Кроме того, утверждалось, что «новый авторитаризм» изменил и внешнюю политику России в сторону неоимпериализма, что «пока американские и европейские лидеры были заняты Ираком и Ближним Востоком, целая серия смелых империалистических инициатив Путина прошла для него практически безнаказанно». Администрация на все эти наглости реагирует уклончиво и «не готова делать больше, чем просто обсуждать поведение Путина» [6; 2].

Консерваторы указывали на то, что проводить американские интересы в СНГ становится все труднее, поскольку Россия стала сопротивляться. Это проявилось в требовании Москвы убрать американские военные базы из Центральной Азии, в жестком вмешательстве в выборы в Азербайджане и Грузии, в провозглашении концепции «либеральной империи» и «доктрины Путина», санкционировавшей нанесение «превентивного удара» по любой стране постсоветского пространства) и т.д.

Особое беспокойство у консервативных политиков и экспертов в США вызвала попытка российского президента сформировать Единое экономическое пространство (ЕЭП) в составе «союза четырех» — России, Беларуси, Украины и Казахстана. При этом Буш-мл., по их мнению, был не готов торпедировать создание нового прomosковского блока, поскольку осенью 2003 г. для него было важнее получить голос России в ООН по иракской резолюции. В целом, они критиковали «прагматическую» политику Буша-мл. — геополитические и энергетические сделки в обмен на невмешательство во внутрироссийские дела.

Консерваторы настаивали, что, поскольку авторитаризм и неоимпериализм тесно взаимосвязаны, то для ослабления агрессивности Москвы на постсоветском пространстве надо было активнее давить на Кремль с целью заставить его вер-

нуться на рельсы демократических реформ. Соответственно, администрации и самому Бушу-мл. надо было менять российскую политику, прекращать плести геополитические и энергетические интриги на саммитах с В. Путиным, а давить на Россию всеми возможными инструментами, чтобы заставить ее стать демократическим, рыночным, приверженным закону, а значит, и более дружественным государством. У обеих стран должны быть общие ценности и цели, ибо двухпартийный консенсус в США в отношении того, что Россия должна оставаться частью Запада, никто не отменял [3; 10].

Чтобы добиться этого, консерваторы предлагали активизировать все инструменты давления: поддержать российскую внутреннюю либеральную оппозицию, выгнать Москву из G-8, не пускать в ВТО, не рассматривать отмену поправки Джексона-Вэника, активнее использовать НАТО для давления на границы, окончательно прекратить помощь (например, по программе Нанн-Лугара) и т.д.

В своем осуждении российской политики Дж. Буша-мл. республиканцы-консерваторы получили полную поддержку демократов, как консервативных, так и либеральных. Обе группы демократов считали, что Россию надо интегрировать в западную экономику и политику, но по-разному: консервативные демократы больше полагались на кнут (давление), а прогрессисты — на морковку (сотрудничество).

Лидеры консервативных демократов (З. Бжезинский, М. Бжезинский, Т. Лантос, Дж. Либерман) утверждали, что американский президент сам сформировал условия для агрессивной имперской политики Кремля, ибо он боялся давить на В. Путина, делая акцент на личные дружеские отношения с ним. У Буша-мл. просто не было «российской политики», — настаивали они, — а была «путинская политика», ориентированная на позицию одного человека, рассердить которого администрация очень боялась. Консервативные демократы предлагали не переоценивать возможности президента В. Путина — они сравнивали его положение с «советским генеральным секретарем», но «без идеологии» и системы социального обеспечения. Он слабый, — настаивали они, — поэтому надо на него давить с целью внутренней демократизации, а кроме того, объявить о прямой поддержке постсоветских республик, не желавших подчиняться Москве [1; 3].

Ведущие представители прогрессистского крыла демократов также выступили против позиции администрации, но по другой причине. Нацеленные на максимальную интеграцию России в западное сообщество, они полагали, что политика Дж. Буша-мл. подталкивала Москву к отказу от либерально-демократических стандартов и постепенной самоизоляции от Запада. Буш-мл., считали они, слишком прагматичен, он не критикует Путина за отказ от либерально-демократических реформ, «торгует» принципами (в отличие от «принципиального Рейгана»). Они требовали быть последовательнее, не размениваться на решение тактических проблем, связанных с «войной с террором» и «энергетической стратегией». Поэтому, они были согласны с тем, что можно использовать «личную дипломатию», но не для геополитических интриг, а для демократизации России, и не через жесткое давление, а через «селективное сотрудничество» по таким важнейшим направлениям, как ядерное разоружение или открытие для Запада российских рынков с помощью вступления в ВТО [5; 9].

Таким образом, в конце 2003 — начале 2004 г. внутри американской правящей элиты сложился достаточно необычный блок республиканцев-консерваторов и демократов по вопросу российской политики администрации Дж. Буша-мл. Блок представлял собой значительную политическую силу, которая вполне могла заставить администрацию перевести ее российский курс на «рельсы демократизации». Однако в ходе дискуссии этот блок натолкнулся на ожесточенное противодействие группировки, состоявшей из осторожных реалистов и неоконсерваторов. Эти две группы обычно находились в противоположных лагерях, но по данному вопросу они объединились в пробушевский альянс.

Особенно воинственно оказались настроены «осторожные» реалисты. В первую очередь, они попытались оспорить тезис оппонентов об авторитаризме, но не в том смысле, что его не было в России, а в том, что он не являлся следствием «злого умысла» В. Путина. США, по их мнению, были сами виноваты в том, что русские не приняли западной либеральной демократии. На предыдущем этапе американцы сделали несколько грубых просчетов, среди которых они выделяли такие, как ошибочная ставка Б. Клинтона на явного «недемократа» Б. Ельцина, одобрение разгона парламента осенью 1993 г., на-

вязанная «шоковая терапия», грабительская приватизация, олигархизация, создание системы клептократии, беспощадное взыскание долгов и т.д.

Осторожные реалисты утверждали, что «автократу Путину» просто пришлось разгрести хаос в стране, доставшейся ему от демократов Ельцина, и поэтому он действовал достаточно жестко: навел в экономике порядок, нашел возможность платить зарплаты и пенсии, «не пьянствует и не играет ложками на головах своих телохранителей», — поэтому народ и принял его политику. Вообще, часть сторонников этой точки зрения была согласна с тем, что Россия не может «прыгнуть» из тоталитаризма сразу в демократию — должен был быть переходной авторитарный период, что-то типа «управляемой демократии».

Что касается «неоимпериализма» Кремля, обвинений в агрессивном преследовании своих интересов в СНГ, то и в этом случае реалисты оправдывали поведение В. Путина. Они указывали, что для России постсоветское пространство являлось «зоной выживания», она просто не могла уйти отсюда, проигнорировав свои национальные интересы, в первую очередь, экономические. Умеренные требовали понять, что в России победили не «имперцы», а прагматики, которые понимали, что империя стоит дорого, а сотрудничество с Западом приносит большие выгоды. Путин не стремился воссоздать СССР, а его активная политика в СНГ — это просто необходимость обеспечить безопасность инфраструктуры, которая связывала Россию с внешним миром, а также выполняла роль щита, которую США начали уничтожать. Поэтому его решительные шаги на постсоветском пространстве — это только ответ на то, что уступив Бушу-мл. по многим направлениям, В. Путин взамен практически не получил ничего [4].

Интересно, что похожие позиции заняли и многие представители неоконсервативного лагеря. Они поддержали «осторожных» реалистов в отношении «нормальности» и естественности поведения России в республиках бывшего СССР, а также неуместности дополнительного давления на Кремль. В Москве, говорили они, сложился консенсус между либералами и традиционалистами-силовиками по вопросам политики на постсоветском пространстве, который подразумевал, с одной стороны, необходимость сохранения *статус кво* и отказ от активной борьбы за преобладание в «ближнем зарубежье», но, с

другой стороны, предполагал противодействие попыткам усиления в регионе конкурентов. Кремлевская внешняя политика исходила из того, что России нужны были дружественные государства на ее границах, и это, по мнению неоконсерваторов, являлось нормальным подходом, который нельзя называть неоимпериализмом. Москва была не готова подрывать американские стратегические интересы в СНГ, демонстрируя, по сути, готовность к дальнейшим уступкам. А такое требование Москвы, как, например, убрать американские базы из Центральной Азии, больше относилось к внутренней политике, просто к желанию «показать флаг». «Доктрина Путина» — это естественная политика любой нормальной страны — «ударить, пока вас не ударили»; и т.д. [4; 7].

Таким образом, хотя неоконсерваторы и не разделяли мнения «осторожных» реалистов о чрезмерном давлении Буша-мл. на Россию и стремления активнее двинуться навстречу Москве для создания «союза прагматиков», тем не менее, они считали, что «путинский экспансионизм» носил естественный, не запредельный характер и не требовал дополнительных мер реагирования, а политика администрации Буша-мл. учитывала и нормально согласовывалась с российским поведением и интересами.

Кроме того, реалисты и неоконсерваторы сходились в том, что Буш-мл. был прав, сделав основной акцент на использовании канала «личной дипломатии» с Путиным. Российский президент представлялся вполне удобным для США партнером, на него легко было влиять, ибо он «думает о своем образе в истории», он предсказуем и стабилен. По своим взглядам он — западник, и в будущем, надеялись они, он станет еще демократичнее и сможет справиться с давлением российских «консерваторов и силовиков».

Таким образом, дискуссия продемонстрировала раскол американской правящей элиты по вопросу российского курса США на два больших лагеря. При этом либерально-консервативный блок успешнее отстаивал свою позицию в конгрессе, а реалистско-неоконсервативный — в администрации. В результате, та часть схватки, которая проходила в публичном поле (в СМИ, конгрессе, аналитических центрах), с очевидностью закончилась «вничью». Сложившееся в результате равновесие по данному вопросу позволило президенту Бушу-мл.

продолжить политику «особых отношений» с Россией, выведя ее из-под «пресса демократизации» и «Плана свободы» (о котором сам президент заявил во второй инаугурационной речи).

И хотя формально он был вынужден время от времени в частных беседах напоминать В. Путину об озабоченности администрации в связи с отсутствием прогресса в деле демократизации России, основным содержанием их отношений все так же оставались «прагматические сделки».

Библиографический список и примечания

1. *Brzezinski M.* A Crossroads in U.S.-Russia Relations. December 19, 2003. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/news/2003/12/19/436/a-crossroads-in-u-s-russia-relations/>

2. *Deliso C.* Putin Steers Russia's Resurgence // United Press International. October 9, 2003. URL: www.upi.com/Business_News/2003/10/09/Analysis-Putin-Steers-Russias-Resurgence/65381065715313

3. *Diehl J.* Mr. Putin's Neighborhood // The Washington Post. November 10, 2003. P. A25.

4. Government of the United States. U.S. Congress. U.S.–Russia Relations in Putin's Second Term. Hearing before the House Committee on International Relations. March 18, 2004. Washington, DC: GPO, 2004. P. 15–17.

5. *McFaul M.* Veering From Reagan // The Washington Post. June 18, 2004. P. A29.

6. *Safire W.* Putin's "Creeping Coup" // The New York Times. February 9, 2004. P. A21.

7. *Sands D.* Soviet Legacy Lingers in New Russia // The Washington Times. February 8, 2004.

8. *Shanker T.* Russian Official Cautions U.S. on Use of Central Asian Bases // The New York Times. October 10, 2003. P. A9.

9. *Talbott S.* Putin: Talk Like a Democrat, Walk Like an Autocrat. URL: www.brookings.edu/articles/2004/0512russia_talbott.aspx

10. *Walker M.* An Aggressive New Russia? // United Press International. December 9, 2003. URL: www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2003/12/09/Analysis-An-aggressive-new-Rusia/82741070970038

СЕКЦИЯ № 3

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ИНСТИТУТЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Н.А. Баранов

N.A. Baranov

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН

POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL CHANGES

Одной из главных задач современного государства является поддержание стабильности и порядка, необходимых для повышения уровня жизни общества. Реализации этой задачи способствует политическая система, под которой понимается целостная и динамическая совокупность политических институтов, дополняющих друг друга политических ролей и отношений, норм и правил политического и государственного управления, политического сознания и исторических традиций. Для своего стабильного функционирования политическая система должна ориентировать людей действовать по ее правилам, убедив или принудив выполнять ее предназначения.

В основе формирования современной политической системы России, рассматриваемой как совокупность политических институтов, нормативно-регулятивной сферы и информацион-

но-коммуникативных практик, лежат потребности общества, реализуемые властными институтами.

В институциональной сфере создается конфигурация политических институтов, исходя из представлений политической элиты о наиболее эффективном государственном управлении [2, с. 69–87]. Учитывая историческую предрасположенность российского народа к персонификации власти, сформирована управленческая вертикаль, замыкающаяся на президента как главу государства, избираемого народом и несущего полную ответственность перед обществом. В стране нет другого политического института, который мог бы соперничать по значимости с институтом президента. По мере высвобождения общества, связанного с осознанием гражданами необходимости влиять на политическую сферу, создаются выборные механизмы на различных уровнях властной вертикали, предполагающие передачу части ответственности на региональный или местный уровень. Устоявшаяся партийная система из четырех парламентских и некоторых непарламентских партий в целом отражает интересы большинства граждан и имеет тенденцию к консолидации на базе общих государственных ценностей. Включение в политическую систему ОНФ является попыткой дистанцироваться от партийных ошибок и повысить контроль со стороны общественности за состоянием дел в регионах. Формирование гражданского общества приобрело направленный прогосударственный характер, что нашло в целом поддержку со стороны большинства общества. Прозападно ориентированная часть общества находится на периферии политического поля, но не по причине запрета, а из-за непопулярности оппозиционных лидеров и возглавляемых ими политических объединений.

Нормативно-регулятивная сфера трансформируется наряду с изменениями представлений властной политической элиты об устройстве общества, соизмеряемая с ожиданиями большинства. Формируются новые политические правила игры, под которые подводится правовая база, характеризующаяся ограничениями политической активности гражданского общества и оппозиции, что в целом поддерживается российскими гражданами. Порядок функционирования и взаимодействия органов государственной власти институционализируется, на-

ходя документальное выражение в законодательных и иных нормативных правовых актах, издаваемых этими органами.

В информационно-коммуникативной сфере государство проводит активную целенаправленную политику по развитию таких ценностей, которые исторически являлись характерными для России: патриотизм, справедливость в ее исторической интерпретации, великодержавие. Контролируя СМИ, формирующие широкое общественное мнение, государство допускает в информационную сферу иные медиа, отражающие интересы различных групп населения, не разделяющих мнения большинства. Как пишут некоторые публицисты, «полная свобода слова в Интернете, достаточная свобода слова на радио, определенная свобода слова бумажных СМИ» [8].

При довольно широкой поддержке граждан происходит изменение социокультурной парадигмы российского общества. Так, в утвержденной 31 декабря 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации констатируется: «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм» [12].

Таким образом, происходит трансформация политической системы России при доминирующем влиянии консервативных тенденций, разделяемых значительной частью населения и реализуемых как во внешне-, так и внутривнутриполитической практике.

Стабильность политической системы во многом определяется поддержкой властных институтов со стороны общества. Когда речь идет о способах функционирования политической системы, используют термин «политический режим», характеризующий взаимосвязь государственной власти и общества. Он определяет совокупность средств и методов, используемых государством при отпращивании власти, отражает степень политической свободы в обществе и правовое положение личности.

Характеризуя политический режим в современной России, следует отметить, что методы и способы реализации власти в большинстве своем не вызывают негативной реакции со стороны широких слоев общества и в целом отвечают интересам большинства социально-политических институтов. Можно констатировать становление в России консолидированного режима, под которым английский политолог Ричард Роуз понимает «такой режим, который имеет достаточно сильные институты, чтобы возникающие запросы на изменения разрешались в рамках существующей системы то ли в результате действий, которые сохраняют режим в неизменном виде (например, смена руководства государства на выборах), то ли в результате соглашения, достигнутого внутри военной хунты или центрального комитета в однопартийном государстве» [10, с. 62].

Центром консолидации является Владимир Путин. Падение рубля и цен на нефть, инфляция, война в Сирии, теракт на борту российского пассажирского самолета и уничтожение боевого самолета у турецкой границы, протесты дальнобойщиков — не изменили отношение граждан к Президенту России.

С В.В. Путиным связаны внешнеполитические успехи страны. Население с пониманием восприняло его убеждение в том, что если мы не будем воевать далеко от наших границ, в Сирии, то велика вероятность, что придется воевать у себя на Кавказе. Поэтому участие России в сирийской военной операции способствовало росту доверия населения к национальному лидеру.

Ненасильственная поддержка обществом власти является демократической тенденцией. Следует отметить, что за последние годы значительно возросло число людей, считающих, что мы живем в демократической стране. По данным Левада-центра, 62% россиян полагают, что демократия в России существует в полной мере или отчасти. Причем 46% признают, что демократия в нашей стране должна быть «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России». И лишь 16% считают, что демократия у нас должна быть такой же, как на Западе [9].

Таким образом, сформировавшаяся в стране политическая система воспринимается большинством россиян как демократическая и соответствующая их интересам. Но это не инсти-

туциональная демократия, а персонифицированная, а потому нестабильная, так как зависит от одного показателя — доверия к лидеру, которое может колебаться в зависимости от социально-экономической ситуации и многих субъективных причин.

По мнению российского публициста Леонида Радзиховского, в России сформировалось общество, которое живет в придуманном виртуальном мире. Проводя параллели с романом Дж. Оруэлла «1984», он пишет: «Мы живем в обществе стопроцентно управляемом...», в котором присутствуют «пятиминутки ненависти, речекряки, голдстейн, образ врага, и так далее. И вместе с тем, полная открытость, полная возможность все это критиковать, все это разоблачать, что ни в какой степени не только не мешает устойчивости системы, но делает систему значительно более устойчивой» [8].

Вероятно, весь этот симбиоз несочетаемых эклектичных факторов и характеризует в значительной степени современную политическую систему России.

Что является слабым звеном в созданной политической системе?

1. Бюрократизация, которая пронизала все сферы жизнедеятельности общества: все структуры власти, образование, здравоохранение и т.д. С одной стороны, именно бюрократизация лежит в основе системы, созданной В.В. Путиным и консолидирующей общество; с другой стороны, задача повышения управляемости страной давно достигнута и дальнейшее ее расширение приводит к засилью чиновников и препятствует эффективному развитию общества. Везде, где это возможно, минимизируются выборные процессы: в университетах, в органах местного управления. Созданная вертикаль власти оказалась наиболее удобной властной конфигурацией для распространения коррупции.

2. Стабильности политической системы не способствуют принимаемые исполнительной властью сомнительные, ни с кем не согласованные решения: несовершенство системы сбора оплаты за проезд грузовым транспортом «Платон», отмена бесплатного проезда льготным категориям граждан (Краснодарский край) и многие другие. Эти решения принимаются в отрыве от представительных органов власти и общественности, поэтому снижают степень доверия населения в целом к

государству, вызывают резко негативную реакцию со стороны заинтересованных слоев населения.

3. Недоверие государства к гражданскому обществу. Взаимодействие государства и гражданского общества является принципиально важным для поддержания стабильности политической системы: кто как ни гражданское общество окажет поддержку государству в трудную минуту. Особенностью взаимодействия государственных органов с общественно-политическими объединениями и активными гражданами является деление общественности на патриотично ориентированную и прозападную. Самостоятельно действующие общественные структуры вызывают недоверие со стороны государства, что выражается в стремлении дистанцироваться от нередко справедливых требований и представить их в качестве «пятой колонны».

Тем не менее, понимание необходимости координировать свои действия с широкой общественностью в органах государственной власти все же постепенно возникает. В данном контексте следует отметить, что впервые в документе стратегического планирования отмечена необходимость «взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам...» [12]. А в ходе заседания Совета по противодействию коррупции 27 января 2016 г. руководитель администрации Президента С.Б. Иванов заявил: «Эффективная борьба с коррупцией невозможна без гражданского общества, невозможна априори. Поэтому задача органов власти всех уровней не просто прислушиваться к информации небезразличных граждан, но и активно привлекать к антикоррупционным действиям патриотично и конструктивно настроенных активистов» [4]. Иными словами, деление гражданского общества на «своих» и «чужих» сохраняется, поэтому следует отметить, что государственные органы по-прежнему с недоверием относятся к институтам гражданского общества, неподконтрольных властным структурам.

4. Опасность для стабильности представляет рост бедности населения.

По данным ФОМ, в 2015 г. материальное положение 49% россиян ухудшилось [5]. По данным ВЦИОМ, число матери-

ально неблагополучных граждан в стране возросло до 60%, что почти в 4 раза выше показателя ноября 2014 г. [13] По данным Левада-центра, 58% граждан тратят все свои средства на питание и одежду [7].

В рамках Гайдаровского форума 14 января 2016 г. состоялась экспертная дискуссия «Россия в кризисе: политические риски 2016 года», в ходе которой участники дискуссии пришли к выводу, что декларируемый уровень протестных настроений в стране невысок, но этот показатель не отражает реальной ситуации. Прежде всего, протестные настроения усиливаются в ранее благополучных субъектах (регионах — донорах). В условиях ухудшения социально-экономической ситуации население этих субъектов острее других переживает ухудшение своего положения. Протестные настроения превратятся в значимый фактор дестабилизации в том случае, если локальные протестные инициативы синхронизируются с общим протестом, обусловленным негативными экономическими тенденциями в стране [14].

5. Относительная стабильность политической системы, достигнутая на волне патриотических геополитических настроений, не является долговременной. К тому же она не решает стратегической задачи — вписаться на правах актора в новый социальный мир, новую социальную реальность, формирующуюся под влиянием современных технологий, изменяющих всю нашу жизнь, включая политическую сферу. Передовые страны переживают уже вторую информационную революцию, создавая «киберфизические системы». Акторы в этом новом мире будут определять технические стандарты — это стратегическая цель, к которой уже сейчас стремятся США, Германия, Южная Корея, Китай.

В данном контексте первоочередной задачей в России является не просто создание отдельных центров информационных технологий, не в полной мере себя реализовавших (Сколково), а в целом формирование благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности, ориентированной на инновации. А для этого необходимо решить первоочередные задачи, актуальные на протяжении последних полутора десятилетий: гарантия права собственности, снижение налоговой нагрузки на бизнес, минимизация бюрократического

давления на предпринимателей, независимая судебная система, практико-ориентированная система образования. Наука должна быть связана с практикой и с образованием, образование, должно быть связано с практикой и с наукой, а бизнес, должен быть связан с наукой и с образованием [3].

Потребность в стабильности выходит на первый план и в социологических опросах. Так, Левада-центр отмечает изменение приоритетов в государственной политике граждан России: в 1999 г. это были борьба с преступностью — 56% и укрепление порядка в стране — 52%; в декабре 2015 г. на первое место вышли стабилизация политической и экономической ситуации в стране (53%), социальные гарантии (51%), своевременная выплата зарплаты и пенсий (51%) [6].

Как показывает политическая практика, демократическая система более стабильна, так как ее политические институты не только перераспределяют выгоду от политики в пользу большинства граждан, но и играют решающую роль в будущем распределении политической власти. Демократии более чувствительны к проблемам людей и заботятся об интересах общества больше, чем недемократии, так как решения в демократической системе принимаются под влиянием мнений и потребностей большинства.

Согласно подходу американских экономистов Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсона, закрытое общество обходится дороже, чем открытое. С их точки зрения, наиболее стабильной политической ситуацией становится в случае изменения в структуре активов общества, соотносенных с затратами и выгодами для элиты, т.е. если репрессии будут обходиться государству очень дорого, то элита откажется от них в пользу более дешевых и стабильных методов управления [1, с. 118], каковыми являются демократические методы. Поэтому демократизация становится возможной лишь перед угрозой революции и массовыми выступлениями граждан. Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон полагают, что демократии не даруются обществу элитой потому, что «изменились ее ценности. Ее требуют лишенные права голоса как способ получить политическую власть и тем самым гарантировать большую долю экономических благ в рамках системы» [1, с. 54].

По мнению А.И. Соловьева, «нынешняя стадия развития государства базируется на приоритетах самосохранения полити-

ческого режима и второстепенном характере целей развития общества» [11], что может привести к разрушению достаточно хрупкого доверия, сформировавшегося между государством и гражданами. Косвенно о таком развитии событий свидетельствует увеличивающаяся разница в доходах между богатыми и бедными в пользу первых. В данном контексте можно предположить, что в российском варианте приоритет демократии будет отдан тогда, когда общество перестанет надеяться только на своего национального лидера, а отдаст предпочтение созданию таких политических институтов, которые будут формироваться населением в ходе честных выборов, а впоследствии — находиться под постоянным контролем общественности. Для этого массовое сознание россиян должно обрести чувство гражданского достоинства и политической ответственности, а в рамках политической системы создана атмосфера доверия к сформированным под влиянием народа институтам власти, а не к отдельным политикам.

Следует отметить, что у российской политической элиты есть понимание необходимости приоритета общественных благ, создания благоприятных условий для развития человека. Об этом свидетельствуют различные нормативно-правовые документы. Так, повышению стабильности политической системы может способствовать реализация основных показателей состояния национальной безопасности, изложенных в вышеупомянутой Стратегии, среди которых можно выделить удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств, ожидаемая продолжительность жизни, ВВП на душу населения, децильный коэффициент, уровень инфляции, уровень безработицы, доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий, образования и на культуру, доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.

Таким образом, консервативное наполнение социального и политического пространства в современной России, связанное с обращением к историческим ценностям и привычным политическим институтам, обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе. Для реализации стратегических задач

необходимо формировать политическую систему с открытой социальной средой, эффективно функционирующими политическими институтами, развитым гражданским обществом и модернизаторски ориентированной политической элитой.

Библиографический список и примечания

1. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 512 с.

2. Баранов Н.А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 4. С. 69–87.

3. Вардуть Н. Россия перед четвертой революцией: экономисты предупредили об угрозе // Московский комсомолец. 2016. 25 янв. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/01/25/rossiya-pered-chetvertoy-revolyuцией-ekonomisty-predupredili-ob-ugroze.html>

4. Заседание Совета по противодействию коррупции. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51207>

5. Итоги года: изменения в материальном положении и на работе, 31.12.2015 г. URL: <http://fom.ru/posts/12462>

6. Ожидания населения от государственной политики. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/18/ozhidaniya-naseleniya-ot-gosudarstvennoj-politiki/>

7. Потребительский статус, 13.01.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/>

8. Радзиховский Л. Путин опроверг Оруэлла. URL: <http://aru.tv/syuzhet/putin-oproverg-oruella-leonid-radzihovskiy>

9. Российская демократия. Пресс-выпуск. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/>

10. Роуз Р. Демократические и недемократические государства // Демократизация: Учеб. пособие / Сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.

11. Соловьев А. Мир — дворцам, война — несогласным // Независимая газета. 2015. 17 ноября. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-11-17/14_peace.html

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/l8iXkR8XLAteilX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf>

13. Чернозуб О. Общество и кризис: политические риски 2016 г. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-01-14-krizis.pdf

14. VII Гайдаровский форум 2016. Экспертная дискуссия «Россия в кризисе: политические риски 2016 года». URL: http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/vii_gaidarovskii_forum_2016/

С.В. Володенков

S.V. Volodenkov

ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

TECHNOLOGIES OF INTERNET COMMUNICATION
AS INSTRUMENT OF DESTABILIZATION
OF NATIONAL POLITICAL REGIMES

В условиях современного информационного общества коммуникационные интернет-технологии активно внедряются в актуальную политическую практику в большинстве развитых стран, предоставляя как государственным институтам власти, так и представителям гражданского общества широкие возможности для выстраивания новых демократических форматов политического диалога и взаимодействия. Многие специалисты и ученые-политологи отмечают высокий потенциал демократизации, которым обладают современные технологии интернет-коммуникации.

Однако эволюция интернета как пространства политических коммуникаций связана и с появлением новых угроз и рисков, к числу которых мы можем отнести практику использования технологий политической интернет-коммуникации в качестве инструмента воздействия на национальные политические режимы, активно применяемого ведущими государствами в процессе политического управления как внутри самих государств, так и в контексте проводимой ими внешней политики. Речь идет в том числе о возросших технико-технологических возможностях по дестабилизации и смене национальных политических режимов в тех странах, которые становятся мишенями для информационной интервенции.

Существующие в настоящее время в интернете технологии информационной работы активно применяются для разрушения традиционных национальных символических и культурных пространств, создания и внедрения в общественное сознание

новых общественно-политических символов и ценностей, а также формирования политических мифов и стереотипов, непосредственным образом влияющих на стабильность существующих сегодня национальных политических режимов.

Данные технологии применяются для изменения общественно-политического устройства и механизмов распределения политической власти в современных государствах, а также для влияния на содержание и характер функционирования национальных политических режимов с последующей их трансформацией в интересах глобальных акторов информационно-коммуникационного воздействия. Наиболее эффективным средством такого воздействия является экспансия в сферу традиционных ценностей, базовых моделей политического поведения, референтных образов социального действия.

Каналы интернет-коммуникации в этой связи используются для виртуальной перекодировки ценностно-смысловых пространств суверенных государств. Речь идет о подрыве стабильности существующих национальных политических режимов с последующим внедрением в общественное сознание протестных моделей поведения. Это приводит в ряде случаев к мобилизации масс для участия в оппозиционных действующих власти акциях, направленных на свержение существующих властных институтов.

Борьба за возможности коммуникационного воздействия на общественное сознание, доступ к «молекулярному ядру» национального сознания для разрушения традиционных ценностно-смысловых ориентиров, внедрения выгодных стереотипов, установок, моделей представлений о социально-политической действительности в масштабах всей страны становится ключевой в современной политической практике. Именно данные возможности по информационно-коммуникационному воздействию определяют потенциал и эффективность процессов, направленных, как правило, на подрыв стабильности действующих политических режимов противников и перераспределение власти от национальных политических элит к представителям «новой власти».

Сетевая информационная борьба становится одной из ключевых составляющих современного политического управления в рамках глобальных процессов удержания, завоевания и перераспределения политической власти.

При этом необходимо отметить, что во многих случаях сегодняшняя политическая борьба организована и структурирована на основе создания сетевых информационных сообществ.

На уровне сетевых сообществ происходит агрегация политических интересов интернет-пользователей, а топовые блогеры, как лидеры сетевых сообществ, артикулируют политические интересы на собственных онлайн-площадках.

По сути, сетевые сообщества стали эффективными инструментами общественного давления на реальные институты власти, а также виртуальной легитимации (либо делигитимации) происходящих в реальном политическом пространстве процессов, что, безусловно, требует серьезного анализа взаимопроникновения виртуальной и реальной действительности.

Мнение У. Липпманна о том, что процесс управления в современных демократиях происходит под влиянием на администрацию контролируемого общественного мнения [1], приобретает одновременно актуальность и особое значение применительно к появлению такого политического актора, как сетевые сообщества, особенно с учетом того, что сегодня речь идет не только о взаимодействии и достижении согласия между исполнительной властью и обществом, но и между обществом и законодательной властью.

Мы можем говорить о том, что уже не процесс управления в современных демократиях, а современный глобальный транзит демократических концепций и ценностей осуществляется посредством влияния общественного мнения, артикулируемого в формате национальных сетевых сообществ и контролируемого субъектами такого транзита.

Поддерживаемый нами подход Липпманна, согласно которому мнение избирателей не тождественно мнению народа, применительно к сетевым сообществам может быть сформулирован следующим образом: мнение представителей сетевых сообществ не является мнением народа.

На практике в рамках проведения «цветных революций» и осуществления давления на государственные институты власти интересанты подобного рода активностей последовательно подменяют мнение народа мнением представителей сетевых сообществ, что, на наш взгляд, является сознательной манипуляцией, необходимой для достижения политических целей, направленных на сохранение стабильности собственных по-

литических режимов, а также на подрыв стабильного функционирования внешних режимов в государствах-оппонентах.

В связи с этим мы можем сформулировать подход, в соответствии с которым «цветные революции» являются концептом технологических переворотов в суверенных государствах с использованием инструментов виртуальной коммуникации, необходимых для подрыва традиционного ценностного и смыслового пространства с последующей заменой его содержания на внешнюю идеологию, что в дальнейшем выступает в качестве основы для смены традиционных политических режимов.

В таких переворотах центральным звеном обеспечения виртуальной агрессии выступают именно сетевые сообщества, одной из задач которых является формирование в общественном сознании виртуального и позитивно значимого образа «цветной революции», подменяющего осуществляемый в реальности переворот.

В рамках информационной агрессии осуществляется создание в национальных сегментах интернет-пространства протестных сетевых сообществ, используемых в дальнейшем для организации общественного давления на политические режимы государств-противников, организацию управляемых информационных потоков через социальные медиа, формирующих альтернативные ценностно-смысловые модели и представления о социально-политической реальности для интернет-аудитории, в первую очередь — молодежи, обладающей наиболее высоким протестным потенциалом и политически активной.

При этом следует отметить эффект, заключающийся в том, что, с одной стороны, в онлайн-пространстве наиболее активными являются именно молодые и в значительной степени протестно настроенные по отношению к действующей власти группы населения, однако, с другой стороны, формируемый ими в социальных медиаконтент непосредственным образом влияет на политические настроения и формирование собственных представлений о политической реальности интернет-пользователей, изначально не являющихся протестно настроенными по отношению к действующей власти. Таким образом, интернет-пространство является не только своего рода механизмом объединения представителей оппозиции, но и механизмом формирования протестных взглядов, убеждений и ценностей, а также соответствующих им моделей поведения.

Если в традиционном политическом пространстве в большинстве случаев артикуляция оппозиционных настроений осуществлялась в первую очередь в виде уличных акций и неформальных коммуникаций, то с появлением интернета возникли широкие возможности артикуляции оппозиционных политических интересов, ценностей, символов, смыслов и идей в публичном пространстве, что предопределило появление новых публичных механизмов общественного давления на государство и национальную политическую систему.

События последних лет наглядно демонстрируют реализацию именно данной стратегии информационного влияния. На протяжении последних лет интернет-пространство уже активно используется для осуществления влияния на сознание политически активных слоев населения в глобальных масштабах.

Основными задачами при этом, как правило, являются:

- разрушение традиционного символического, ценностного и культурного пространства в национальных сегментах информационного пространства, дезориентация населения стран-мишеней;
- внедрение новых символов, ценностей, культурных кодов, необходимых для формирования выгодных моделей мировосприятия, а также моделей массового поведения;
- дискредитация существующих национальных политических режимов, подрыв доверия к институтам власти со стороны населения стран-мишеней, а также мирового сообщества;
- организация и проведение широкомасштабных информационных кампаний по нагнетанию политической напряженности и формированию виртуальных революционных ситуаций;
- мобилизация масс для протестной оппозиционной деятельности в оффлайн-пространстве;
- раскрутка и популяризация оппозиционных политических лидеров и организаций;
- формирование системы контроля за поведением интернет-пользователей для последующего таргетированного влияния на них;
- формирование глобальной и национальной информационной повестки дня и перефокусировка внимания пользователей на выгодные темы;

- формирование в общественном сознании политической псевдореальности, отвечающей интересам субъектов коммуникационного воздействия;
- лишение государств способности проводить самостоятельную независимую информационную политику в собственных национальных сегментах интернет-пространства.

Реализация данных направлений работы во многом определяет возможности воздействия на общественное сознание и ведения информационной борьбы с политическими режимами извне, подрыва стабильности и разрушения национальных политических систем.

События последнего времени наглядно демонстрируют последствия использования таких технологических проектов в странах Восточной Европы и Африки. Россия на сегодняшний день также является мишенью для подобного рода информационного воздействия.

Следствиями такого информационного вторжения в формате «мягкой силы» становятся дестабилизация национальных политических систем и разрушение существующих политических режимов посредством революционных переворотов, интерпретируемых в сетевом пространстве как мирные протесты граждан, инициированные самим гражданским обществом.

Кроме того, важно отметить, что интернет-ресурсы используются в качестве инструмента разрушения национальной идеологии как основы государственной политической системы посредством дискредитации ключевых представителей национальной элиты, находящихся у руля власти, в результате чего политические режимы становятся нелегитимными, а между государственной властью и гражданским обществом возникают серьезные масштабные конфликты. Как писал в своих трудах А. Грамши [2], происходит «молекулярная агрессия в культурное ядро» [3, с. 39] национальных политических режимов.

Вместе с тем следует иметь в виду, что главной характеристикой деятельности сетевых интернет-структур является отсутствие единого управляющего органа и распределенный характер функционирования и это не позволяет подвергнутому агрессии государству эффективно подавлять протестную сетевую активность. Кроме того, основные интернет-площадки, используемые для мобилизации и координации оппозиционных

сил, находятся вне юрисдикции страны-мишени и в большинстве случаев зарегистрированы в доменных зонах США, что делает их недоступными для регулирования со стороны «страны-мишени».

Таким образом, мы можем констатировать принципиальную трансформацию характера и содержания информационно-коммуникационных процессов в интернет-пространстве, осуществляемых в процессе современного политического управления.

Если в рамках традиционных моделей политического управления субъектами идеологического и пропагандистского воздействия выступали национальные государственные институты власти, представители национальных элит, контролировавшие информационно-коммуникационную инфраструктуру, то на сегодняшний день в качестве субъектов политической пропаганды и идеологического влияния выступает значительное число распределенных сетевых структур, способных формировать представления интернет-пользователей о социально-политической реальности на уровне горизонтальных коммуникаций.

Имея высокий уровень доверия как «независимые» источники информации, данные структуры обладают возможностями широкого и эффективного влияния на общественное сознание, а горизонтальность коммуникаций позволяет добиваться вирусного эффекта при распространении пропагандистского и манипуляционного контента, в связи с чем традиционные подходы к блокированию распространения информации становятся нерезультативными.

В результате процесс формирования политических идей и смыслов, включая альтернативные традиционным, направленным на подрыв стабильности действующих политических режимов, в интернет-пространстве в значительной мере выходит из-под контроля государства как классического доминирующего субъекта политических коммуникаций в собственном информационном пространстве ввиду разрушения традиционной монополии на использование каналов массовой коммуникации.

Информационная открытость и экстерриториальность интернета превращает его в глобальный инструмент разрушения традиционных ценностно-смысловых пространств и под-

мены представлений о социально-политической реальности у значительного числа интернет-пользователей, обладающих высокой политической активностью.

Формирование альтернативных и, как правило, протестных моделей мировоззрения и поведения, подмена культурных кодов и ценностей позволяют оказывать давление на действующие в государствах политические режимы, подрывая стабильность их функционирования, что является одним из главных вызовов всей системе современного политического управления.

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в рамках осуществления «цветных революций».

Коммуникационная составляющая в процессе их проведения выходит на первую роль сразу по нескольким неотъемлемым направлениям информационного вторжения:

- легитимация осуществляемой ценностно-смысловой и идеологической экспансии в национальные медиасегменты других государств в общественном сознании собственного населения;
- формирование и трансляция выгодных для акторов информационно-коммуникационного воздействия интерпретаций происходящих в странах-мишенях процессов до начала, во время информационной экспансии, а впоследствии — интерпретации результатов смены политических режимов;
- подрыв доверия населения подвергающихся информационным атакам стран к институциональным основам государственной власти и национальным политическим элитам путем их дискредитации;
- вытеснение государственных и прогосударственных акторов, представляющих национальные интересы, из коммуникационного пространства и процессов формирования общественного мнения;
- разрушение традиционных политических ценностей и смыслов и их замещение внешними альтернативами, т.е. перекодировка национальных ценностно-смысловых пространств;
- формирование необходимой для давления на политические режимы информационной повестки дня, перефокусировка общественного внимания на выгодные агрессору общественно-политические темы;

- формирование в виртуальном пространстве протестных сетевых сообществ, виртуальных политических лидеров общественного мнения;
- осуществление программ по общественному давлению на государственные органы власти со стороны протестных сетевых сообществ, формирование виртуального эффекта «революционной ситуации» в представлении как населения самой страны-мишени, так и населения стран-агрессоров;
- формирование среди населения массовых моделей протестного поведения;
- мобилизация масс в интернет-пространстве и «каналирование» их протестной активности в оффлайн-пространстве в форме массовых акций протеста;
- позиционирование протестной активности в медиапространстве в формате народной революции;
- освещение с соответствующей интерпретацией процесса захвата власти в стране протестующими под видом мирных акций протеста, создания правительства народного согласия и требований народа о проведении досрочных президентских и парламентских выборов.

При решении поставленных задач меняется не только представление о политической реальности, но и сама политическая реальность.

Заметим, данный подход к организации информационно-коммуникационного воздействия является модельным и используется на протяжении последнего времени при проведении «цветных революций» как в арабском мире, так и в странах Восточной Европы.

В результате такого воздействия в условиях отсутствия адекватного противодействия со стороны государства в большинстве случаев инициаторы информационно-коммуникационной агрессии достигают поставленных целей.

В силу того, что виртуальные массовые представления формируют вполне конкретные и реальные модели массового поведения, интернет становится виртуальным инструментом производства реальных политических изменений в глобальных масштабах.

Как пишет Е. Пономарева, «теперь не только упрощается формирование мировоззрения социума конкретной страны, но сама организация и проведение государственного переворота не тре-

бует непосредственного присутствия интересантов в какой-либо стране: свержение режима возможно дистанционно, посредством передачи информации через различные сети» [4, с. 48].

Анализ применения интернет-технологий политической коммуникации позволяет заключить, что большинство современных «цветных революций» осуществлялось и с высокой степенью вероятности в ближайшем будущем будет осуществляться с использованием единой модели работы в интернет-пространстве, подразумевающей следующие этапы:

- внедрение в социальные сети и блогосферу протестных групп, сетевых сообществ и пользовательских аккаунтов, существующих в первое время в спящем режиме. В первую очередь задействуются такие ресурсы как Facebook, Twitter, YouTube;
- активизация созданных сетевых ресурсов и начало пропагандистской работы, направленной на дискредитацию существующих органов государственной власти;
- вброс, распространение и внедрение в общественное сознание альтернативных идей, символов (в том числе собственного национального символа «цветной революции»), смыслов, ценностей путем пропагандистского воздействия на интернет-пользователей;
- монополизация информационной повестки дня, вытеснение из медиапространства официальных и прогосударственных информационных ресурсов, трансляция во внутреннем и внешнем медиапространстве собственной модели политической реальности, отвечающей интересам представителей оппозиции;
- привлечение массового внимания к сетевым оппозиционным ресурсам;
- продвижение в социальных медиа сетевых протестных лидеров. Артикуляция протестных требований сетевых сообществ и сетевых лидеров общественного мнения к государственным органам власти и руководителям стран;
- инициирование с помощью сетевых лидеров общественного мнения через интернет-ресурсы массовых акций протеста;
- мобилизация масс на участие в акциях протеста в оффлайн пространстве;
- вирусное распространение максимально визуализированной информации в интернет-пространстве о начале на-

родной революции в масштабах государства, проходящих массовых акциях протеста, трансляция репортажей с мест событий, посвященных жестким действиям властей по подавлению и разгону оппозиционных митингов, включая информацию о жертвах и пострадавших, публикация постов в режиме реального времени «очевидцев» и участников происходящих событий, размещение текстовых и видеотрансляций на популярных ресурсах, формирующих массовые представления о политической ситуации в стране;

- технологическое обеспечение со стороны внешних инteresантов в случае блокировки интернет-площадок, на которых размещены оппозиционные ресурсы, возможностей доступа к публикации и чтению сообщений интернет-пользователями;
- получение и распространение заявлений о политической поддержке со стороны западных демократий, требующих от действующих властей остановки столкновений с мирными жителями и начала диалога с оппозицией;
- окончательная дискредитация действующих государственных органов власти и лидеров стран, признание их нелегитимными, в том числе при помощи внешних политических институтов;
- формирование собственных «народных» органов власти из числа представителей оппозиции;
- инициирование досрочных парламентских и президентских выборов;
- постсобытийное информационное сопровождение в сети, направленное на легитимацию победивших политических сил и сформированных ими органов власти. Обеспечение в интернет-пространстве эффекта массовой народной поддержки нового политического режима.

Современная практика организации «цветных революций» подтверждает, что именно внедрение подобной модели в национальные сегменты онлайн-пространства позволяет осуществлять широкомасштабную деятельность по подрыву стабильности существующих политических режимов, а впоследствии заменять их на управляемые «демократические» режимы. Иными словами, под видом демократического транзита осуществляется внешняя политическая агрессия с целью изменения государственной политической системы.

В условиях, когда глобальные информационные интернет-ресурсы имеют высокий уровень проникновения в большинстве стран мира, осуществление информационных атак, нацеленных на реализацию подобных сценариев, позволяет влиять практически на любой национальный политический режим, не имеющий четкой и эффективной концепции информационного и технологического противодействия внешней агрессии.

При этом заблаговременное внедрение в национальные сегменты онлайн-пространства соответствующих протестных интернет-ресурсов в «спящем» режиме в дальнейшем значительно затрудняет противодействие уже сформированной информационно-коммуникационной структуре, посредством которой иницируются массовые протестные акции, и осуществляется дестабилизация существующих политических режимов.

Эффективная конкуренция в современном глобальном информационном пространстве, а также результативное противостояние политическим оппонентам в информационной борьбе на сегодняшний день невозможны без адекватной системной работы в интернет-пространстве и разработки соответствующего арсенала онлайн-инструментов.

В связи с этим особую актуальность в аспекте обеспечения национальной информационной безопасности и защиты национальных интересов приобретает необходимость разработки адекватной и эффективной государственной информационной политики, способной результативно отвечать новым вызовам и угрозам, сложившимся в глобальном коммуникационном пространстве.

В условиях сетевого информационного противоборства необходима выработка инициативной политической доктрины по обеспечению безопасного функционирования российского сегмента интернет-пространства, с использованием превентивных мер по противодействию внешней информационной агрессии.

Интернет как пространство политических коммуникаций, по нашему мнению, будет оказывать все большее влияние на современный политический процесс, определяя параметры функционирования национальных политических режимов, в связи с чем минимизация рисков в аспекте сохранения управляемости и суверенности национального информационного пространства требует также создания собственной организационно-управленческой и аналитической инфраструктуры

для обеспечения эффективного противодействия информационно-коммуникационной активности внешних политических оппонентов, рассматривающих интернет как инструмент внешней агрессии.

Библиографический список и примечания

1. *Lippmann W.* Liberty and the news. N.Y.: Harcourt, Brace and Howe, 1920.
2. *Грамини А.* Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. I / Пер. с ит. М.: Политиздат, 1991.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляции сознанием. М.: Эксмо, 2007.
4. *Пономарева Е.Г.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. [Часть 2] / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. 2012. № 3–4.

С.П. Донцев

S.P. Dontsev

МОДЕЛЬ СВЕТСКОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

THE MODEL OF SECULARISM IN MODERN RUSSIA
AS A FACTOR OF STABILITY OF POLITICAL SYSTEM

Конституционный принцип светскости Российского государства реализуется в рамках модели государственно-конфессиональных отношений, которая непосредственно связана с политической системой, ее институтами и нормативно-правовой составляющей. Активная фаза формирования современной модели светскости в России и ее нормативного содержания происходила с 1993 г. по начало 2000-х гг. Именно в этот период были приняты Конституция РФ, Закон о свободе совести и религиозных объединениях, сформировалась практика государственно-конфессиональных взаимодействий. Затем наступила фаза стабилизации, коррекции и адаптации сложившейся модели светскости к текущим вызовам, стоящим перед российской политической системой.

Одна из ключевых особенностей российской модели светскости — наличие возможностей для широкого взаимодействия между государственными и религиозными институтами [9, с. 263–278]. При этом среди государственных институтов выделяются те, для которых взаимодействие с религиозными организациями становится основным направлением деятельности (например, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и др.), и те, для кого это взаимодействие имеет факультативный характер. То есть, тот или иной государственный институт самостоятельно принимает решение, воспользоваться ли ему предоставленной возможностью взаимодействия с религиозной организацией или нет [подробнее об этом см.: 1, с. 35–63]. Однако и в том и другом случае возможна координация совместной деятельности, в частности и в виде реакции на угрозы и вызовы, стоящие перед российской политической системой.

В этой связи весьма показательна оценка российских традиционных конфессий Президентом РФ В.В. Путиным, который в 2007 г. на шестой пресс-конференции в Кремле, сравнив их с ядерным щитом, назвал «теми составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны» [6]. О значении религиозного фактора для устойчивости политической системы, ее способности реагировать на внешние вызовы свидетельствуют Концепции национальной безопасности. В первой концепции, принятой в декабре 1997 г., и в ней подчеркивалась «важная роль Русской православной церкви» в сохранении духовных ценностей [7]. В следующей редакции Концепции, подписанной Президентом 10 января 2000 г., уже не содержится упоминаний о РПЦ, но зато говорится о «негативном влиянии иностранных миссионеров» и о «культурно-религиозной экспансии» соседних государств на территорию России [8]. Здесь уже обозначаются конкретные вызовы, стоящие перед политической системой, и фактически указывается, что именно реализация определенной модели светскости, отвечающей национальным интересам, может их преодолеть. Безусловно, подобные документы носили во многом декларативный характер, они формулировали только направление деятельности государства в

обеспечении национальной безопасности и уточняли порядок выявления угроз (в принятых позже Стратегиях национальной безопасности 2009 и 2015 г. содержится более детальная конкретизация угроз и вызовов). Практическая же реализация указанных принципов происходила в рамках конкретных взаимодействий государственных и религиозных институтов. Особенно ярко это проявилось на этапе разработки и принятия в 1997 г. закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Этот документ имел принципиальное значение в контексте рассматриваемой проблематики, так как одной из причин его принятия была необходимость регулирования деятельности иностранных миссионеров. События, предшествующие его принятию, иллюстрируют, как в условиях взаимодействия государственных и религиозных институтов выработывался компромиссный вариант закона, учитывающий интересы всех участников законотворческого процесса, а также религиозных организаций. Хотя, безусловно, речь здесь идет преимущественно о РПЦ, которая и в дальнейшем являлась основным актором государственно-конфессиональных взаимодействий и во многом действовала от лица всех традиционных (при всей неоднозначности трактовки этого термина) религиозных организаций, участвуя в определении формата российской модели светскости. РПЦ участвовала практически на всех этапах разработки нового закона. От ее имени наибольшую активность проявляли председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московской патриархии митрополит Кирилл (с 2009 г. избранный Патриархом Московским и всея Руси) и его заместитель архиепископ (с 2004 митрополит) Климент, занимавший эту должность с 1990 г. по 2003 г). 10 июля 1996 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении новую версию закона, после чего начался длительный период его согласований при участии Администрации Президента РФ, Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ, Московской патриархии и ряда других религиозных организации. При обсуждении указанного закона впервые отмечается тесное сотрудничество одновременно нескольких государственных институтов (комитетов Государственной Думы РФ и Администрации Президента РФ) и религиозных организаций

по вопросам изменения федерального законодательства исходя из критериев национальной безопасности и обеспечения устойчивости политической системы.

Если в середине 1990-х годов в качестве угрозы национальной безопасности выступала трансформация религиозной и культурной идентичности жителей РФ в результате активной деятельности иностранных миссионеров, и именно этим во многом обосновывалось включение в правовую систему заградительных норм, связанных с регистрацией религиозных организаций, то к 2015 г. эта угроза потеряла актуальность и соответствующие нормы были исключены из законодательства. К середине «нулевых» основными угрозами стали терроризм и экстремизм, и началась последовательная работа по нейтрализации эффекта от деятельности религиозных организаций, связанных с этими явлениями, что также стало одной из важнейших характеристик российской модели светскости.

Устойчивость политической системы проявляется также в институциональном аспекте — в стабильности и функциональной определенности государственных институтов. При рассмотрении институционального аспекта российской модели светскости, необходимо отдельно остановиться на Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, который де факто является своеобразным фильтром, выделяющим из нескольких десятков централизованных религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, те, которые имеют возможность для более тесного сотрудничества государством. Фактически государственные институты взаимодействуют только с теми организациями, которые представлены в Совете. Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ, министерства и ведомства, такие как Минобороны, МВД, МИД, Минобрнауки и др. взаимодействуют практически исключительно с религиозными организациями, представители которых входят в Совет. Но и среди них есть группа, с которой наблюдается особая интенсивность взаимодействий. В нее входят: Русская Православная Церковь Московского патриархата, Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа,

Федерация еврейских общин России, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России, Буддийская традиционная Сангха России. Подобная модель формировалась на протяжении конца 1990-х — начала 2000-х годов и фактически заложила институционные рамки современной российской модели светскости.

Реализация определенной модели светскости затрагивает и процесс формирования определенной политической культуры. Поэтому в контексте рассматриваемой проблематики представляется необходимым остановиться и на феномене политической социализации, являющейся одной из сторон общей социализации личности. Политическая социализация может интерпретироваться как процесс формирования у граждан политических ценностей и как процесс передачи политической культуры от одного поколения к другому [10, ch. 12]. Применительно к тематике настоящей работы особенно важен второй аспект.

Одной из задач политической системы является обеспечение такого взаимодействия всех значимых агентов политической социализации, чтобы создаваемый ими генерализированный поток социализации эффективно поддерживал ее устойчивость, формировал лояльность людей к существующим принципам государственного устройства. Сегодня можно уже говорить о том, что крупнейшие российские религиозные организации и государственные институты формируют не столько состязающиеся, сколько взаимодополняющие потоки социализации. При этом деятельность религиозной организации не ограничивается социализацией через традиционные для нее каналы трансляции ценностей, но может происходить и в тесном взаимодействии с государственными институтами. И здесь особый интерес представляют структуры государственного образования и вооруженные силы.

Системе образования принадлежит наиболее ответственная роль в процессе политической социализации, так как именно в ней население в непосредственно-личной форме получает систематическую информацию о политической системе, приобретает опыт властных отношений [2, с. 76]. Взаимодействие с системой государственного образования позволяет религиозным организациям получить дополнительный канал для трансляции и закрепления не только исключительно гуманитарных ценностей с акцентом на положительной роли

определенной конфессии в формировании российской культуры и государственности, но и общественно-политических ценностей, отражающих позицию религиозной организации по отношению к власти, государству, правам человека, патриотизму и т.п. Трансляция общественно-политических ценностей может осуществляться в рамках генерализированного потока политической социализации, формируемого и направляемого государством. И в этом случае социализирующая деятельность религиозных организаций может рассматриваться, как один из факторов устойчивости политической системы. Конституционный принцип светскости образования в данном случае должен интерпретироваться не как запрет на участие религиозных организаций в образовательном процессе, а как подтверждение того факта, что государственная школа не находится ни в административной, ни в финансовой зависимости от религиозной организации и не ставит своей задачей подготовку клириков.

Одним из приоритетных направлений взаимодействия крупнейших российских религиозных организаций и государства в последнее десятилетие являлась постепенная интеграция в систему государственного образования культурологического блока дисциплин, акцентирующих внимание на определенном вероучении, и участие в этом процессе представителей духовенства.

При этом характерно, что Министерство образования и науки РФ особое значение видит в нравственном образовании детей и молодежи, воспитании у них качеств гражданственности, патриотизма, культуры межэтнического и межконфессионального общения [4], т.е. фактически мыслит в терминах политической социализации.

Не менее важными в контексте проблемы устойчивости российской политической системы представляются и взаимодействия армейских и религиозных структур. Сотрудничество религиозных организаций с Минобороны РФ может происходить в рамках решения задач, направленных на повышение в обществе авторитета и престижа военной службы, сохранения и приумножения патриотических традиций, организации в этих целях военно-исторической, культурной работ и иной воспитательной и гуманитарной деятельности. Так, в социальной концепции РПЦ подчеркивается, что «Церковь имеет особое

попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам», а необходимость заключения специального соглашения о сотрудничестве с Вооруженными силами РФ обосновывается тем, что оно — соглашение — открывает большие возможности «для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения отечеству» [3, с. 206–207].

Приоритет в выстраивании механизмов взаимодействия религиозных организаций и армейских структур принадлежит РПЦ. Именно ее инициативы, как и во многих других аспектах государственно-конфессиональных отношений, задают ту матрицу, которой следуют (естественно, с определенными нюансами) и другие крупнейшие традиционные религиозные организации. В начале 1990-х гг. одним из первых активно развивать идеи сотрудничества Церкви и армии в деле патриотического воспитания и возрождения духовных традиций начал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Слова митрополита Питирима: «Мы призваны духовно защищать защитников Отечества» [5], весьма точно отражают его видение роли Церкви в армии. То, что в армии эту позицию разделяли и были готовы начать более тесное сотрудничество с религиозными организациями в деле патриотического и нравственного воспитания воинов, свидетельствует дальнейшая институционализация этих отношений. Минобороны стало первым российским министерством, формализовавшим свои взаимодействия с РПЦ, подписав совместное заявление о принципах сотрудничества. Важной вехой в процессе институционализации государственно-конфессиональных взаимодействий стал 2010 г., когда во исполнение поручения Президента РФ о введении института военного духовенства было создано Управление по работе с верующими военнослужащими в составе Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил РФ при Минобороны РФ. 7 декабря 2012 г. состоялась встреча Патриарха Кирилла с новым министром обороны РФ С. Шойгу, после которой процесс формирования института военных священников получил новый импульс. Сегодня присутствие военного духовенства в армии становится наиболее перспективным направлением взаимодействия Вооруженных сил РФ и религиозных организаций, которые в рамках сложившейся модели светскости замещают недостаточно эффективные традиционные соци-

ализирующие армейские структуры, восходящие ко временам существования СССР.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать формирование в России модели светскости, в рамках которой возможно тесное взаимодействие ограниченного круга религиозных организаций с государственными институтами реализующими долгосрочные стратегии повышения устойчивости политической системы. Особое значение здесь имеют взаимодействия религиозных организаций с системами государственного образования и вооруженными силами РФ. Эти взаимодействия могут рассматриваться в контексте целей и задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также актуальных проблем формирования российской политической культуры, способной эффективно реагировать на вызовы современности.

Библиографический список и примечания

1. *Донцев С. П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М., 2014. 230 с.

2. *Малинова О. Ю.* Исследования политической культуры. М., 2002. 76 с.

3. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Сб. документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, 13–16 августа 2000 г. Н. Новгород, 2000. С. 206–207.

4. Примерное содержание образования по предмету «Православная культура» / Приложение к письму Министерства образования РФ от 22 окт. 2002. № 14-52-876 ин/16 // Сайт «Образование и Православие». URL: www.orthedu.ru/documents/letter_22_19_02.htm

5. Русский солдат — понятие для меня почти священное // Вестник военного и морского духовенства 2013. 14 нояб. URL: <http://kapellan.ru/russkij-soldat-ponyatie-dlya-menya-pochti-svyashhennoe.html>

6. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 1 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24026

7. Указ Президента Российской Федерации № 1300 от 17 декабря 1997 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997 г. № 52. Ст. 5909.

8. Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000 г. «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

9. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд. М., 2013.

10. *Almond G.A., Verba S.* The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / Almond G. A., Verba S. Princeton, 1963. Ch. 12.

И.В. Мирошниченко

I.V. Miroshnichenko

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТЕВОЙ ПУБЛИЧНОЙ
ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ¹

FORMATION OF CROSS NETWORK PUBLIC POLICY
IN MODERN POLITICAL SYSTEMS

На современном этапе общественного развития «публичная политика» как сущностная категория приобретает иные свойства и характеристики, связанные с изменением характера социальных взаимодействий, что обусловлено проникновением и интенсификацией использования во всех сферах жизнедеятельности информационно-коммуникативных технологий и формированием нового типа социальности — сетевого общества. Сетевое общество является результирующим вектором развития информационной экосистемы [см.: 4; 7; 1; 22], где знания и информационные потоки играют определяющую роль. Эффекты сетевизации как результаты проникновения сетевого общества в публичную политику и воздействия на нее носят многосоставный характер и проявляются в виде изменений на различных ее уровнях, обуславливают появление инновационных механизмов, воспроизводящих ее новый тип — сетевую публичную политику.

Эффекты сетевизации, оказывая в первую очередь воздействие на трансформацию информационно-дискурсивного слоя, изменяют формат структур и процессов в деятельностино-активистском, институциональном и управленческом измерении публичной политики. На сегодняшний день сформирована глобальная информационно-коммуникативная

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта НИР по заданию № 2014/75 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ «Гибридные субъекты публичной политики: стратегии и технологии взаимодействия с государством в условиях новой информационной реальности», 2014–2016.

среда, заключенная в технологический каркас модели, основанной на системной интеграции цифровых процессов обработки и передачи информации, которая за счет постоянного внедрения и совершенствования технологий сетевой коммуникации, продуцирует новые формы индивидуальных и коллективных механизмов аккумуляции информации, создания и распространения новых знаний. Посредством интернетизации происходит расширение публичного пространства, так как Интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. Интеграция пространства Интернета (онлайн-пространства) в публичную сферу и его функциональность для продуцирования делиберативного пространства обусловлены цифровой природой (готовностью и открытостью к изменениям) и сетевым этосом политических коммуникаций. Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования политической сферы, определяя формат политических отношений. Вместе с тем *эффект сетевого расширения публичного пространства* создает определенные условия для исключения определенных категорий граждан из новой системы сетевых политических коммуникаций, ограничивая их арсенал включения в публичность традиционными методами.

Глобальное информационно-коммуникативное пространство сетевого общества открыто для концептуализации индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующих собственных виртуализированных публичных пространств, но находящихся в тесной связи с общим пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу, рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство, или в определении М. Фуко, «управленческой ментальности» [21] как активности, нацеливающей быть критическим и рефлексивным [25]. Дуальность результатов рефлексивной включенности индивида проявляется в *эффекте рефеодализации, или возникновении «сетевых феодалов и крепостных»* [5, с. 73–74] в пространстве публичной политики. Так называемые «сетевые феодалы» — индивиды

или политические акторы на основе легитимных практических схем и эксплицитных понятий самостоятельно и оригинально осмысливают политические события, конструируя вокруг себя, своего места или проблемы публичное пространство с проективным набором публичных решений. Индивиды или политические акторы, которые не участвуют в конструировании публичных пространств, а прибегают к осмыслению политических событий на основе идентификации с созданными «сетевыми феодалами» когнитивных схем и практических решений, становятся «информационными крепостными» в конструируемых публичных пространствах. Смыслы, когнитивные схемы и нарративы, распространяемые и потребляемые публикой в границах публичного пространства «сетевых феодалов», становятся источниками коммуникативной власти. У. Бек говорит о принципиально новом явлении для публичной сферы — «распаде политики» [3, с. 281–288], на смену властному доминированию национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление границ идентичности, в расширенной Интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане «самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно) и экспериментируют со своими идентичностями» [2, с. 109–122], изменяя природу властных отношений. В современных обществах социальная энергия и политическое влияние аккумулируется прежде всего на горизонтальных уровнях коммуникации в публичной сфере, связывающих различные локальные сообщества, которые в свою очередь включают в себя другие сообщества и сети [11]. Однако в расширяющихся возможностях рефлексивной включенности индивида в публичное пространство и автономной «маршрутизации» публичных коммуникаций существует угроза усиления власти маргинальных групп, которые могут носить и экстремистский характер. Например, современные транснациональные террористические организации отличаются сетевой организацией и ориентированы на сетевую вербовку, сетевую

координацию структур и деятельности, явную и скрытую сетевую пропаганду. В качестве новых феодалов могут выступать как неинституционализованные сетевые структуры, так и традиционные политические субъекты. Публичные пространства рождаются не только снизу активными самоорганизующимися акторами, но и сверху путем целенаправленного проектирования.

Рефлексивная включенность индивида и его автономность в построении публичного пространства обусловили *эффект сетевой трансформации гражданского общества*, в результате которого нивелируется деконструкция бинарной оппозиции «государство — гражданское общество», «находя феномен, их объединяющий, — власть, выражающуюся в политических и неполитических формах» [9, с. 20], сохраняя при этом такие традиционные характеристики, как автономия от государства; взаимосвязь с государством; гарантированный плюрализм ценностей, идеалов и образов жизни, воплощенных в его институциях. Как утверждает М. Фуко, гражданское общество представляет собой отношения власти, укорененные в социальной сети [19, с. 186]. Гражданское общество теряет свою идеологическую интерпретацию «в терминах рынка и собственнического индивидуализма» [8, с. 99] и становится средой для самоподдерживающихся связей, в которой переплетены разнообразные неформальные сети солидарностей с различными формами взаимной поддержки и взаимовыгодных объединений. Гражданское общество становится продуктом интеграции символично-смысловых и структурных форм социальной организации на основе горизонтально-сетевых связей, существующих в рамках данной национальной общности, гарантирующей историческую преемственность развития государства.

Сетевизация гражданского общества обуславливает кризис традиционной системы политического представительства, не отражающего интересы тех социальных групп и общностей, которые возникли в результате сетевых трансформаций в социальной и экономической сферах общества. В современной публичной политике происходит смена «самых паттернов политического представительства и гражданского участия» [10, с. 137], связанных с *эффектом сетевой реверсивной адаптации*

традиционных политических институтов и структур сетевого гражданского общества. С одной стороны, традиционные иерархические структуры политических институтов начинают мутировать, так как испытывают затруднения, связанные с появлением множества властных центров и распылением информации; они начинают приспосабливаться к сетевым формам организации власти, действуя согласно логике сетевых коммуникаций. Политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики. Для обеспечения легитимности и повышения конкурентоспособности традиционные политические институты создают собственные или же возглавляют уже созданные сетевые структуры гражданского общества. Ярким примером может служить сетевой проект руководства КНР «50 центов партии», реализуемый с 2007 г. в Синете и направленный на «достижение превосходства в общественном мнении в Интернете» и «активного использования новых технологий для укрепления положительной пропаганды» [24]. Суть проекта заключалась в организации системы оплачиваемого комментирования дискуссий в online-пространстве публичной сферы Китая по поводу общественно значимых проблем. Активные пользователи, китайские проправительственные блогеры, участники форумов и социальных онлайн-сетей, высказывающие положительное мнение о правительстве КНР, Коммунистической партии Китая и проводимой государственной политике, получили название «умаодан» или «50 центов партии» (по приблизительным оценкам их более четверти миллиона). Именно столько они предположительно получают за один пост или комментарий, размещенный в Интернете; при этом одновременно была сформирована и социальная сеть волонтеров, выполняющих те же действия бесплатно [16, с. 73].

С другой стороны, структуры сетевого гражданского общества захватывают традиционные политические институты, создавая синтетические формы политического представительства, например, в виде пиратских политических партий. Сетевые политические партии отражают потребности сетевого гражданского общества в политическом представительстве их интересов в традиционном формате публичной политики.

Примером может служить итальянская политическая партия «Движение пяти звезд». Основатель партии, популярный комик и политический сатирик Беппе Грилло заявил о себе как публичный политик благодаря созданному им в 2005 г. персональному блогу, который через три года занял лидирующие позиции среди десяти самых влиятельных в стране, сегодня он входит в двадцатку самых популярных блогов в мире [23]. Для создания программы политической партии политический лидер использовал интеллектуальные ресурсы социальных сетей. Каждый из граждан мог внести предложение в программу партии и по результатам его публичного обсуждения в сети предложения в виде усовершенствованных программных тезисов находили свое отражение в итоговом документе. На всеобщих парламентских выборах 24–25 февраля 2013 г. политическая партия «Движение пяти звезд» набрала 23,79% голосов в нижнюю и 25,55% в верхнюю палату парламента, вызвав политический кризис в Италии [12], отказавшись от участия в коалиционном правительстве и подготовив пакет предложений, состоящих из 20 радикальных реформ [6].

Актуализация неинституционализированных политических акторов в публичной политике происходит под воздействием *ризомной сетевой самоорганизации* [13, с. 665]. Суть данного эффекта сетевизации заключается в том, что в коммуникативной среде онлайн-пространства публичной политики формируются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети гражданской журналистики (блоги, социальные онлайн-сети), которые под воздействием ряда внутренних (наличие ресурсов для публичного действия) и внешних факторов (внутриполитических или международных событий) способны трансформироваться в реальных политических акторов. Ризомная коммуникативная среда онлайн-пространства создает условия для формирования автономных от действующей публичной власти сетевых сообществ, не имеющих доступа к традиционным каналам политического представительства и политического участия. Актуализация политической субъектности сетевых сообществ происходит, как демонстрирует современная политическая практика, стихийно в условиях кризиса/турбулентности по-

литической системы и способствует расширению доступа сетевых сообществ к ресурсам публичной политики, одновременно раздвигая границы пространства национальной публичной политики в целом. В.В. Лапкин говорит о глобальном тренде эмпирически фиксируемых эффектах нелинейного ризомного политического развития [17, с. 97], которые с течением времени приобретают высокотурбулентный и интенсивно бифуркационный характер. Яркими примерами служат арабские революции с взрывной и лавинообразной сетевой динамикой, где дифференцируемы и органично взаимосвязаны исламистские, националистические, либерально-демократические, модернистские и другие тенденции. Механизм ризомной сетевой самоорганизации способствует формированию принципиально новых политических акторов, публичная деятельность которых основывается на сетевых механизмах коллективной мобилизации и координации политической деятельности в реальности публичной политики.

Несмотря на то что эффект ризомной сетевой самоорганизации сравнительно недавно стал проявляться в публичной политике современных государств, интенсивность его воздействия постоянно увеличивается, расширяя практики «уличной» публичной политики. Революции на Ближнем Востоке (2011), общенациональные протесты в Украине (2004), Франции (2005), Греции (2008), Испании, Великобритании (2011), Турции (2013) демонстрируют эффективность действий новых, преимущественно неинституционализированных политических субъектов. Вместе с тем следует подчеркнуть разнообразие содержания и политических результатов универсального механизма ризомной сетевой самоорганизации в национальных контекстах. Например, в Египте сетевая общественность в условиях существующего авторитарного режима потребовала демократизации государства, что отразилось на политических результатах арабской революции — отставка действующего президента страны Х. Мубарака и внесение поправок в Конституцию путем референдума [15, с. 92–103]. В Испании протестная активность населения была связана с реформированием уже существующего демократического режима с недемократическими девиациями (в избирательной системе — наличие закрытых списков, каудильистский принцип

организации политических партий и т.д.), что вынудило правительство назначить внеочередные парламентские выборы, которые серьезно изменили расклад политических сил в стране [20, с. 71–81].

Нелинейная логика развития сетевого общества обуславливает процессы диверсификации политических практик и институциональных форм, охватывая и систему публичного управления. *Эффект сетевизации публичного управления* непосредственно связан с многосоставными сетевыми изменениями в многослойном пространстве публичной политики, где инструменты политической власти, влияния и контроля рассеяны между разнообразными акторами, в том числе индивидуальными и коллективными. Под воздействием сетевизации публичное управление становится многослойным и многосторонним. Сетевое управление, предполагающее наличие и глобального уровня, в отличие от управления через сети, осуществляется на принципиально иных основаниях. Привлечение многих акторов публичной политики к совместному достижению политических целей и публичному управлению связано с сетевым взаимодействием и его координацией, ориентированной на создание условий сотрудничества.

Государство в сетевом управлении становится координационным, создавая условия для вовлечения граждан в публичность с помощью регулятивных, финансовых и коммуникативных инструментов, ставя целью повлиять на мотивацию субъектов к объединению усилий для решения совместных задач [18, с. 89]. Вовлеченность граждан в реализацию публичных решений непосредственно связано с технологиями межсекторного взаимодействия (прозрачный бюджет, социальный заказ, фонды территориального развития, различные технологии социального инвестирования и т.д.) и инвариантными технологиями гражданского участия (гражданские переговоры, гражданские экспертизы, гражданский контроль, гражданские дискуссии и экспедиции). Вовлеченность граждан в публичность связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческим циклом, тем самым существенно ограничивая автономию государства.

Важной характеристикой сетевого публичного управления является его проектируемость, с помощью которой создаются

условия для конструктивного участия разнообразных акторов публичной политики в практике публичного управления. Государство, осуществляя диагностику состояния публичной политики, выступает инициатором и модератором проектных и экспертных сетей, институционализируя публичные импульсы сетевого гражданского общества в практике публичного управления.

Таким образом, формирование сетевой публичной политики в современных политических системах представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, в котором институциональные, процессуальные и технологические компоненты политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур (новые социальные движения, протестные сообщества, гражданская журналистика, открытое правительство и т.д.) а традиционные политические институты (сетевые политические партии, некоммерческие организации веб 2.0) под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными. Процессуальные свойства публичной политики приобретают отчетливые синергичные черты [7, с. 25–26; 14, с. 25–26], которые можно свести к следующим ключевым моментам, определяющим современные процессы трансформации:

а) сетевое общество — это неравновесная, сложная структура, результат стихийного и самоорганизующего возникновения новых форм общества, возникновение которых стимулируется продуктами научно-технической революции;

б) формирование коллективных сетевых структур происходит из простых автокаталитических (требующих притока извне информации/энергии) интеракций между многими индивидами в определенных контекстуальных условиях, т.е. политические интеракции/коммуникации невозможны без импульсов, исходящих из внешней среды;

в) при разрастании/распространении сетевого общества как неравновесной структуры наблюдаются процессы качественных изменений, которые являются следствием бифуркационных процессов, создающих множественность возможных ре-

зультатов и обуславливающими нелинейность общественного развития;

г) при разрастании/увеличении сетевых структур главной проблемой становится их координация, рассматриваемая как основной управленческий механизм, при том, что сетевые структуры по сути являются сложными системами.

Технологические компоненты сетевой публичной политики наполняются принципиально новым содержанием, отличным от традиционного «формата» политических технологий, использование которых обеспечивало политическим субъектам достижение определенных результатов (формирование позитивного имиджа, привлечение голосов избирателей на выборах, создание политических партий с устойчивым типом электората, реализация разнообразных политических проектов). Технологии сетевой публичной политики, выстраиваясь на принципах сетевой коммуникации, существование которых невозможно вне технологической платформы сетей передачи данных (мгновенной передачи, непрерывной передачи большого объема данных), нацелены на поиск инноваций в сфере политики (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений). Использование политическими акторами технологий сетевой публичной политики существенно расширяет их возможности многовекторного развития в условиях политической неопределенности, характерной для новой сетевой реальности.

Библиографический список и примечания

1. *Бард А., Зюдерквист Я.* Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.
2. *Баринова Д.С.* Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Гл. ред. М.В. Ильин. М.: Центр персп. методологий социально-гуманит. исслед., 2010.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
5. *Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3.
6. В Италии «Движение пяти звезд» объявило о желании возглавить новое правительство. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130311074535.shtml>

7. *Гелбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
8. *Лэйн Д.* Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии // Полис. 2012. № 2.
9. *Макарычев А.С.* Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008.
10. *Павлова Т.В.* Современное гражданское участие: к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М.: РАПН; РОССПЭН, 2007.
11. *Покровский Н.Е.* Дискуссионные вопросы социологического конгресса // Социс. 2003. № 10.
12. Политический кризис в Италии давит на рынки. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/25497>
13. Постмодернизм: Энциклопедия / Под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. М.: Интерпрессервис-Сервис; Книжный дом, 2001.
14. *Пригожин И.Р.* Сетевое общество // Социс. 2008. № 1.
15. *Рябченко Н.А.* Online-социальные сети в публичной политике: «семь мостов» Египта // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 4.
16. *Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В.* Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.
17. *Семененко И.С.* «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму?: круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7.
18. *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4.
19. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006.
20. *Хенкин С.* Испания в полосе турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 4.
21. *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago, 1991.
22. *Martin W.J.* The Information Society. London: Aslib-Association For Information Management, 1988.
23. Nasceil Movimento (a 5 stelle) di Liberazione Nazionale di Beppe Grillo. URL: <http://www.polisblog.it/post/5708/nasce-il-movimento-di-liberazione-nazionale-di-beppe-grillo>.
24. *Usha Haley.* China's Fifty Cent Party for Internet Propaganda. URL: http://www.huffingtonpost.com/usha-haley/chinas-fifty-cent-party-f_1_b_749989.html
25. *Walters W., Haahr J.* Governmentality and Political Studies // European Political Science. 2005. Vol. 4, № 3.

---

*О.В. Попова**O.V. Popova*

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

FACTORS OF POLITICAL STABILITY
IN RUSSIAN METROPOLIS
(BY THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

Политическая стабильность — устойчивое состояние институтов политической системы, позволяющее им эффективно функционировать и развиваться под влиянием внешних и внутренних факторов. Поддержание равновесия системы предполагает нейтрализацию экзогенных и эндогенных факторов, если их влияние может повлечь за собой радикальные структурные изменения системы, принципиально меняющие ее свойства. Непредвиденные или нежелательные изменения системы обычно оцениваются как признаки ее дестабилизации. Неоправданно частые смены политиков или государственных чиновников на ключевых управленческих постах, внезапная смена элитных групп у власти, непоследовательность проводимой внутренней и внешней государственной политики, рост политического насилия или протестной активности масс — все это однозначно свидетельствует об эскалации неуправляемости политических процессов и политической дестабилизации [1; 2; 3].

Проблема обеспечения стабильности политической системы России в ситуации обострения мирового системного экономического кризиса и международной политической обстановки во многом связана с состоянием и направленностью общественного сознания населения страны и, прежде всего, крупных городов, в которых достаточно высоки риски роста протестных настроений. В период высокой социальной и политической турбулентности, когда идет наложение внешних проблем и сложностей модернизации России, особую ценность имеет получение достоверной научной информации о том, ка-

ким образом эти процессы отражаются в массовом сознании населения российских мегаполисов, социально-политическая и экономическая жизнь в которых имеет свои особенности (например, проблемы с трудовыми мигрантами, большой потенциал экономического роста и использования дополнительных ресурсов, чем в других регионах).

В Санкт-Петербурге проживает около 4% населения страны. Этот город относится к так называемой «первой России» (крупные мегаполисы), население которой обладает более высокой чувствительностью к комплексу происходящих социально-экономических процессов, что позволяет зафиксировать ранние сдвиги характеристик массового сознания российских граждан. Кроме того, важным компонентом анализа является исследование так называемого репертуара тактик политического поведения (соотнесение допустимых для респондентов форм участия в политической жизни) и реального уровня включенности в общественную жизнь. Исследование массовых настроений за несколько месяцев до начала нового электорального цикла позволяет достаточно точно оценить риски роста протестных настроений граждан и перспективы их участия в выборах.

Важнейшим средством оценки стабильности политической системы является общественное мнение о работе институтов власти различного уровня. Не обладая должным уровнем знания о работе органов власти, но осознавая зависимость качества жизни от них, граждане достаточно точно улавливают малейшие изменения в работе управленческих структур. Известное выражение «*Vox populi, vox Dei*» («глас народа — глас божий») традиционно ставится под сомнение, когда речь идет о значимости общественного мнения в оценке политических институтов. Определенные основания для этого есть. Так, открытыми остаются вопросы о том, что же в действительности измеряется, в состоянии ли объективно оценить работу институтов люди, которые судят о них, подчас не зная реальной ситуации, лишь на основании личных впечатлений и сообщений в СМИ, насколько на эти оценки влияют собственные политические предпочтения населения? Осознавая значимость всех этих обстоятельств, мы считаем, что оценка эффективности работы институтов власти позволяет фиксировать негативные признаки политической дестабилизации и должна учитываться при разработке стратегии позиционирования этих структур в

информационном пространстве. Эмпирическое политическое исследование «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург–2015»)¹ позволяет понять, каковы представления об эффективности деятельности институтов власти у жителей не только этого мегаполиса, но крупных промышленных городов, в которых проживает значительная часть населения современной России.

Методически важной задачей является определение степени доверия населения политической информации, получаемой из различных источников. Еще три года назад во время всплесков протестного движения вопрос этот, казалось, разрешен раз и навсегда. «Партия телевизора» и «партия Интернета» — так обозначались две группы населения, не только получающие политические сведения из этих двух различных цифровых источников, но и принципиально доверяющие только «своему» каналу коммуникации. По прошествии трех лет четко прорисовывается иная картина (см. табл. 1)².

---

¹ Исследование выполнено Центром эмпирических политических исследований на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта — докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д.А. Будко, ассистент А.В. Шентякова, аспирант 2 курса Р.К. Кучаков, аспирант 2 курса С.И. Суслов. Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки — 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания. Использована методика школьных оценок, позволяющая респондентам наиболее точно выразить свою точку зрения на поставленный вопрос.

² Исследование выполнено преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в мае–июне 2015 г. Руководитель проекта — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ Д.С. Мартыянов. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров. Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки — 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

Таблица 1

Доверие политической информации, получаемой из различных источников, май 2015 (%)

	Доверяю	иногда / некоторым каналам доверяю	не доверяю	затрудняюсь ответить	Итого
ТВ	25,5	47,5	23,0	4,0	100,0
Интернет	13,5	45,5	28,0	13,0	100,0

Полученные результаты однозначно свидетельствуют, что уровень доверия политическим сообщениям из Интернета на сегодняшний день несколько ниже, чем тв-программам.

Результаты исследования показали, что работу представительных органов власти, судя по рассчитанному индексу, петербуржцы оценивают в целом несколько ниже, чем работу силовых структур, призванных обеспечивать безопасность и стабильность российского государства (исключение составляют институт президента и полиция; см. табл. 2). Индекс оценки эффективности работы рассчитывался как отношение разности высоких положительных и отрицательных оценок к общему числу определившихся с ответами.

Среди институтов власти больше всего высоких положительных оценок получил институт президента — 83%. Отметим, речь не идет о том, нравится или не нравится людям В.В. Путин, принимают ли они его политическую позицию или нет. Четыре пятых респондентов признают, что он справляется со своими обязанностями на «хорошо» и «отлично». На этом фоне доля высоких положительных оценок премьер-министра выглядит несколько более скромно — 44,9%. Отчасти это объясняется тем, что в массовом сознании активная позиция России в области внешней политики связывается прежде всего с деятельностью президента, в то время как премьер-министр несет ответственность в основном за ситуацию внутри страны в области экономики и социальной политики. Стоит, кстати, обратить внимание на то обстоятельство, что работа правительства РФ была оценена на «четыре» и «пять» несколько большим количеством респондентов — 50,9%.

В целом деятельность исполнительных органов власти кажется горожанам более эффективной, чем законодательных.

Таблица 2

Оценка петербуржцами институтов власти (май 2015 г., %)

Институт	1	2	3	4	5	Затрудни- лись отве- тить	Баланс поло- жительных и отрицатель- ных оценок	Индекс оцен- ки эффектив- ности
Президент РФ (В. Путин)	3,1	2,4	6,1	28,1	54,9	5,4	83,6	0,819
Премьер-министр (Д. Медведев)	9,1	7,5	24,9	31,4	13,5	13,6	53,2	0,328
Правительство РФ	7,1	6,6	23,3	34,6	16,3	12,2	60,5	0,423
Совет Федерации	9,2	6,1	25,6	24,6	6,5	28,0	41,4	0,219
Государственная дума РФ	11,3	11,9	32,2	23,5	5,4	15,7	47,9	0,068
Губернатор Санкт-Петербурга	7,2	7,6	24,9	32,6	11,9	15,8	54,6	0,353
Законодательное собрание Санкт-Петербурга	8,5	10,5	31,7	21,8	5,4	22,0	39,9	0,105
Полиция (ОВД)	13,4	16,9	34,6	16,8	4,7	13,7	25,8	-0,102
Армия	5,1	4,2	15,0	34,5	26,6	14,7	66,8	0,607
ФСБ	3,7	3,6	10,8	25,2	17,9	38,8	35,8	0,585

Особенно наглядно это видно при сравнении доли высоких оценок работы губернатора и регионального парламента; в первом случае показатель составляет 44,5%, во втором — только 27,2%. Более того, работа законодательных органов власти явно недостаточно освещается в СМИ. Так, деятельность Совета Федерации РФ и регионального парламента не смогли оценить вообще соответственно 28% и 22% респондентов.

Анализ стандартизованных остатков в комбинированных таблицах, сочетающих оценки институтов власти и социально-демографических характеристик респондентов, позволяет составить социальный портрет групп, склонных так или иначе оценивать работу государственных управленческих структур.

Этот анализ показывает, что наиболее жесткими критиками деятельности и Совета Федерации, и Государственной думы, и Законодательного собрания Санкт-Петербурга являются мужчины, причем, чем выше ранг законодательной структуры, тем жестче эта критика проявляется. Еще более явно гендерные расколы проявляются в оценке работы органов исполнительной власти. Здесь уже не просто мужчины проявляют склонность оценивать работу правительства и премьер-министра более негативно, но женщины демонстрируют готовность выставить самую высокую оценку «отлично».

Межпоколенческий раскол достаточно четко обозначается в оценке работы муниципальных органов власти, регионального и обеих палат федерального парламентов, а также премьер-министра. Если горожане в возрасте до 30 лет склонны ставить оценки «4» и «5», то петербуржцы старше 60 лет демонстрируют склонность выставлять самые низкие баллы.

Достаточно неожиданно выглядит позиция 40–49-летних петербуржцев в отношении главы региональной исполнительной власти, которые на фоне достаточно высоких оценок по выборке в целом проявляют склонность в значительно большей степени, чем другие возрастные группы, крайне негативно оценивать работу губернатора Санкт-Петербурга.

Высокие положительные оценки работе правительства РФ в большей степени, чем другие группы, готовы давать горожане в возрасте до 40 лет, а петербуржцы пенсионного возраста демонстрируют склонность оценивать ее негативно или на «удовлетворительно».

При общем положительном настрое петербуржцев в отношении качества работы президента нашей страны, наибольшую лояльность проявляет самая старшая возрастная группа.

Профессия респондентов определенным образом также сказывается на их оценке работы институтов власти. Например, наибольшую неосведомленность в отношении работы муниципалитетов проявляют промышленные рабочие, рядовые работники торговли и студенты, скорее, оценят ее на «хорошо», предприниматели — на «двойку».

В большей степени, чем представители других профессий, склонны оценивать работу регионального парламента на «удовлетворительно» безработные, военнослужащие, инженеры и технические специалисты, на «неудовлетворительно» —

представители управленческого аппарата, на «единицу» — представители науки, культуры и образования, затрудняются дать какую-либо оценку предприниматели. Студенты и учащиеся средних специальных учреждений в большей степени, чем другие группы, склонны оценивать работу региональных парламентариев на «хорошо» и «отлично». Пенсионеры склонны или ставить самые низкие оценки, или уклоняться от оценок.

Из всех профессиональных групп наиболее высоко оценивают работу губернатора Санкт-Петербурга склонны давать промышленные рабочие, ИТР — на «удовлетворительно», рядовые работники торговли и предприниматели затрудняются с оценкой работы главы исполнительной власти. Несколько более негативно, чем другие группы, работу губернатора оценивали рядовые работники сферы услуг. Работники культуры, образования и здравоохранения, а также предприниматели в большей степени, чем другие профессиональные группы, склонны негативно оценивать работу федерального парламента, в то время как домохозяйки и студенты дают ей высокие положительные оценки, а пенсионеры затрудняются в ответе на этот вопрос.

Оценка работы премьер-министра профессиональными группами позволила выявить следующие особенности: на «отлично» ее оценивают главным образом рабочие и домохозяйки, на «хорошо» — безработные, на «удовлетворительно» — технические специалисты и инженеры, на «неудовлетворительно» — работники управленческого аппарата. Оценки пенсионеров разделились между вариантами ответов «неудовлетворительно» и «затрудняюсь ответить».

Казалось бы, при столь высоких оценках работы президента, никаких различий между группами обнаружить нельзя. Тем не менее, в большей степени, чем другие группы, склонны оценивать его работу на «удовлетворительно» инженерно-технические работники и рядовые работники торговли, а на «неудовлетворительно» — предприниматели и студенты вузов. Наиболее сильную поддержку президент получает от пенсионеров, которые расположены оценивать его работу на «отлично», самую слабую — от респондентов с минимальными доходами.

Есть определенные зависимости между статусной самооценкой жителей Санкт-Петербурга и их склонностью опре-

деленным образом оценивать работу органов власти. Налицо проявление линейного сознания, когда качество работы органов власти оценивается только на основании собственного социального самочувствия. Так, например, самые низкие оценки работе муниципалитетов склонны выставлять люди, относящие себя к низшему слою и имеющие ежемесячный душевой доход в семье в среднем от 10 до 13 тыс. рублей. При ежемесячном доходе от 13 до 18 тыс. рублей на каждого члена семьи оценки работы муниципалитетов вырастают уже до «удовлетворительно».

Относящие себя к среднему слою горожане расположены оценивать работу регионального парламента на «хорошо» и «отлично»; к слою ниже среднего — на «неудовлетворительно», к низшему — на «единицу». При этом среднемесячные доходы оценивающих работу ЗАКС Санкт-Петербурга горожан на каждого члена семьи находятся в диапазоне от 13 до 18 тыс. рублей. Точно так же горожане, относящие себя к среднему слою, склонны оценивать работу губернатора, премьер-министра, президента и Госдумы на «хорошо» и «отлично», а к низшему слою — на единицу. Ежемесячный доход в 18–20 тыс. рублей на каждого члена семьи — существенное основание для горожан оценивать работу губернатора на «хорошо». Готовы оценивать работу Совета Федерации на «отлично» преимущественно горожане с ежемесячным доходом на каждого члена семьи выше 28 тыс. рублей, но при этом работа премьер-министра оценивается ими на «удовлетворительно».

В оценках работы правительства границы несколько смещены: представители среднего класса склонны оценивать ее на «хорошо», а респонденты между средним и низшим слоем и относящие себя к низшему слою — на единицу. При этом люди с самыми высокими доходами и отказывающиеся говорить о них склонны оценить работу этого института федеральной исполнительной власти на «неудовлетворительно».

Из «силовых» структур в исследование были включены три — полиция, армия и ФСБ. ФСБ является «terra incognita» для почти 40% опрошенных. Вместе с тем доля людей, негативно оценивающих работу этой «силовой» структуры, не превышает 7,3%. Наибольшие нарекания вызывает работа полиции. Негативные оценки выставлены органам внутренних дел более чем 30% респондентов. Эффект смены руководства

Министерства обороны РФ, изменений, происходящих в армии в последние несколько лет, а также роста патриотических настроений вследствие событий в Крыму в 2014 г. привели к тому, что только каждый одиннадцатый респондент оценивает работу армии негативно. Суммарная доля высоких положительных оценок составляет 61,1% — почти 2/3 респондентов.

В оценке работы силовых структур явных гендерных расколов не наблюдается. И мужчины, и женщины демонстрируют весьма негативное отношение к работе полиции. В отношении ФСБ и армии «слабый пол» в своих ответах честно склонен затрудняться с оценками, в отличие от мужчин. Единственное значимое отличие заключается в более негативном отношении мужчин к качеству работы ФСБ.

Молодые петербуржцы в возрасте до 30 лет демонстрируют наиболее положительное отношение к полиции, однако чем старше респонденты, тем более жесткие негативные оценки они склонны давать. Совершенно иную картину мы видим в оценке работы армии. Молодые люди призывного возраста склонны выставлять оценки от «1» до «3», в то время как 40–49-летние респонденты в большей степени, чем другие группы, готовы выставлять оценку «4», а самые старшие респонденты в возрасте от 60 лет и старше и вовсе демонстрируют готовность к отличным оценкам. Наиболее скептически к работе полиции относятся рабочие и домохозяйки, а также горожане с самыми низкими доходами; управленцы и горожане с ежемесячным доходом на каждого члена семьи выше 28 тыс. рублей склонны оценивать ее на «удовлетворительно»; студенты в большей степени, чем другие группы, расположены выставлять оценки «хорошо» и «отлично»; пенсионеры предпочитают уклониться от ответа. На «хорошо» работу полиции оценивают петербуржцы, относящие себя к среднему классу, на единицу — относящие себя к классу низшему.

Работа военнослужащих вызывает положительные оценки у технических специалистов и инженеров, военнослужащих. Наиболее скептическое отношение к деятельности военнослужащих демонстрируют работники коммунальных служб и студенты. Пенсионеры склонны оценивать деятельность российской армии либо очень высоко, либо затрудняются с ответом. Единственной статусной группой, чьи оценки выбиваются из

средних показателей по выборке, является промежуточная между высшим и средним слоями группа; эти люди склонны оценивать работу армии на «неудовлетворительно». На «троечку» деятельность российской армии склонны оценивать горожане с ежемесячным доходом от 13 до 18 тыс. рублей.

В большей степени, чем другие группы, готовы оценивать работу ФСБ на «отлично» самые молодые горожане, самые старшие затрудняются с оценкой работы этой структуры. Наибольший скептицизм в оценках работы ФСБ демонстрирует гуманитарная интеллигенция и относящие себя к низшему слою петербуржцы; нейтральные оценки склонны высказывать работники торговли и сферы услуг, относящие себя к промежуточному между высшим и средним слоем горожане; наиболее положительные — военнослужащие и студенты вузов, испытывают трудности с оценками пенсионеры.

Исследование «Социально-политические настроения населения Санкт-Петербурга–2016»¹ показало, что в целом баланс оценок развития ситуации процессов в стране у петербуржцев положительный. Однако оценки экономической ситуации в Санкт-Петербурге продемонстрировали, что значительная часть населения испытывает трудности, связанные с экономическим кризисом. Как хорошую и очень хорошую экономическую ситуацию в городе оценили 7,8% респондентов, как среднюю — 53,1%, как плохую и очень плохую — 32,6%. 42,0% петербуржцев опасаются потери источника заработка, дохода, места работы.

Только 13,5% респондентов считают, что в материальном плане их жизнь за прошедший год стала лучше, у 35,9% она не изменилась, но 48,9% петербуржцев убеждены, что она стала, безусловно, хуже. С оптимизмом смотрят в будущее 22,5%,

---

¹ Исследование «Социально-политические настроения населения Санкт-Петербурга–2016» проведено преподавателями кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ (докт. полит. наук, профессор, завед. кафедрой О.В. Попова (руководитель проекта), канд. полит. наук, доцент Лагутин О.В., канд. полит. наук, доцент Негров Е.О., канд. полит. наук, ассистент Будко Д.А., ассистент Шентякова А.В.) на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований СПбГУ в период с 26 января по 18 февраля 2016 г. Объем выборки — 1151 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

с пессимизмом — 21,4%; полагают, что за год ничего не изменится, 36,2% опрошенных.

Помимо ухудшающейся экономической ситуации, на социальную и политическую стабильность в Санкт-Петербурге влияют миграционные процессы. Хотя 49,3% опрошенных петербуржцев оценивают отношения петербуржцев и приезжих (речь идет не о туристах, а о приезжающих из других регионов России на постоянное место жительства или из других государств на временную работу) как спокойные, 39,6% респондентов считают их напряженными. 22,9% полагают, что за последний год произошло заметное ухудшение этих отношений.

Особые риски протестных действий в Санкт-Петербурге связаны с проблемой трудовых мигрантов из бывших республик СССР. Парадоксальным образом в мегаполисе, где число родившихся в Санкт-Петербурге постоянных жителей составляет, согласно результатам опроса, менее 2/3 — 63,4%, приехавших из другого региона России — 30,8%, а из другого государства — 5,8%, страхи, связанные с негативными стереотипами в отношении трудовых мигрантов, достаточно серьезно укоренены в массовом сознании. Так, 33,8% полагают, что в случае их увольнения рабочее место может быть занято этой категорией приезжих. 29,7% полагают, что мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители. 9,9% респондентов заявили, что готовы присоединиться к акциям протеста против трудовых мигрантов.

Политический протест может проявляться различных формах — от голосования на выборах за представителей парламентской оппозиции или непарламентских партий (что особенно актуально в связи с началом нового электорального цикла) до участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста.

Проведенный опрос показал, что при сохранении достаточно высокого потенциала доверия со стороны петербуржцев у «партии власти» (до 35,4% петербуржцев готовы проголосовать за «Единую Россию», если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье), действующим парламентским оппозиционным партиям отдали бы свои голоса 25,1% опрошенных петербуржцев, 11,6% готовы поддержать непарламентские партии. О достаточно негативном отношении к существующей партийной

системе и общественным организациям свидетельствует и то обстоятельство, что 19,9% опрошенных предпочли бы отдать на выборах свой голос абсолютно независимому кандидату, не связанному с какими-либо объединениями.

Еще более показательны данные, связанные с потенциальной готовностью и реальным опытом участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста. Участвовали в санкционированных акциях протеста 3,9% опрошенных петербуржцев, но готовы прибегнуть к ним в случае необходимости до 18,2%. Опыт участия в несанкционированных акциях протеста имеют менее 1% респондентов, однако заявили о готовности участвовать в них в случае нарушения их прав 6,2% опрошенных петербуржцев.

Итак, исследования свидетельствуют о сохранении относительно стабильной политической ситуации в Санкт-Петербурге в условиях обострения экономического кризиса. При достаточно скептической оценке петербуржцами экономического положения в мегаполисе стабильность поддерживается убежденностью населения в общем правильном ходе дел в стране, надежды на улучшение экономической ситуации в течение года и персональным авторитетом главы государства. Сохраняется определенный потенциал неуправляемой публичной протестной активности. Дестабилизирующими факторами являются конфликтогенные риски увеличения числа трудовых мигрантов на фоне ухудшения экономической ситуации и невысокая эффективность деятельности политических партий и институтов законодательной власти на федеральном и региональном уровнях в представлениях петербуржцев.

Библиографический список и примечания

1. Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России. СПб.: Герда, 2010. 174 с.

2. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования / А.И. Зубкова и др.; под ред. В.Г. Иванова. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. 273 с.

3. Ярославцева А.О. Политическая стабильность и конфигурации политической элиты: интерпретативный потенциал и границы применимости теоретических подходов: диссертация... кандидата политических наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 169 с.

---

*К.О. Телин**K.O. Telin*

**СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ДИНАМИКА И ИДЕНТИФИКАТОРЫ**

**STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS:
DYNAMICS AND IDENTIFIERS**

Современный этап развития как международных отношений, так и внутренней политики ведущих государств мира характеризуется значительным ускорением социальных трансформаций и в ряде моментов достаточно глубокими изменениями привычного понимания роли государственных институтов в политическом процессе, да и понимания самого политического процесса. Окончательно укоренившимся в глобальной повестке представляется тренд демократизации, пусть и не всегда содержательно целостной и завершенной; все более злободневными становятся проблемы представительства и защиты интересов. Сообщества, ранее представлявшие стабильными и устойчивыми, сталкиваются с угрозой «слабой идентичности», которая, по выражению Р. Брубейкера и Ф. Купера, является эластичной и конструктивистской по своей сути формой самосознания, предполагающей куда большую степень свободы людей в определении своей религиозной, национальной и государственной принадлежности [1, с. 145]. Резко сжимаются временные границы для принятия порой крайне важных и даже фундаментальных решений — в течение нескольких лет развитые государства с многолетней историей вынуждены пересматривать свои стратегические ориентиры, проводить социально-экономическую модернизацию и обновлять собственные, по выражению Д. Тиса, Г. Пизано и Э. Шуэна, «динамические преимущества».

Последнее обстоятельство имеет критическое значение для понимания стабильности современных политических систем, но к большому сожалению, государственных деятелей и политиков этот один из ключевых факторов современных со-

циальных процессов интересует мало. В то же время такие теоретики, как О. Янг [10], Я. Триска и Д. Финли [9] в своих работах представляют недостаток времени или неконтролируемую динамику как один из наиболее ярких и характерных симптомов политического кризиса. На практике, однако, ответом на подобное «ускорение» (или «прогресс», в случае использования модернистских установок) является консервативное стремление удержать систему в состоянии ранее достигнутого равновесия, для чего используются странные и неоднозначные решения, часто не имеющие практического воплощения, а остающиеся лишь на бумаге, в головах чиновников или в виде декоративных форм реального политического процесса, никак не связанного очередными нормативными инструкциями. Представляется, что подобная реакция — симптом своего рода «глобальной неуверенности» и непонимания того, какое место может занять государство в новой социальной реальности и каким должен быть подходящий и валидный для этого политический режим.

По сути, сегодня перед развитыми политическими системами, уже состоявшимися и в институциональном, и в акторно-деятельностном аспекте, стоит задача выявления тех своих параметров, которые, с одной стороны, не могут быть отброшены по ходу встраивания систем в мировую экономику, а с другой — нуждаются в переосмыслении и корректировке, чтобы избежать риска догматизации или «пастиша» — стилистического заимствования, лишённого содержания. К. Даудинг и Р. Кимбер в своей теории политической стабильности называют подобные параметры «идентификаторами» [7] — некими ключевыми переменными для понимания политического характера общества; мы можем предположить, что «идентификаторы» теснее всего связаны именно с механизмами идентичности, а не с разрозненными «социо-» или «ментофактами», многие из которых потеряли актуальность десятилетия назад.

В соответствии со взглядами таких авторов, как, к примеру, К. Эйк, показателями нестабильности в случае с политической системы являются конституционные кризисы, высокий уровень политически мотивированного насилия и неспособность правительства отправлять свои [регулятивные] полномочия. [6] Несомненно, это оправданный взгляд на проблему.

Однако в ряде случаев стремление политического режима всячески сохранить свои конституционные основания может оказаться не препятствием, а источником политического кризиса: так, к примеру, происходит в Испании, где положения пакта Монклоа, предопределявшие внутреннюю политику на протяжении нескольких десятилетий, сегодня видятся скорее препятствием для модернизации социальных отношений. С похожими проблемами сталкивается Китай, идентичность граждан которого находится на стыке разнородных культурных пластов, но подвергается давлению конституционных положений о социалистическом характере страны и диктатуре рабочего класса.

Проблему стилистической архаизации и ревитализации воображаемых подчас «традиций» представляют такие примечательные кейсы, как «неоосманизм» А. Давутоглу и Р. Эрдогана в Турции, ливийская «джамахирия» М. Каддафи и венесуэльский «боливариизм» У. Чавеса. Попытка своеобразного «симметричного» ответа на современные вызовы за счет декоративно-неотрадиционализма, бесспорно, обречена на неудачу, что, к сожалению, пока не сказывается на частоте обращений политиков к этнонациональным и иным псевдомифам.

Вероятно, достаточно сложно составить некий общий перечень «идентификаторов» для современного государства и всех существующих в политическом пространстве сообществ: в лучшем случае, подобная универсалистская конструкция будет в известной мере раскрывать содержание «национальных интересов», но не предлагать адекватной модели идентичности на микро- и мезоуровне. Для каждой страны и нации поиск идентификаторов представляет собой отдельную фундаментальную задачу, и мы не претендуем на ее разрешение даже в рамках современной России; тем не менее, важно озвучить несколько базовых принципов, которые необходимо учитывать при поиске ключевых элементов идентичности и самосознания граждан.

Во-первых, в современных условиях невозможно выстраивать политику идентичности (как и, по сути, политику памяти, историческую политику и пр.) в одностороннем порядке, руководствуясь произвольными решениями государственного

аппарата или каких-то влиятельных общественных структур. Культурно-символическое пространство, тем более в аспекте его наиболее важных составляющих, нуждается в диалоге, причем диалоге, по возможности, равноправном, а это означает, что ситуации, когда государство искусственно создает «институты гражданского общества», не могут восприниматься как образцовые; напротив, подобный «декоративный» подход и распространение ценностей «демокрадуры» приводят к коллапсу публичной повестки и углублению кризиса представительства. По мнению некоторых авторов, это может негативно сказаться и на коллективной составляющей гражданской идентичности, поскольку в обществе могут не сформироваться группы интересов и устойчивые социальные общности [4, с. 136].

Во-вторых, несмотря на имеющиеся в академической и политической среде заблуждения, нужно констатировать, что крайне редко политическая стабильность может быть достигнута в обществе, находящемся в состоянии экономического кризиса или принципиально не решаемых экономических проблем. В известной степени это демонстрирует пример «арабской весны», охватившей государства с серьезными демографическими сложностями и издержками «ручного управления» экономикой. В.Г. Иванов и А.О. Ярославцева прямо называют устойчивое экономическое развитие одной из детерминант политической стабильности [5]; мы же вслед за ними можем заметить, что мировая история практически не знает примеров успешного (и долгосрочного!) экономического развития в условиях изоляционистской политики и тем более изоляционистской автократии [2, 3].

В-третьих, озвученная выше посылка инклюзивности политического процесса требует от режимов, желающих остаться стабильными и сохранить стабильными основания политической системы, качественно новой информационной работы: имеющийся в этой сфере кризис очевиден практически повсеместно. Некоторые страны пытаются всячески либерализовать информационное пространство, что далеко не всегда положительно сказывается на состоянии коллективных мнений; другие государства вводят в повестку дня все новые и новые огра-

ничения, позволяющие осуществлять условный «фрейминг», «задание рамок» для коммуникативных практик, последствия подобной догматизации также не всегда хороши. Главным вопросом с точки зрения наших рассуждений является, однако, не содержание информационной политики, а ее инструментальный аспект: можно признать, что государство не до конца адаптировалось к требованиям новой медийной среды и пока в системе новых коммуникационных связей выглядит, так скажем, «белой вороной». При этом современное информационное пространство и контроль над ним являются, возможно, ключевыми параметрами политической деятельности, исходя из которых, определяется не только эффективность действий конкретного игрока, но и глобальные возможности политической системы к адаптации.

Библиографический список и примечания

1. *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. 145 с.

2. *Кортунов А.В.* Как сохраниться и сохранить себя в меняющемся мире. URL: <http://www.globalaffairs.ru/svop-xxi/Kak-sokhranitsya-i-sokhranit-sebya-v-menyayuschemsya-mire-16319>

3. *Кувалдин В.* Глобализация, национальное государство и новый миропорядок // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2002. № 2.

4. *Федоров В.В.* Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы страны // Эмпирические исследования гражданского общества. М., 2008. С. 136.

5. *Ярославцева А.О.* Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Актуальные вопросы и проблемы политической стабильности в современном мире / Под ред. В.Г. Иванова. М., 2012.

6. *Ake C.* A Definition of Political Stability // Comparative Politics. Vol. 7, No. 2 (Jan., 1975). P. 271–283.

7. *Dowding K., Kimber R.* The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. Vol. 11, Iss. 3. 1983.

8. *Teece D., Pisano G., Shuen A.* Dynamic Capabilities and Strategic Management // Strategic Management Journal. 1997, August. Vol. 18. No. 7. P. 509–533.

9. *Triska J., Finley D.* Soviet Foreign Policy. Macmillan, 1969.

10. *Young O.* The Intermediaries: Third Parties in International Crises. Princeton, 1967.

Л.Н. Тимофеева

L.N. Timofeeva

ВЗАИМНЫЙ КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

MUTUAL CONTROL OF THE STATE AND SOCIETY
AS A CONDITION FOR THE STABILITY
OF POLITICAL SYSTEM

Устойчивость политической системы тесно связана с состоянием взаимного контроля государства и общества. При этом контроль «сверху» ассоциируется с политико-государственным управлением, который способствует созданию и справедливому дележу общественного блага, социализации индивидов, адаптации к условиям жизни среди людей своей культуры, помогает исправлению девиантного поведения граждан, нарушающих нормы человеческого общежития. Контроль «снизу» ассоциируется с гражданским (общественным) контролем. Его цель — наблюдение гражданского общества за тем, как исполняют свои обязанности государство, власть, полиция, тюрьмы, армия и т.д. Ведь, в конечном счете, дело не только в том, что, как говорил лорд Эктон, «Всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно», и может, в конечном счете, разрушить и само государство, каким бы жестким ни было правление политического класса. Равновесность обеспечивает наличие гражданского контроля над государством. В качестве доказательства можно привести слова Аристотеля о том, что государство есть отношения взаимной зависимости сторон, а не одностороннего подчинения [4]. Цицерон развил данную идею следующим образом: желательно, чтобы в государстве было нечто близкое к контролю над делами по воле и усмотрению массы народа. Идею общественного или гражданского контроля по-своему трактовали многие мыслители: Ж. Боден, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, К. Маркс, В.И. Ленин и др. Иммануил Кант сформулировал эту идею так: гражданин

должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному и безусловному исполнению закона, которой обладает властвующий в его отношении к гражданину.

Вопрос заключается также в том, как мы понимаем современную демократию. Если глубже заглянуть в суть понятия «демократия», то это не просто власть большинства народа. Большинство избирает во власть меньшинство, и здесь его полномочия прекращаются. Но демократия продолжается, если это большинство имеет возможность осуществлять контроль над меньшинством в течение всего периода его правления и тем самым соблюдать баланс, равновесие между общими интересами и частными. В конечном счете социальный контроль связан с вопросом выживания индивидов, больших и малых групп и всего государства. Способствуя утверждению в социуме определенных ценностей и норм, контроль обеспечивает условия для безопасной жизни людей в государстве. Деля его на контроль «сверху» и контроль «снизу», мы тем самым признаем: власть является «экспертом» относительно общественных деяний, а граждане выступают «экспертами» по отношению к деяниям власти.

Важно уяснить каков механизм их сцепки, почему оба контроля являются условием устойчивости политической системы.

Существует довольно много подходов к определению устойчивости политической системы, государства, общества. Только один их анализ занял бы немало места и времени. Ограничимся основными подходами.

Некоторые исследователи определяют устойчивость политической системы, характеризуя ее потенциальной способностью оставаться в рамках существующих параметров и критериев, а также возвращаться в исходное положение при воздействии внешних и внутренних факторов, при этом сохраняя поступательное движение в заданной совокупности политических координат [1, с. 124–134].

По мнению ученых ИСПИ РАН, понятие «устойчивость» в приложении к обществу и государству («социально-политическая устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. Социальная устойчивость в соответствии со структурой областей общественной жизни складывается из социально-экономической, социально-политиче-

ской, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости [7]. Еще в 1994 г. нынешним директором Института социально-экономических проблем народонаселения РАН В.В. Локосовым была выдвинута идея применить метод предельно критических показателей из техники, (который, кстати, активно используется в биологии, медицине) для изучения кризисного состояния общества и разработана шкала из 20 показателей семи важнейших сфер: экономической, социальной, демографической, экологической, девиантного поведения, духовной и политической. В сфере политических отношений, например, предлагалось рассматривать два показателя: доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы и уровень доверия населения к центральным органам власти. При этом за главный критерий брались показатели предельно-критического значения в мировой практике.

Идея весьма интересная и перспективная. Однако к настоящему времени не сложилось единого мнения как относительно обоснования предельно критических значений тех или иных показателей социально-экономического состояния, так и относительно самого набора последних, что связано с отсутствием общей теории устойчивости социально-экономических систем. Это признает и сам автор — В.В. Локосов, и академик РАН С.Ю. Глазьев, посвятившие данной проблеме доклад на заседании Президиума РАН в 2012 г. [6]. Кроме того, существуют, по крайней мере, три важных особенности функционирования общества, которые следует учитывать при построении и использовании системы предельно-критических показателей его развития: компенсаторный механизм взаимодействия структур и элементов социальной системы, синергетический эффект и «принцип домино».

Устойчивость политической системы понимается рядом исследователей из Института МЭ и МО РАН как предсказуемость поведения государства под воздействием внешних и внутренних изменений и управления. Устойчивость государства они определяют также через стабильность его устоев — системообразующих принципов проявления закона целесообразного единства целостности в установленных границах его проявления, законом гомеостазиса или равновесия. В одних случаях экономисты и математики (представители сфер, из которых

это понятие пришло в политологию гомеостазисом считают неизменность существенных параметров системы независимо от влияний внешней среды (как температура тела). В других случаях учитывается, что дело не в неизменности экономических параметров, а в неизменности соотношения системы со средой. Соответственно, системы меняют свою структуру, состав существенных параметров и т.д. Системы экономического планирования и управления экономическими объектами должны быть гомеостатическими, т.е. обладать способностью быстро реагировать на изменения спроса и других условий экономической конъюнктуры и восстанавливать, таким образом, равновесие в системе. Общее здесь то, что закон гомеостазиса формулирует граничные условия существования целесообразного единства целостности, устойчивости состава и свойств, их динамического постоянства [3, с. 268].

Есть точка зрения, что в основе устойчивости системы лежит устойчивость политической власти. Важнейшими принципами здесь являются ее легитимность и результативность. При этом легитимность понимается как общественное признание власти, политических решений, лидеров, партий, организаций и движения, а результативность как степень выполнения тех функций, которые возлагают на власть участники политических отношений.

Одним словом, подходов к рассмотрению устойчивости политической системы много, но что не вызывает сомнения, так это то, что она постоянно подвергается воздействию разнообразных факторов, которые прямо или косвенно отражаются на ее устойчивости, причем данное воздействие имеет асимметричный, неравномерный и разнонаправленный характер. Центральный институт политической системы — государство пытается сохранить свою устойчивость за счет взаимодействия с гражданским обществом, наличием каналов прямой и обратной связи [2, с. 110–115].

Теперь несколько соображений о необходимости равновесности в условиях демократии. По мнению Э. Тоффлера, демократические политические формы на Западе возникли не потому, что несколько гениев захотели, чтобы они были. «Они возникли из-за исторического толчка к социальной дифференциации и системам, обладающим большой скоростью, которых требовала чувствительная социальная обратная связь. В сложных

дифференцированных обществах огромные количества информации должны еще быстрее течь между официальными организациями и субкультурами, которые образуют целое, и между слоями и подструктурами внутри них. Политическая демократия, вовлекая все больше и больше людей в принятие социальных решений, облегчает обратную связь. И эта именно та обратная связь, которая существенна для контроля. Чтобы взять на себя контроль над ускоренными переменами, нам понадобятся еще более передовые и более демократичные — механизмы обратной связи» [9, с. 518].

Современный технократ, мысля в терминах «верха и низа», часто строит планы, не организуя адекватной и мгновенной обратной связи с нужной областью, и потому он редко узнает, насколько хорошо работают его планы. Когда же он все же организует обратную связь, то, о чем он обычно спрашивает и что получает от нее, в значительной степени касается экономики и неадекватно в социальном, психологическом и культурном отношении. Тем не менее, он берет на себя право устанавливать социальные цели самостоятельно или слепо принимает их от вышестоящей власти. Технократ не способен признать, что более стремительный темп перемен требует и создает новый вид информационной системы в обществе: *скорее виток, чем лестницу*. Информация должна пульсировать в этом витке со все большей скоростью, и выходной сигнал одной группы становится входным сигналом для многих других, так что ни одна группа, каким бы политическим потенциалом ни обладала она с виду, не может независимо устанавливать цели для целого. В то время как количество социальных компонентов увеличивается, а перемены сотрясают и дестабилизируют всю систему, разрушительная сила подгрупп чудовищно возрастает. По словам блестящего кибернетика У. Росса Эшби, существует математически доказуемый закон такого эффекта: когда вся система состоит из ряда подсистем, та, которая стремится доминировать, наименее стабильна.

На политологическом языке этот тезис можно сформулировать следующим образом: когда количество социальных и политических компонентов растет, а перемены делают всю систему менее стабильной, становится все менее возможным игнорировать требования политических меньшинств, к коим относится и оппозиция. Согласно закону синергетики, любая

точка бифуркации способна породить хаос. Иными словами, в новом, кибернетическом обществе политическое меньшинство саботажем, забастовками, акциями гражданского неповиновения может разрушить всю систему. По мере того, как усиливается взаимозависимость, все меньшие и меньшие группы внутри общества обретают все большую и большую силу для решающего разрушения. Более того, когда скорость перемен нарастает, промежуток времени, в который их можно игнорировать, превращается почти в ничто. Напрашивается единственный вывод: лучший способ обойтись с разгневанным меньшинством — вводить его систему как полноценных партнеров для участия в определении социальных целей, а не пытаться подвергать его остракизму или изоляции.

Отсутствие рациональных механизмов контроля за деятельностью и исполнением принимаемых решений, отвечающих потребностям общественного развития, потребностям и интересам граждан, их безопасности и благосостоянию сначала ведет к снижению доверия, а затем к нарастающей напряженности в обществе и дестабилизации государства.

На этом основании ученые делают вывод, что сегодня определять цели в политике без тех, на ком это скажется, губительно для общества. «Нам нужно буквально “идти к людям” с вопросом, которого им почти никогда не задавали: “Какой мир вы хотите через десять, двадцать или тридцать лет? Короче говоря, нам нужно инициировать непрерывный плебисцит о будущем”» [9, с. 520]. Тоффлер в этих целях предлагает регулярно созывать «ассамблеи социального будущего», что возможно сделать с помощью современных каналов электронной коммуникации.

Устойчивость центрального звена политической системы — государства — определяется, по мнению ряда ученых, системой сдержек и противовесов, но не за счет разделения властей, ибо полное разделение властей — абсурдно и одновременно губительно для государства, а за счет осторожного осуществления этого принципа. Более того, в противном случае будет нарушено единство государственной власти. Смысл принципа разделения властей состоит в первую очередь не в разграничении функций, а в недопущении средоточия всей власти в одной из ветвей, установления ее «диктатуры», в контроле друг за другом [5]. В конституциях некоторых стран говорит-

ся о системе национального контроля, в конституциях других, при определении правового положения органов контроля, устанавливается, что в процессе выполнения своих функций они не подчиняются никаким другим органам и другой власти. В Никарагуа и в Алжире прямо употребляется термин «контрольная власть». Известный государствовед В.Е. Чиркин пишет: «Идет отпочкование новой ветви власти, контрольной. Этот процесс еще не завершен: во многих странах тенденция обособления контрольной власти имеет лишь характер поиска. Да и обширные полномочия, которыми наделены контрольные органы, в ряде стран в условиях авторитарных политических режимов весьма далеки от своего практического воплощения» [8]. Некоторые полагают, что в России надо повысить роль прокуратуры как носителя контрольной власти в системе разделения властей. Но хуже всего в стране обстоит дело с общественным или гражданским контролем, который только обретает существенную практику.

Как известно, контрольная функция включает в себя *три элемента*: а) получение необходимой информации; б) анализ и оценка информации; в) реагирование на выявление отклонений от установленных правил и требований. Но для того чтобы она осуществлялась, необходимо соблюдение ряда условий:

- норма юридической ответственности исполнительной власти за принимаемые решения;
- обязательное публичное оглашение решений, принятых исполнительной властью;
- публичное обоснование принятия тех или иных решений исполнительной властью с тем, чтобы граждане имели основания выносить свое суждение о степени их обоснованности;
- возможность доступа граждан к документам исполнительной власти и реальное обеспечение этой нормы;
- наличие практики прямого обжалования действий органов исполнительной власти;
- существование протосудебных (альтернативных судебным) процедур примирения сторон, участвующих в конфликте между гражданами и чиновниками исполнительной власти.

Если эти условия не соблюдаются, то трудно обсуждать вопрос о реальном общественно-политическом контроле за исполнительной властью в государстве. Для этого в России за

последние десять лет создана существенная законодательная база. Принято более десяти федеральных законов: о порядке рассмотрения обращений граждан; об основах общественного контроля в Российской Федерации; об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; о доступе к информации о деятельности судов; о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях; об Общественной палате Российской Федерации; об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации; о средствах массовой информации; об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания; об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации); о борьбе с коррупцией и др.

Идет освоение реальной практики гражданского контроля за государством. В стране ныне действует около 350 тысяч общественных объединений. Развитие гражданского контроля как активизации горизонтальных коммуникаций, связано с созданием новых Интернет-платформ, таких как гражданские приложения, социальные сети, краудсорсинговые и краудфандинговые площадки. Люди, объединяясь в сетевые движения и организации, пытаются оказать содействие в удовлетворении своих законных прав и интересов. Данные объединения могут иметь различные формы и характер проявления: от мирных флешмобов, волонтерства и подписания петиций до агрессивных (перекрытие дорог, гражданское неповиновение). На данный момент наблюдается тенденция снижения уровня протестной активности и повышения качества гражданского участия, в котором граждане осуществляют свои действия более осмысленно, сообща и социально-мотивированно. При этом наблюдается тенденция развития неформальных и незарегистрированных объединений. Они активно выходят в публичное пространство, образуя сети самоорганизованных групп граждан. Примеров можно привести немало. Российское общественное движение «Синие ведерки» выступило с инициативой равенства участников дорожного движения. «Синие Ведерки» представляют собой классическую сетевую организацию, деятельность которой начали простые граждане,

объединившись вокруг общей проблемы. Помощь движению предоставила Федерация автомобилистов России, которая поддерживала ее в 45 регионах страны.

Государство и само использует ресурс сетевиков для организации со своей стороны контроля за протестным движением. Движение «Суть Времени» — это всероссийское общественное движение с левой идеологией, затрагивающее в своей деятельности проблемы осмысления советского прошлого, поддержанное правительством. Лидер — политолог Сергей Кургинян. Власть использовала движение «Суть Времени» в противостоянии с антиправительственными акциями 2011–2012 гг. В недавно защищенной кандидатской диссертации «Сетевые формы организации гражданской активности в современной России» А.А. Фролов (Ярославский госуниверситет) [10] рассматривает примеры гибридной гражданской сетевой организации, созданной провластными структурами и в дальнейшем отделившейся в самостоятельное движение. «Стоп Хам» борется с «хамством» автомобилистов, с нарушителями на дорогах. Движение «Хрюши против» — за права потребителей, против некачественных товаров и недобросовестности продавцов.

Таким образом, сегодня осуществляется взаимный контроль государства и общества, являющийся условием устойчивости политической системы.

Библиографический список и примечания

1. Батанина И.А., Лаврикова А.А. Параметры политической системы как фактор развития политического участия в регионах ЦФО // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 124–134; Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121> (дата обращения: 26.01.2016).

2. Коробов А.А., Овчинников С.А. Информационно-политические риски и устойчивость политической системы в условиях демократического транзита // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1 (10). С. 110–115.

3. Петров В.К., Селиванов С.Г. Устойчивость государства. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. С. 268.

4. Одним из самых древних и весьма своеобразных способов контроля за государством был ostracism — «суд черепков» в 509 г. до н. э. в Афинах. Государственный деятель, чрезмерная популярность которого могла привести к смуте и установлению тирании, чье имя нацарапали

на глиняных «бюллетенях» не менее 6 тыс. участников народного собрания в Афинах, изгонялся за пределы города, как правило, на десять лет.

5. См.: *Андряинов В.Н.* Контрольная власть в системе разделения властей и ее реализация в современной России // Известия ИГЭА. 2011. № 1.

6. См.: *Глазьев С.Ю., Локосов В.В.* Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-predelno-kriticheskikh-znacheniy-pokazateley-sostoyaniya-rossiyskogo-obschestva-i-ih-ispolzovanie-v-upravlenii-sotsialno-1> (дата обращения: 26.01.2016).

7. См.: *Левашов В.К.* Социально-политическая устойчивость: Риски и перспективы // Журнал Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Вып. № 4 (116) / 2013; *Он же.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010.

8. См.: *Чиркин В.Е.* Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4.

9. *Тэффлер Э.* Шок будущего. М., 2001. С. 518.

10. *Фролов А.А.* Сетевые формы организации гражданской активности в современной России: Автореферат дисс. ... канд. политических наук. М., 2015.

Р.Х. Усманов

R.H. Usmanov

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

DEMOCRATIZATION OF PARTIES AS A FACTOR OF STABILITY OF MODERN POLITICAL SYSTEMS

В современных политических процессах в условиях стремительно меняющегося геополитического положения регионов, блоков и союзов государств в целом, неизменным остается политическая система общества с определенным набором ее составляющих элементов. Вместе с государством как основным

институтом системы одним из неотъемлемых ее элементов, является, конечно же, политические партии, как отмечает в своей работе «Политическая система» Дэвид Истон [7, с. 629–642].

Устойчивость политической системы или ее стабильность зависит от уровня ее институционализации. Известно, что развитые государства отличаются от менее развитых, с нестабильными политическими системами именно высоким уровнем институционализации и участия граждан в управлении государственной и общественной жизнью. Наиболее важным политическим фактором стабильности выступает системное равновесие государственной власти во всех его проявлениях и деятельность политических партий на здоровой конкурирующей основе. В отличие от кризисных процессов и явлений в обществе стабильность политической жизни обеспечивается наиболее надежно и на длительный период созданием надлежащих условий для своевременных, разумно организованных изменений устаревших элементов политической системы либо замены ее новой, соответствующей духу времени. Разумеется, для такого подхода требуются мониторинговые исследования, где используется системный анализ с применением сравнительных методов изучения деятельности политических структур и институтов всей системы общества.

Партия, как известно, по определению Сартори Дж. это «команды людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащем образом организованных выборах» [18, с. 63]. Деятельность их на политической сцене (если это конкурирующие организации) предполагает высокий уровень зрелости общественных отношений и прежде всего зрелость и активность самого общественно-политического сознания и политической культуры. Именно «гражданская культура», как отмечал Г. Алмонд наиболее ярко характеризует политическую систему общества и политический режим этого государства [1, с. 27]. Все эти факторы, вместе с тем, способствуют становлению и развитию гражданского общества. Чаще всего партия понимается как форма организации политически активного меньшинства, что непосредственно указывает на взаимосвязь партии (как политического института) с политическими элитами власти и оппозиции.

Формирование партий было всегда довольно длительным и сложным процессом. Россия тоже прошла путь от массовых ор-

ганизаций до универсальных партий. Был период эффективной деятельности многопартийной системы. Время показывает, что в зависимости от социально-экономического уровня развития государства, его режима и эффективности гражданского общества выстраивается соответствующая партийная система общества. Сегодня, по сути, мы пришли к первоначальному виду ее основной деятельности — когда-то на заре своего появления партийные организации активно действовали только в период избирательных кампаний. Они не имели постоянно действующих местных организаций [8, с. 40–41].

Классики партологии А. де Токвиль, М.Я. Острогорский, М. Вебер, Р. Михельс, М. Дюверже [14] и др. достаточно подробно изложили в своих трудах на опыте деятельности передовых государств (США, Франции, Великобритании, России), как партии влияют на политические процессы, и в то же время предостерегали от тех перекосов в партийном строительстве, которые имели место в этих государствах. Главная функция партии, как отмечает М. Дюверже: «реализовывать всеобщее избирательное право и завоевывать парламентское большинство путем нормального использования институтов демократического общества» [6, с. 4].

Идеологическая эклектичность, сменившая коммунистическую монополию и политический плюрализм 1990-х гг. являются следствием не совсем удачных попыток демократизации российского общества, построения вертикали власти не только в государственных структурах, но и в партийных системах. Мы сегодня видим, что партии весьма поверхностно формулируют свои политические идеологии, опасаясь, видимо, повторения идеологического терроризма эпохи тоталитарного режима.

К сожалению, исходя из исторического опыта, в России все политические партии, за исключением «Единой России», которая, фактически представляет собой «партию власти» или так называемую «организацию административного ресурса», практически не влияют на процесс государственного строительства и управления. Политическая инженерия так и не пришла в политическую практику партий, а следовательно, возникают известные проблемы между партиями и электоратом в процессе становления российского гражданского общества (реализация предвыборных программ, систематическая

отчетность перед населением, влияние местных партийных организаций на исполнительные органы власти и т.д.).

Подобная ситуация стала серьезно затруднять партийное структурирование общества в современном духе. Парадоксально, но некоторые партии как автономный политический субъект превращаются во вспомогательные политические орудия, которые использует исполнительная власть. Тем более, что во главе исполнительной власти находится лидер одной из основных политических партий, которая имеет большинство в Государственной Думе. Надо отметить, что сегодня принципиальным отличием партий нового типа от традиционных является не борьба за увеличение членства партийных рядов, а погоня за голосами своих избирателей в период выборных кампаний.

К сожалению, мы отмечаем, что в политической партийной борьбе также и продолжается применение пресловутого «административного ресурса», а не ресурса самих политических партий. Последние общенациональные избирательные кампании наглядно продемонстрировали тенденцию постепенного превращения выборов в административно-регулируемую, иногда фальсифицируемую и контролируруемую процедуру обеспечения преемственности власти.

Это указывает на то, что: 1) ни одна партия самостоятельно не может справиться с мощью российской бюрократической машины; и 2) сама российская бюрократия высших эшелонов власти успешно манипулирует институтом партии в своих интересах, совершенно не заботясь о престиже и авторитете «партии(й) власти» и партийной системы в целом. Местные власти в регионах располагают широким арсеналом воздействия на результаты выборов. Если умело применить все имеющиеся «черные» технологии, то успех гарантирован. Развитие истоков многопартийности в России в 1990 — начала 2000-х гг., к сожалению, шло вне контекста развития основ российского гражданского общества. Государственной власти удалось «развести» эти два процесса, в результате произошло новое усиление российской бюрократии. Этот факт во многом обусловил оторванность большой массы россиян от политических партий, а партийных элит — от масс своих избирателей. Он уже стал основным препятствием для многопартийности и формирования идеологических основ демократии в России начала XXI в.

Что касается «партии власти», то в свое время А.И. Соловьев писал: «Апофеозом институционального экспериментирования и даже изобретательства в этой сфере можно считать реализацию проекта “Единая Россия”... <которая> безо всяких программных манифестаций, организационных структур и прочих формальностей почти мгновенно превратилась в один из важнейших политических институтов правящего режима» [13, с. 322]. Далее он отмечает: «такая ориентация одновременно и поддерживает деятельность всей “партийной” корпорации, позволяя ей занимать лидирующие политические позиции, и препятствует ее естественной эволюции в нормальную партию (т.е. способную занимать самостоятельные позиции). Ориентация на власть и полное ей подчинение — этот “родовой грех” “партии” — имел свою политическую цену, поскольку руководителям этого политического бренда так и не удалось сымитировать видимость оппозиционности власти (для установления более тесных контактов с населением) и хоть какой-то (хотя бы внешней) самостоятельности и автономности» [13, с. 324]. «Иными словами, — заключает А.И. Соловьев, — через “Единую Россию” власть конструирует гражданские запросы в соответствии с собственными приоритетами и предпочтениями правительственного курса. Так что новая “партия власти” до определенного времени выполняла не столько роль медиатора, сколько модератора партийного рынка» [13, с. 326]. И, следовательно, всей российской многопартийной системы.

Таким образом, истоки и партогенез в России в конце 1990-х — начале 2000-х гг. благополучно пришел к спрогнозированному еще в начале XX в. М.Я. Острогорским и Р. Михельсом процессу складывания партийной олигархии.

Однако надо сказать, что не везде «партия власти» федерального уровня является «партией власти» региона. Практика показывает, что в некоторых регионах «партия власти» не всегда имеет успех на выборах [16]. Например, Астраханское отделение партии «Справедливая Россия», руководимое О.В. Шейным, добилось на парламентских выборах 2007 г. самого лучшего результата среди всех регионов России — 20,2% голосов. На некоторых избирательных участках в областном центре «Справедливая Россия» вообще добилась невозможного — заняла первое место, опередив «Единую Россию» [5, с. 110–113].

Более того, говоря об авторитете федеральных партий в регионах можно привести такие факты, как, например, на последних выборах депутатов Астраханского городского Совета в сентябре 2015 г. общая явка на составила порядка 16%, что говорит о пассивном отношении к выборам и недоверии к федеральным политическим партиям. На выборах губернатора Архангельской области явка избирателей оставила 20,99% , в Новосибирской области — 29,1% [9].

Необходимо отметить, что за 30 лет партийных реформ (1985–2015) в России так и не появилось реальной оппозиции действующей власти.

Если говорить о цифрах, то к концу первого десятилетия 2000-х годов треть опрошенных (32%) полагали, что политические партии не слишком важны для нашей страны. Четверть (27%), напротив, склонялись к мнению о существенной роли политических партий в жизни российского общества. Еще 23% считают, что подобные образования в нашей стране не имеют практически никакого значения (можно предположить, что на сегодняшний день доля таких респондентов еще более уменьшилась на фоне наступившего кризиса) [12].

Таким образом, более половины опрошенных не изменили своего мнения за последние годы. До недавнего времени, по крайней мере до известного совещания по коррупции, проведенного в начале этого года В. Путиным надежды на поддержку власти вызвали неожиданный рост общественного оптимизма у сторонников государственной номенклатуры, которые усилили рост бюрократизации и коррупции. Поэтому, видимо, Президент России В.В. Путин вышел в свое время с инициативой создать Общественную Палату, которая должна была остудить оптимистические настроения чиновников. Однако из-за неэффективности этого органа сегодня руководитель государства стал поддерживать в большей степени деятельность другой общественной организации — «Общероссийский Народный фронт».

Но все же если вспомнить классиков партологии связующим звеном между государством и гражданским обществом они считали и это признано являются все же политические партии. Весьма интересным является то, что в последнее время на политическую аванс сцену выходит новое образование под названием Общероссийский Народный фронт. Напраши-

вается резонный вопрос: Почему это так происходит? Видимо это показывает неэффективность партийной системы или отсутствие здоровой конкуренции между партиями и реальной оппозиции самой политической власти, бюрократизации и т.д. Какая роль отводится в политической системе этим организациям как Общественная палата или общероссийский Народный фронт? В полной мере ли они будут заменять или дублировать политические партии или все же это временное явление затянувшегося переходного периода?

В данном случае можно привести пример. На последнем форуме в Ставрополе 25 января 2016 г. Президент России, лидер Общероссийского народного фронта Владимир Путин в ходе своего выступления на пленарном заседании Межрегионального форума ОНФ заявил, что движение высвечивает острые проблемы, которые пока не удалось решить органам власти различных уровней, что он намерен обсуждать предложения активистов Народного фронта по вопросам ЖКХ, с/х, мелиорации, среднего бизнеса и т.д. с главами субъектов страны (что можно было успешно решить федеральным партиям). В то же время глава исполнительной власти Председатель правительства РФ Д. Медведев, он же председатель партии «Единая Россия» 27 января 2016 г. на форуме первичных отделений Москвы и Подмосковья обсудили с активистами вопросы развития городского хозяйства, проблемы ЖКХ [17]. Напрашивается резонный вопрос, это дублирование или подмена функций партийных организаций, которые, видимо, не в полной мере справляются со своими программными установками в связи с понижением престижа партий. Данная ситуация вполне показывает слабую институционализацию партийных организаций ведущих к ослаблению устойчивости политической системы.

Из всего этого следует, что колоссальная роль административного ресурса все же наложила неблагоприятный отпечаток на развитие партий в России, что, отражается и на становлении демократии в России. И эта роль конкретно проявляется в попытках сначала создания «партий власти», лишенных программных и идеологических ориентиров, искажающих развитие многопартийной системы, а затем и создание такого феномена, как Общероссийский народный фронт.

Данная тенденция еще раз подтверждает, что дальнейшая либерализация и демократизация партийного строительства

в России напрямую будет зависеть от зрелости гражданского общества. Пока в России не будут развиты институты гражданского общества, попытки исполнительной власти создавать «партии власти» будут повторяться.

В целом, анализируя сегодня генезис политических партий постсоветского периода, мы отмечаем, что в политической партийной борьбе продолжается использование пресловутого «административного ресурса», а не ресурса самих политических партий. Вывод здесь может один: устойчивость политической системы будет зависеть не только от экономических преобразований, что очень важно, но и от либерализации и демократизации партийного строительства в России как залога развития гражданского общества.

Библиографический список и примечания

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.

2. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003.

3. Глебова И.И. Беспартийная власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004.

4. Голосов Г. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, эволюция. М., 1999; Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // Полис. 1998. № 4; и др.

5. Гришин Н.В. Успех «Справедливой России» на парламентских выборах 2007 г. на территории Астраханской области // Социально-экономические проблемы современности: Сборник трудов научно-практической конференции. Астрахань: Аф МОСУ, 2007.

6. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

7. Истон Д. Политическая система. Антология политической мысли. Т. 2. М., 1977.

8. История государства и права зарубежных стран. Ч. 2. М., 1998.

9. Итоги выборов // Русская планета. [Электронный ресурс] URL: <http://rusplt.ru/policy/itogi-itogov-18789.html>. 14 сентября 2015 г. (дата обращения: 20.09.2015).

10. Карабущенко П.Л. Проблема эффективности власти современной российской политико-административной элиты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014, № 1 (35). С. 170–183; Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 66–69.

11. *Михельс Роберт*. Социология политических партий в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: В 2 т. М., 1997.

12. Политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://regions.ru/news/2169526/29.09.2008> (дата обращения: 20.09.2015).

13. *Соловьев А.И.* Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник-2004. М., 2004.

14. *Токвиль А. де*. Демократия в Америке. М., 1992; *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990; *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 9, 11, 13, 15, 17. 1991. № 3; *Острогорский М.* Демократия и политические партии: В 2 т. М., 1988, 1990; *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000.

15. *Усманов Р.Х.* Политические партии и политические процессы (история, теория и современность). М., 2001; *Он же*. Региональный партогенез в политическом процессе современной России (Южный федеральный округ в 1990-е годы). М., 2002.

16. *Усманов Р.Х.* Региональный партогенез в политическом процессе современной России (Южный федеральный округ в 1990-е годы). М., 2002; *Оськина О.И.* Новая демократия и политическая культура современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1. С. 61–67.

17. Коммерсант. 2016. 28 янв. №13.

18. *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.

Я.Ю. Шашкова

Ya.Yu. Shashkova

**ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ
ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ**

**FACTORS OF STABILITY AND THE POTENTIAL
CAPACITY FOR TRANSFORMATION
OF THE RUSSIAN PARTY SYSTEM**

Одним из основных событий 2016 г. станут федеральные и региональные выборы, тем более что в партогенезе электоральные циклы традиционно выполняют функцию упорядо-

чивания партийных систем. Эти выборы — первые крупные избирательные кампании после расширения формата партийной системы и возвращения мажоритарной составляющей на выборах в Государственную Думу РФ, а потому возникает вопрос о возможности изменения группы партий-лидеров и общем переформатировании российской партийной системы.

Проблема устойчивости партийных систем не относится к популярным темам в партологии. На данный момент она представлена двумя подходами к исследованию и операционализации этого понятия. Первый связан с теорией размежеваний С. Липсета и С. Роккана [15], опираясь на которую, в партологии был выделен сначала эффект «замерзания», а затем эффект «размораживания» партийно-политических систем [см., например, 17]. Последний обуславливается появлением постматериального измерения, «предполагающего конфликты по таким проблемам, как качество окружающей среды, альтернативные жизненные стили, права меньшинств, участие, социальное равенство и др.» [3, с. 236], ростом самосознания этнических меньшинств [более подробно об этом см.: 12], формирующих конфликт между европейцами, в частности местными рабочими, и иммигрантами [14, р. 110] и т.д.

Второй подход — количественный — направлен на измерение степени устойчивости партийных систем, например, с помощью индекса волатильности М. Педерсена, который вычисляется сложением всех изменений в долях голосов избирателей, поданных за партии на двух выборах (или в долях парламентских мест) [13, с. 137; 16, р. 9].

В данной статье мы попытаемся оценить устойчивость и вероятность трансформации российской партийной системы в ходе электорального цикла 2016 г., опираясь на анализ состояния факторов российского партогенеза.

Всю совокупность факторов партогенеза можно разделить на две большие группы — политико-правовые и социокультурные факторы, которые условно можно соотнести с формальными и неформальными институтами. Учитывая революционный характер российских институциональных трансформаций последних 25 лет, именно первые играли ключевую роль. Но если в 1990-е гг. определяющими были политические детерминанты партогенеза (мощнейшим катализатором партогенеза и средством упорядочивания партийной системы вы-

ступали выборы, особенно федерального уровня — накануне их возникали новые партии, а после каждого электорального цикла количество партий сокращалось за счет ухода из политического пространства созданных под выборы «партий-однодневок» и явных партий-аутсайдеров), то с середины 2000-х гг. на первый план вышли правовые аспекты, фактически задав условия сначала для «замораживания», а с 2012 г. — для «размораживания» партийной системы (при всей условности применения данных терминов).

С начала 2000-х гг. государство переходит к корпоратизму, приступив к «выстраиванию» политического процесса как сферы взаимодействия между политическими акторами под своим контролем. В рамках этой стратегии государство «пытается оседлать и возглавить почти все повестки дня (кроме либеральной): социальную, консервативную, патерналистскую, патриотическую» [6, с. 93] и сформировать соответствующие им партии — «клиентелы».

Этой стратегии не противоречит и некоторое переформатирование партийной системы. Властная элита, пытаясь сохранить доминирование исполнительной власти в ситуации истощения ресурсов административного контроля над политическим пространством, переходит к стратегии «разделяй и властвуй», названной Б.И. Макаренко «необонапартизмом», когда «умеренно расширяя рамки политической конкуренции», власть умышленно «распыляет» силы оппозиции и выстраивает ситуационные коалиции с различными союзниками [7, с. 90]. Тем более, что в первой половине 2000-х гг. власть обрела опыт быстрого сокращения партийного спектра.

Современное расширение партийно-электорального поля носит формально-избирательный характер. Если в 2012–2014 гг. новые партии почти не снимались с выборов, то в 2015 г. «избирательные комиссии ... под надуманными, а зачастую и просто издевательскими предложениями значительную часть собранных подписей признают “недействительными” — и в регистрации отказывают. Выборы для “новых партий” заканчиваются, по сути, даже толком не начавшись. ...Так называемая “несистемная оппозиция” — причем даже разными “колоннами”, с разных сторон — захотела попробовать свои силы в легальном избирательном процессе, “поиграть по пра-

вилам», поагитировать электорат — и была весьма грубо отброшена в сторону» [10].

В то же время, успех любых институциональных трансформаций зависит и от когруэнтности среды, представлений индивидов и групп по поводу содержания, роли и желательных практик вводимых институтов. Именно изменение представлений, трансформация идентичностей как самопричислений, самоотождествлений способно повлечь за собой, согласно теории двойной структуризации Э. Гидденса и П. Бурдьё, трансформацию политической сферы и правил, ее регулирующих. Направленность и результаты этой трансформации будут зависеть от глубины кризиса, возникновения политических возможностей для акторов и обретения новой «коллективной идентичности, которая позволит объединиться ныне разрозненным группам» [11, с. 50].

Иными словами, ключевую роль в данной ситуации приобретают социокультурные факторы партогенеза.

Сегодня однозначно определить перспективу развития российской партийной системы на их основе вряд ли возможно. В партийно-электоральной сфере заметны противоречивые тренды. С одной стороны, в обществе существует запрос на новые имена, который может усиливаться по мере ухудшения социально-экономической ситуации.

С другой стороны, население не стремится голосовать за новые партии, существует ряд значимых препятствий к вхождению новых партий в группу лидеров.

Во-первых, это рациональный выбор избирателей, их нежелание отдавать голос «впустую».

Даже в 1990-е гг. значительная часть российских избирателей, особенно в регионах, вполне в соответствии с основными тезисами теории рационального выбора, отдавала предпочтение партиям, которые имели реальные шансы преодолеть заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, стремясь вложить свой голос в «проходной» или конкурентоспособный товар. Так, если в 1993 г. 87% избирателей проголосовали за 8 партий, преодолевших заградительный барьер, до в 1999 г. 81% избирателей отдал голоса уже 6 партиям. И хотя индекс волатильности при анализе выборов 1990-х гг. не превышал 40–60%, в основном он формировался за счет парла-

ментских партий, которые, даже меняя названия, сохраняли свое представительство в Государственной Думе.

Во-вторых, имеет место стартовое ресурсное неравенство и неравенство публицити старых и новых партий.

Важным основанием выбора выступает имеющийся у избирателей объем информации о партиях, который зависит от степени присутствия партий в информационном пространстве, в свою очередь детерминированный их статусом в политическом процессе и контролируемыми ресурсами. Иными словами, полноценные и эффективные информационные кампании могут проводить только «инвестиционно привлекательные» партии, что в современных условиях определяется их способностью или неспособностью стать каналами представительства интересов бизнеса и других групп интересов.

И здесь опять препятствием на пути развития новых партий выступает сложившийся формат партийной системы. Четыре парламентские партии объективно обладают ресурсным приоритетом, развитой организационной структурой, общественным публицити и потенциалом представительства для элитных групп различного уровня. Кроме того, вполне в соответствии с принципами корпоратизма они уже имеют «проблемную специализацию», акцентируя свои заявления на той или иной общественной сфере. Так, для «партии власти» наиболее важными являются проблемы, связанные с отношением к существующему режиму, обеспечением порядка и безопасности и проблемы консолидации государства (например, отношение «центр — регионы»), для ЛДПР — национальный вопрос, для КПРФ и «Справедливой России» — социально-экономические проблемы и отношения между городом и селом [1, с. 112–113].

Замораживанию партийного спектра способствовало и воспроизведение, пусть в российском варианте, мировой тенденции к картелизации партийной системы. И здесь проявляется основное отличие российских партий от западных: если последние борются за сохранение места в органах власти как возможности доступа к распределению национальных ресурсов, то для отечественных партий утрата этого места равносильна утрате права на существование. Учитывая российские реалии, можно утверждать, что ни одна из парламентских партий не

может быть уверена в том, что ей будет позволено сохранить свое положение в следующем избирательном цикле и новые партии только усиливают эти опасения.

В-третьих, большое влияние на электоральные предпочтения россиян оказывает дискредитация старых непарламентских партий (Яблоко, Правое дело, Родина и др.).

И, наконец, немаловажную роль, играет ригидность массового сознания, выбравшего идеалом советскую систему, а не плюралистичность 1990-х гг.

Согласно исследованию Левада-центра 2015 г. «Демократия в России: установки населения», советскую политическую и экономическую системы считают правильными 39% и 55% респондентов соответственно [4]. При этом социологи Левада-центра, проанализировав отношение россиян к демократии отметили, что «большинство населения (62%) считает, что “демократия России нужна”, противоположного мнения придерживаются около четверти населения». Однако ««демократия» понимается населением очень общо, как более-менее «приемлемое общественное устройство», при котором «власть заботится о нуждах людей», «все, независимо от своего положения в обществе, обязаны соблюдать законы» и «граждане могут свободно высказывать свое мнение о государственных делах». «Глубокого содержательного смысла это понятие для большинства населения не несет. Поэтому и слова о том, что стране нужна “совершенно особая” демократия, а демократия по образцу западных стран нам не подходит, не содержат осмысленного отказа от демократических процедур, но являются отражением комплекса ущемленности, установки на “особый путь”» [4].

Соответственно, рядовыми избирателями не востребовано расширение партийной системы. По данным Левада-центра за июль 2012 г., 51% респондентов считали, что России необходимо 2–3 большие партии, 22% выступали за «одну сильную правящую партию», идею «множества относительно небольших партий» поддержали лишь 12% опрошенных. Характерно, что причинами образования новых партий россияне назвали: удовлетворение амбиций отдельных политиков (22%), выражение интересов отдельных слоев населения (17%), предоставление людям реальной возможности выбора (15%), отвлечение

части электората, голосующего за оппонентов «Единой России» в ГосДуме (11%), попытку добиться успеха на региональных и местных выборах (7%), рассеивание протестного, оппозиционно настроенного электората (6%), дискредитацию идеи демократии, показ, что от партий нет никакого толка (3%) [8].

Согласно опросу ФОМа 2013 г., число людей, признающих необходимость одной или двух партий, уменьшилось (в 2004 г. за существование одной партии выступали 21% россиян, за двухпартийную систему — 18%, в 2013 г. эти показатели составили 15% и 13% соответственно). А вот приверженцев многопартийности становится больше (в 2004 г. их было 25%, в 2013 г. — 29%). Еще 16% утверждают, что политические партии в России не нужны вовсе [9].

Таким образом, представления россиян о желательном формате партийной системы полностью согласуются с представлениями власти и укладываются в рамки 4 парламентских партий.

Даже ухудшение социально-экономической ситуации, ощущение состояния экономической и личной незащищенности вряд ли повлияют на партийные предпочтения. Если произойдет рост протестной активности, то это приведет к росту поддержки КПРФ и «Справедливой России» или, наоборот, к сплочению общества вокруг президента. Однако то, что это, как в 2007 г., конвертируется в рейтинги «Единой России», маловероятно.

По мнению руководителя отдела мониторинговых исследований ВЦИОМ О. Чернозуба, озвученному на «Гайдаровском форуме» в ряду рисков 2016 г. — «угроза регионализации социального напряжения и, что особенно опасно для власти, ухудшение положения в благополучных регионах, таких как Москва, Татарстан, Башкортостан». Социолог попытался также спрогнозировать те настроения, с какими россияне пойдут в сентябре выбирать новый парламент. Даже если правительство попытается принять летом или весной компенсационные меры, рассчитывая снизить социальное напряжение к выборам в Госдуму, до общественного сознания их положительный эффект может просто не дойти за такие короткие сроки, и «в отдельных регионах России партию власти ожидает снижение электоральных результатов по сравнению с докризисными временами» [2].

Как отметили социологи «Левада-центра» на основе опроса декабря 2015 г., «за 16 лет президентства Путина общественный запрос кардинально трансформировался. В конце 1990-х россиян беспокоили в первую очередь вопросы безопасности — как личной, так и общественной, сейчас на первый план выходят социально-экономические проблемы. В декабре 2015 г. больше половины россиян указали в качестве наиболее беспокоящих вопросов своевременную выплату зарплат и пенсий и реализацию социальных гарантий. Эти пункты в анкете социологов отметили по 51% респондентов. В конце 1999 г. выплата пенсий интересовала 48% опрошенных, а реализация социальных гарантий и того меньше — 34%» [5].

На этом фоне становятся более заметны меж- и внутрирегиональные различия. В частности, в Алтайском крае как примере аграрно-индустриального региона с преобладанием традиционалистских установок жителей, на вопрос о желательном типе партийной системы инерционность установок оказалась выше среднероссийского показателя — 21% жителей края, согласно опросу 2013 г., высказались в пользу однопартийности, 14% — двухпартийности, 33% — многопартийности. 12% заявили, что партии вообще не нужны. И именно эти установки будут играть большую роль на предстоящих федеральных выборах в связи с кардинальным изменением нарезки избирательных округов.

А потому новые партии уже на старте оказываются в неравных условиях, встраиваются в дифференцированную партийную систему, что не может не сказаться на их электоральной эффективности. И если по итогам выборов 2016 г. конфигурация партийного поля изменится, то технологическими средствами, в результате преодоления противодействия сложившегося картеля парламентских партий и креативного соотнесения новых акторов со сложившимися трендами массового сознания россиян.

Библиографический список и примечания

1. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. 2008. № 2. С. 105–121.

2. Выжutowич В. Призрак протеста: по следам политологической дискуссии на гайдаровском форуме [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/20599.html> (дата обращения: 26.01.2016).

3. *Далтон Р.* Структура политических связей // Политическая наука. 2004. № 4. 235–242.

4. Демократия в России: установки населения [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf (дата обращения: 26.01.2016).

5. Запрос на сильную руку перестал быть приоритетом для россиян // Левада-центр. 2016. 18 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/18/zapros-na-silnuyu-ruku-perestal-byt-prioritetom-dlya-rossiyan/> (дата обращения: 26.01.2016).

6. *Макаренко Б.* Посткрымский политический режим // Pro et contra. 2014. № 3–4. С. 87–103.

7. *Макаренко Б.* Рамки развития политической системы // Pro et contra. 2012. № 4–5. С. 84–100.

8. Общественное мнение о политических партиях // Левада-центр. 2012. 9 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/09-08-2012/obshchestvennoe-mnenie-o-politicheskikh-partiyakh> (дата обращения: 26.01.2016).

9. О системе выборов в Госдуму. 09.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Politika/10884> (дата обращения: 26.01.2016).

10. *Рощин А.* Работа над ошибками: партийное строительство Навального и Каца [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/20624.html> (дата обращения: 26.01.2016).

11. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: Критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. Т. 2. 2001. № 4. С. 28–55.

12. *Швейцер В.* Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. № 4. С. 84–93.

13. *Шпагин С.А.* Региональные партийные системы в современной России: к методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 134–142.

14. *Dogan M.* Class, religion, party: Triple decline of electoral cleavages in Western Europe // Party systems and voter alignments revisited. L.; N. Y., 2001. P. 90–110 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-library.esut.edu.ng/uploads/pdf/6600827903-party-systems-and-voter-alignments-revisited.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

15. *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage, Structures, Party Systems and Voter Alignments. Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. N. Y., 1967. P. 1–64.

16. *Pedersen M.N.* The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. Vol. 7. 1979. № 1. P. 1–26.

17. *Wolinetz S.* The Transformation of Western European Party System Revisited // West European Politics. Vol. 2. 1979. № 1. P. 4–28.

В.М. Юрченко

V.M. Yurchenko

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКИХ
ЧТЕНИЙ В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

FORMATION OF SCIENTIFIC SUPPORT IN SOLVING
OF THE PROBLEMS OF NATIONAL AND REGIONAL
SECURITY OF RUSSIA: EXPERIENCE OF CARRYING
OUT THE STOLYPIN READINGS IN THE KUBAN
STATE UNIVERSITY

Когда мы говорим о таких основополагающих темах, как национальная безопасность, то по-нашему мнению, для понимания начать надо с дефиниций. Здесь мы согласны с политологами МГУ им. Ломоносова и под национальной безопасностью понимаем такое состояние нации, которое возникает в результате деятельности различных социальных субъектов, направленной на нейтрализацию и полное устранение угроз и рисков ее существованию. Самым важным направлением в национальной безопасности является политическая безопасность, т.е. состояние защищенности политической системы от внешних и внутренних угроз и рисков. П.А. Цыганков, анализируя расширенную интерпретацию безопасности, предлагает выйти за рамки традиционного, военно-стратегического понимания безопасности, ставит проблему безопасности человека в один ряд с глобальными вызовами современности. Он подчеркивает необходимость согласования проблем человеческой безопасности с интересами государства, международного сообщества [1, с. 17, 19, 29].

С этой точки зрения мы попытаемся проанализировать выводы и предложения участников Столыпинских чтений, кото-

рые в виде научной конференции уже в четвертый раз проводились в Кубанском Государственном университете и в силу их тематики достаточно глубоко анализировавших проблему безопасности страны.

Несколько слов об истории Столыпинских чтений в КубГУ и их направленности. В сентября 2011 г. в КубГУ был открыт памятник П.А. Столыпину и в апреле 2012 г. прошли I Столыпинские чтения (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина) «Российская модернизации от Столыпина к современности». На конференции было отмечено, что реализация столыпинских реформ дала возможность России в канун Первой мировой войны выйти на пятое место в мире по темпам экономического роста, создать благоприятный налоговый и инвестиционный климат для предпринимательства и промышленности, повысить социальный статус значительной части россиян, провести земельную реформу укрепить обороноспособность страны, ее позиции на международной арене, эффективно развивать образование, науку, местное самоуправление. Это была не просто реформа какой-либо отрасли хозяйства, это была системная, комплексная реформа всего российского государства и общества.

Системный характер столыпинских реформ подчеркивал А.И. Солженицын.

Уже на I Столыпинских чтениях в апреле 2012 г. в приветствии участникам конференции Исидор — митрополит Екатеринодарский и Кубанский отметил, что стремление осмыслить столыпинские реформы он считает знаком духовного выздоровления государства и общества, которые снова научились видеть перед собой великие цели [6, с. 8–9].

Опыт столыпинских реформ позволяет во многом методологически определиться с проблемами сегодняшнего дня в том числе в области безопасности.

Так, Д.С. Федотов на III Столыпинских чтениях в 2014 г. обратил внимание на структуру комплексного подхода к обеспечению безопасности, который, по его мнению, сочетает применение политико-дипломатических, нормативно-правовых и других невоенных средств с наличием сильного военного компонента государственной безопасности, способного адекватно реагировать и противостоять угрозам различным по содер-

жанию и характеру. Именно комплексное сочетание вопросов обеспечения безопасности позволит, — считает он, — с одной стороны, обеспечить территориальную целостность и государственный суверенитет, с другой — существенно снизить расходы и нагрузку на экономику государства, тем самым обеспечивая динамику его развития [8, с. 284–285].

Мысль о комплексном подходе к решению различных проблем национальной безопасности вновь прозвучала на IV Столыпинских чтениях в сентябре 2015 г. в процессе обсуждения способов противодействия терроризму.

И В.М. Юрченко [9, с. 27] и В.Ю. Бельский [2, с. 49–56], рассматривая современные количественно-качественные характеристики терроризма, высказали предложения и о комплексном подходе к этому явлению и о необходимости пересмотра существующих представлений о терроризме.

Изменения в количественно-качественных характеристиках терроризма в России, а также в деятельности террористических организаций требуют совершенствования антитеррористической политики Российского государства, внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. Развивая этот тезис, следует конкретизировать его такими предложениями, как разработка новой концепции национальной безопасности, где следует охарактеризовать современную военную и политическую обстановку в мире, раскрыть систему и содержание угроз и вызовов безопасности РФ, механизмы противодействия им. В числе последних авторы называют повышение роли общественных организаций и объединений, уровня научных исследований, более четкое нормативно-правовое закрепление места и роли институтов гражданского общества в противодействии терроризму, оптимизация участия органов местного самоуправления в этой деятельности и др. [7, с. 278–280].

Неслучайно Президент РФ В.В. Путин, выступая на заседании Совета безопасности РФ 3 июля 2015 г., дал поручение обновить стратегию национальной безопасности страны на базе анализа всего спектра потенциальных угроз и рисков (политических, экономических, информационных и др.).

Участники IV Столыпинских чтений подчеркнули, что в противодействии существующим и возникающим угрозам на-

циональной безопасности, особенно в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом необходима консолидация российского общества. Это, на наш взгляд, предполагает наличие национальной идеи, государственной идеологии, тех общественных ценностей и приоритетов, без которых теряются социальные ориентиры, гипертрофируется индивидуализм, снижается активность и дееспособность социальных групп и индивидов [9, с. 27].

Для эффективного противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях необходимо активное участие органов местного самоуправления в профилактике межэтнических конфликтов в соответствии с ФЗ РФ от 22 октября 2013 г. № 283-ФЗ, налаживание системы конфликтологического образования в вузах страны, особенно на Юге России, коррекция поведения индивида с целью формирования у него когнитивных схем, адекватных общественным запросам, научное моделирование политических процессов для выявления угроз и рисков потери динамического равновесия системы, формирование механизмов противодействия деструктивным явлениям, в том числе информационному терроризму [9, с. 27].

На IV Столыпинских чтениях В.И. Коваленко, анализируя логику политического процесса на примере российской революции 1917 г., подчеркнул, что основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не вокруг дилеммы «февраль–октябрь», а реализовались в плоскости левой или правой диктатуры. Или охлократии, т.е. разрушения всех скреп российской государственности.

Свое утверждение он подкрепляет соответствующими рассуждениями, делая вывод о необходимости дальнейшего предметного осмысления непростых, неоднозначных событий масштабного разлома российского бытия. В канун столетия Великой русской революции, необходимо, считает В.И. Коваленко, определиться в отношении стержневых вех нашей истории, сложных и объемных [3, с. 21–22]. По нашему мнению это имеет большое значение и для формирования современной российской идентичности, исторические корни которой безусловны.

Эту же позицию поддерживает В.А. Лепехин, выдвигая семь групп цивилизационных задач, стоящих сегодня перед рос-

сийским обществом, в числе которых: торможение и блокировка прозападной, неоконсервативной и неолиберальной (квазигуманистической, индивидуалистической, потребительской, космополитическо-глобализаторской, антиправославной, экуменической, сектантской, русофобской и т.п.) и любых других перекодировок базовых элементов Русского мира. Закладка мировоззренческого фундамента будущей Евразийской трансрегиональной (миропроектной, субглобальной) цивилизации как «Мира людей и ценностей» с Россией в качестве ее ядра или одного из основных ядер [4, с. 568–569].

В этой связи трудно не согласиться с В.Никоновым, по словам которого, на Россию все больше смотрят не как на проблему, а как на возможность. Возможность взаимовыгодного сотрудничества в экономике, культуре, возможность, укрепляя глобальную безопасность решать совместно региональные проблемы и разрешать конфликты, не доводя их до крайней фазы. Российская цивилизация всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой, о будущем [5, с. 922–923]. Он, бесспорно, прав, ибо понимание сути российской матрицы дает возможность выбора правильных ориентиров, как в международных отношениях, так и в деле укрепления безопасности нашей страны.

Как отметил В.И. Якунин, сегодня подавляющее большинство человечества нуждается в артикуляции альтернативы квазиоднополярной гегемонии, которая заводит мировое развитие в тупики системного кризиса. И многие ожидают, что эту альтернативу сформулирует именно Россия [10, с. 6]. Причем, добавим, сформулирует, опираясь на свой исторический опыт, плюс критический анализ современного мирового политического процесса и что особо важно — определяя четкие грани будущего России. Это будущее П.А. Столыпин видел в сильном, просвещенном, правовом государстве, которое сумеет обеспечить своим гражданам достойную и долгую жизнь.

Библиографический список и примечания

1. Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова.

2. *Бельский В.Ю.* Терроризм как инструмент глобализации и способ упразднения цивилизационных идентичностей // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы научно-практ. конф. с международным участием, г. Краснодар, 25–26 сентября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: КубГУ, 2015.

3. *Коваленко В.И.* Историческая память: к осмыслению логики политического процесса в революции 1917 года // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы научно-практ. конф. с международным участием, г. Краснодар, 25–26 сентября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: КубГУ, 2015.

4. *Лепехин В.А.* Искажение отечественной истории как основа цивилизационной перекодировки России // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: Материалы научно-практ. конф. с международным участием, г. Краснодар, 25–26 сентября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: КубГУ, 2015.

5. *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014.

6. Приветствие Исидора — Митрополита Екатеринодарского и Кубанского // Столыпинские чтения. Российская модернизация: от Столыпина к современности (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина): материалы научно-практической конференции (г. Краснодар, апрель 2012 г.). Краснодар: КубГУ, 2012.

7. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: Монография (В.Ю. Бельский и др.) / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М., 2015.

8. *Федотов Д.С.* Проблемы обеспечения военной безопасности в ситуации постоянной трансформации современного геополитического пространства // III Столыпинские чтения. Интеграционный потенциал современной России в условиях политических вызовов информационной эпохи: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014.

9. *Юрченко В.М.* Проблемы противодействия политическому терроризму: от П.А. Столыпина к современности // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: Материалы научно-практ. конф. с международным участием, г. Краснодар, 25–26 сентября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: КубГУ, 2015.

10. *В.И. Якунин* Предисловие // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы: Материалы научной конференции / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского университета, 2016.

Н.Н. Юрченко

N.N. Yurchenko

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АНТИКРИЗИСНОГО
УПРАВЛЕНИЯ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК
В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИКИ

POLITICAL RESOURCES OF CRISIS MANAGEMENT:
LOOKING FOR THE EFFECTIVE PRACTICE
IN PUBLIC SPACE OF POLITICS

В политической аналитике основными инструментами оценки управляемости системы являются характеристики типа: «издержки — эффективность», «издержки — выгода». Переход от системного анализа к анализу политическому осуществляется на основе учета важнейших аспектов политического процесса. Каждое политическое решение необходимо рассматривать как распределение существующих ресурсов между возможными альтернативами. Так, оценивая причины распространения мирового экономического кризиса на Россию, Е.М. Примаков акцентировал внимание на «несбывшихся идеях, выводах, прогнозах», о том, «что мы будем островом спокойствия, нас не затронет кризис, волны кризиса пройдут мимо и не захлестнут наш остров, который будет стабилен» [7, с. 31]. Объясняя, почему этого не произошло, Е.М. Примаков охарактеризовал два главных дисбаланса в экономике России, заключающихся в том, что длительное время 40% ВВП создавалось за счет экспорта сырья, но получаемые от этого средства не вкладывались в диверсификацию российской экономики. Кроме того, ориентация предпринимателей на вложения доходов в иностранные компании и отказ тратить их внутри страны привели к резкому отставанию и углублению кризиса.

В условиях современных санкций со стороны Запада, российские предприниматели практически не могут получать кредиты зарубежных банков, что свидетельствует также о недобросовестной конкуренции претендующих на доминирование политических игроков. Вторжение наднационального

капитала в процесс принятия решений на государственном уровне сопряжено с опасностью, вследствие неспособности адекватно оценить многие важные элементы политического процесса, нарушения хрупкого баланса интересов участников международных отношений. Следует подчеркнуть, что «управляемость общества на национальном уровне зависит от того, насколько эффективно оно управляется на субнациональном, региональном, локальном, функциональном и отраслевом уровнях» [5, с. 10]. Важно подчеркнуть, что в новых условиях именно репутация политических лидеров рассматривается как политический капитал и ресурс выхода из социально-экономического кризиса, причем кризис необходимо понимать не только как опасность экономического упадка и политической дестабилизации, но и как возможность нахождения инновационных практик преодоления зависимости от внешней конъюнктуры и укрепления экономического, политического и финансового суверенитета, духовно-нравственного оздоровления общества. Каким будет развитие кризиса: реализацией возможностей или эскалацией хаоса зависит от компетенций и профессионализма правящей элиты, ее способности эффективно взаимодействовать с экспертным сообществом и вовремя профилактировать опасные формы протеста.

Современный политический протест выходит за рамки традиционных политических институтов и ищет новые формы своей организации с использованием информационно-коммуникативных ресурсов. Интернет стал средством распространения любой информации, поиска и отбора радикальных политических активистов и способом применения когнитивного и организационного оружия. Современный протест — это сетевой протест, активизирующий деривационные и маргинальные социальные группы на деструктивные действия. Этому политической элите необходимо противопоставить творческую энергию способных генерировать новые идеи, интеллектуальных конструктивных сил общества. Каким образом политические лидеры могут консолидировать социальный потенциал и привлечь ради повышения дееспособности государства к процессу антикризисного управления представителей активной общественности? Естественно, с помощью образовательной сферы и селективных технологий, применяемых нравственно ответственными, имеющими большой опыт научно-педагогиче-

ческой и воспитательной деятельности, специалистами высшего уровня [2].

Самостоятельное отношение народа к государству проявляется только в одном — в общественном мнении, в котором нет никакой иной силы, кроме нравственной, считали представители русской политической мысли, даже в лице сторонника неограниченной власти государства в форме просвещенной монархии К.С. Аксакова [3, с. 60]. Часто не обращают внимания на то, что и экономика определяется сознанием людей, особенностями духовной культуры, хотя это было подробно обосновано еще М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». По мнению ряда экспертов, «в основе нашей традиционной мировоззренческой культуры лежит императив социальной справедливости... Справедливость и правда — две глубочайшие ценности, которые определяли смысл образования и во многом поведения в экономике в течение столетий» [4, с. 61]. Поэтому одним из ресурсов в пространстве публичной политики должен быть творческий подход к экономической теории с учетом недостатков теории рыночного равновесия, на которой основывается нынешняя монетаристская политика радикального либерализма.

Проблемы глобальных перспектив развития международных отношений в ситуации усиления взаимозависимости государств требуют всестороннего изучения политико-экономических факторов в контексте влияния различных политических субъектов на формирование геополитической картины мира. Существенное значение в этом процессе имеют финансово-экономические кризисы, периодически ввергающие общество в экстремальное состояние поиска нестереотипных, а порой и парадоксальных решений.

Так в условиях кризиса 1970-х годов в риторике ведущих политиков Запада появляется тема освобождения бизнес-элит из-под контроля государств-наций и в этой связи обновления международной системы в процессе реализации проекта наднационального объединения Европы. Процесс консолидации европейского бизнеса сопровождался созданием таких организаций, которые бы лоббировали его интересы и одновременно обеспечивали управляемость демократического общества.

По мнению С. Хантингтона, демократия середины 1970-х годов переживала кризис, что формулировалось им как «избыток демократии», поэтому в качестве рекомендаций выхода из

кризиса он предложил модель «управляемой демократии» [8, с. 25]. Одна из влиятельных групп давления в Евростране была создана в 1983 г. и объединяла представителей 45 крупнейших европейских корпораций. Это Круглый стол европейских промышленников, провозгласивших в качестве цели своей организации стимулирование всемирной конкурентоспособности европейской промышленности, т.е. интеграционные процессы в экономике и политике стали механизмом обеспечения защищенности крупного бизнеса. Геоэкономическая стратегия в условиях глобализации, так или иначе, предполагает формирование экономически и политики взаимосвязанных объединений государств. Группа двадцати и ее саммит в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. «совпали с обострением ситуации вокруг Сирии, что затмило собой основную — экономическую повестку. Россия заявила в качестве ведущих тем председательствования проблемы глобальной экономики, устойчивого развития, инвестиций в экономический рост и создание рабочих мест» [6, с. 886]. «Двадцатка» и БРИКС способствуют продвижению долгосрочной реформы международной финансово-экономической системы. Как отмечает В. Никонов, БРИКС возник и начал свое существование как виртуальная реальность, перечень мало связанных друг с другом наиболее растущих экономик, но по прошествии времени БРИКС начал трансформироваться в политическую реальность. Сегодня БРИКС — это четверть мирового ВВП (по паритету покупательной способности), 44% населения земного шара, более 30% земной суши, 50% прироста ВВП мира за последние 10 лет [6, с. 887, 888].

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц, известный как жесткий критик мейнстримной экономической теории и политики, считает, что самое большое упущение стандартной политико-экономической модели заключается в том, что она игнорирует проблему распределения доходов. Экономическая политика Китая способствовала тому, что в определенном смысле неравенства стало меньше, так как ему удалось «вытащить четыре или пять сотен миллионов человек из бедности». При этом в большинстве стран по всему миру за исключением некоторых как, например Бразилия, неравенство растет. В вопросе неравенства есть много аспектов — это не только доход, но также благосостояние, здоровье и потенциальные возможности.

Д. Стиглиц считает, что в США с некоторыми из этих аспектов дела обстоят плохо, имею в виду здоровье и потенциал. «Большинство других промышленно развитых стран признают право граждан на доступное здравоохранение, США — нет». Он также рассуждает о связи между глобализацией и растущим неравенством и приходит к выводу, что глобализация сделала доход тех, кто работает в рыночном секторе выше, а это увеличивает разрыв между рыночным и нерыночным секторами и ведет к росту неравенства [1, с. 67, 68], причем не только между социальными группами, но и целыми государствами.

Даже в рамках единой Европы наблюдается разрыв и все увеличивающееся размежевание между передовыми странами и периферией. Особенно это разрыв проявился в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., что сказалось и на государственной системе управления, вынужденной ориентироваться преимущественно на наднациональные структуры.

Так именно в этот период (в декабре 2009 г.) лидеры 27 европейских стран подписали Лиссабонский договор о реформе Евросоюза, который серьезно повлиял на его политическое устройство. Европа становится все более похожа на конфедерацию. В соответствии в этом договором существенно расширились полномочия Европарламента, была создана должности Председателя Совета ЕС, избираемого на два с половиной года, а также Еврокомиссара, отвечающего за внешнюю политику и безопасность ЕС, т.е. по функциям аналогичная министру иностранных дел.

Кроме того, в процессе политических трансформаций постепенно складывается глобальная система финансового, экономического (мировые рейтинговые агентства), правового, военно-политического, информационного, электронного и сетевого контроля. На основе принципа сетевого управления практически во всех странах осуществляется создание параллельных структур власти, которые напрямую выходят на внешние центры принятия решений.

Для усиления этого политического механизма в периферийных странах конституционно закрепляется принцип первенства международного права над национальным, в результате чего происходит постепенная эрозия государственного суверенитета, а реальная власть становится транснациональ-

ной. Однако процессы, связанные с объединением Германии, приведшие к усилению этого государства, могли нарушить политическую логику «разгосударствления», а поэтому вызвали негативную реакцию многих лидеров, наиболее развитых европейских государств, которые естественно боялись усиления своего конкурента. Так, например, Жак Аттали, бывший в то время советником Миттерана, в своих воспоминаниях отмечал, что Франция боялась потерять свой сложившийся после Второй мировой войны политический и экономический статус в Европе, и потому стремилась предотвратить объединение. Поскольку это ей не удалось, Франция сумела использовать сложившуюся ситуацию для решения выгодного ей вопроса по созданию европейского валютного союза, что противоречило интересам ФРГ.

С точки зрения анализа политических трансформаций в глобальной экономике, возникает вопрос о том, какие изменения произойдут в международных экономических отношениях в связи с возрастающей ролью государств Восточной Азии и Юга. Вероятность отхода от отношений в рамках системы центр-периферия может вызвать резкую реакцию Запада и особенно США, на долю которых в 1950 г. приходилась половина мирового производства, а сегодня она сократилось до 35%. Не смотря на то, что собственно финансовая сфера сохраняет соответствие модели центр-периферия, политико-экономические отношения начинают формировать новую модель в параметрах юг-юг, а также в рамках БРИКС, ШОС, Евразийского экономического союза. Особенно этот процесс активизировался в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

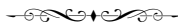
Изменения политико-экономического характера в глобальном масштабе кроме того связаны с переходом к информационно-сетевым технологиям, которые превратились в важнейший ресурс «мягкой силы» и стали наиболее значимым инновационным инструментом политического противоборства. В контексте влияния социальных сетей на массовое сознание и поведение необходимы специальные исследовательские процедуры, включающие традиционный мониторинг общественного мнения, а также выявление значения суггестивных воздействий и фрейм-анализ. Рассматривая специфику влияния социальных сетей на формирование массовых настроений следует учитывать когнитивную составляющую, предприни-

матерский сегмент и инструмент дисфункциональности в информационно-сетевых политических технологиях.

Таким образом, политические ресурсы антикризисного управления призваны обеспечить раскрытие интеграционного потенциала политических трансформаций в социально-экономическом и политико-административном аспектах, что можно охарактеризовать как возникновение тенденций к реформативному коммуникативно-синергичному пространству в процессе поиска путей выхода из кризиса. Неустойчивость и разбалансированность международных отношений, характеризующиеся как структурный кризис мир-системы (И. Валлерстайн), приводят к кардинальным изменениям геополитической картины мира. Целесообразность адекватного понимания происходящих в публичном пространстве политики изменений направлена на всестороннюю разработку концепции национальных интересов применительно к новой формирующейся социальной реальности.

Библиографический список и примечания

1. 22 идеи о том как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 67, 68.
2. См.: *Еремеев С.Г.* Образование в современной политической повестке дня // *Polis. Political Studies*. 2015. № 1. С. 38–43.
3. *Аксаков К.С.* Дополнение к Записке о внутреннем состоянии России // *Русская социально-политическая мысль 1850–1860 гг.* М.: МГУ, 2012. С. 60.
4. *Глазьев С.* Консерватизм и новая экономика // *Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ, № 1.* М.: Некоммерческий фонд ИСЭПИ, 2014. С. 61.
5. *Гуторов В.А.* Глобализация и кризис современного государства: о некоторых аспектах дискуссии // *Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы.* М.: Изд-во Московского университета, 2016. С. 10.
6. *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014. С. 886.
7. *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 31.
8. *Эндадь У.Ф.* Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. СПб., 2009. С. 85.

СЕКЦИЯ № 4

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

А. Буду

A. Boudou

К ФОРМИРОВАНИЮ СТАБИЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ СПРАВЕДЛИВОЙ ПОЛИТИКИ
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ

TOWARDS SUSTAINABLE POLITICAL SYSTEMS:
THE KEY ROLE OF EQUITABLE INCOME
DISTRIBUTION POLICIES

Without question the provocative title of this encounter, as well as the timing in which it occurs, invites us to think deeply upon the challenges political systems are facing today.

Why I find provocative the title? Because the word “system” appears in plural. This means recognizing that no single model exists that fits all countries and societies. Although this should be obvious, the political and economic policies that are originated in western industrialized countries (WIC), multilateral organizations, mainstream think tanks and universities, persist in denying this simple and obvious fact.

Furthermore, the idea of imposing the western democracy model in its Anglo-Saxon version in every corner of the world has been

the driver and the excuse of many military actions and abusive economic conditionalities about many Countries.

We might think extreme examples of these: the inhuman and prolonged economic blockade that is suffering the Cuban people or the military invasion of Iraq.

These days, we also can perceive how the WICs policies interference in the rest of the world has caused enormous instability in North Africa and the Middle East.

One Instability of such magnitude that even had a deep impact in the very heart of the most ancient and stable nations in Europe. The crisis in Syria and Ukraine have been exacerbated by the intervention of the WICs, which act without understanding the diversity of the humankind and its organizations.

The preceding paragraphs in any way pretends to be exhaustive, but I think, it clearly describes that the idea that there is “a suit that fits all” is far from bringing harmony and prosperity to the world. In fact, it has been source of profound instability; lack of horizon and bring poverty all around the globe.

It is evident that within the challenges faced by the political systems, the economic dimension emerges very strongly. Better said, the ability of political systems to respond to the economic needs of their people is one of the core aspects to tackle the stability challenges.

Allow me a small generalization about historical facts. No matter how deep and concomitant the causes of changes and political revolutions have been, the truth is that the final blow to a system that falls has always been catalyzed by facts of economic instability. I want to focus my exposure on this dimension.

Some prior considerations. First, the economy is always subordinate to politics. Even those who intend to present the Economy as an absolute and positive science (whom I’m going to call “mainstream economists”) and therefore, also try presenting their prescriptions as technical and professional, namely, free of ideological contamination, are clearly taking a political stance.

Second, the economy must be considered as an instrumental science. Modern “mainstream economists” have managed to displace politics as the relevant field to define social objectives.

Think tanks and NGOs have been working hard to discredit politics as an activity in itself, and they are also trying to shift its incumbencies towards supposedly professional and pristine institutions, in order to define and implement the political policies.

It is clear these institutions are not as professional nor as pristine as they are submitted. They represent specific interests, the interests of their funders. Of course, these interests have less social legitimacy than that of the majority represented in a political system.

These institutions and its members generally defend political choices in favor of capital and powerful groups of interest, against the majorities. The most obvious examples are the policies prescribed by the IMF, but it is particularly serious in the case of the rating agencies (a subject on which I shall return later).

Third. Objectives should not be confused with instruments. For example, a policy objective might be to increase the income of the people and to achieve this, it is necessary, among others, keeping inflation low. And to do so, a conventional tool is to restrict monetary aggregates. But an excessive commitment with these monetary instruments can lead to recession and therefore loss of employment.

This deteriorates the population income through two interrelated channels: the rising unemployment causes that fewer people receive their income and by being less workers, the bargaining power against the employers decreases, thus the real relative income per worker falls. In addition, credit restriction increases interest rates which makes investments decisions, be even harder. Therefore, the creation of jobs is reduced, reinforcing the negative effect of this channel.

The end result would be the fall of the income of people, which is contrary to the proposed economic policy goals. The problem has been to confuse objectives with instruments something that unfortunately, is very common among mainstream economists.

The same can be applied to the public budget analysis. The fiscal surplus is a tool, however, it tends to be presented as a target and a dogma. Under certain contexts, a fiscal surplus can be an obstacle to the economic goals of growth or increase in income of the population. Mainstream economists tend to fall in love with the instruments and put them above the objectives.

With these definitions in mind, I will make explicit a political position before proceeding with my analysis: it is not only necessary improve the distribution of income within the countries, but also, between them.

Economic systems that allow to achieve this, will be the ones that best contribute to overcome the challenges to sustainability, that political systems face.

Let me emphasize that the previous proposal has two dimensions: it referred on one hand, to the economic organization within each country and, on the other hand, to the international economic/financial architecture that allows the work and interaction between different organization models.

This choice in favor of a better income distribution may seem exclusively focused on political preferences towards greater equality. It is true, I sympathize with more equal income distribution for political reasons but there are also economic reasons behind this choice.

The crisis of financial capitalism in which we operate, is determined largely by speculative bubbles. Of these bubbles, we have an example of global scale and great depth, the crisis that began in 2008. This crisis was first presented to us as a financial crisis but then was qualified as an economic crisis. I really think it is, actually, a political crisis in the financial capitalism. This is only possible in the context of large and increasing disparity in income distribution.

Also it seems, at least from a rhetorical point of view, that there is some degree of consensus on the need to improve the income distribution. However, when the debate on the specific policy needed to improve the income distribution begins, two well-differentiated strategies appear, which I think are actually different levels of conviction and commitment towards the goal of greater equality.

In one corner, we have the “spill over theory”, that could be summarized as the promotion in the profit maximization of the firms. Furthermore, proposes that all public policies are focused towards that goal and that the own dynamics of the market will cause the business bonanza spill over, higher income into the rest of the population. It is a concrete application of the principle “efficient market hypothesis,” proposed by those who profess the religion of mainstream economics.

This was the vision developed by the mainstream think tanks of the WICs (including their universities and entertainment industry), it has been supported by multilateral organizations and has guided the foreign policy of now developed countries.

Clearly this strategy has failed in practice, beyond its questionable theoretical framework. It has not achieved any positive impact when applied in low or middle-income countries. It has not improved the growth, the institutions, the labour market or the public accounts... and much less the income distribution.

It is also evident that it also has not improved the income distribution in high-income societies. These have shown a continued deterioration in their income distribution even in times of unusual economic growth and the ravages it provokes were revealed during the 2008 crisis.

Business rescue measures, especially that in the financial sector, put into place by the governments of high-income countries during the crisis, worsened even more the income distribution. So scandalous was the income gap between the majority of the population and the managers, that countries began to regulate the way in which financial institutions remunerated their top management.

The problem was not only about incomes, but also caused a negative impact on the system performance, both to their customers and to their shareholders and especially, because they were a source of systemic vulnerability. In fact, this was the dominant topic during the meetings of the G20 in 2011.

On the other corner, we have the stream what we may call the “active policies” in favor of a better income distribution. These propose a relevant role for the state in designing and implementing specific strategies of social functioning that will enable them to improve the income distribution. These strategies may be different for each society and must be defined by a political system that expresses the will of the majority.

Such strategies have proven successful in Asia, China, Russia and particularly in Latin America during the past 15 years. And this has been possible beyond the effort of the multilateral organizations to interfere in their financial and trade policies.

From a different angle, the income distribution issue participates in a related debate: The emphasis of public policies should be placed in those that strengthens the supply or aggregated demand?

The supply-side economics leaves little room to address the income distribution issue, given that its basic core of ideas, is centered on the need to improve the conditions to increase the offer. Translated quite simply: takes care of corporation profitability and lower taxes for population with higher savings capacity.

For us that we think that the key to economic performance is in the aggregate demand as the system engine, lets emphasize the need to improve income distribution. This way resources are directed towards individuals and families who have major marginal propensity to consume. Therefore, the best income distribution feeds back the economic circuit and it diminished the likelihood of speculative bub-

bles. Clearly, this idea does not involve any anti-entrepreneurial attitude. Beyond the political sympathies of each one, we can all agree that a capitalist world can not be sustainable without customers. And the improvement in income distribution increases the number and the purchasing capacity of customers.

Committing with the field of practice, I think that there are two task families that are necessary to improve the income distribution: 1) inside each country and 2) towards the whole international community.

The first, that has to be decided autonomously by each country is, relatively more simple. And the second, that requires working with perseverance in the building of a new international consensus and in the modification of the international financial architecture. That is, on strengthening multilateralism. In this sense, I consider that a proper strategy is to work hard in the reform of the existing institutions and forums, but at the same time work to strengthen new regional institutional structures outside of the organizations founded after the second world war. And, equally important for developing countries, is to interconnect these new institutions.

This dual strategy is indispensable because the constitution of voice and vote within the existing global organizations, is very hard to change even working hard from inside them. This it is not only a question of the power balance on the political rights among the constituent members, but also due to the strong ideological orientation rooted on the staff of such organizations.

As an example of these difficulties let us take the last changes of voice and vote to reform the IMF and the World Bank... This reform was long and bitterly discussed for years, and at last during the 2010 meetings, a modest consensus was reached. The changes agreed on, were substantially less than the original objectives in terms of increasing the relative participation of developing countries, primarily the BRICS. But the implementation was even more disappointing: as I said this reform was voted at the 2010 meetings by IMF and World Bank governors and to this date there has been no progress in its implementation.

Regarding the internal task agenda, I mean, about tools for the local improvement of income distribution, I want to share some ideas and concrete experiences of the Argentine Republic. We could summarize this agenda as the one of social inclusion, industrialization and development.

Within the social inclusion agenda, the state role is key in order to sustain the income of older adults, of children and other vulnerable groups. In contrast to the dominant agenda of the Washington consensus, my country regained the administration of the retirement and pensions system in 2008. This system was privatized in 1994, the results were disastrous: by the year 2003 the total number of recipients of the system fell. With the recovery of the administration we were able to reverse the situation. The pension coverage went from 55% in 1996 to 47% in 2003 product of the privatization but, in 2014, due to the Public Administration, it recovered up to 94%.

At the time of privatization, the nominal value of pensions was kept frozen for 15 years. When it was recovered by the Public Administration a new Law of Mobility was able to pass. This Law increases twice a year the value of pensions and introduced an innovation: using a composite index as measure of the increase for pensions. This index averages the wage increase of the active workers and the increase of the system revenues, this way it takes care at the same time, of the purchasing capacity of the beneficiaries and of the long term solvency of the system.

In addition, the Public Administration of the system enables the State participate in the allocation of the society's savings. This allows the reallocation of the social security resources from the financial sector to the real economy, creating new jobs and the sustaining of the aggregate demand. Simultaneously, it makes the Social Security System become more sustainable, given that more jobs mean more resources. Now, let me tell you an anecdote about the use of the domestic savings and at the same time, let me introduce the debate on the role of rating agencies in the allocation of capital flows.

As I already mentioned in 2008 my country regained the administration of the social security funds that had been privatized in 1994. I want to repeat that the privatization, worsened the situation of the retirees and had not contributed to the strengthening of the capital market, it had simply become a handrail for financial firms to charge commissions (and there was a 50% re-lending of such funds to the State, which otherwise would have formed part of his usual flow, but this, is another story). The point is that around the end of 2008 the General Motor's branch of Argentina, was ready to develop a new line of production that would create 1,500 direct industrial jobs through the manufacture of a new vehicle (called Agile) whose final destination would be Brazil.

For Argentina, this not only would have meant more workers in the industrial sector, but also more consumption and domestic market, plus the possibility of increase in industrial exports and foreign currency earnings. Well, as is known, at that time GM came into serious difficulties in the United States (that determined a rescue by the American Government), and therefore was unable to make the investment in Argentina. For us, this was a significant loss, that also had macroeconomic countercyclical implications in the middle of an international crisis.

So, we decide to make a loan directly from the social security funds for US\$20 million. However, when we searched for a rating agency to rate the loan, none of the major firms, wanted to do their job due to the international situation of GM.

Fortunately, when the administration of the social security system returned to the public sector, we introduced an amendment that allows National Universities to rate investment projects. The University of Buenos Aires took up the responsibility to qualify the project and finally a two-year loan, was structured. In this way, GM Argentina was able to accomplish the investment and implement the new production line.

Finally, the company not only met its commitment but also, the loan was fully paid in advance. This successful story has a number of lessons for us, that we want to share. First, the possibility and capacity to articulate efficient actions among the public and private sectors, even in times of crisis and international tensions.

Second, that it's possible to articulate the financial tools in function of the real economy and the creation of quality jobs, and not in the opposite direction as can seem normal today. It is not true that the entire social and economic system has to be subordinated to the logic of the financial system. Third, if we had followed the point of view of rating agencies, the investment had not been made and therefore, would not generate any value, nor social or private, and the resources would have been allocated inefficiently. Finally, societies can and should be encouraged to think differently in order to change systems that are concentrated in very few hands, but whose decisions have macroeconomic implications.

The previous story, also shows that for the industrialization agenda, is key that the Government has the tools to guide credit. Without doubt, the Government can do it better than the rating agencies, at

least as they are currently working. It is admirable that Russia has its own strategy to develop a great rating agency related to its funding capacity.

The rating agencies pretend to represent a professional, technical, and transparent point of view. However, the reality of last decade and the vertiginous facts allow to clarify that, rating agencies pretend to use transparent data and scientific analysis but in fact, are handled with ideological and political concepts, or simply represent the interest of power groups under a professional disguise.

Since the last military dictatorship, my country suffered for decades a strong burden of public debt. Certainly, the overload of public debt is one of the most harmful mechanisms that worsen the income distribution in a society, I will return to this point later. During the end of the 90s, the theory of Moral Hazard was extensively developed by mainstream universities and think tanks. Moral Hazard Theory briefly states that, help debtors in trouble is a wrong action, because this affects other debtor's incentives to fulfill their obligations. The contagion effect would jeopardize the full operation of the financial system.

At the end of last century, the MHT argument was used by the multilateral credit organizations in order to discontinue all funding to the Republic of Argentina. Given its heavy debt and without possibility of new financing, my country was virtually destroyed and almost disappeared. Ironically after ten years those agencies acknowledged that they had acted wrong in the case of Argentina. But the huge damage was done.

Downsizing of the public sector, nominal shrinking of public worker's salaries and social security benefits, cuts in all budget items and other restrictive measures were the "suggestions" imposed by the multilateral organizations. These led to a 25% unemployment and a large fall in GDP. Such recipes, in addition to MHT, caused the dissolution of our society and its institutions.

Please notice the difference of theoretical approach during the last great crisis. No more talk of MHT, it was replaced by a new concept: "Too Big to Fail". This establish that it is necessary help large corporations in financial troubles, given its systematic impact. It is not possible to consider this Copernican twist as a scientific evolution, simply it is the voice of corporations dressed in an elegant academic language. A perfect example of double standards to analyze similar situations. Ergo, biased approaches that represent private

interests are presented as scientific knowledge, negatively impacting millions of lives.

Under the concept of “Too Big to Fail” the aid and resources arrived for big corporations, and then they survived. But this was not the case for the millions of jobs lost during the crisis in every corner of the world, jobs that even today have not been recovered.

I consider that the main lesson on the challenges showed by the last great crisis is not new, however it has been hidden and underrated. The key in order to build a sustainable, robust and peaceful economy is the continuous improvement in the income distribution. The teaching is as simple as repited, without doubt, is the same that underlies the great crisis of 1930.

However, this is never taken into account in the great discussions about the international financial architecture, the reforms of the Multilateral institutions, the regulation of international trade or in the analysis of public debt and the tax reforms.

We could summarize it simply by saying that there is no sustainable growth without inclusive growth. Growth that does not create quality jobs sooner rather than later it will suddenly stop. Many means of payment in very few hands inevitably generate bubbles which will end up exploding.

When a large part of the means of payment is bet in the financial system due to excessive saving of their holders, and at the same time large part of the population can't even pay for their food, clothing or shelter, necessarily the markets allocates inefficiently resources.

The theoretical sequence is as follows: when the excessive savings of a few is necessarily directed to the financial system, while the majority is unable to meet their basic needs, growth does not create jobs. Rising unemployment deepens the unequal income distribution. This rising inequality increases the likelihood of bubbles.

Lack of aggregate demand feeds back, by the absence of a direct channel between the financial system and the real economy.

Unfortunately, this proposition is left out of the mainstream economic and social debates. However, it has been validated by the facts again and again in a painful manner: causing crises that have destroyed jobs, causing hunger and desperation in huge groups of human beings, causing loss of faith and hope in the political systems and in the possibility of understanding life as a journey of personal and collective improvement through work, effort, education and creativity.

The bad news is that we have continuously tripped with the same stone. The good news is that the problem can be tackled with the tools we have at our disposal and that we already know. At this respect, the role of the states is paramount. If something has been proven in the latest crisis is that the markets do not have the capacity to function correctly on its own, self-regulated. Or, better said, if they work alone, isolated from the rest of society, would certainly cause a profound damage to the whole population. When the markets and in particular financial markets work isolated, they destroy value, they destroy businesses, destroy jobs, and what is more serious: they destroy lives.

What is really amazing is that in mainstream economic and political sciences persist the dominant perception that markets with less regulation are the natural organization for economic prosperity and even for freedom. I think that is a very biased, superficial and self-serving vision. So called free markets are actually markets highly regulated, and such regulation protects only a few at the expense of the majority.

During 2008/2011, the reform of the international financial architecture kept awake to world leaders at the G20. The need for better regulation of the financial system was constantly heard, but unfortunately with time this momentum vanished. Again it is prevailing position in favor of efficient markets hypothesis, ergo, in favor of deregulation.

However, about the idea of “deregulated markets” actually hides strong regulation. This has resulted in an international financial architecture that gives enormous power to direct the allocation of financial resources to a few private companies whose sole purpose is their own profit.

This architecture, it is not of the nature, is the product of laws and regulations that make impossible to channel financial resources outside the decisions of these companies. Therefore, the rating agencies play the dual role of judge and party on the functioning of global economy.

At the same time, the regulation designed and enforced under the vision of supporters of “deregulation” generate biases; inequities, distortions and contradictions in the flow of capital, transactions of goods and services, movements of people and location of the firms.

Taking direct foreign investment as an example, we see that the same players that despise protectionism as a way to allow grow the

national companies, do not blush at proposing and putting in place arrangements for the protection of foreign investment. So it seems that the problem is not the protection but whom to protect.

Those players advocate for the free movement of capital and free trade of goods and services between countries, but are against the free circulation of people. The free trade of goods and services is presented as the best way to increase the well-being of the people, but the NDCs hinder the exports of developing countries.

The transnational corporations organize their operating process and its supply network, abusing the use of cheap labor and a poor level of social protection in certain countries, combined with transfer prices to minimize the contribution to the financing of the public sector. All these facts clearly show that the global economy, the financial architecture and the multilateral institutions are organized today in such a way that they worsen the income distribution and concentrated, ever more, decision-making in few hands.

I have mentioned that the decision to allocate capital in accordance with standard's rating agencies does not necessarily generate value. The failure of the ratings agencies was evident in the great crisis that began in 2008, where the financial system collapsed and was required to be rescued by the states both directly (capital contributions, bailouts for specific institutions) and indirectly (monetary and regulatory policies aimed at promoting the financial system).

They did not go the rating agencies who guided the investment decisions in wrong manner?

Why we continue recognizing them a role in which they have consistently failed?

It is unclear what is the basis of the social consensus that has allowed four or five companies became the lords of the global capital flows. Which is the legitimacy of this rule, if they have not even obtained good results?

Public budget is another relevant economic tool for political stability. It can be used in the improvement of income distribution, but also for the opposite. And the possibility of using this tool for purposes of political stability is closely linked with the degrees of freedom that a government has on the allocation of budgetary resources. This is why in our country we gave priority to debt reduction policy.

The debt service payments have been major constraints on the budgetary policy of countries. Being overprotected and supervised more than other expenses, a large debt does not allow using the pub-

lic budget as a tool of social inclusion and development. Perhaps the experience of Greece in recent years is the most dramatic example in this regard.

The debt-reduction policy in Argentina consisted in a successful negotiation with the defaulted creditors which allowed reducing the debt burden from over 170% of GDP to the current situation of less than 20% of GDP. In addition, it enabled the improvement of time profile of maturities and lower interest rates. The 93% of creditors accepted the Argentinean proposal, and the debt swap in default since 2001 has been carried out in two stages (2005 and 2010).

The impact of the debt reduction policy and its effect on the budgetary allocations can be shown through a simple fact. Until 2001, Argentina had used about 2% of its GDP to invest in the education system and 5% for external debt payments. Through the policy of debt reduction, the equation was reversed, and by 2011 6.5% of the GDP was allocated to the education system, and less than 2% of GDP to meet the debt service.

The budget and debt issues are not minor at the light of the global situation even in many now developed countries, where the “austerity” criteria seek to be imposed to restrict the degrees of freedom in the use of the public budget.

Indeed, it has been sought to replace in the dialectics of economists, and especially in the presentation to the mass media, the word “adjustment” by the term “austerity”.

It is clear that the word “adjustment” has lost its appeal, and its marketing, especially after the global failures of its application in the political practices that born in the so-called “Washington Consensus”.

The spillover theory places the market and the private sector at the hart of social functioning. Therefore, it calls for a minimum state and fiscal adjustment is essential under this view. It is a fact that this approach has consistently failed to respond to political stability.

Since the last crisis and from power centers, the same set of ideas and proposals have re-emerged, but wrapped in a new disguise, expressed with a new word. A word that has positive connotation: the word “austerity” took the place of the word “adjustment” in the language of economics today. But, conceptually representing the same proposal of social organization and shrinking the State.

Please, tell me, what we hear when they say that programs of fiscal austerity are necessary? The proposal is always clear: Reduction of the budgetary disbursements for health, education, in the systems

of retirement and pensions, augmenting the age necessary for accessing a pension. The same old music.

Has any of those present has ever heard, linked to the concept of austerity, a proposal to reduction in debt services payments; reducing the interest burden on society as a whole; imposing a limit on the ratio of debt to Gross Domestic Product? Never. Since the purpose of the adjustments is to ensure that the financial corporations' interests be above the rights of peoples.

It seems that austerity is an asymmetric and skew concept. A budget is presented as austere, when it reduces budget headings of retirement, education or health; but increases the relative weight of the payments to the Financial System.

In practice, the concept of austerity works in such a way it strongly worsens the income distribution. Eliminates funds for the citizens who have less income in order to reassign them towards the most powerful corporations.

When these kind of State policies are applied, financial corporations are protected and leave defenseless the most vulnerable citizens.

In conclusion, behind a word with positive connotations, is hidden an economic proposal against equality and at the same time, does not focus on the long-term sustainability of economic system.

We have heard it be argued that when implementing austerity policies, the goal is to maintain legal security and to respect the contracts. But again it is biased, it is only about the contracts with the Financial System.

Tell me, do governments not have commitments with their populations and are not inter-temporal contracts the ones of social security benefits? These commitments are systematically broken in the name of austerity.

The austerity proposal in the use of the budget contributes to the instability of the political system as it stops meeting demands of the majority and responds only to small groups of interest. Isn't it true that the largest countries, with greater economic autonomy, incur huge deficits at the same time they recommend the rest of the world be careful with their fiscal situations?

I wished to share these ideas and experiences with you as we surely share from diversity, the passion for building a new world. A more secure, more peaceful, more fair, more inclusive, a more tolerant world. I do not doubt that all these goals require, as I already said, not only a better income distribution within countries but also between countries. Also, each one of our countries should be respect-

ed in their autonomy, and not punished with illegal economic measures for not following the guidelines of WICs. With concern about the present, and much optimism about the future, I am grateful for the opportunity to have participated in this forum.

С.В. Беспалов

S.V. Bepalov

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА
КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

ADMINISTRATIVE REFORM AS A MECHANISM
OF ADAPTATION OF PUBLIC ADMINISTRATION
SYSTEM TO SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS

Под административными реформами обычно понимается реформирование системы органов государственного управления и государственных учреждений, реорганизация государственной службы, а также изменение характера отношений органов госуправления с обществом (включая предоставление государственных услуг).

Проблемы оптимизации структуры исполнительной власти на разных уровнях, совершенствования государственной службы, а также повышения эффективности взаимодействия властных структур и населения сохраняют актуальность и в современной России. Радикально трансформировавшиеся за последние два десятилетия экономическая и политическая сферы российского общества предъявляют принципиально новые требования к государственному аппарату, который, однако, явно не справляется с возложенными на него в современных условиях обязанностями, зачастую оказываясь не в состоянии выполнять на должном уровне свои функции. Поэтому в сложившейся ситуации крайне актуальной является полномасштабная реформа госаппарата.

В последние десятилетия достаточно сложные реформы государственного управления более или менее успешно провели страны с развитыми конкурентными демократическими и политическими системами — Новая Зеландия, Швеция, в какой-то степени США, Великобритания, Австралия и Канада. Благодаря им удалось отчасти повысить мотивацию и профессионализм, привнести в систему государственного управления современные методы управления, заимствованные из бизнеса, добиться роста эффективности и результативности работы, улучшить качество и повысить доступность услуг для населения. В то же время многие ставившиеся реформаторами цели не были достигнуты; в частности, почти нигде не удалось сделать госаппарат существенно более компактным и сократить уровень бюджетных расходов на обеспечение его деятельности [2].

С другой стороны, не менее успешно современные административные технологии внедрялись и в неконкурентных политических системах. Авторитарный Сингапур, где существует политическая цензура и который до сих пор не имеет рейтинга полной демократии, создал одну из самых эффективных в мире систем государственного управления. Долгое время по этому показателю он занимал второе место после Финляндии — страны с развитой демократией. На постсоветском пространстве определенных достижений в реформировании административной системы достиг Казахстан, который трудно отнести к числу демократических государств.

Если говорить о государствах Восточной Европы, то в бывших странах советского блока, которые вошли в программу присоединения к Евросоюзу, отчетливо проявилось давление извне. Хотя формально условия присоединения не предусматривали серьезных реформ в системе государственного управления, Евросоюз разработал для этих стран специальные программы, оказал им консультационную и техническую помощь. В некоторых министерствах были созданы специальные подразделения по подготовке к вступлению в ЕС, реализованы масштабные программы переподготовки госслужащих и т.п. Резко возрос потенциал подразделений, непосредственно работавших с Евросоюзом, туда попали квалифицированные кадры, которые продолжали развивать свои компетенции. Многие из них потом перешли на работу в Еврокомиссию, потому что оказались востребованными, у них был большой потенциал.

Характерно, что под прессингом задачи присоединения к ЕС административные органы этих стран предпринимали энергичные усилия по совершенствованию системы государственного управления — и именно в тех сферах, где Евросоюз требовал улучшений: в экологическом и техническом регулировании, аграрной политике, таможенном регулировании. Там и были достигнуты хорошие результаты, но за пределами этих сфер почти ничего не происходило. Более того, после присоединения, как только давление ослабло, стал ослабевать и интерес к административной реформе.

В итоге, по мнению ряда экспертов, ни в одной из стран — новых членов Евросоюза не удалось создать современную, конкурентоспособную систему госуправления, полностью отвечающую требованиям Организации экономического сотрудничества и развития [1]. Лучше других положение в Эстонии, Латвии и Литве (причем фактором успеха в первых двух странах, по всей видимости, стала консолидация режимов не в последнюю очередь за счет лишения избирательных и иных политических прав значительной части русского населения), но и их достижения фрагментарны, им многое не удалось. В частности, не слишком успешны были попытки создать современную систему управления кадрами.

В России административные реформы 2000 — первой половины 2010-х гг. в ряде случаев привели к заметным улучшениям в отдельных сферах государственного управления, но в то же время оставили нерешенными ряд проблемных вопросов. При этом многие направления административной реформы привели к результатам, крайне неравномерным в ведомственном и региональном отношениях. Это касается снижения административного давления на бизнес при осуществлении контрольно-надзорной деятельности государства; передачи части регулирующих функций саморегулируемым организациям (причем, в ряде сфер произошло усиление регулирования за счет сочетания деятельности государственных органов и СРО); внедрения ИТ-технологий; создания дополнительного механизма экспертизы в виде Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, деятельность большинства из которых носит сугубо формальный характер. Более эффективной, сравнительно с ведомственными общественными советами, стала деятельность Открытого прави-

тельства; впрочем, и в рамках этой структуры экспертное и общественное обсуждение правительственных инициатив пока не привело к принципиальному изменению ситуации. Государственно-частное партнерство так и не вошло в систему, несмотря на наличие отдельных позитивных примеров как на федеральном уровне, так и в регионах. Не удалось добиться существенного упрощения значительной части административных процедур, несмотря на повышение «прозрачности» государственного аппарата в результате внедрения административных регламентов. Управление и бюджетирование по результатам внедряются на федеральном и региональном уровнях медленно и непоследовательно, во многом из-за неадекватного целеполагания и слабого управления рисками. Важно подчеркнуть, что реализация проектных подходов и в целом современных технологий госуправления осложняется не только отсутствием механизма «тиражирования» лучших практик, но и несовершенством законодательства о государственной службе (законы 2003 и 2004 гг.), что затрудняет внедрение эффективных механизмов подбора кадров; во многом по этой же причине меритократические принципы кадровой политики фактически не были реализованы, а структура оплаты труда госслужащих осталась в целом непрозрачной.

Таким образом, к числу не получивших окончательного разрешения проблем по-прежнему относятся управленческие сферы деятельности, имеющие ключевое значение для современных форматов государственного управления, которые являлись и являются предметом приоритетного внимания реформ всех стран, стремящихся к модернизации госаппарата. В этом смысле Российская Федерация, безусловно, не является эксклюзивным случаем со своим особым путем развития. Другое дело, что российскому управлению приходится решать задачи, относящиеся к разным историческим фазам, ликвидируя дефициты предыдущих периодов и, одновременно, вводя в обращение новые

Выработка оптимальной стратегии административных реформ предполагает необходимость учета как позитивного, так и негативного опыта не только ранее осуществленных в нашей стране преобразований, но и административных реформ в иных странах. Особый интерес представляют преобразования,

осуществленные в странах ближнего зарубежья, поскольку, имея в качестве отправной точки единую модель организации исполнительной власти и механизмы и ее взаимодействия с обществом, по истечении 24 лет указанные страны сформировали принципиально различные модели.

Проведение административных реформ в странах постсоветского пространства было обусловлено не просто необходимостью осуществления государственного строительства в бывших советских республиках, но и влиянием общемировых тенденций, связанных с кризисом государства всеобщего благосостояния, тектоническими общественными сдвигами в современном мире, где появление наднациональных институтов и развитие гражданского общества обусловили необходимость серьезной трансформации традиционной («вебериянской») модели государственного управления.

Концепция нового государственного менеджмента (New Public Management, NPM) возникла как результат осмысления административных реформ, проведенных в конце XX столетия преимущественно в англосаксонских, а также скандинавских и некоторых иных странах. Рыночные механизмы, а также методы и технологии управления, характерные для бизнеса, были привнесены в систему государственного управления и оформлены в концепцию нового государственного менеджмента. Эту казавшуюся столь привлекательной модель постарались заимствовать многие другие страны, в том числе на постсоветском пространстве.

Однако административные реформы, проводившиеся в духе нового государственного менеджмента, даже в тех странах, где они реализовывались наиболее системно, последовательно, где, казалось, существовали наилучшие предпосылки для имплантации этой модели, достигли лишь небольшой части тех целей, которые ставились реформаторами. Хотя до некоторой степени удалось сделать деятельность госаппарата более прозрачной для общественного контроля и подотчетной политическому руководству, реформы имели незапланированные последствия в виде эрозии этики государственной службы, снижения уровня внутренних связей в государственных структурах; кроме того, практически нигде не удалось сделать государственный аппарат более компактным и сократить бюджетные расходы на его содержание.

В странах постсоветского пространства в первой половине 2000-х гг. отдельные элементы нового государственного менеджмента были закреплены в нормативных правовых актах. Так, в России с принятием в 2005 г. Концепции административной реформы новый государственный менеджмент становится, по мнению ряда специалистов, неофициальной идеологией реорганизации национальной системы государственного управления.

При этом элементы New Public Management в России и государствах ближнего зарубежья развивались в институциональной среде, не способствующей их укоренению (патерналистские настроения и др.). К тому же для большинства рассмотренных стран, за исключением, пожалуй, Казахстана, дополнительное негативное воздействие оказало отсутствие четко спланированной, комплексной программы реформ в области государственного управления, фактическое исключение общества из процесса обсуждения направлений реформирования. В значительной мере именно поэтому многие направления реформы, в особенности «управление по результатам», до настоящего времени не дали значимого эффекта. В то же время относительно результативной оказалась деятельность по регламентации исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг; однако важно подчеркнуть, что в основе ее лежат элементы не только NPM, но и «рациональной бюрократии» (соблюдение формальных правил, регулирующих деятельность управленческого аппарата). Хороший результат, особенно на региональном и местном уровне, дало внедрение элементов «модели участия», основанной на вовлечении населения, предпринимателей и НКО в процесс выработки решений. Наконец, повсеместно достигнут (хотя и не в равной степени) успех во внедрении ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) как в деятельность исполнительной власти, так и в систему оказания ею услуг для бизнеса и — особенно — населения.

На основании анализа опыта административных реформ в России, Казахстане, Украине, Молдавии и Белоруссии можно сформулировать следующие выводы и рекомендации:

- условием эффективности административных реформ является не столько демократичность политического режима, сколько степень его консолидации и связанная с этим спо-

способность осуществлять эффективное целеполагание, стратегическое планирование и обеспечивать последовательность преобразований, преемственность их этапов (разумеется, осуществляя периодически корректировку поставленных целей и осуществляя эффективный мониторинг проводимой работы);

- по-настоящему комплексная административная реформа, включающая в себя изменение структуры центральных органов исполнительной власти и механизмов взаимодействия между ними (в особенности в государствах с сильной президентской властью) может иметь успех, лишь являясь частью более масштабной программы государственного строительства, как правило подразумевающей и проведение конституционной реформы;

- работе по оптимизации структуры органов исполнительной власти должно предшествовать осмысление их функций и последующая систематизация и регламентация последних. Данная работа может проводиться как путем инвентаризации имеющихся функций органов исполнительной власти с последующим исключением избыточных и дублирующих (именно таким образом действовала в 2003–2004 гг. правительственная комиссия под руководством вице-преьера Б. Алёшина в России, однако ее работа не была доведена до конца, а результаты востребованы лишь частично); так и «с чистого листа» — путем определения необходимых функций исполнительной власти, последующего сопоставления полученных результатов с перечнем имеющихся функций и, наконец, формулирования предложений по оптимальной структуре исполнительной власти. Без проведения такой работы сама по себе реорганизация Правительства имеет мало шансов на успех;

- критически важным условием успеха преобразований является создание органа по управлению государственной службой с реальными полномочиями. Опыт Казахстана показывает, что реализация этой меры не является панацеей; кроме того, очевидно, что создание такой структуры особенно затруднительно в странах, где Президент с его Администрацией и Правительство являются двумя значимыми центрами принятия решений. Тем не менее, создание такой службы представляется совершенно необходимым компонентом реформ;

- одной из задач административной реформы должно стать создание нормативно-правовой базы и организационной ин-

фраструктуры для использования проектных методов управления в тех случаях, когда управление на базе «рутинных процедур» невозможно (уникальные задачи, потребность в концентрации ресурсов на «прорывных» направлениях, нецелесообразность создания постоянных учреждений для решения задач с ограниченным временным горизонтом и т.д.);

- опыт стран ближнего зарубежья (в особенности Украины и Молдавии) показывает губительность влияния политической конъюнктуры на проведение административных реформ. В ситуации, когда такие реформы становятся разменной картой в политическом противостоянии, даже наиболее тщательно спланированные административные реформы обречены на провал — при таких условиях к реформированию администрации лучше вообще не приступать. Условием успешности преобразований является наличие элитного консенсуса относительно необходимости и направленности административной реформы

- при отсутствии необходимых предпосылок для проведения масштабной, комплексной административной реформы (сроки которой, кстати, не должны быть чересчур сжатыми), преобразования такого рода лучше и не пытаться проводить, ограничиваясь реформированием административных процессов (бизнес-процессов в госорганах), внедрением новых технологий (в том числе ИКТ; в России эти направления получили особое развитие в связи с деятельностью Открытого правительства) деятельности органов исполнительной власти и межведомственного взаимодействия, совершенствованием оказания государственных услуг бизнесу и населению. Такие реформы, при всей своей «частичности», могут приносить вполне осязаемый результат и существенно повышать качество функционирования государственного аппарата и степень удовлетворенности граждан его деятельностью.

Библиографический список и примечания

1. Административная реформа. Интервью с М.Э. Дмитриевым. URL: <http://www.ru-90.ru/content/административная-реформа-интервью-с-мэ-дмитриевым> (дата обращения: 12.01.2016).

2. Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М., 2003.

А.Н. Кадочников

A.N. Kadochnikov

О.Д. Сафонова

O.D. Safonova

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
МУЛЬТИ-ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
(НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР ЕВРОПЫ)

ECOLOGICAL ASPECTS OF STABILITY
OF POLITICAL SYSTEMS: MULTI-DISCIPLINARY
APPROACH (ON THE EXAMPLE OF THE GREAT
LAKES OF EUROPE)

Политическая система является одной из основных категорий политической науки. Отечественный политолог М.Г. Анохин утверждает, что понятие политической системы базируется на двух ключевых моментах: с одной стороны, она является определенным теоретическим построением, инструментом, позволяющим раскрывать и описывать системные качества разнообразных политических явлений. В таком случае эта категория выступает средством системного анализа политики... С другой, конкретное значение политической системы обуславливает подлинный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе, реализуемой различными политическими акторами [2, с. 305].

В рамках проблематики устойчивости систем и особенно политических систем современного мира одним из важных вопросов, на наш взгляд, является целостное представление о мире, о законах развития, являющихся общими для природы, человека и общества. В естествознании — науке о природе — все чаще говорится о междисциплинарности, комплексности, системности; в философии все больший вес приобретают такие понятия, как синтез, всеединство, целостность; в полити-

ке провозглашается приоритет общечеловеческих ценностей перед групповыми, усиливается переориентация от вражды к сотрудничеству, экологические требования обретают черты нравственного императива. Синтезирующую роль берет на себя культура, объединяя науку, искусство и духовные учения в целостность ноосферы [3, с. 6]. Научные знания должны применяться для выработки и поддержки целей устойчивого развития путем проведения научных оценок нынешних условий и перспектив системы на будущее.

Экологическая безопасность представляется не менее важной составляющей национальной безопасности и влияет на устойчивость политических систем во всем мире. Ученые говорят об «экологическом разделе мира» — определении квот использования любых природных ресурсов и экологических условий и развития стран и народов. Возможен также шантаж противника экологической опасностью изменения климата, что, несомненно, может нарушить устойчивость любой политической системы.

Обеспечение экологической (или экосистемной) безопасности в рамках исключительно национальных интересов в полной мере невозможно и является общемировой задачей. Совсем недавно Великобритания и Польша настаивали на экспорте сланцевого газа из США, чтобы избежать энергозависимости от России и хотели включить газовый вопрос в соглашение о трансатлантическом партнерстве ЕС и США. Однако как раз из экологических соображений против этого выступали Париж и Берлин.

Вопросы грамотного и бережного отношения к природным ресурсам, получая в мировом масштабе политическую окраску, с каждым годом приобретают все большую актуальность для федеральных и региональных органов власти.

5 января 2016 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» в 2017 г. в целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. сохранение окружающей

природной среды, обеспечение ее защиты, а также ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности, глобальных изменений климата являются важнейшими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования.

Экологическая политика — система мер на международном и национальном уровнях, направленная на реализацию стратегии устойчивого экологически безопасного социально-экономического развития общества¹. Формирование взвешенной, обоснованной и продуманной национальной экологической политики — залог, как устойчивости любой политической системы, так и благоприятного будущего наших потомков. Очевидно, что строительство ее фундамента в настоящее время, в особенности в России с нашей особой ментальностью, по понятным причинам возможно лишь при мульти-дисциплинарном научном подходе, хотя в странах Европы и Америки экологическая политика — это в основном сфера юриспруденции.

Необходимо отметить некоторые существенные недостатки современной экономики. А именно, многие элементы издержек, участвующих в процессе производства продуктов, не имеют стоимостной оценки или явно недооцениваются, т.е. достаются производителям бесплатно или по заниженной цене. Такими элементами являются, например, воздух, вода, земля, полезные ископаемые, леса, флора и фауна. Цены не отражают полных издержек производства. Еще меньше они отражают предполагаемую стоимость истощения ресурсов и деградации окружающей среды [8, с. 113].

Будучи генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун, выступая на первом Азиатско-Тихоокеанском саммите воды в японском г. Бепцу в декабре 2007 г., заявил, что мир стоит на пороге «водных войн». По его мнению, «водный» кризис в особенности угрожал азиатским странам, где наблюдался рост населения, увеличение потребления и серьезное загрязнение водных ресурсов.

---

¹ «Модельный закон об экологической безопасности» (новая редакция). Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 г. Постановлением 22–18 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // https://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/jekologicheskaya_politika/

Самое позднее в ближайшие три — четыре года из всех ресурсов планеты Земля самым ценным будет пресная вода. Сегодня почти половина человечества испытывает нехватку чистой качественной питьевой воды¹. И если в недавнем прошлом это были засушливые регионы Азии и Африки, то сегодня и Европа, и даже США, где нормирование воды в связи с нехваткой водных ресурсов давно является предметом озабоченности на государственном уровне в таких штатах, как Аризона и Калифорния.

Россия, занимающая второе место в мире по запасам пресной воды, тоже испытывает определенные проблемы с питьевым водоснабжением. Однако это связано не с нехваткой пресной воды, а с резким ухудшением ее качества, с безалаберным, если не сказать преступным, отношением к нашим национальным богатствам². В стратегические водоемы по-прежнему поступают неочищенные стоки промышленных предприятий, очистные сооружения, мягко говоря, оставляют желать лучшего, а тем временем мы теряем качество прежде идеально чистой воды. Так, вода ряда районов Ладожского озера уже нуждается в доочистке для целей питьевого водоснабжения (3 класс), а ведь совсем недавно вся вода Ладоги, равно как и Онеги была 1 класса!

Ладожское и Онежское озера — крупнейшие европейские пресноводные водоемы, вместилище более 1 200 куб. км чистой питьевой воды. На сегодняшний день Ладожское и Онежское озера — явно недооцененный национальный и глобальный ресурс. Совокупный объем воды Онеги и Ладоги — это более 1% мировых запасов, что в 4 раза превышает суммарный

¹ На VI Всемирном водном форуме 2012 г. в Марселе эксперты ООН сообщили, что мир находится на грани водной катастрофы. Каждый десятый житель Земли испытывал в это время острую нехватку питьевой воды, а это почти 780 млн человек. По прогнозам, к 2050 г. необходимость в воде увеличится на 20%.

² На VII международном форуме, проходившем 2–3 марта 2016 г. в Санкт-Петербурге, начальник Управления государственного экологического надзора Росприроднадзора Н. А. Соколова отметила, что ситуация с хранением отходов на полигонах в России ухудшается. «В России ежегодно образуется свыше 5 млрд тонн отходов I–V классов опасности. При этом вместимость полигонов для захоронения таких отходов на пределе, свободных площадей на них осталось чуть более чем на 1,7 млрд тонн».

объем воды во всех Финских озерах. Ладога через Неву несет более 2 500 куб. м/с воды и дает около 20% всего пресноводного стока в Балтику. Ладога и Онега с их огромной массой воды — серьезный фактор, влияющий на климат европейского субконтинента и оказывающий значительное влияние на экологическую ситуацию во всем Балтийском море.

Если исходить из цены 7 рублей или 0,1 доллара за литр, то стоимость онежской и ладожской пресной воды исчисляется в 120 триллионов долларов! Это 100 годовых бюджетов США... «Великие озера Европы» обеспечивают пресной водой не менее 10 млн человек, и это не считая Саймы и озера Ильмень, связанных с Ладогой.

Кроме того, Ладожское и Онежское озера — уникальный рыбопромысловый ресурс, особо значимый в настоящее время в связи с осложнившейся из-за санкций политико-экономической обстановкой. Это импортозамещение для обеспечения продовольственной безопасности страны, это рабочие места в прибрежных городах и селах, возрождение национальных (Карелия) промыслов, решение социально-экономических задач и занятость людей.

Трудно переоценить историческое и культурное наследие побережья Ладоги и Онеги для России. Старая Ладога — столица древней Руси, имеющая более чем тысячелетнюю историю [6, с. 10; 7, с. 342]. Валаамский монастырь, издревле являвшийся оплотом Православия на Севере Руси, Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь, основанный в конце XV в., Коневский Рождество — Богородичный мужской монастырь с более 600-летней историей. Древнейшие онежские петроглифы насчитывают около пяти тысяч лет!

Андома — гора в Вытегорском районе известна не только благодаря виду, который открывается с одной из самых высоких точек Онежского озера: здесь находится уникальный геологический разрез, обнажающий породы 400-миллионнолетней давности, именно по этой горе проходит граница Атлантического и Северного Ледовитого бассейнов.

Музей-заповедник «Кижы» — один из крупнейших в России музеев под открытым небом, уникальный историко-культурный и природный комплекс, являющийся особо ценным объ-

ектом культурного наследия народов России. Заповедник «Кивач» — один из старейших в России и первый в республике Карелия.

Экосистемные услуги, предоставляемые Великими озерами Европы — это чистая вода, рыба и другие биологические ресурсы, весьма значимая рекреационная функция побережья и самой акватории, а также формирование климата. Благоприятное будущее Великих озер Европы напрямую зависит от эффективного регулирования природопользования и выстраивания отношений государственных институтов и бизнеса при взаимодействии с окружающей средой.

Именно поэтому скорейшее принятие Федерального закона об охране Ладоги и Онеги — не только национальная стратегическая задача, но и глобальная ответственность нашей страны.

Финансовая невозможность создания широкой сети и большего количества федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) диктует необходимость реализации государственной программы «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.» в основном за счет региональных ООПТ. Программой предусмотрено, что ООПТ к 2020 г. должны покрывать 13,5% площади страны. В Ленинградской области общая площадь ООПТ на 2016 г. составляет 7% территории, в Евросоюзе — около 17%, и это соответствует решениям Конвенции Рио-де-Жанейро «О биологическом разнообразии».

Однако, финансирование региональных ООПТ по Республике Карелия — 16 руб./га, по Ленинградской области — 68 руб./га. Исключение составляют ООПТ Санкт-Петербурга с финансированием 10 000 руб./га. Федеральный Нижне-Свирский государственный заповедник — 415 руб./га. Для сравнения в ФРГ (земля Северный Рейн-Вестфалия) на 1 га ООПТ приходится около 8 000 руб.

«Активное участие граждан должно стать определяющим для выбора направления глобального развития, так как у каждого есть неотъемлемое право на благоприятную окружающую среду» [4, с. 231].

«Для развития ООПТ необходимо постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей отноше-

ния между государством, обществом и природой, т.е. юридическое сопровождение функционирования особо охраняемых природных территорий» [5, с. 21].

Важнейшая комплексная проблема — расширение сети ООПТ регионального уровня и федеральная принадлежность вод, создающая сложности в выполнении Россией своих международных обязательств. Так, в Ленинградской области существует три «Рамсарских»¹ территории, имеющих региональный статус и четыре территории Хельсинкской² конвенции.

Решение вышеперечисленных проблем должно основываться на выработке мультидисциплинарных научно обоснованных рекомендаций по сохранению биоразнообразия (прибрежные леса, нерестовые реки, эффективность рыбовоспроизводства, улучшение качества репродукции, прогноз тенденций распространения видов — вселенцев) и их неукоснительному соблюдению. Необходима скрупулезная комплексная научная оценка состояния популяций и мониторинг основных видов промысловых рыб, популяции ладожской нерпы и объективной оценки конфликта «нерпа — рыбный промысел». Несмотря на геологическую молодость Ладожской котловины, окончательно сформировавшейся около 12 тысяч лет назад [1, с. 84], для Ладоги уже характерны эндемичные формы жизни. Самый яркий пример: ладожская нерпа — морское млекопитающее, живущее в пресноводном озере. Биологическое разнообразие — неотъемлемая часть не только устойчивого развития, но и самой жизни на Земле.

Именно объединение усилий ученых и специалистов разных направлений деятельности: юристов и политологов, биологов и геологов, химиков, физиков и математиков, экологов и историков, инженеров и технологов позволит создать прочный и устойчивый фундамент для претворения в жизнь

---

¹ Конвенция о водно-болотных угодьях (Рамсар, Иран, 1971 г.) — межправительственный договор, целью которого является «сохранение и разумное использование всех водно-болотных угодий путем осуществления местных, региональных и национальных действий и международного сотрудничества, как вклад в достижение устойчивого развития во всем мире».

² Конвенция по защите природной морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 9 апреля 1992 г.). Конвенция вступила в силу для России 17 января 2000 г.

разумного взаимодействия человека с окружающей средой в широком смысле, то есть обеспечить будущее нашим внукам и правнукам.

Для того чтобы можно было лучше разрабатывать и выбирать экологическую политику и политику развития в рамках процесса принятия решений, одной из задач науки должно быть предоставление информации. Для выполнения этого требования важно расширять научное понимание мира, совершенствовать долгосрочные научные оценки, укреплять научный потенциал во всех странах и обеспечивать, чтобы наука отвечала возникающим потребностям¹.

Библиографический список и примечания

1. Амантов А.В., Спиридонов М.А. Геология Ладожского озера // Советская геология. 1989. № 4. С. 83–86.

2. Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. М.: Инфомарт, 1996. 305 с.

3. Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. СПб., 2003, 144 с.

4. Кадочников А.Н., Рудякова Э.А. Ноосферное учение Н.Н. Моисеева: истоки и влияние // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 1. С. 231.

5. Кадочников А.Н., Томилин И.А. Особо охраняемые природные территории как инструмент реализации государственной экологической политики // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация: Материалы VI международной научно-практической конференции (12 ноября 2015 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 21.

6. Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 1996. 200 с.

7. Кирпичников А.Н., Богуславский О.И. Историческое наследие Старой Ладоги // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 341–368.

8. Корочкин Е.Ф. Экология и устойчивое развитие России // Международная конференция «Устойчивое развитие: природа—общество—человек»: Сб. материалов. Т. 1. М., 2006. С. 105–120.

---

¹ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. Наука в целях устойчивого развития. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch35.shtml

А.А. Кострикина

A.A. Kostrikina

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ В СУДЬБЕ СССР
И РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛИТЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РФ

THE ROLE OF THE SOVIET ELITE IN DESTINY
OF THE USSR AND ROLE OF MODERN ELITE
IN POLITICAL STABILITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Проблема политической стабильности сегодня особенно актуальна в виду повсеместно происходящих негативных социально-политических явлений. Итогом вполне благополучного XXI века стало крушение ряда государств.

Всем мятежам и переворотам предшествовал социальный взрыв, который не прогнозировался социологическими опросами, не объяснялся экономическими бедствиями, не предусматривался политической наукой. Теперь становится ясно, что социальный взрыв всегда был следствием деструктивной социальной эпидемии (ДСЭ) [17].

Сегодня ДСЭ приобретают все больший геополитический размах и имеют все большее значение для политической стабильности. Ошибочно принимаемые за народное волеизъявление, за коррекцию политического курса лидера, ДСЭ привели ко многим государственным переворотам, убийствам лидеров государств, крушению стран, уничтожению человеческого капитала [12] и началу небывалой в новейшей истории массовой миграции жителей уничтоженных стран.

Под политической стабильностью обычно понимают устойчивое состояние политической системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться, противостоять внутренним и внешним дезорганизующим воздействиям и нейтрализовать их, сохраняя при этом свою структуру и способность контролировать процессы общественных перемен [7; 4; 16; 18].

Нестабильность же социально-политической системы может быть связана с неустойчивостью, слабостью режима или частой сменой правительства (в том числе с конфликтами внутри правящей элиты); с высоким уровнем политического насилия и протестных настроений в обществе; с нестабильностью и непоследовательностью проводимых политик [1; 10]. Иными словами, политическая дестабилизация может осуществляться как «снизу», так и «сверху». Более того, с опорой на внутреннюю оппозицию и самых разнообразных «недовольных» дестабилизация может осуществляться другими государствами.

Эти тезисы подтверждаются мировой и российской историей: открытая борьба между руководителями, частая смена правительств и режимов, рассогласованность политических приоритетов, целей и интересов, непоследовательность проводимых политик в XX столетии привели к дестабилизации политической ситуации в СССР, к краху политической системы, к распаду страны.

На наш взгляд, независимо от того, режим какого типа сложился в той или иной стране или какой политический курс он проводит, поддержание политической стабильности является задачей и ответственностью в первую очередь правящей политической элиты (те, кого именуют элитой, оказывают огромное влияние на судьбу Российского государства, и что важнее, ее народа).

Система советской власти трансформировалась сначала в сталинский режим, затем в режим так называемой хрущевской «оттепели», а впоследствии в режим коллективного руководства при Л.И. Брежневем. Революционное, послереволюционное, послевоенное поколение руководителей в 1950–1980-е гг. сменилось переходными фигурами — «членами партии — коммунистами». И можно отметить, что за эти годы произошла удивительная трансформация руководителей разного уровня советской эпохи.

«Эти люди произносили те же лозунги, проводили те же мероприятия, частично верили в то, что говорили, а по большей части не верили. Они уже стремились сделать жизнь лучше не только для всех, но и для себя лично. И в этом крылось их серьезное отличие от аскетов предыдущего времени. Брежнев, Черненко уже не сравнить со Сталиным, оставившим для своих детей поношенную шинель и стоптанные сапоги. Но и Горбачева уже не сравнить с Брежневым, после которого осталось

больше разговоров на эту тему, чем реальной имущественной роскоши» [2]. «Членов партии — коммунистов» сменили реформаторы. Так называемая перестройка началась с приходом М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря КПСС. Вследствие неадекватной экономической политики резко обострилась ситуация на внутреннем рынке. В обществе нарастало недовольство. Активизировались националистические организации. Внутренние оппозиционеры — Б.Н. Ельцин, А.Н. Яковлев — подливали масло в огонь. Последний XXVIII съезд КПСС проходил в условиях полной дестабилизации.

Одни отмечают, что крушение СССР связано с тем, что у тогдашних лидеров не хватило мудрости и терпения для того, чтобы осуществить необходимые для страны преобразования («Ни один ветер не будет для корабля попутным, если капитан не знает курса»). Другие — что реформаторами выступили две враждебных СССР элиты. Это были цельные люди, твердо понимавшие, чего они хотят, имевшие некий стратегический проект. Проект — неафишируемый и предполагавший демонтаж СССР — горбачевская элита желала создать Союз Суверенных Государств, а элита ельцинская желала полного отделения суверенных окраинных государств.

Оба тезиса подтверждаются словами участников событий того времени и самих реформаторов [13]: «Никто не думал, что развитие страны пойдет так... для Чубайса главным было как можно скорее развалить коммунистическую систему. У меня была другая мотивация: я стремился к тому, чтобы экономическая реформа позволила поднять конкурентоспособность нашей экономики, т.е. сохранить все лучшее и расширить возможности. С моей точки зрения, главной проблемой была не коммунистическая система, а технологическая отсталость нашей экономики, с которой нужно было бороться» [9]. «Власть, в лице Ельцина, решала собственный вопрос — вопрос сохранения. Те, кто на элиту претендовал, собственность делили в тот момент. Экономисты строили экономику. Вопрос о цели или о смысле историческом нигде тогда не обсуждался» [14]. «Мне было просто противно жить в Советском Союзе. Это меня заставило войти в группу товарищей, которая превратила Россию в более или менее капиталистическую страну, в которой мне теперь жить намного приятней» [8] и др.

Надо признать, что среди реформаторов-молодых экономистов доминировал «античеловеческий» подход к анализу

экономических процессов, т.е. человеческая составляющая во многом игнорировалась, не было диалога с обществом. Считалось, что если макроэкономические индикаторы хорошие, то социальная сфера приспособится [15]. На самом деле это серьезное упрощение и ошибка, потому что, теперь мы это уже должны признать, степень социального благополучия играет если не доминирующую, то очень важную роль в обеспечении конкурентоспособности экономики. В неблагоприятном, криминализированном, разделенном на богатых и бедных обществе построить экономику невозможно. То, как проводились реформы, доказало, что игнорирование этих фундаментальных человеческих составляющих ведет к катастрофе и провалу.

К сожалению, и сегодня мы наблюдаем факты того, что у элиты личные интересы преобладают над общественными [11]: искушение всегда больше у тех, кому больше дано (отметим, что российская политическая элита часто стремилась жить на два дома. Эксплуатируя трудовые и природные ресурсы России, она в своих личных жизненных предпочтениях ориентировалась на Запад. Туда ездила отдыхать «на воды». Там же содержалась недвижимость, проживали семьи, учились дети. Национальные интересы западных государств оказывались в конечном итоге для русского сановника более значимы, чем интересы России. Вирус этого искушения поражал и московскую аристократию XVII в., и чиновничество императорского периода, и советскую партноменклатуру). Многие считают современную политическую элиту России, по крайней мере существенную ее часть (непатриотичную, непрофессиональную и, по сути, компрадорскую) принципиально неспособной решать государственные задачи, к которым относятся не только процессы реформирования и трансформаций в российском обществе, но и сохранение человеческого капитала, и профилактика социальных деструктивных эпидемий, поддержание стабильности.

Парадокс, но именно элиты могут спасти человеческий капитал страны. Во времена, когда массы людей обрели доступ к легкому и немедленному получению удовольствий, утратили мотивации к обучению и работе, содержательному досугу, именно элиты являются эталоном для подражания... Но этим эталоном российская элита пока не стала. Оказалось, что впереди потребительского отношения жизни в современной Рос-

сии идет... ее элита, некстати охваченная эпидемией сверхпотребления. Поэтому в научной литературе российская элита и ее действия гораздо чаще критикуются, нежели оцениваются позитивно [5; 3].

Как уже отмечалось, одним из важнейших факторов стабильности политического режима или системы является диалог с обществом, а значит — реальное и эффективное функционирование механизмов обратной связи. «По мнению В. Арнольда, «управление без обратной связи всегда приводит к катастрофам...», а точка зрения А.О. Ярославцевой (которая ссылается на К. Дойча и Т. Гоббса) еще более категорична: без обратной связи управления нет.

Оценку действий современной политической элиты по критерию респонсивности проводил в 2010 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Исследование показало, что респонсивные способности современного российского государства достаточно высоки. Большинство опрошенных согласны с мнением, что власти прислушиваются к взглядам и запросам населения, и действия президента и правительства в значительной степени отражают интересы большинства.

Анализ механизмов реагирования показал, что управление осуществляется путем реакции на кризисные явления, либо на явления, угрожающие стабильности или снижению эффективности системы.

Однако существует проблема с разъяснением государством и политическими представителями целей и реально достигнутых результатов своей социально-политической деятельности широкой общественности. Налицо неспособность доказать авангардным, передовым группам, что именно такая политика является признаком высокого уровня демократизма политической системы. Вследствие этого приоритеты социальной политики государства, которые в точности соответствуют запросам большинства населения, почему-то не рассматриваются в качестве последовательной демократической политики.

В этом же исследовании показано, что «посредники», участвующие в передаче информации (СМИ, представители политических партий), не ориентированы на установление коммуникации между «народом» и «властью». Используя свою свободу для реализации собственных интересов и повышения социального статуса, они зачастую выступают «кривым зер-

калом», способствуя нагнетанию социальной напряженности, усилению взаимной возгонки неоправданных, завышенных и ни на чем не основанных ожиданий, культивированию атмосферы взаимонепонимания [6].

Подведем итоги: поддержание устойчивости и стабильности политической системы во многом зависит от эффективности деятельности и уровня согласованности интересов политических элит, от того, смогут ли они служить гражданам своей страны такими образцами смысла жизни, жизненных ценностей и жизненной цели, следуя которым человеческий капитал не подвергнется заболеванию социальной деструктивной эпидемией.

Но какой должна быть элита (культурная, научная, бизнес-элита и др.), чтобы предотвратить ДСЭ, сохранять устойчивость и стабильность политической системы.

Важнейшим критерием элитарности является компетентность в политических вопросах, которые являются главным регулятором во всех областях человеческой деятельности. Компетентность — это обладание такой научной картиной мира, которая позволяет видеть долгосрочную перспективу на десятки лет вперед, и поэтому дает элите способность безошибочно вести за собой массы людей при самых крутых изломах политических, экономических, культурных и научных процессов, порождающих деструктивные социальные эпидемии.

Другой критерий элитарности — репутация. Это не «имидж», разработанный политтехнологами, а реальный психолого-политический портрет, который «рисует» население страны, все знающее и все понимающее об элите.

Третий критерий — способность противостоять любым искушениям или страху, чтобы выполнить свою миссию, свое призвание, свое предназначение. Конкурент, противник, враг в первую очередь старается подкупить элиту, напугать, заставить ее подчиниться себе и предать тех, кто ее породил. Способность противостоять любым искушениям, страху и сомнениям защищает мировоззрение элиты, состоящее из свода моральных и нравственных правил, в которые надо так свято верить, чтобы никакие посулы и угрозы не заставили элиту предать свой народ.

И четвертым критерием соответствия элите является steadfastность — готовность всегда и везде преодолевать пре-

пятствия любого свойства на пути к своей цели. Целью элиты является «то предельное мыслимое благо, к которому человеку следует стремиться», т.е. благо своей Родины, которой она служит. Достижение элитой цели возможно только при условии, если она способна действовать «за пределами своих сил», через не могу, через невозможно, через боль и страдания.

Если элита не будет соответствовать этим признакам, то дестабилизации политической системы путем разжигания деструктивных социальных эпидемий не миновать с утратой еще одной значительной части человеческого капитала — главной ценности России.

Библиографический список и примечания

1. *Kolstad I.* Political Instability, Indices of International Encyclopedia of the Social Sciences. 2008. URL: <http://www.encyclopedia.com/doc/1G2-3045301969.html>

2. *Азаров Н.Я.* Украина на перепутье. Записки премьер-министра. М.: Вече, 2015. 500 с.

3. *Альфред Кох:* «Власть — неэффективная трата жизни». URL: <http://subscribe.ru/archive/lit.poetry.litera/201303/07172522.html/>

4. *Василик М.А.* Политология. М.: Гардарики, 2005. С. 217–218.

5. *Гурова О., Найшуль В.* Структура элиты: русские традиции // Главная тема. 2013. № 2.

6. *Дискин И.Е., Федоров В.В.* Респонсивность современной Российской политической системы.

7. *Жуков В.И., Краснов Б.И.* Общая и прикладная политология. М.: МГСУ: Союз, 1997. С. 522.

8. Змеиная горка. Альфред Кох: «Они прекрасно понимали, что будут спасителями следующего поколения политиков». URL: <http://polit.ru/article/2007/01/23/kokh/>

9. Змеиная горка. Сергей Глазьев: «Никто не думал, что развитие страны пойдет так». URL: <http://www.polit.ru/article/2006/09/26/glazyev/>

10. *Иванов В.Г.* «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. 1 // Вестник РУДН: Серия Политология. 2011. № 4. С. 7.

11. *Кострикина А.А.* Сравнительный анализ психологических особенностей двух современных поколений политиков РФ: старшего и молодого, молодежного // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 132–137.

12. Опыт психологического измерения человеческого капитала: Монография / И.С. Бурикова, М.А. Коновалова, М.А. Пушкина, А.И. Юрьев. Изд-во АНО ИЦК «Русский запад». СПб., 2009. 139 с.

13. Откуда пошли реформаторы. URL: <http://polit.ru/article/2006/09/06/gaidar/>

14. Откуда суть пошли реформы. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/21/vaucher/>

15. Петр Авен: «Мы заложили фундамент дальнейшей жизни» // URL: <http://polit.ru/article/2006/12/20/aven/>

16. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 1. 2003. 23 сент.

17. Юрьев А.И., Кострикина А.А. Роль элиты в возникновении и прекращении деструктивных социальных эпидемий // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 142–147.

18. Ярославцева А.О. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации [Текст] / А.О. Ярославцева // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования / Под ред. В.Г. Иванова. М.: РУДН, 2012. С. 11–49.

А.М. Кузнецов

A.M. Kuznetsov

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

SOME COMMON PROBLEMS OF THE THEORY AND METHODOLOGY OF THE ANALYSIS OF REPRODUCTION OF POLITICAL SYSTEMS

1. К постановке проблемы. Более чем четырехкратное увеличение числа государств в мире со времени окончания Второй мировой войны постепенно продемонстрировало негативные последствия такого роста. Распад Советского Союза, появление определения «несостоявшиеся государства», события «арабской весны» и украинский кризис актуализировали проблему устойчивости политических систем в современном мире. Однако при обсуждении данной проблемы обращает внимание, что в повестку посвященных ей мероприятий включаются самые различные темы, но очень редко выносятся вопросы общетеоретического характера. В результате, к настоящему времени словосочета-

ние «политическая система», несмотря на частое употребление, боюсь, превратилось просто в фигуру речи с крайне размытым содержанием. Анализ причин разочарования в концепции политической системы как варианта «большой теории» позволяет сделать следующие выводы. Появившиеся на гребне «системной моды» 1950–1960-х гг. разработки Истона, Алмонда, как и некоторые поздние варианты, соответствовали уровню своего времени с его достижениями и остававшимися нерешенными проблемами. Неслучайно «кибернетистский» вариант Д. Истона с его пресловутыми «входами» и «выходами» Г. Алмонд должен был дополнить идеей «политической культуры». Последующие авторы стали призывать к обсуждению только «частных систем» [20]. Другие пошли еще дальше и свели процедуру анализа политической системы «к выделению некоторых элементов, которые **кажутся** исследователю наиболее тесно взаимосвязанными и последующему их рассмотрению в виде системы». [15, с. 141]. Конечно, предлагались и вполне корректные определения, например: политическая система — «...целостная и динамичная совокупность однотипных, дополняющих друг друга ролей, отношений и институтов власти, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, задаваемых интересами доминирующих в обществе социальных групп и позволяющих последним реализовывать свои цели и намерения». [11, с. 236] Однако вопросы развития и стабильности политических систем оставались, практически, неисследованными в рамках существующих политологических концепций.

2. Современная системная парадигма. На мой взгляд, стоит обратить внимание на возможности «новой системной парадигмы» в решении поставленной проблемы. Дело в том, что в естественнонаучной сфере системные идеи успешно развивались и доказали свою высокую эвристичность, несмотря на постмодернистские «шатания» в социальных и гуманитарных науках [10]. Кроме того, как раз начиная с 1970-х гг., в этом варианте системной парадигмы был решен ряд принципиальных вопросов воспроизводства систем, а также их устойчивости. Так, например, раньше вопросы подобного рода сводились к возможностям системы противостоять воздействию среды (принцип устойчивости Ле Шателье) [4]. Новая системная парадигма в рамках теории самовоспроизводства (аутопойэзиса) сместила акценты: «...любой живой организм стремится к

единственной цели, которая заключается в **поддержании и воспроизводстве его внутренней организации путем аутопойэзисных процессов**» [9, с. 34].

Хотя сегодня много рассуждают о развитии междисциплинарности в науке, но, тем не менее, такой посыл сам по себе еще не снимает вопрос о правомерности использования идей и средств из разных областей знания. Однако современная системная парадигма носит общенаучный характер, так что ее основные положения после соответствующей верификации могут быть использованы и для решения наших задач. Правомерность предложенного вывода может быть продемонстрирована на следующем примере. Политическая наука традиционно рассматривается как «поведенческая» по своей сути. Говоря другими словами, она больше занимается проблемами современности. Поэтому для данной отрасли знания, как и для многих других, существует проблема **соотнесения настоящего с прошлым**. Сложившаяся практика показывает, что в основном эту проблему пытаемся снимать паллиативными средствами. Тем не менее уже К. Маркс понимал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [8, с. 5]. Использование же концепта «самовоспроизводство системы» (самосохранение) позволяет рассматривать прошлое и настоящее в границах этого единого процесса. При этом следует понимать, что, если в современности все существует в «живом» виде, то в прошлом оно остается только в «снятом» состоянии. В таком случае, в известные определения системы как **целостного комплекса взаимосвязанных компонентов** в нашем случае следует еще добавить способного к **самовоспроизводству**. Вполне очевидно, что приведенная способность, как в случае биологических, так и социальных/политических систем, еще имплицитно содержит такое свойство, как обеспечение **жизнедеятельности**. Способна ли политическая система обеспечить свое самовоспроизводство? Чаще всего ответ будет утвердительным. Но способна ли политическая система самостоятельно создать и поддерживать свою жизнедеятельность? Понятно, что в этом случае необходимые условия для обеспечения указанного свойства создает у нас государство (страна). Поскольку за концептом государство стоит слишком много различных коннотаций, то я предпочитаю в дальнейшем использовать термин общественно-политическая система.

Важный аспект теории аутопойэзисных систем заключается еще в идее **оперативной закрытости**. Смысл ее в общих чертах заключается в том, что открытые системы, к которым относится и объект данного исследования, взаимодействуя со средой и испытывая внутренние преобразования, для того, чтобы обеспечивать свое воспроизводство, сохраняя присущую им «идентичность», должны обладать **реальными границами**. Неслучайно, одно из недавних определений системы выглядит следующим образом: «В наиболее общем виде система может быть определена как комплекс взаимодействующих компонентов вместе с отношениями между ними, которые делают возможным распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов» [21, р. 47].

В случае с государством ситуация более или менее понятна, так как при всех противоречивых тенденциях последнего времени государственные границы остаются достаточно узнаваемыми. Проблема же заключается в том, что в рамках государств существуют еще общности и образования расового, религиозного, этнического и т.д. характера. В результате, наряду с «естественными» границами пришлось признать наличие различных **«символических» границ**. Осознание значимости и разнообразия границ привело даже к возникновению новой дисциплины — погранологии (*border studies*). К сожалению, последняя еще не видит своей связи с системной парадигмой [19]. Между тем, обсуждение проблемы символических границ имеет прямое отношение к вопросу об устойчивости систем, так как их специфика вынуждает искать дополнительные факторы, обеспечивающие системный аутопойэзис. В естественных науках свою роль в этом процессе выполняют **аттракторы**. В нашей сфере следует снова вернуться к обсуждению идеи **структуры**.

3. Проблемы структуры. К сожалению, философские амбиции К. Леви-Стросса сделали структурализм уязвимым для критики постмодернистов (постструктуралистов). Так что, концепт «структура» в настоящее время уже не в чести. Классическое определение структуры понимает под ней набор наиболее устойчивых связей и отношений, обеспечивающих целостность и основные свойства системы [1]. Сегодня в данный концепт «загоняется» самое произвольное толкование. Например: «Структура политической системы — это полити-

ческая организация (государство, политические партии и движения, общественные организации, трудовые коллективы), политическое сознание, социально-политические и правовые нормы, политические отношения и политическая практика» [2, с. 6]. Вся беда в том, что, как и символические границы, структурные связи и отношения не даны нам непосредственно и их выявление возможно только в результате сложной процедуры исследования, от которой проще отказаться, чем ее усвоить. Но без корректного анализа структур невозможно понять те самые «**эмерджентные**» свойства систем, которые проявляются только на уровне их целостности. В принципе, процедура определения структуры может быть сведена к выделению из всего множества связей и отношений в системе постоянных их значений. Хотелось бы также обратить внимание, что в своей последней работе Д. Истон также пришел к признанию роли структуры для политической системы [17].

Наряду с понятием аутопойэзиса еще одним важным достижением современной системной парадигмы стало принятие принципа **сложности** [12]. Имплементация данного принципа (феномена) означает, что мы на практике очень часто имеем дело со сложноорганизованными явлениями, состоящими из различных компонентов, распределенных по разным иерархическим уровням [5]. Вполне очевидно (за некоторыми исключениями) — социально-политические системы представляют собой образования сложного и даже высокого уровня сложности. Значимым следствием рассмотрения систем такого рода через принцип сложности является понимание того обстоятельства, что системы могут включать в себя подсистемы и другие компоненты очень разные по своему характеру, те же партии. Отсюда и необходимость использования метода **итераций**, т.е. последовательных приближений для анализа системной организации.

Тогда становится понятным, что устойчивость рассматриваемых нами систем в значительной степени будет зависеть от того, какие отношения сложатся между их столь различными компонентами, прежде всего, подсистемами. Как известно, марксизм абсолютизировал антагонистические отношения между основными общественными классами. Сегодня же, например, для большинства государств с полиэтничным составом населения все более злободневным становится вызов этнонационализма.

Не менее показательны прецеденты, связанные с фактическим провалом идеологии модернизации (вестернизации) новых государств, появившихся после распада колониальной системы. Попытки ускоренного внедрения отношений и институтов одних систем в другие не могли дать ожидаемых результатов в силу серьезных различий в структурах этих систем. Неудачи с последним этапом демократического транзита следует искать здесь же. Именно незримая структура обеспечивает существование не только прозрачных символических границ, но и устойчивость основных свойств социально-политической системы в процессе ее воспроизводства. Ситуация в «несостоявшихся государствах» наглядно подтверждает тот непреложный факт, что система жизнеспособна только при наличии в ней эффективной структуры. Рост же числа государств, при всей их внешней институционально-функциональной однородности, тем не менее, сопровождается увеличением разнообразия находящихся в их основаниях структур. В этой связи хочу еще обратить внимание на значение недооцененной хронополитической концепции М.В. Ильина и В.Л. Цимбурского [3; 13].

Возвращение к корректному пониманию структуры позволяет нам также избежать двух «методологических ловушек». Первую из них — **методологический национализм** зафиксировали европейские социальные теоретики. В нее угодили те авторы (М. Вебер, Т. Парсонс), которые придавали своим концепциям, основанным на реалиях конкретных социально-политических систем, неоправданно универсалистский характер [16]. Вторая — известная как **методологический индивидуализм** заключается в том, что как писал Р. Графштейн, любое исследование в социальной сфере должно ограничиваться уровнем **реальных индивидов** [18, р. 24]. Однако существует еще и социологический реализм Э. Дюркгейма с его принципом **методологического коллективизма**. Здесь надо отдать также должное усилиям Н. Лумана, который в своей теории социальной системы попытался снова восстановить в правах этот принцип на основе базовых положений системной парадигмы, в том числе и идеи аутопойезиса. Правда немецкий «философствующий социолог» так рельефно выставил свое понимание специфики социальной системы, что из нее совсем выпали реальные индивиды [7]. Между тем в логике сложных систем совершенно очевидно, что индивидуальный и разные коллектив-

ные уровни дополняют друг друга в социально-политических системах и должны быть учтены при исследовании.

4. Сложные системы и их наблюдение. Как мне кажется, еще более примечательной особенностью современной системной парадигмы является ее **когнитивная** составляющая. Нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в рамках своей версии концепции аутопойэзиса даже стали использовать концепты «знание» и «сознание» применительно к биологическим системам [9]. Пойти на столь радикальный шаг этих авторов подвигло обоснование в физике значения операций наблюдения и свойств наблюдателя (В. Гейзенберг) [22]. В случае исследованной социально-политической реальности проблема заключается в том, зачастую, мы не можем непосредственно наблюдать всю многообразную политическую жизнь и деятельность всех политических институтов. В результате мы имеем набор наблюдений («мнений»), сделанных некоторыми наблюдателями с разных позиций по отношению к изучаемому сложному явлению. Отсюда и ворох всех тех проблем, возвращающих нас под новым углом зрения к «человеческому фактору», а точнее к роли сознания в системном самовопроизводстве, который расшевелили постмодернисты. Первая из них заключается в том, чтобы понять, как и каким образом были получены представленные данные, а также механизмы преобразования первичных наблюдений в конечные выводы. Вторая проблема состоит в том, что наблюдатели политической системы предъявляют свои результаты в рамках определенного дискурса. Как следствие такой процедуры мы имеем установленный постмодернистами **двойной отрыв дискурса от исследуемой реальности**: за счет использования языка для ее описания и ухода от целостности (сложности) изучаемых явлений [6]. Не обременив себя разработкой новых концептуальных оснований, способных привести к решению обозначенных проблем, социально-гуманитарные науки просто сдались на милость разных вариантов субъективизма («мнение», «идентичность») и конструктивизма (создания разных артефактов). Системное же представление социально-политических систем и собственно политических подсистем открывает нам возможность в соответствии с **принципом дополнительности** понять, каким образом соотносятся между собой «мнения» различных наблюдателей, даже если они, на первый взгляд, совершенно несо-

вместимы. Дополнительные данные о самих наблюдателях и условиях их наблюдений позволят точнее оценить качество предъявленных ими результатов.

В представленном контексте становится очевидным, что мы должны в нашем случае различать значимость следующих видов наблюдений. Во-первых, выводов, которыми руководствуются лица, ответственные за принятие политических решений, осознанно или неосознанно руководствующихся своим целостным, но не всегда системным образом социально-политических систем. Во-вторых, рекомендаций, предлагаемых различными консультантами и экспертами, приближенными к «власть имущим». Затем, точек зрения специалистов из различных дисциплин, проводящих свои исследования. Наконец, измерений, так называемого, «общественного мнения» по вопросам политического характера. Однако, в основном, все это будет иметь отношение к «внутренним» и «внешним» наблюдениям современного состояния систем. В соответствии же с требованием целостного представления процесса системного воспроизводства все эти данные должны быть соотнесены не только между собой, но и с прошлыми состояниями системы, которые закреплены в ее структуре.

5. Устойчивость — развитие, некоторые итоги. Изменение характера социально-политических систем в процессе их истории позволяет утверждать, что структуры, несмотря на свою инерционность, также подвергаются изменениям. Для понимания механизма структурных изменений следует обратить внимание на зафиксированное историками явление **цикличности** в развитии ряда стран. Оно заключается в инверсии преимущественной ориентации на решение проблем внутренней или внешней политики [14]. В соответствии с уже рассмотренным положением об операциональной замкнутости, можно констатировать, что после периода «открытости», система должна на некоторое время «закрыться» для того, чтобы привести «инновации» в соответствие со своей структурой. Рассмотрение же процесса политогенеза от возникновения первых городов-государств, номовых и т.д. государств вплоть до образования Евросоюза наглядно демонстрирует не только возрастание сложности политий, но и тот факт, что появление новых типов государственных образований являлось результатом кардинальных изменений структуры. Однако этот переход на но-

вый уровень системной организации связан со значительными затратами ресурсов, а также предполагает наличие достаточного времени для соответствующих преобразований структуры.

Таким образом, современный вариант системной парадигмы с ее идеями аупойэзиса, сложности и возвращение к корректному пониманию структуры в социально-политических системах могут создать корректные концептуальные основания для создания теории «политических систем». При этом следует понимать, что в определенных исследовательских целях мы можем обсуждать «политическую систему», но уже при решении проблем системного самовоспроизводства и устойчивости мы должны говорить о политической подсистеме общественно-политических систем. Важнейшим условием сохранения систем в условиях их аутопойэзиса является качество принимаемых решений, а также экспертиз и научных исследований («наблюдений») систем и их соответствие «требованиям» структур.

Библиографический список и примечания

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977.
2. Демидов А.И., Мелько А.В. Политология в вопросах и ответах. М.: Юрист, 1998.
3. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории // Полис. 1997. № 1.
4. Концепция самоорганизации в исторической перспективе. М.: Наука, 1994.
5. Крон В., Кюпперс Г., Паслак Р. Самоорганизация генезис научной революции // Концепция самоорганизации в исторической перспективе. М.: Наука, 1994.
6. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
8. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 4. М.: ИПЛ, 1986.
9. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 34 с.
10. Системный подход в современной науке: К 100-летию Людвиг фон Бергаланфи / Отв. ред.: И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
11. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2000.

12. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
13. *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени. М.: Европа, 2011.
14. *Шлезингер-мл. А.* Циклы американской истории. М.: ИГ «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1992.
15. *Chilkote R.* Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm. Boulder, 1981. P. 140–141.
16. *Chernilo D.* A Social Theory of Nation State. The Political Forms of Modernity beyond Methodological Nationalism. N. Y.: Routledge, 2007.
17. *Easton D.* The Analysis of Political Structure. N. Y.; L.: Routledge, 1990.
18. *Grafstein R.* Institutional realism: the social and political constraints on rational actors. New Haven; L.: Yale University Press, 1992.
19. Introduction to Border Studies / Ed. by S.V. Sevastianov, J.P. Laine, A.A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2015.
20. *LaPalambora J.* Macrotheories and microapplications in comparative politics: a widening chasm // Comparative Politics on the Post-Behavioral Era / Ed. by L. Canton, A. Zeiglar. Boulder, 1988.
21. *Laszlo A., Krippner S.* Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development // System Theories and A Priori Aspects of Perception. Amsterdam: Elsevier Science, 1998.
22. *Maturana U., Farel F.* Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Boston Studies in the Philosophy of Science / Ed. by R. Cohen and M. Vartofsky. Vol. 42, 94. Boston: Reidel Publishing Company, 1980.

В.А. Смирнов

V.A. Smirnov

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ МАЛЫХ СТРАН:
К ВОПРОСУ О ВНЕШНИХ ФАКТОРАХ**

**POLITICAL ELITES OF SMALL STATES:
ON THE QUESTION OF EXTERNAL FACTORS**

Политические элиты в малых странах больше подвержены влиянию трансграничных процессов, нежели элиты крупных государств, так как в большей степени зависят от «внешних» ресурсов — экономических, военных и культурных, получаемых от крупных держав, межгосударственных объединений и

международных институтов. Без подобной поддержки малое государство, не обладающее значительными природными ресурсами, нередко оказывается нежизнеспособным, поэтому политические элиты вынуждены в первую очередь решать именно задачи выстраивания внешней политики, от эффективности реализации которых зависит сохранение влияния властных групп внутри малой страны, удержание стабильности политической системы. Анализ этих процессов на примере малой страны позволяет четче раскрыть проблематику взаимосвязи внутренних и внешних факторов при принятии решений. В данной связи А.Д. Богатуров ведет речь о «размягчении суверенитета» и слиянии «миров» внешних и внутренних политик в сфере «единого мирового политического» пространства [1].

Политическая элита может быть определена как группа лиц, контролирующая с помощью формальных и неформальных практик принятие и исполнение системой органов государственного управления основных политических решений. Различные социально-политические группы, не имеющие значительного прямого воздействия на функционирование системы госуправления, в данном случае не входят в категорию политической элиты, что не исключает их возможностей косвенно влиять на политические процессы в государстве.

Предложенный подход к определению понятия политической элиты дает эффективный инструментарий для анализа не только внутриполитических процессов, но и международных, позволяя уравновесить детерминизм политической географии субъектными факторами, связанными с целеполаганием политического руководства государства. Это соответствует актуальному запросу на комплексные исследования в сфере изучения политических элит [2]. Таким образом, политическая элита может выступать центральным понятием теории среднего уровня, позволяющей результативно анализировать внутриполитические процессы в государстве в связке с процессами международных отношений, так как на практике они фактически нерасторжимы.

В качестве кейса могут быть рассмотрены политические элиты стран Прибалтики (Латвии, Литвы и Эстонии), образующие субрегион в рамках региона Восточной Европы. Данный субрегион выделяется по принципу географической близости

прибалтийских государств, схожести их демографических, экономических и политических характеристик и исторического наследия. На современном этапе страны Прибалтики демонстрируют заметные различия в плане социального развития, проводят различающуюся внешнюю политику, имеют целый ряд взаимных противоречий в рамках прибалтийского субрегиона. Вместе с тем, элиты стран Прибалтики в отношении России проводят политику, исходящую из общих предпосылок сохраняющегося в постсоветский период недоверия, стремления к дистанцированию и нацеленностью на относительно высокий уровень конфликтности в области политики, экономики и гуманитарной сфере, дополняющийся установкой на интернационализацию рисков, являющихся побочным продуктом проводимого элитой курса [5]. Страны Прибалтики оцениваются как «удобная географическая точка» для дестабилизации России в военно-политическом смысле [4].

Анализ структурной динамики властных групп в странах Прибалтики после распада СССР показывает: в странах субрегиона произошла не «замена» элиты (полное устранение предыдущих властных групп в результате падения прежнего политического режима), а ее «трансформация», что предполагает постепенные внутренние структурные преобразования, сопровождающиеся изменением каналов и механизмов элитного рекрутирования при сохраняющейся преемственности значительной части элиты в новых условиях. Основным механизмом трансформации политической элиты в Литве, Латвии и Эстонии являлась конвертация капиталов (переход управленцев из сферы политики в сферу экономики, из гуманитарной сферы — в политику, а позднее — из бизнеса в политику).

Малые страны на внешнеполитическом уровне, в отличие от многих крупных держав, апеллируют не столько к национальным интересам, сколько к ценностным основаниям. Данное обстоятельство проявляется особенно активно в том случае, если малая страна расположена на границе крупных интеграционных (военно-политических) межгосударственных объединений. С этим связано особое внимание прибалтийских элит (даже на фоне других стран Восточной Европы) к исторической политике, формирующей систему формальных и неформальных институтов в государстве, в свою очередь, задающих определенные нормы и пространство маневра для

действий политических элит. Данный процесс институционализации задает определенный вектор внешнеполитических действий властных групп Прибалтики, формируя «эффект колеи», в конечном итоге, препятствуя снижению конфликтности действий политической элиты.

Действуя во внешнеполитической среде, политические элиты крупных и малых стран обладают разным уровнем (качеством) субъектности. В этой связи можно вести речь о субъектах (игроках) и агентах, различающихся, прежде всего, степенью свободы в определении целей и способов их достижения [6]. Агенты в силу ограниченности доступных ресурсов вынуждены подстраиваться под действия субъектов, выступать проводниками их интересов, а также апеллировать к международным институтам и общественному мнению. Вместе с тем агенты способны обрести качества субъектности в случае игры на противоречиях субъектов или «шантажа собой». Это создает сложную систему асимметричных отношений и взаимосвязей, складывающихся из различных моделей действий элит. Элиты малых стран могут проводить активную или пассивную, конфронтационную или кооперативную политику, ориентируясь не только на экономическую конъюнктуру, международные организации и общественное мнение, но также пытаются играть на противоречиях крупных держав.

Базовой предпосылкой для выбора внешнеполитического курса политической элитой малой страны выступает стремление занять определенную внешнеполитическую нишу, которую можно определить как совокупность международных связей, позволяющих политической элите обеспечить свою власть ресурсами для реализации задач во внутренней и внешней политике.

Малые страны могут поддерживать международную стабильность или, напротив, снижать ее уровень, служить источником конфликтности [3]. Выбор в пользу той или иной модели зависит от конкретных условий и решений политических элит. Оценка данных условий может осуществляться посредством анализа следующих переменных: уровень обеспеченности малой страны ресурсами; геополитическое значение региона для крупных держав; характер отношений малой страны с крупными державами; основания легитимности политического режима. Учет данных переменных позволяет анализиро-

---

вать потенциальную возможность реализации конфликтной модели малым государством.

В условиях скудости экономических и военных ресурсов элиты стран Прибалтики делают ставку на использование идеологических и политических ресурсов для достижения целей во внутренней и внешней политике. Этим определяется выбор конкретной внешнеполитической ниши элит прибалтийских государств в качестве «привратника» и «миссионера», предполагающей функции «барьера» на пути влияния соседних альтернативных интеграционных структур, а также канала для распространения влияния на сопредельные страны, не входящие в собственный блок.

Библиографический список и примечания

1. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект-Пресс, 2017.

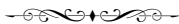
2. Гаман-Голутвина О.В. Политология как метадисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 86–94.

3. Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3 (18).

4. Межевич Н.М., Зверев Ю.М. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь № 35/2016 / [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 32 с.

5. Скачков А. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 111–125.

6. Цыганков П.А. О содержании термина «международный актер»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. М.: МГИМО, 2007.

Об авторах

Абрамова Марианна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. *E-mail:* abramova-m@mail.ru

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех». Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* nicbar@mail.ru

Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия. *E-mail:* sbesp@mail.ru

Богапова Анастасия Валерьевна, студентка Волгоградского государственного университета. Волгоград, Россия. *E-mail:* stasyavjv@gmail.com

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия. *E-mail:* selectedman@yandex.ru

Буду Амадо, PhD (экономика), бывший вице-президент Аргентины (2011–2015), министр экономики и финансов (2009–2011).

Бышок Станислав Олегович, политический аналитик Международной мониторинговой организация CIS-ЕМО. Москва, Россия. *E-mail:* sbyshok@gmail.com

Вашченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия. *E-mail:* vashchenko2002@bk.ru

Володенков Сергей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. *E-mail:* s.v.cyber@gmail.com

Гончаров Игорь Анатольевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорочкина. Сыктывкар, Россия. *E-mail:* goncharov88@rbcmail.ru

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail*: gut-50@mail.ru

Донцев Сергей Павлович, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия. *E-mail*: dontsev@gmail.com

Ефанова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Волгоградского государственного университета. Волгоград, Россия. *E-mail*: efanova8282@mail.ru

Жантиев Дмитрий Рустемович, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. *E-mail*: zdimitry@mail.ru

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail*: Zavershinskiy200@mail.ru

Земмур Эрик, писатель, журналист, обозреватель газеты «Le Figaro». Париж, Франция. *E-mail*: ezemmour@lefigaro.fr

Иванова Мария Геннадьевна, генеральный директор ООО «Группа компаний «Восход». Москва, Россия. *E-mail*: renkas55@mail.ru

Ильин Александр Юрьевич, кандидат философских наук, доцент Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, Россия. *E-mail*: iljin63@mail.ru

Кадочников Алексей Николаевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель Центра экологической политики. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail*: ank1805@yandex.ru

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов. Москва, Россия. *E-mail*: Kazarinova_db@pfur.ru

Кострикина Анастасия Александровна, аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail*: a.kostrikina@gmail.com

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета. Владивосток, Россия. *E-mail*: kuznetsov.2012@mail.ru

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. *E-mail*: politbum@mail.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия. *E-mail:* mirinna78@mail.ru

Мутагиров Джамал Зейнутдинович, доктор философских наук, профессор кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* dezamy@mail.ru

Нехай Руслан Шамсудинович, кандидат политических наук, доцент, директор ФГБУ «Центральный военно-морской музей» Министерства обороны Российской Федерации. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* info@navalmuseum.ru

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* pov_64@mail.ru

Посредников Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Донецкого национального университета. Донецк, Донецкая Народная Республика. *E-mail:* dposrednikov@yandex.ru

Пророкович Душан Н., доктор политических наук, исполнительный директор Центра стратегических альтернатив, преподаватель факультета дипломатии и безопасности. Белград, Сербия. *E-mail:* dusan.prorokovic@mail.ru

Радиков Иван Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики, заместитель декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* ivirrad@gmail.com

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия. *E-mail:* ivr@imomi.unn.ru

Сафонова Ольга Диомидовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* odsafonova@gmail.com

Светлов Роман Викторович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета философии, богословия и религиоведения РХГА. Санкт-Петербург, Россия. *E-mail:* spatha@mail.ru

Смирнов Вадим Анатольевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Социологической лаборатории анализа, модели-

рования и прогнозирования рисков Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Калининград, Россия. *E-mail*: VSmirnov@kantiana.ru

Телин Кирилл Олегович, кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. *E-mail*: kirill.telin@gmail.com

Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Россия. *E-mail*: timofeevalidiya@inbox.ru

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений Астраханского государственного университета. Астрахань, Россия. *E-mail*: usmanr@mail.ru

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета. Барнаул, Россия. *E-mail*: yashashkova@mail.ru

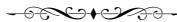
Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия. *E-mail*: shenins@yahoo.com

Юрченко Виктор Михайлович, доктор философских наук, профессор, советник ректора Кубанского государственного университета, заведующий кафедрой политологии и политического управления. Краснодар, Россия. *E-mail*: politics@kubsu.ru

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия. *E-mail*: ivyurchenko@mail.ru

Юрченко Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия. *E-mail*: nnyurchenko@mail.ru

Якунин Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Содержание

<i>Якунин В.И.</i> Устойчивость политических систем в условиях развивающегося мирового кризиса	3
--	---

СЕКЦИЯ № 1

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

<i>Абрамова М.Г.</i> Новые левые режимы: к вопросу о новых механизмах политической устойчивости	27
<i>Богданов А.В.</i> Проблема формирования политической идентичности и ценностных ориентаций современной российской молодежи в XXI веке: рассогласованность научных позиций	39
<i>Гончаров И.А.</i> Дискурс «после добродетели» в контексте политических трансформаций	44
<i>Гуторов В.А.</i> Модернизация как фактор устойчивого развития: некоторые проблемы теории	48
<i>Завершинский К.Ф.</i> Политическая память как предпосылка и условие устойчивости современных политических систем	57
<i>Земмур Э.</i> Изменение ценностей как фактор политических потрясений: европейский опыт для России	65
<i>Иванова М.Г.</i> Трансформация политики «мягкой силы» в России в условиях растущей политической нестабильности	72
<i>Ильин А.Ю.</i> Проблемы воспроизводства ценностей политической и правовой культуры как факторов устойчивости политической системы	80
<i>Нехай Р.Ш.</i> Военно-исторический музей как институт исторической памяти — основы социальной стабильности и целостности российского общества	86
<i>Посредников Д.В.</i> Кризис украинской государственности: ценностный аспект	98
<i>Светлов Р.В.</i> Константин Великий и Петр I: образы прошлого и опыт формирования устойчивой политической системы	101
<i>Юрченко И.В.</i> Аналитическая аксиология полиэтничного региона (на материалах Юга России)	109

СЕКЦИЯ № 2

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И УСТОЙЧИВОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Бышок С.О.</i> Национальная политика и политическая устойчивость России	116
<i>Ващенко А.В.</i> Кризис системы мирорегулирования: причины и последствия	124
<i>Ефанова Е.В., Богопова А.В.</i> Популистский дискурс в российском интернет-пространстве	133
<i>Жантиев Д.Р.</i> Сирийско-иракская конфликтная зона: перспективы стабилизации	136
<i>Казаринова Д.Б.</i> Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире	138
<i>Кузнецов И.И.</i> Стабильность современных политических систем в условиях мировой кризисной динамики и трансформации демократии	149
<i>Мутагиров Д.З.</i> Признанность государств как фактор их легитимности и стабильности	171
<i>Пророкович Душан.</i> Многополярность и идеологическая конкуренция как гарант устойчивости мировой политической системы ..	179
<i>Радиков И.В.</i> Российская повседневность в конце XX — начале XXI века: эффекты и влияние на политическую стабильность ..	183
<i>Рыжов И.В.</i> Политическое лидерство и его воздействие на переговорный процесс по урегулированию палестинской проблемы в современных условиях	193
<i>Шенин С.Ю.</i> Влияние групп интересов в администрации Дж. Буша-мл. на формирование американо-российских отношений .	202

СЕКЦИЯ № 3

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ИНСТИТУТЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Баранов Н.А.</i> Политическая система современной России в контексте социокультурных перемен	211
<i>Володенков С.В.</i> Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации национальных политических режимов ..	221
<i>Донцев С.П.</i> Модель светскости современной России как фактор устойчивости политической системы	233
<i>Мирошниченко И.В.</i> Формирование сетевой публичной политики в современных политических системах	241

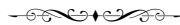

<i>Попова О.В.</i> Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)	252
<i>Телин К.О.</i> Стабильность политических систем: динамика и идентификаторы	264
<i>Тимофеева Л.Н.</i> Взаимный контроль государства и общества как условие устойчивости политической системы	269
<i>Усманов Р.Х.</i> Демократизация партийных организаций как фактор устойчивости современных политических систем	278
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Факторы устойчивости и потенциал трансформации российской партийной системы	286
<i>Юрченко В.М.</i> Формирование научного обеспечения решения проблем национальной и региональной безопасности России: опыт проведения Столыпинских чтений в Кубанском государственном университете	295
<i>Юрченко Н.Н.</i> Политические ресурсы антикризисного управления: поиск эффективных практик в публичном пространстве	301

СЕКЦИЯ № 4

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

<i>Буду А.</i> К устойчивости политических систем: ключевая роль справедливой политики распределения доходов (на англ. яз.)	308
<i>Беспалов С.В.</i> Административная реформа как механизм адаптации системы государственного управления к социально-экономическим условиям	322
<i>Кадочников А.Н., Сафонова О.Д.</i> Экологические аспекты устойчивости политических систем: мульти-дисциплинарный подход (на примере Великих озер Европы)	330
<i>Кострикина А.А.</i> Роль советской элиты в судьбе СССР и роль современной элиты в политической стабильности РФ	338
<i>Кузнецов А.М.</i> Некоторые общие проблемы теории и методологии анализа воспроизводства политических систем	345
<i>Смирнов В.А.</i> Политические элиты малых стран: к вопросу о внешних факторах	354
Об авторах	359

Contents

<i>Yakunin V.I.</i> Stability of political systems under conditions of developing world crisis	3
--	---

SECTION No. 1

VALUE-BASED CULTURAL AND LEGAL ASPECTS OF STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS

<i>Abramova M.G.</i> New Left-wing Regimes: On the Question of New Mechanisms for Establishing Political Stability	27
<i>Bogdanov A.V.</i> Problems of Formation of Political Identity and Value Orientations of Modern Russian Youth in XXI Century: Mismatch of Scientific Positions	39
<i>Goncharov I.A.</i> The discourse “after virtue” in the political transformation context	44
<i>Gutorov V.A.</i> Modernization as the factor of sustainable development: some theoretical problems	48
<i>Zavershinskiy K.F.</i> Political memory as a presupposition and condition for the stability of modern political systems	57
<i>Zemmour E.</i> Change of values as a factor of political tempest: European experience for Russia	65
<i>Ivanova M.G.</i> Transformation of National Soft Power Policy of Russia in Conditions of Increasing Political Instability	72
<i>Iljin A.Yu.</i> Problems of reproduction of values of political and legal culture as factors of stability of political system	80
<i>Nekhay R.Sh.</i> The military and historical museum as an institute of historical memory — a basis of social stability and integrity of the Russian society	86
<i>Posrednikov D.V.</i> Crisis of the Ukrainian statehood: valuable aspect	98
<i>Svetlov R.V.</i> Constantine the Great and Peter I: images of the past in the experience of the formation of a stable political system	101
<i>Yurchenko I.V.</i> Analytical axiology of a multiethnic region (on materials of the South of Russia)	109

SECTION No. 2

POLITICAL LEADERSHIP AND STABILITY
OF POLITICAL SYSTEMS IN THE MODERN WORLD

<i>Byshok S.O.</i> National policy and political sustainability in Russia	116
<i>Vashchenko A.V.</i> Crisis of the «global governance» system: causes and consequences	124
<i>Efanova E.V. Bogapova A.V.</i> Populist discourse in the Russian Internet space	133
<i>Zhantiev D.R.</i> Syrian-Iraqi conflict zone: prospects of stabilization	136
<i>Kazarinova D.B.</i> Valuable and political projects and geopolitical subjectivity in the modern world	138
<i>Kuznetsov I.I.</i> Stability of modern political systems under conditions of world crisis dynamics and transformation of democracy	149
<i>Mutagirov D.Z.</i> Recognition of States as a factor of their legitimacy and stability	171
<i>Prorokovic D.N.</i> Multipolarity and ideological rivalry as a guarantor of stability of world political system	179
<i>Radikov I.V.</i> The Russian daily occurrence at the end of XX — beginning of the XXI century: effects and influence on political stability	183
<i>Ryzhov I.V.</i> Political leadership and its impact on negotiation process of the Palestinian problem under current conditions	193
<i>Shenin S.Yu.</i> Influence of groups of interests in G.W. Bush's administration on formation of the American-Russian relations	202

SECTION No. 3

STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS:
INSTITUTES AND TECHNOLOGIES

<i>Baranov N.A.</i> Political system of modern Russia in the context of sociocultural changes	211
<i>Volodenkov S.V.</i> Technologies of Internet communication as instrument of destabilization of national political regimes	221
<i>Dontsev S.P.</i> The model of secularism in modern Russia as a factor of stability of political system	233
<i>Miroshnichenko I.V.</i> Formation of cross network public policy in modern political systems	241
<i>Popova O.V.</i> Factors of political stability in Russian metropolis (by the example of St. Petersburg)	252
<i>Telin K.O.</i> Stability of political systems: dynamics and identifiers	264

<i>Timofeeva L.N.</i> Mutual control of the state and society as a condition for the stability of political system	269
<i>Usmanov R.H.</i> Democratization of parties as a factor of stability of modern political systems	278
<i>Shashkova Ya.Yu.</i> Factors of stability and the potential capacity for transformation of the Russian party system	286
<i>Yurchenko V.M.</i> Formation of scientific support in solving of the problems of national and regional security of Russia: experience of carrying out the Stolypin readings in the Kuban State University	295
<i>Yurchenko N.N.</i> Political resources of crisis management: looking for the effective practice in public space of politics	301

SECTION No. 4

SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF STABILITY OF POLITICAL SYSTEMS

<i>Boudou A.</i> Towards sustainable political systems: The key role of equitable income distribution policies	308
<i>Bespalov S.V.</i> Administrative reform as a mechanism of adaptation of public administration system to social and economic conditions	322
<i>Kadochnikov A.N., Safonova O.D.</i> Ecological aspects of stability of political systems: multi-disciplinary approach (on the example of the Great Lakes of Europe)	330
<i>Kostrikin A.A.</i> The role of the Soviet elite in destiny of the USSR and role of modern elite in political stability of the Russian Federation	338
<i>Kuznetsov A.M.</i> Some common problems of the theory and methodology of the analysis of reproduction of political systems	345
<i>Smirnov V.A.</i> Political elites of small states: on the question of external factors	354
<i>About the authors</i>	359

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Санкт-Петербург, 28–30 января 2016 г.

Под редакцией С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова

Научный редактор *З.Н. Осадченко*; верстка *Л.В. Тарасюк*.

Подписано в печать 12.12.2017. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 23,0. Тираж 500 экз. Изд. № 11134. Заказ № 4138. Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15. (ул. Академика Хохлова, 11). Тел.: (495) 939-32-91.

Отпечатано с электронного оригинал-макета, предоставленного издательством, в АО «Рыбинский Дом печати» 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8. E-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru